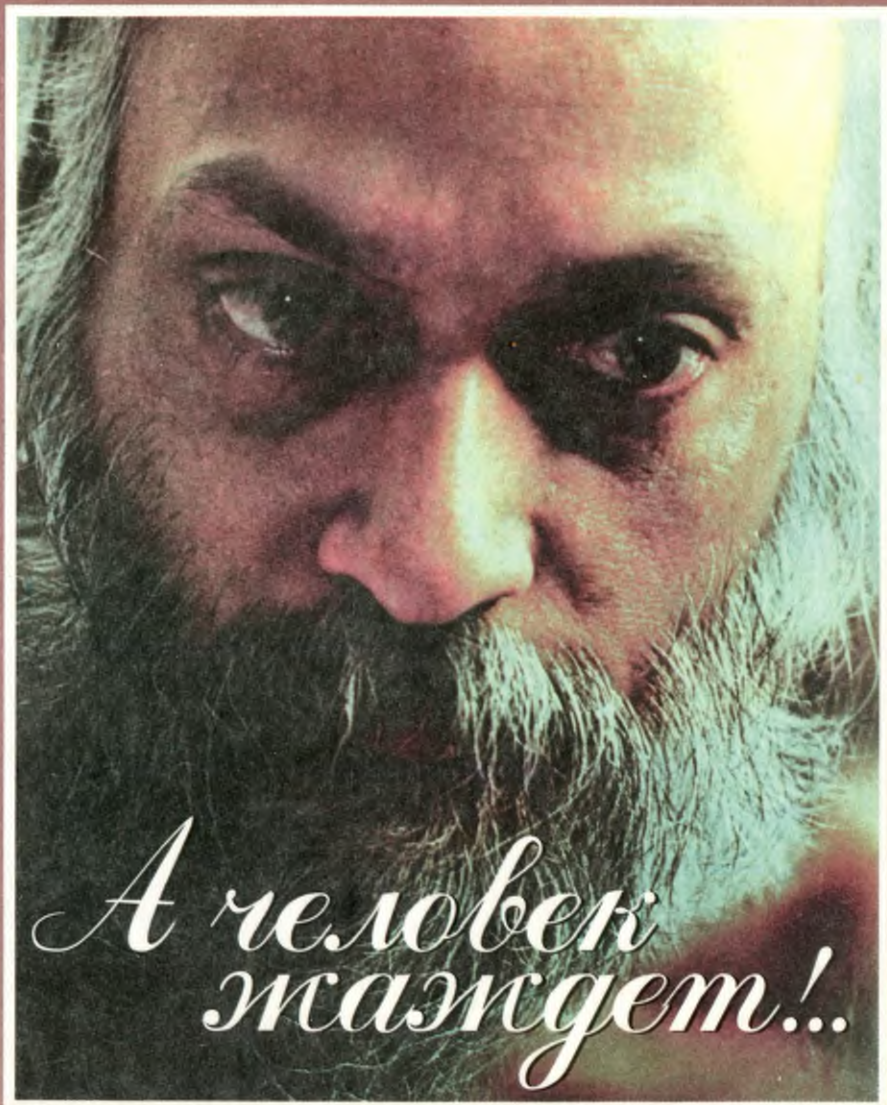

ОШО

*А человек
жаждет!..*

Москва
2000

Перевод с английского
С. Е. Зенин

Корректор
В. П. Бязрова

Компьютерный набор
Т. Н. Кузнецова

Компьютерный макет и верстка
А. Н. Куликов

ОШО. ...А человек жаждет!.. — М., 2000. — 288 с.

ОШО Раджниш — великий просветленный мастер XX века. Его вклад в эволюцию человеческого духа и сознания просто бесценен. Среди жемчужин мудрости, оставленных им, — не только медитации, но и беседы, проведенные Бхагваном по многим направлениям духовной жизни, материализовавшиеся в виде книг.

© Зенин С. Е., перевод, 2000

Рыба в море не чувствует жажды

*15 бесед, данных Бхагваном Шри
Раджнишем по «Песням» Кабира*

Пятнадцать бесед, основанных на «Песнях» Кабира и вопросах учеников, данные Бхагваном Шри Раджнишем с 11 по 25 апреля 1978 года в Шри Раджниш Апраме города Пуна, Индия.

Предисловие

Как можно рассказать что-то о человеке, который в своей жизни достаточно рано перестал быть человеком? Вот вопрос! Бхагван Шри Раджниш — просветлённый. Это значит, что он познал истину — тот источник, из которого вышел весь мир, которым мир и является. Познал то, что он и является этим источником, как и все мы, до времени не знающие этого. Что Мир един, и только наш ум («язык», как сказано в Библии) разделяет нас на части. И познав это, он получил невысказанную свободу — свободу быть самим собой, своей собственной природой. Это подобно тому, как если бы существо, жившее в двумерном пространстве, получило бы возможность выйти в трёхмерное, с той лишь оговоркой, что человек живёт не на плоскости, а на прямой — прямой времени. Как объяснить существу двумерного мира всю красоту, величие, необъятность и свободу трёхмерного? Получив этот опыт, Бхагван Шри Раджниш стремится в сострадании поделиться им со всеми людьми, чтобы они могли реализовать свою истинную природу и освободиться от мук жизни в невежестве своей отчужденности, невежестве своего ума. Чтобы они нашли жизнь вечную, не ограниченную ничем — ни рамками тела, ни узостью ума, и слились с безмерностью её потока.

Таких людей было и есть много — не в процентном отношении, а в количественном. Каждый по-своему помогал человечеству. Но работа Бхагвана Шри Раджниша совершенно уникальна. Само появление такого учителя знаменует выход человека на качественно новую ступень развития, открывающуюся перед ним. Бхагван соединил воедино дух и суть всех путей и религий. Если раньше люди разных путей не понимали друг друга и даже чувствовали друг к другу некий антагонизм, то Бхагван соединил ароматы всех путей просветления и дал возможность человеку питаться сразу ото всех корней. Он создал новую религию — религию синтеза, религию сути, которая говорит, что суть всех религий одна, так же, как и истина только одна, как мир только один, и лишь наличие разных психотипов сознания человека определяет разные подходы к его совершенствованию. Он изучил все эти подходы и наиболее широко раскрыл их для современного сознания. Он создал религию новой эпохи, призванную создать нового человека, человека следующего этапа.

Сама эта книга — о древнем просветлённом поэте Кабире, который, как и Бхагван, был носителем небесных ароматов нескольких великих религий: суфизма — легенды Востока, и индуизма, чей мистический свет расстился по всей Индии, которые никак не противоречили в его существе, но только прибавляли ему силы и славы. Так что, если вы почувствовали аромат свободы, пчела вашего сердца может отправляться собирать нектар со всех цветов того поля — нектар, который станет мёдом.

С.

Введение

Кабир был редким человеком, позволившим ясному лучу реальности неискаженно светить чрез его существо. У него не было своей точки зрения. В существовании не нашлось условий, преграждающих в нём этот поток. Песня вечности обрела в нём уникальный голос. Он пел поэмы любви к жизни такой внутренней чистоты, что его слова распутывают кажущиеся парадоксы, с которыми мы сталкиваемся в поисках смысла. Его дар позволяет нам разделить песнь его души.

Сегодня, находясь рядом с простым мраморным надгробьем Свами Дева-тирхта Бхарати, отца Бхагвана Шри Раджниша, песнь мудрецов доносится отовсюду. Бамбук вздыхает и шуршит на легком ветру. Кукушка возносит свой удивленный зов к небу. Ворона хрипло выкрикивает свой рассказ. Ветви пальмы восхитительно трепещут, отбрасывая мерцающий узор прохлады вокруг. Крошечные жёлтые мотыльки бесшумно изящно порхают, занятые своими делами. Сверкают вспышки цвета насекомых, вовлеченных в божественный танец взаимосвязанности.

В этом безбрежном океане жизни только человек томим жаждой. Он один чувствует себя отчуждённым от целого. Ум захватил трон индивидуальности и установил ложные правила: идею отчужденности, эго. Голова смотрит на жизнь глазами, ослеплёнными фальшивой перспективой двойственности, и удивляется тому, как всё пусто и безжизненно. Но сердце поёт песню вечности глухим ушам и жаждет океана целостности.

Наша цивилизация — это памятник уму. Наши жизни — эхо его безрассудной лжи. Мы лишены богатства того, что есть сейчас, из-за блестящих обещаний на завтра. Этот целый, вибрирующий, трепещущий океан жизни держит нас в своих ладонях, но всё же, мы одержимы идеей отчужденности. Нежная песня сердца тонет в шуме головы. Но и в наши редкие моменты безмолвия сердце продолжает петь свою едва различимую мелодию. Так сеется зерно жажды. Бессмысленность шарады жизни, так хорошо нам всем знакомая, усиливает эту страсть в активное искание. Этим искателям, остро осознающим свою жажду, Кабир протягивает руку. В бесплодную пустыню ума песнь вечного доносится голосом Мастеров.

В этот самый момент Бхагван Шри Раджниш поёт — экстатично, восторженно, всем своим существом. В наше, очернённое возможностью глобального разрушения время, этот трубадур запредельно поёт песню сердца, в её абсолютной чистоте. Полностью просветлённый мастер изливает свет в мрачную крепость нашего эго. Он стоит у двери в вечность, делая зовущий знак, с глазами, полными любящего сострадания, и сердце пьянеет от обещания, на возможность которого они указывают.

Это достаточно большая редкость для человеческого существа — стать просветлённым, то есть действительно отказаться от своих обусловленных мнений об идентичности. Ещё большая редкость — просветлённому существу стать Мастером: быть способным помочь вам и мне разделить его свободу. Сегодня здесь, в Пуне, такой человек — Бхагван Шри Раджниш, живой, замечательно, потрясающе живой.

Рыба в море не испытывает жажду, но вы, осознанно или нет, просто непременно жаждете. Приходите, чтобы разделить, и участвуйте, пока это доступно...

*Любовь
Свами Деваджит
Май 25, 1980*

Глава 1

Но человек жаждет

Я смеюсь, когда слышу, что рыба жаждет в воде.

*Вы не осознаёте тот факт, что наиболее жизненно важное
из всего — внутри вашего дома;
А вы всё идёте со смущённым взглядом
от одного святого города к другому!*

*Кабир скажет вам истину: идите, куда вам нравится, —
в Калькуту или Тибет;
Но если вы не можете найти, где спрятана ваша душа,
Для вас мир никогда не станет реальным!*

Я не знаю, о каком рода Боге мы говорим.

*Зовущий в сумерках зовёт во весь голос Всевышнего.
Почему? Несомненно Всевышний не глух.
Он слышит изящные бубенцы, звенящие
на ногах насекомых, когда они ходят.*

*Крутите снова и снова ваши чётки, рисуете странные знаки на ваших лбах,
Носите ваши волосы путанными, длинными и показными,
Но когда внутри вас заряженная пушка,
Как вы можете содержать в себе Бога?*

Но человек жаждет

Рыба в море не жаждет, но человек жаждет. Человек живёт в Боге и абсолютно не сознает этого. Человек рождён в Боге, дышит в Боге и однажды растворится в Боге. *Человек является Богом*, сделан из материала называемого Бог, и всё же совершенно не воспринимает этот факт.

Рыба в море не жаждет, а человек жаждет. Бог — это море: Бог окружает нас внутри и снаружи. Всё, что существует, — божественно, Бог — не личность: Бог — это присутствие, разливающееся везде во всех направлениях. Великолепие, красота существования, блеск, величие, чудесность, таинственность — всё очарование жизни есть Бог.

Богу не нужно поклоняться: Бог должен быть прожит. И чтобы пережить Бога, вам не нужно никуда идти — вы уже в нём. Чтобы прожить Бога, вам не нужно культивировать никакой характер, репутацию, личность. Бог уже случился. Он ваше сознание.

Чтобы жить Бога, вам нет нужды становиться индуистом, мусульманином или христианином — вы уже в нём, он уже в вас. Это не вопрос будущего. В *этот* самый момент Бог изливается на вас. Но вы закрыты. Он пришёл, но вы не принимаете его. Он стучит в вашу дверь, но вы не слышите его. И он стучал издавна, веками.

Старая библейская история: когда Адам ослушался Бога, он был очень испуган. Бог пришёл искать его. В страхе Адам спрятался за куст, только чтобы скрыться от Бога. У него не хватило храбрости посмотреть Богу в лицо, встретиться с ним. И история говорит, что Бог звал в Эдемском Саду: «Адам, где ты?»

Адам слышал, но не отвечал.

Это не просто история, это не то, что случилось когда-то в прошлом: это то, что случается с *каждым* из вас. Бог зовёт вас, но вы или не слышите, или если даже иногда слышите, то не отвечаете. Вы прячетесь! Вы прячетесь от истины о вашем собственном существе; вы прячетесь от себя. Вы не хотите увидеть ваше подлинное лицо: Бог ваше подлинное лицо. И пока вы не увидите своё подлинное лицо, вы будете жить в страдании.

Страдание есть не что иное, как продолжение игнорирования своего собственного существа. Быть бдительным, осознающим всё, что было дано вам, быть осозанным по поводу всего, что было даровано вам, осознавать все сокровища, спрятанные в вашем существе — значит быть блаженным.

Человек — очень странное, наистраннейшее животное на Земле. Нет других животных, живущих в такой муке — даже деревья гораздо более блаженные существа, даже у камней больше сердца, чем у человека. Они в гармо-

нии с Богом, т.е. в гармонии с тотальностью, с целостностью. Человек потерял связь. Человек — сломанный мост.

Почему так случилось? Это должно быть понято. Это произошло едва не со всеми. Только изредка появлялись люди, которые воссоединили себя с Богом, такие, как: Иисус, Будда, Кабир, но только изредка. И они столь немногочисленны, что в них невозможно поверить.

Люди продолжают говорить об Иисусе, Будде, Махавире, Заратустре, Мохамеде, но глубоко внутри они сомневаются в самом их существовании. Они *должны* сомневаться! Ничего подобного этому с вами не случилось. Вы не пробовали никакого нектара, о котором они говорят. Ваша жизнь просто горечь, ваша жизнь тошнотворна, ваша жизнь просто болезнь, а они говорят о целостности и здоровье, об огромном блаженстве и вечном мире... Вы не знаете ничего об этих вещах!

У вас лишь опыт отравленной жизни, отравленной души. Ваш жизненный опыт настолько противоположен тому, о чём говорят эти несколько человек, — как вы можете верить в них? А вас большинство. Миллионы и миллионы поддержат ваш опыт того, что жизнь есть ад.

А Кришна на своей флейте поёт песни божественного, песни о запредельном. И Кабир поёт песни невероятного! Вы можете слушать из вежливости, вы можете ничего не сказать из-за приличия; или, может быть, просто само присутствие кого-нибудь, подобного Иисусу, Кабиру, Баязиду, столь очарывающее, столь прельщающее, в нём такое обаяние, что оно берёт верх над вами, вы становитесь немые, вы не можете сказать «нет». Но то, что вы не говорите «нет», ещё не значит, что вы говорите «да». Это две совершенно разные вещи.

Не сказать «нет» — одно дело, и сказать «да» — совершенно другое явление. То, что вы не скажете «нет», не изменит вас. «Нет» будет оставаться в вас — молчаливое, невысказанное. «Нет» будет окружать вас подобно прозрачной оболочке. Вы можете не видеть её, вы способны смотреть сквозь неё, но она вам не позволит встретиться и слиться с существованием, пока вы не будете готовы сказать «ДА»! Это простое слово «да» содержит все религии; все Веды, Библии и Кораны содержатся в одном слове «да».

В этом значении слова, используемого у христиан, иудеев и мусульман, для завершения их молитв, — *амен*. *Амен* значит: «Да, Господи, да — я говорю тебе абсолютное «да»».

Вы не можете возражать Кабиру — трудно возражать такому человеку, как Кабир. Его присутствие так весомо; его глаза, его аромат гипнотизируют. Даже если вы хотите возразить, вы не сможете. Но возражение останется. И однажды Кабир умирает, Иисус умирает, возражения выходят наружу, «нет» вышло на поверхность, и формальное молчание обнаруживает своё бессилие.

Люди ходят в церкви, храмы, мечети, и всё это — формальность. Это не что иное, как «воскресная религия». Это социальный феномен, лично их это не интересует, они не вовлечены. Они не ходят в церковь или храм, чтобы трансформироваться. В храм ходят из-за светских интересов; это что-то

вроде клуба — вы можете назвать это религиозным клубом, где люди могут встретиться, посплетничать, поболтать. Это место для встреч, но не место для встреч между вами и Богом. Предполагается, что так должно быть, но этого нет.

Вы идёте в храм с пустыми руками и возвращаетесь с пустыми руками. Там ничего не случилось. Это не может произойти таким образом. Богу нужна сдача, вовлечённость; Богу требуется ваша целостность, ваша включённость, ваше «да».

И когда вы говорите «да», без ноты сожаления, без условий, когда «да» безусловно и говорится не по принуждению, а спонтанно бьёт ключом внутри вас, оно несёт потрясающую красоту и потрясающую силу. Сам огонь этого трансформирует вас из неблагородного металла в золото, ординарное человеческое существо в незаурядную божественную сущность.

Но помните, ваше «да» не должно исходить ни из какого вида принуждения, физического или психического. Кто-то христианин, потому что он с самого детства был принужден быть христианином, и кто-то иудей, потому что он с самого начала был принужден быть иудеем. Происходит огромное психологическое обуславливание. Дети эксплуатируются, дети принуждаются быть индуистами, джайнами, буддистами. Родители даже не осознают, что они делают со своими детьми: они предотвращают то, что их дети когда-либо станут религиозными. Да, это то, что они делают со своими детьми. Во имя религии они отравляют их невинные души. Они думают, они могут даже верить, что они помогают своим детям в отношении Бога. Истина как раз в противоположном: они создают огромный барьер.

Раз человек сказал «да» по принуждению, раз человек согласился, потому что он был вынужден согласиться, вы разрушили его способность говорить когда-либо «да» спонтанно. Теперь он будет говорить «да», только когда он будет принуждён.

Дети беззащитны. Они полагаются на вас, они не могут выжить без вас — вы можете эксплуатировать их уязвимость, вы можете эксплуатировать их беззащитность. И это то, что делается на земле веками. Отсюда так много разговоров о Боге, и вы не можете увидеть Бога нигде; так много разговоров о религии, теологии и ничего в реальности.

Каждый каким-то образом религиозен — кто-то индуист, кто-то мусульманин, кто-то христианин — и никто не религиозен на самом деле. Мы создаём фикции о религиозном бытии, и эти фикции так дешёвы и так легко доступны, кто в таком случае отправится в авантюру поиска и исследования Бога? Это трудно. Искатель должен рисковать — он должен рисковать своим эго, а это *наиболее* трудная вещь в жизни.

Пока человек не будет готов растворить своё эго, рыба останется жаждущей. Растворите эго и вся жажда исчезнет, так как в тот момент, когда вы его растворите, стена между вами и океаном исчезнет; тогда вы часть океана. Как вы тогда можете жаждать?

А человек несомненно жаждет! Голодает, в глубоком мучении. Он живёт очень фальшивой жизнью, не настоящей, не аутентичной. Только делает вид,

что живёт, но не живёт на самом деле. Он проделывает все пустопорожние жесты жизни, но посмотрите на людей — посмотрите на себя, посмотрите на других, вы не увидите танца. Люди волочатся, жизнь кажется ношей, огромной ношей, которую кое-как терпят. Жизнь — не праздник; это только то, чем она должна быть.

В вашей походке нет качества танца. Ваше сердце не трепещет с иступлённым восторгом. Вы не пульсируете и не вибрируете в радости и любви. Вы не переполняетесь энергией. Что это за жизнь? Просто хождение снова и снова по кругу, мёртвая, тупая, глупая рутина. Просто ожидание того, что завтра что-то произойдёт... и завтра никогда не приходит, и ничего никогда не случается. Ожидание Годо, и Годо никогда не приходит. Вы продолжаете ждать и ждать, и всё, что когда-либо приходит, — это смерть.

Но жизнь так убога, что смерть воспринимается, как облегчение. Жизнь столь пуста, что трудно найти человека, который рано или поздно не задумывался бы о совершении самоубийства. Жизнь столь пуста, что мы продолжаем держать себя занятыми *любой* чепухой, просто чтобы оставаться занятыми и не увидеть этой пустоты, внутреннего вакуума, внутренней темноты.

Просто посмотрите, и вы увидите, что человек живёт в огромном мучении, беспокойстве. Человек уже в аду. Когда меня кто-то спрашивает: «Бхагван, вы верите, что есть ад?», — я всегда отвечаю: «Это не вопрос веры — вы в нём живёте». По поводу ада не может быть сомнений, по поводу неба — да, но не по поводу ада. Ад — такая повседневная реальность! Но почему? Почему это должно быть так? Почему, в первую очередь, так происходит? Мы должны будем понять нечто особенное о человеческих существах.

Человек единственное животное на земле, фактически во всём существовании, кто дуален, двойственен. Другие животные не двойственны: они то, что они есть, поэтому проблем нет. Тигр — это тигр, и павлин — это павлин, собака — это собака. С человеком нечто совершенно особенное. Слава человеку, если мы это понимаем. Если мы не понимаем этого, это становится агонией.

Человек не то, что он есть: он должен быть больше. Человек не закончен: человек — это рост, развитие. Человек единственное растущее существо в существовании, единственное эволюционирующее существо. Человек — это потенциал и многое должно осуществиться в нём. Пока вы не начнёте трансформировать своё потенциальное в актуальное, подлинно существующее, ваша жизнь будет оставаться пустой. Зерно пусто. Если зерно останется зерном, оно будет оставаться несчастным; оно не почувствует радость осуществления, удовлетворение, приходящее, когда зерно становится деревом, и дерево расцветает.

Человек зерно — зерно Бога. Когда человек цветёт, проявляется Бог. Вот почему мы называем Будду «Бхагван», Махавиру, Кришну — «Бхагван». Это просто значит, что их зёрна уже больше не зёрна; зёрна исчезли в почве существования, и они пришли к их предельному цветению. Религиозность расцвела в них. Стал истекать аромат божественности. Они осуществились,

предельно осуществились. Они счастливы, так как вернулись домой. Теперь некуда идти.

Человек — единственный из животных незаконченный продукт. Природа приносит человека в определённую точку, и с этого момента человек становится ответственным. Теперь вы ответственны за свой рост. Природа не может сделать ничего больше; всё, что было возможно через природу, уже случилось — она принесла вас к порогу. Теперь вы должны выбрать дальнейший рейс, принять дальнейшее путешествие; вы должны стать пилигримом.

Если вы не станете пилигримом, если ваша жизнь не примет качества приключения, поиска, исследования, вы останетесь пустыми — и будете оставаться жаждущими, голодными. Вы останетесь духовно голодными. Не принимайте себя за нечто определённое — это проблема, по сути, это основной вопрос проблемы: мы принимаем себя как само собой разумеющееся, мы думаем, что мы являемся тем, что мы предполагали.

Человек — это парадокс. Человек есть не то, что он о себе думает — он гораздо большее. Человеческие возможности безмерны. Фактически, нет пределов человеческому росту. Рост может продолжаться, продолжаться и продолжаться... Это бесконечное путешествие. Цели нет! Есть начало странствия, но конца нет.

Знать Бога — это знать, что жизнь вечное паломничество. В этом значении того, что мы говорим, что Бог бесконечен. Вы можете продолжать достигать, но вы никогда не можете сказать, что достигли полного, мёртвого предела.

В этом красота существования — она даёт вам больше и больше возможностей. Когда вы вскарабкались на один пик, новый пик бросает вам вызов.

Несчастье человека в том, что он думает, будто он есть то, что он предполагает. Он думает, что он уже то, чем может быть. Человек остаётся удовлетворённым поверхностным, тогда как в вашей душе остаётся глубокая неудовлетворённость. Вот что пытается сказать Кабир.

Кабир — один из величайших революционеров, которые когда-либо были на земле. Его понимание имеет величайшую ценность. Если вы сможете проникнуться его прозрением, вы будете обогащены — будете обогащены сверх всех ожиданий.

Я смеюсь, — говорит Кабир, — когда слышу, что рыба жаждет в воде.

Он говорит о вас, не о рыбе — вы рыба. Кабир говорит: «*Я смеюсь...*» Будда всегда смешно.

Рассказывают, что Хотей, японский Будда, известный как смеющийся Будда, в тот день, как он стал просветлённым, он начал смеяться и затем никогда не останавливался. Он жил много лет; ходил смеясь от города к городу, от рыночной площади к рыночной площади. Он, бывало, останавливался на базаре и его смех был таким захватывающим, заразительным, что люди собирались и начинали смеяться. И смех продолжал распространяться... и вскоре в это была вовлечена вся деревня.

Люди часто спрашивали Хотей: «Каково твоё послание, миссия, проповедь?»

Он отвечал: «Смех — моя миссия».

Люди спрашивали его: «Почему ты так много смеёшься?»

Он отвечал: «А что мне остаётся делать? Человек такой нелепый, такой абсурдный!»

Это то же, что говорит Кабир:

Я смеюсь, когда слышу, что рыба жаждет в воде.

Жизнь окружает вас со всеми её радостями, с огромными возможностями и перспективами. А вы продолжаете кричать и стелать! Ваше мучение продолжает с возрастом углубляться. Дети могут смеяться, но чем старше вы становитесь, тем больше смех исчезает. И когда вы смеётесь, это фальшиво, как будто нарисованная улыбка. У неё нет корней в вашем сердце.

Как люди стали такими серьёзными? Они знают, что они что-то упустили. Они знают, что жизнь выскользает из их рук. Они знают, что так не должно было быть, но это так — они несчастны. И когда достигает кто-то, подобный Кабину, он обязан смеяться.

Если бы рыба пришла к вам и сказала: «Я жажду», что бы вы стали делать? Почувствуете ли вы какую-либо симпатию к рыбе? Почувствуете ли вы какое-то сострадание к ней? Будете ли вы просто смеяться и скажете: «Если ты чувствуешь жажду, тогда ты просто тупица. Зачем ощущать жажду! Ты уже в море. Почему ты должна чувствовать жажду?»

Человек в мучении, огромном мучении. Мы продолжаем прятать это, так как какой смысл выносить это для других? Никто не может помочь. Мы продолжаем нести тёмную ночь в нашем существе, великий беспорядок, великую боль, великую рану. Мы продолжаем скрывать! Бессмысленно кому-то говорить, никто не может помочь. Лучше не говорить о ранах, что вы несёте в своих душах; лучше забыть обо всех этих ранах.

Вот почему средствам опьянения (intoxicants) веками предавали такое значение. Не было времени, когда то или иное не использовалось бы человеком, чтобы забыть свою внутреннюю рану, забыть тот абсолютный бред, который мы сотворили из своей жизни. Люди продолжают выступать против алкоголя, против наркотиков, но они не понимают психологического механизма, стоящего за ними. Просто выступление против наркотиков не сможет предохранить людей. Вы можете легализовывать, вы можете запрещать, но, тем не менее, средства опьянения будут использоваться.

Пока человек не станет счастливым, они не будут предотвращены. Если человек живёт в несчастье, ему будет нужно что-нибудь, чтобы забыть своё несчастье. Иначе это будет слишком! В действительности, моё собственное понимание таково: если бы все наркотики и все опьяняющие средства были бы просто изъяты из существования, люди немедленно бы сошли с ума. Весь мир стал бы сумасшедшим домом.

Люди как-то поддерживают себя в норме. Они пьют алкоголь, и на следующие несколько часов они могут забыть мир и несчастье, которое мир принёс им; они могут забыть самих себя. Могут потеряться в забвении. Они

совершенно прекрасно знают, что это ничего не изменит. Но в тот момент кажется, что ничего и не нужно менять. По крайней мере, на несколько часов можно забыть всё об этом.

Опьяняющие средства исчезнут из мира, только когда медитация станет всемирно распространённым феноменом, когда каждый отдельный индивидуум создаст некую медитативность в своём существе, когда каждый отдельный индивидуум осознает: «Нет необходимости быть несчастным. Несчастье создано мной. Жизнь не страдание: природа жизни — счастье. Это из-за *моей* тупости, я создал из неё несчастье».

Несчастье нуждается в огромных усилиях, счастье естественно — вы не можете создать счастье, вы можете создать только несчастье. И если вы не создаёте несчастье, счастье приходит само собой. Счастье приходит естественно, безуспешно — вы не можете его практиковать. Но для несчастья вы должны приложить огромные усилия, и вы *прилагаете* огромные усилия, чтобы оставаться несчастными. Вы слишком много вложили в ваше несчастье.

Кабир прав; он говорит: «Я смеюсь...» Кажется немного жестоким, безжалостным, что такой человек, как Кабир, мог сказать:

Я смеюсь, когда я слышу, что рыба жаждет в воде.

Это не жестоко и не безжалостно. Это просто так, как должно быть. Всем Буддам смешно. Они могли говорить об этом, могли не говорить. Хотей смеялся публично, Гаутама Будда, очевидно, смеялся про себя, но смех должен был быть.

Я говорю так, потому что это так же и моё собственное переживание. Когда вы, со всем вашим несчастьем, приходите ко мне, я слушаю очень сочувственно — я не смеюсь. Но глубоко внутри есть смех. Я слушаю очень терпеливо и очень внимательно... Я не хочу обидеть вас, я не хочу быть с вами неучтивым. Но если хотите знать правду, то действительность такова, что вы просто показываете, как вы нелепы, как вы глупы.

И Бог не ответственен за вашу глупость. Это ваша собственная работа. Бог создал каждое человеческое существо с огромным интеллектом. Загляните в глаза детей: все дети разумны. Очень трудно найти тупого ребёнка. Если вы сможете найти глупого ребёнка, это просто значит, что он уже стар.

Дети настолько переполнены интеллектом! Куда весь этот интеллект исчезает? Что с ним случается? Общество против интеллекта; общество не хочет, чтобы вокруг были умные люди. Умные люди кажутся обществу опасными.

Обществу нужны глупые люди, потому что глупыми людьми легко управлять, их легко подавлять, ими легко манипулировать, легко распоряжаться. Глупые люди послушны — даже когда послушание грех, они послушны. Глупых людей можно заставить стать машинами, и обществу нужны машины, а не люди. Общество не заинтересовано в вас, оно заинтересовано в вашей производительности. А машины, разумеется, более производительны, чем человек. Машина — это шаблон, и человек должен следовать шаблону. Делайте человека более, более и более тупым и он будет больше и больше

становиться машиной. Он будет исполнительным клерком, исполнительным начальником железнодорожной станции, исполнительным учителем в школе, хорошим сборщиком налогов — но не разумным.

Если он умён, он скорее всего не будет клерком вообще; он не сможет тратить свою жизнь на написание глупых документов, собирание мусора в папки. Он, наверное, будет более уважительным в отношении своего существа. Скорее всего, он выберет какой-нибудь другой образ жизни. Он не будет просто помощником сборщика налогов. Как можно умного человека попросить стать просто полицейским? Невозможно! И где вы будете искать тысячи и тысячи для ваших армий? Умный человек не скотина; умному человеку нельзя приказывать делать глупые вещи. Они скажут: «Нет!»

Только подумайте: человек, который сбросил атомную бомбу на Хиросиму, если бы он был умным, он просто сказал бы: «Нет!» Даже с риском для своей собственной жизни, он бы сказал нет. Он бы сказал: «Если вы хотите убить меня, убейте, но я не стану убивать сотни тысяч людей. Они ни в чём не виноваты. Они — невинные гражданские: маленькие дети, пожилые люди... Они не ответственные за войну! Они не были её причиной. Почему я должен сбрасывать атомную бомбу? Лучше умереть, чем убить сотни тысяч человек».

Если бы этот человек был умным, он немедленно бы сказал «нет». Но он, должно быть, был абсолютно тупым: он сбросил атомную бомбу и спокойно спал ночью. Его сон не был расстроен.

Утром, когда его спросили: «Как вам спалось ночью?», — он сказал: «Разумеется, я спал хорошо! Я выполнил мой долг, я закончил свою работу, и затем я прекрасно спал ночью. Всегда, когда я отлично выполняю свои обязанности, я хорошо сплю».

Сто тысяч человек сгорели за пять секунд, и даже ночного кошмара не случилось с этим человеком? Просто подумайте: мы, должно быть, полностью разрушили его интеллект, низвели его до машины. У машин нет никакой совести, никакого сознания, у машин нет никакого сердца. И обществу нужны машины, всё более и более эффективные машины. Поэтому университеты продолжают низводить людей до тупиц. Если вы BA (Bachelor of Arts — бакалавр гуманитарных наук США. — *Прим. пер.*), это значит, что у вас есть сертификат, о том, что вы потеряли большую часть вашего интеллекта. Если вы MA (Master of Arts — магистр гуманитарных наук: вторая ступень высшего образования; BA — первая. — *Прим. пер.*), вы потеряли ещё больше; если вы PhD (Doctor of Philosophy — доктор философии. — *Прим. пер.*), то это предел! Вы безнадежны.

Говорят, что когда Генри Сороу вернулся из университета, пожилой человек из его деревни пришёл с ним увидеться и был очень удивлён. Видя его очень озадаченным и удивлённым, Сороу спросил: «Почему вы выглядите таким озадаченным? Что вас так удивило?» Он сказал: «Я очень удивлён, потому что вы в самом деле сделали огромное дело: вы сохранили ваш интеллект, несмотря на то, что были в университете. Вы всё равно кажетесь умным! Это очень редко случается: улизнуть из университета сохранив свой

ум — потому что весь механизм образования направлен на то, чтобы сделать вас механичным, механистическим».

Миру необходимо новое образование, которое сделает вас более осознанным, а не более эрудированным, которое сделает вас более любящим, а не более логичным. Логика хороша, если любовь остаётся хозяином, тогда логика хороший слуга. Но логика не должна быть хозяином, и любовь не должна быть слугой.

Эрудиция хороша, если сознание продолжает властвовать. Но если властвует эрудиция, если господствует голова, тогда сердце убито, уничтожено.

Обществу не нужны умные люди, поэтому оно создало обусловленности (conditioning — психологическая обработка с использованием условных рефлексов и внедрением установок в психику человека. — *Прим. пер.*) — социальные, религиозные, политические, образовательные — огромная психологическая стратегия разработана веками для низведения вас в вещь, для превращения вас в нечто ложное, низведения вас таким образом, что вы станете товаром на рынке.

Вы должны быть осознанны, потому что вы существуете в обществе, которое против вашего интеллекта.

Мои саньясины стараются делать то, что общество разрушило в них, они стараются возродить. То, что общество сделало, они стараются уничтожить. В этом вся работа саньясы, и это всегда было работой действительно истинной религии.

Я смеюсь, — говорит Кабир, — когда я слышу, что рыба жаждет в воде.

Вы не осознаёте тот факт, что самое жизненно важное из всего —

внутри вашего дома;

А вы всё идёте со смущённым взглядом от одного святого города к другому!

Вы не осознаёте тот факт, что самое жизненно важное из всего, внутри вашего дома...

Вам не сказали. Секрет был спрятан от вас. Никто не сказал вам войти; никто не дал вам никакой возможности быть внутри. Родители не говорят своим детям: «Иногда просто будьте. Не делайте ничего. Просто сиди молча под деревом, проникни внутрь, спроси: «Кто я есть?» Ни школа, ни колледж, ни университет не говорят вам медитировать. Фактически, они думают, что медитация не имеет ничего общего с образованием.

Правительство Индии издало письмо. Они не признают эту общину образовательной (educational — обучающий, образовательный, воспитательный, просветительный). Почему? «Потому что, что общего имеет медитация с образованием?» И я ответил им: «Если медитация не имеет ничего общего с образованием, тогда что ещё может стать основанием истинного образования? Что ещё?»

Но я знаю: какой-нибудь тупой идиот в каком-нибудь офисе должен был так написать. Он не знает, что такое медитация. Медитация просто значит быть сам с собой в абсолютном одиночестве, так что вы сможете вкусить вкус вашего бытия. Быть с собой — это медитация.

В моей философии жизни значимы только две вещи: одна медитация, другая любовь. И обе взаимодополняют друг друга. Медитация означает радость

быть в одиночестве, а любовь значит радость бытия вместе с кем-то ещё. Это два крыла истинного образования. Медитация означает независимость, свободу — свободу ото всего, даже от возлюбленного, потому что даже присутствие возлюбленного вторгается в ваше пространство. Это хорошо на некоторое время, когда ваше внутреннее пространство перекрывается с чьим-нибудь, хорошо встречаться и соединяться, но, в конечном счёте, и по сути вы одиноки. И вы должны научиться, как быть одинокими, и не просто, как быть одинокими, но радостно одинокими, экстатично одинокими.

Медитация означает безмолвное сидение, ничего неделание... просто бытие! Мир слишком наполнен действием, возней. Общество учит вас делать то, делать это — зачем? Потому что, если вы делаете это, вы будете иметь то, если вы не делаете этого, у вас не будет того. Действие — путь иметь больше, и мы обусловлены иметь больше, больше и больше, как будто, имея больше, мы действительно станем довольными, удовлетворёнными; как будто, имея больше, мы действительно станем богаче.

Истина как раз в обратном: чем больше вы имеете, тем больше вы чувствуете вашу внутреннюю бедность. Чем богаче вы становитесь во внешнем мире, тем большую пустоту вы чувствуете внутри, и никакое внешнее богатство не могло бы заполнить эту внутреннюю брешь. Ничто снаружи не может быть взято внутрь. У вас может быть столько богатства, сколько возможно, но оно будет продолжать громоздиться вне вас. И чем больше будет груда, тем больше вы будете видеть свою внутреннюю пустоту, ничтожность, тем более несчастным вы станете.

Поэтому, чем богаче общество становится, тем больше и больше оно начинает интересоваться религией. Бедные общества не могут быть религиозными; это почти невозможно. Я не говорю, что бедный человек не может быть религиозным, бедный человек *может*, но бедное общество — нет. Бедный человек может быть исключением: Кабир был бедным человеком и достиг высшего пика из возможных, стал Буддой. Но бедное общество, как таковое, не может стать религиозным.

Бедное общество остается заинтересованным в том, чтобы иметь больше, больше и больше, а если вы хотите иметь больше, вы должны будете больше делать. Вы должны будете вложить всю вашу энергию в действие, а медитация — это противоположность действию. Медитация — это состояние бездействия, состояние совершенной пассивности. Состояние бытия; человек просто есть... и наслаждается этой просто естеством. И тогда внутри нечто начинает происходить — без всякого действия с вашей стороны.

Сидя безмолвно,

Ничего не делая,

Весна приходит,

И трава растёт сама по себе...

Нечто начинает расти в вас.

Есть одна вещь, наиболее важная вещь в жизни: медитация. Не существует образования, которое можно было бы назвать настоящим образованием. Даже само слово «образование» (education) просто значит извлечение того, что внутри вас. Эта община *является* образовательной, потому что всё наше

усилие — это *извлечь* то, что есть внутри вас. А ваши так называемые университеты *не* образовательные; они не отвечают требованиям образования. Они набивают людей снаружи, а не извлекают изнутри, они насильно втискивают. Даже буквально они не являются образовательными.

Всё усилие так называемых институтов образования направлено на набивание людей большим и большим знанием, потому что знание поможет им делать больше и делать более эффективно, и если они смогут делать вещи более эффективно, они будут иметь больше вещей. И это то, что вы называете образованием? Это не настоящее образование.

Настоящее образование научит человека наиболее существенной истине: «Я один. Я пришёл один. Я уйду один. И между приходом и уходом, я могу обмануть себя, что я не один, но это только обман. По своей сути я один. Одиночество, моя внутренняя природа, так что я должен сонастроиться, войти в гармонию с ней, я должен глубоко в неё погрузиться. Я должен узнать досконально, что это — чем является это одиночество».

И оно потрясающе прекрасно, невероятно прекрасно, невообразимо прекрасно. Когда вы вступите в ваше одиночество, вы начнёте становиться сознающими Бога, вы начнёте осознавать сокровища, спрятанные в вас. Вы станете осознавать Царство Бога, которое в вас.

Кабир говорит: *Вы не осознаёте тот факт, что самое жизненно важное из всего — внутри вашего дома...*

Но никто не учит вас. Всё обучение: «Идите наружу! Ищите деньги, престиж», — оно не находится внутри. Внутри находится мир, внутри находится покой, внутри находится безмолвие, божественность находится внутри. Но это не те цели, которые вас научили осуществлять; это не ваши задачи.

О великом суфийском мистике Баязиде рассказывают:

Однажды какие-то люди пришли к двери Шейха Баязида и постучали. Он открыл окно верхнего этажа и выглянув, спросил:

— Что вы хотите?

— О, — сказали они, — Мы ищем Баязида.

Он сказал:

— Ну и что же, я ищу Баязида уже десять лет, и всё ещё его не нашёл! — и закрыл окно.

Это именно то, что такое медитация: попытка найти себя.

И другая наиболее важная вещь — любовь. Любовь означает попытку найти себя отражённым в других. Любовь — зеркало. Медитация — это поиск без зеркал; любовь не что иное, как видение себя в глазах того, кого вы любите, отражение в его существе и путь празднования совместности.

Мы *существуем* одни, но не в смысле, что живём одни. Мы одни, но существуют другие люди вокруг нас, которые *также* одни! Мы существуем среди многих людей, которые одни. Мосты должны быть наведены. Любовь — встреча двух одиночеств. Одно одиночество безмерно прекрасно, что говорить о том, когда два одиночества встречаются и сливаются? Случается великое цветение, жизнь становится более таинственной, более радостной.

Так познаётся ритм: иногда быть одному, наслаждаться собой, иногда быть вместе, наслаждаться любовью, дружбой. Когда устали от близости, сбегай-

те в ваше сокровенное существо; когда устали от вашего одиночества, спсайтесь в пребывании с другими.

Это как ходить по канату: иногда вы наклоняетесь влево, тогда вы знаете, что если вы наклонитесь ещё больше, вы упадёте, и вы начинаете наклоняться вправо. Затем снова приходит момент, когда вы знаете, что если вы ещё больше наклонитесь вправо, вы упадёте, и вы начинаете наклоняться влево. Такой баланс, баланс канатоходца, тот баланс, который обогащает человека. Гуляйте между любовью и медитацией, сбалансируйте их. Обогатитесь любовью и медитацией.

Но запомните: первая вещь — это медитация. Если вы не знаете, кто вы, вы не будете так же и способны любить. Если вы не знаете внутреннего блаженства, вы так же не сможете и разделить его с кем-либо ещё.

Но люди не идут внутрь; они бегают туда и сюда, они бегают везде, за исключением внутреннего. И вся эта беготня не что иное, как мечтание, желание. Просто понаблюдайте ваш ум! Чем всё время занимается ваш ум? Ночью сны, днём сны... Он ходит кругами, но все эти круги просто сны. Это движется кругами, но эти круги только грёзы.

Истиной является ваше сознание, а не ваш ум. Ваш ум создан обществом: ваше сознание пришло от Бога. Двигайтесь в сознание; смените гештальт. Ваш акцент должен измениться, это и значит быть религиозным. Вот что значит обращение: изменение вашего внимания от ума к сознанию.

Ум — побочный продукт общества, индуистский ум, христианский ум, коммунистический ум, католический ум — общественный побочный продукт. Общество вложило в ваши головы идеи: это ваш ум. Переместите ваше сознание, ваше внимание к тому, что создано Богом, иначе вы будете жить в грёзах. А грёзы не могут осуществиться. Грёзы есть грёзы, на самом деле их нет...

Два друга встретились на улице после того, как несколько лет не видели друг друга. Обычное приветствие: «Как ты?» вынудило Сола рассказать, что он чувствует себя ужасно: он страшно страдает от навязчивого сна. Каждую ночь, когда он ложится спать, ему снится, что он садится на поезд из Тель-Авива в Хайфу. Поезд прибывает в Хайфу, но он не выходит. Он возвращается в Тель-Авив, и после прибытия он просыпается, обнаружив, что уже утро, уставший и змысленный от путешествия. Морис восклицает, что с ним происходит почти тоже самое приблизительно тем же образом. Каждую ночь ему снится, что дверь с левой стороны его спальни открывается, и входит Софи Лорен. Она раздевается догола и залезает к нему в постель. В тот момент, когда он поворачивается к ней налево, отворяется дверь справа, и входит Рагель Велш, также абсолютно нагая, и залезает в постель с другой стороны. Он поворачивается к ней, и тут Рагель касается его. Всю ночь напролёт он вертится с одной стороны на другую. Просыпаясь, он чувствует себя просто развалиной.

Сол немедленно заявляет:

— Ради Бога, почему же ты не позвонил мне? Для этого и существуют друзья. Я был бы рад прийти и помочь тебе любой ночью.

— Я звонил тебе несколько раз, — откликнулся Моррис. — Но каждый раз, когда я звонил, я говорил тебе просто успеть на поезд до Хайфы.

Ум продолжает грезить... Ум держит вас не осознающими, кто вы есть, так много снов, что истина потеряна. Чуть ваших снов скрывает алмаз вашего существа.

Кабир говорит:

*Вы не осознаёте тот факт, что самое жизненно важное из всего —
внутри вашего дома;*

А вы всё идёте со смущённым взглядом от одного святого города к другому!

Посмотрите, все лица выглядят полными замешательства. Очень большая редкость найти лицо, которое не выглядело бы сконфуженным, в котором была бы чистота, ясность. И когда в лице ясность, чистота, лицо имеет красоту, красоту, которая не только от физического тела, красоту, которая нечто свыше, которая изливается изнутри.

Но посмотрите на людские лица: только сконфуженные, расщеплённые, пизофреничные. Это то, чем является их существование: их лица лишь отражают их бытие. Лица — это зеркала. Одна часть вашего существа хочет идти на север, другая часть на юг, следующая часть на восток, а ещё одна на запад — и вы разрывааетесь на части. Ваши лица показывают это: взгляд, полный замешательства.

Вы не знаете, кто вы, где вы, почему вы есть. Всё кажется просто случайным. Вы ощущаете себя подобно сляпному бревну — без направления, даже без понятия о направлении. Куда вы идёте? Почему вы есть? Для чего? Знак вопроса на каждом лице, и какова причина? Кабир прав: причина в том, что вы не заглядывали в глубочайший центр вашего существа, где есть пространство — центр циклона, пространство, которое неделимо. Фактически, знание этого пространства делает вас индивидуумом. «Индивидуальный» значит «неделимый» (смысловая структура слов идентична: In-dividual, In-divisible. — Прим. пер.) — тот, кто не разваливается на части, тот, кто одним куском.

Этот центр есть в существе каждого, но вы никогда не отправлялись туда. И даже если иногда возникает желание поиска внутри, вы снова начинаете искать вовне. Кто-то идёт к Каабе, потому что в нём родилось великое желание узнать, кто он. Почему вы идёте к Каабе? Кто-то идёт в Каши, кто-то в Матхуру, кто-то в Тибет... и люди идут. Но всё же поиск остаётся где-то снаружи.

Даже если возникает правильный вопрос, вы движетесь в неверном направлении. Если вы действительно хотите знать, кто вы, вам нет нужды спрашивать кого-то ещё. Никто не может ответить.

Даже если кто-то отвечает, этот ответ не станет вашим ответом. Это, в лучшем случае, станет осведомлённостью, но не знанием, а осведомлённость тщетна, потому что вы будете интерпретировать информацию согласно вашему собственному уму. Вы будете читать Гиту, вы будете читать Коран, вы будете слушать великих учителей, но вы всё поймёте в соответствии с вашим собственным умом. Вы переведёте всё под себя, в соответствии с вашим уровнем бытия. И тогда всё будет потеряно.

Такая осведомлённость не только не поможет вам, но и создаст в вас ещё большее замешательство. Чем больше человек эрудирован, тем в большем он

замешательстве. Если вы прочтёте Веды, Коран, Библию и Дхармападу, вы станете более и более сбитыми с толку, потому что каждый Будда говорит в соответствии с его собственным путём, та же самая истина выражается миллионами способов. Но вы не сможете понять эту истину, потому что вы не знаете, что это такое, какова она.

Подлинный ход вещей таков, что сначала узнайте внутри и лишь затем обратитесь к Ведам, Гитам, Коранам, и они все станут свидетелями вашего опыта, они удостоверят ваше переживание. Они будут свидетельствовать, что вы правы, и вы будете свидетельствовать, что правы они. Иначе всё чтение, изучение, приобретение знаний создадут большее и большее замешательство, потому что кто станет толковать?

— Слушай, — сказал человек своему другу Альберту, — я тут купил недавно самку гориллы. Она стоила мне огромных денег. Проблема в том, что я не могу найти никакого самца гориллы для спаривания с ней. Я хотел бы знать, стал бы ты стариваться с моей гориллой за сто долларов?

— Хммм, позволь мне всё хорошенько обдумать, — ответил Альберт.

На следующий день Альберт пришёл домой к своему приятелю и сказал:

— Я сделаю это, но только три условия.

— Какие условия? — спросил приятель.

— Первое: без объятий, поцелуев и без предварительной любовной игры. Второе: все дети будут выращены католиками. Третье: ты дашь мне, по крайней мере, две недели, чтобы собрать сто долларов.

Кто будет интерпретировать? Вы не можете понять больше, чем вы знаете. Максимум вы можете понять только то, что вы сами знаете. Поэтому настоящий Мастер не передаёт информацию: он передаёт бытие. Он не делает вас более эрудированными: он делает вас более медитативными, он делает вас более безмолвными. Он не даёт вам теории, гипотезы, философии: он отбрасывает вас в себя снова и снова и снова. И он должен делать так к вашему неудовольствию, даже против вас, так как вы хотите чётких ответов, вы хотите какую-нибудь философию, чтобы прицепиться к ней, какую-то идею, чтобы верить в неё. Настоящий Мастер никогда не даст вам никакой идеи, никакой теологии. Фактически, он будет отбирать у вас все идеи и все теологии: католическую, протестантскую, индуистскую и мусульманскую. И мало-помалу он оставит вас совершенно обнажёнными, так что вы могли увидеть себя такими, как вы есть, не согласна какой-то идее, но как вы действительно есть. Это разоблачение, откровение.

Это может произойти внутри вас. Вам не нужно никуда ходить.

Кабир скажет вам истину:

*Идите, куда вам нравится, в Калькутту в Тибет;
Но если вы не можете найти, где спрятана ваша душа,
Для вас мир никогда не станет реальным!*

Если вы живёте в сновидениях, если ваш мир останется ничем, кроме сновидений, ваш мир останется нереальным.

На Востоке Будды всегда называли этот мир *майя* — иллюзия, волшебное представление; ничего реального, ничего вещественного в нём нет. Они не имели в виду, что эти деревья вокруг Будды Холла не нереальны; они не имели в виду, что вы можете пройти сквозь стену, потому что стена не существу-

ет; что едите вы хлеб или камни, не имеет значения, так как и то, и другое нереально.

Они подразумевали совершенно другое. Они не имели в виду, что *этот* мир не реален, они просто имели в виду, что пока вы не отбросите все ваши сны, вы будете создавать ваш собственный мир, вы будете воображать, проецировать мир из себя самого. Реальный мир будет выполнять роль экрана, и вы будете проецировать на него ваши сны, ваши грёзы. Вы никогда не увидите настоящий мир. Настоящий мир есть Бог, но вы будете продолжать проецировать ваши сны и будете жить в майе, иллюзии.

Иллюзией является ум, а не мир. Позвольте мне подчеркнуть это, поскольку возникло большое недоразумение в связи с мнением во всём мире, что восточные учителя учат тому, что мир-иллюзия — это недоразумение. Восточные учителя учат тому, что ум — иллюзия, и мир, созданный умом, обязан быть иллюзорным, потому что только иллюзия может выйти из другой иллюзии.

Истинный мир, тот, который есть, не иллюзорен. Но вы всё ещё не знаете его, у вас нет даже намёка на знание. Вы можете познать его, только когда отбросите всё грезенье, мечтание, видение снов.

Говорят, что когда Рабби Коцкер с Рабби Хирцем из Томашева были за городом, они пришли на мост, где несколько женщин стали бросать в них камнями.

— Не бойтесь, — сказал Коцкер, — они не настоящие женщины и их камни тоже не настоящие. Они не более чем призраки.

Рабби Хирц немного помолчал, а затем спросил:

— Могли бы мы тоже не быть призраками?

— Нет, — последовал ответ Коцкера, — поскольку мы иногда испытывали истинное желание раскаяться.

Слово «раскаиваться» должно быть понято. Оно неправильно понималось в течении веков. «Раскайтесь!», — вновь и вновь повторял Иисус; он говорил снова и снова: «Раскайтесь! Раскайтесь! Ибо приблизился конец мира». Но когда утверждения Иисуса были переведены с греческого на английский, огромное злоключение постигло многие слова. Это слово «раскаиваться» (repent) одно из самых пострадавших. Оно перевод греческого слова «μετανοια», «metanoia» значит поворачивание внутрь, «metanoia» означает медитацию. «Покаяться» также значит возвратиться — возвратиться к истоку. Оно не имеет ничего общего с идеей покаяния, которой вас учат в ваших церквях, о которой твердили вам ваши священники. «Покаяться» не имеет ничего общего с покаянием. «Покайтесь» значит: «Обратитесь внутрь! Вернитесь назад! Придите к самой сердцевине вашего существа!»

И ответ Рабби Коцкера безмерно прекрасен, огромного значения. Он говорит: «Нет, поскольку мы иногда испытывали истинное желание раскаяться». Если у нас есть истинное желание медитации, метаноии, поворота обратно внутрь, тогда мы реальны. Но мы реальны только в медитации, иначе мы тоже не реальны. Потому что в медитации сновидения останавливаются — это то, чем является медитация: остановкой грезящего ума. Никаких сновидений, никаких мыслей, полное безмолвие. Никакого движения. Абсолютная

неподвижность. Нет даже ряби. Нет содержания. Чистое сознание. Просто зеркало... В этом процессе отражения вы реальны и всё, что бы вы ни видели, реально. На самом деле, видящий и увиденное больше не два: в этот потрясающий момент наблюдатель есть наблюдаемое, зрящий есть зримое, познающий есть знание. Различия между субъектом и объектом исчезают. Это то, что называют «Богоосознанием», «Богопознанием» (God-realization)."

Кабир скажет вам истину:

*Идите, куда вам нравится, в Калькутту или Тибет;
Но если вы не можете найти, где спрятана ваша душа,
Для вас весь мир никогда не станет реальным!*

Войдите! Повернитесь внутрь! Выясните, кто вы! И вы начнёте двигаться к Богу. Двигаться к собственному существу — это двигаться к Богу.

Я не знаю, о какого рода Боге мы говорим.

Кабир говорит: «Люди продолжают говорить о Боге, но я не знаю, о какого рода Боге мы говорим, — потому что если вы не знаете себя, все разговоры о Боге просто труха, вздор, бессмыслица. Это нонсенс».

Зовущий в сумерках зовёт во весь голос Всевышнего.

В мусульманской мечети:

*Зовущий в сумерках зовёт во весь голос Всевышнего.
Почему? Несомненно Всевышний не глух.*

Мы создали наших собственных Богов: чем искать в реальности, мы просто вообразили наших собственных Богов, создали сны про наших собственных Богов. И мы создали наши собственные ритуалы. Так что громко звать Бога просто означает, что ваш Бог глух. На самом деле не нужно никаких слов между вами и Богом. Громких или не громких, никаких слов не нужно между вами и вашим Богом, потому что Бог понимает только один язык. Это ни немецкий, ни английский, ни хинди, ни санскрит, ни арабский, ни греческий. Бог понимает только один язык: язык безмолвия, тишины.

Почему? Несомненно Всевышний не глух.

*Он слышит изысканные бубенцы, звенящие
на ногах насекомых, когда они ходят.*

Не нужно кричать. На самом деле настоящая молитва — это не сообщение чего-то Богу, но наоборот, слушание Бога, безмолвное слушание... «Есть ли у тебя нечто сказать мне?» Все молитвы, которые вы продолжаете делать, бессмысленны. Учитесь слушать, есть ли у Бога что-то сказать вам, учитесь слушать тот безмолвный слабый голос, что внутри вас. Прекратите болтовню. Прекратите внутренний разговор, внутренний треп. В этом безмолвии молитва возникает сама собой.

Молитва — это безмолвное сердце, полное благодарности.

*Крутите вновь и вновь ваши чётки,
рисуете странные знаки на ваших лбах,
Носите ваши волосы спутанными, длинными, показными,
Но когда глубоко внутри вас заряженная пушка,
как вы можете содержать в себе Бога?*

Вы можете продолжать делать ритуалы, но если ваше сердце полно насилия, если в вашем сердце заряженное оружие — и это то, что случилось. Му-

сульмане сражаются с индуистами, индуисты сражаются с мусульманами; христиане продолжают убивать мусульман, мусульмане продолжают убивать христиан. Религия стала бедствием для человечества, а не благом; проклятием, а не благословением. Именем религии загублено, забито, убито, изнасиловано больше человек, чем любыми другими именами.

Это очень странно! Молитва на устах, и заряженное оружие в сердце. Пока не исчезнет ваше внутреннее насилие, вы не можете быть набожными.

А почему существует внутреннее насилие? Из-за соревнования: каждый старается опередить других, каждый старается превзойти других. Это то, чему вас научили: быть амбициозными. Амбиция коренная причина всего насилия, и всё ваше образование не что иное, как амбиция: «Будь первым! Достигни золотой медали!» И затем вся ваша жизнь — это попытка быть первым, стать премьер-министром или президентом.

Мы учим людей амбициозности, соперничеству. А когда вы амбициозны, как вы можете быть молитвенны? И когда вы амбициозны, как вы можете повернуться во внутрь? Амбиции должны осуществиться там, снаружи: в Нью-Дели, в Вашингтоне, в Москве, где-то там... Это новые святые места.

Амбициозная личность не может повернуться во внутрь, она всегда смотрит на других, она всегда на войне. Как он может быть любящим? Как он может быть медитативным?

Кабир прав. Он говорит: «Вы продолжаете говорить о Боге, созданы великие теологии, продолжают великие философские дискуссии, а в сердце заряженное оружие?» Настоящий вопрос — это трансформация в сердце. Но до сих пор этого ещё не случилось.

Очень пристойная пожилая леди купила полугая, про которого гарантировалось, что он способен говорить, но всё, что он мог сказать, было: «Я шлюха, я шлюха!», — радостно хлопая крыльями. Очень пристойная женщина пожаловалась своему священнику, который рассказал ей о супружеской паре из его прихожан, которые имеют двух самцов полугаев, ведущих себя очень пристойно, и возможно они повлияют на самку пожилой леди.

Священник взял на время полугаев у супружеской четы и одолжил их женщине. Она посадила их в клетку, и они уселись вдвоём на жердь перед самкой. Они сразу же опустили головы и начали прекрасными тихими голосами читать молитву. Самка захлопала крыльями и спела: «Я шлюха, я шлюха!» Тогда один самец пихнул другого крылом и сказал: «Наши молитвы услышаны!»

Глава 2

Чувство любви и чувство одиночества

1. Может свидетельствование и сердце переживаться одновременно?
2. Как увидеть то, что есть?
3. Должна ли я забыть себя, чтобы потерять моё эго?
4. Никогда раньше я не чувствовала так много любви и никогда раньше такого одиночества... спасибо вам, Бхагван.
5. Если я когда-то стану просветлённым, я буду таким же сумасшедшим, как вы?
6. В самом деле ваш приход — обещанное второе пришествие?

Чувство любви и чувство одиночества

Первый вопрос

Бхагван, не могли бы вы немного рассказать о свидетельствовании и сердце. Могут ли они переживаться одновременно?

Дэва Даршан, свидетельство и сердце — это одна и та же вещь. Свидетельствование не от ума, ум никогда не может быть свидетелем. Когда вы начинаете свидетельствование, ум становится наблюдаемым, а не наблюдателем. Вы видите движение ваших мыслей, ваших желаний, ваших фантазий, ваши воспоминания, ваши мечты так, как вы видите движение вещей на экране кинотеатра. Но вы не отождествлены с ними.

Это неотожествление и есть то, что подразумевается под свидетельствованием. Тогда кто свидетель? Ум — видимое, тогда кто видящий? Это сердце, душа (heart).

Так что сердце и свидетельство — это не две вещи. Если вы свидетель, вы станете центрированы в сердце. Или если вы центрированы в сердце, вы станете свидетелем. Это два способа достигнуть той же самой цели. Любящий, набожный человек никогда не думает о свидетельствовании; он просто старается достигнуть сердца, души, источника его бытия. Раз он достиг сердца, свидетельство приходит само собой.

Медитирующий никогда не думает о любви и сердце, душе; он начинает свидетельствование. Но раз есть свидетельство, сердце открывается, потому что нет другого места, откуда свидетельствуют. Пути медитации и пути преданности, набожности различны, но их кульминацией является одно и то же переживание. В предельной точке они достигают одного и того же пика.

Вы можете выбрать путь, но вы не можете выбрать цель — потому нет двух целей, цель только одна. Конечно, если вы следовали путём преданности, когда вы достигнете, вы не будете говорить о свидетельствовании — вы будете говорить о любви. Если вы следовали путём медитации, вы не будете говорить о любви, когда достигнете — вы будете говорить о свидетельствовании. Разница только в словах, языке, выражении — но то, что выражается, одна и та же реальность.

Второй вопрос

Бхагван, как увидеть то, что есть?

Акам, не существует «как», чтобы увидеть то, что есть, потому что, если у вас есть «как», вы будете искажать это видение. Чтобы увидеть то, что есть, нужны не методы, техники — просто молчание, прозрачное безмолвие, никаких мыслей в уме, даже мыслей о каком-то методе. Никакой стратегии, потому что все стратегии обязаны искажать.

На самом деле, чтобы увидеть то, что есть, не нужно никакого ума. Ум означает мысли. И если есть движение мыслей, вы никогда не сможете увидеть то, что есть, вы увидите что-то другое. Вы увидите то, что ваши мысли позволят вам увидеть. Ваши мысли очень мешают тому, чтобы что-то достигло вас.

Вы будете удивлены, узнав, что исследователи в современной психологии пришли к выводу: девяноста восьми процентам реальности не позволено войти в вашу жизнь, ум позволяет только два процента. Так что всё, что видите, — это только два процента действительности. И из-за того, что ум позволяет войти только двум процентам, а потом даёт вам сознание того, что это всё, вы живёте в фальшивом мире. Вы думаете о части, как о целом. И живёте вы соответственно: вся ваша жизнь становится подделкой.

Ум судья, он позволяет только то, что ему подходит, что ему соответствует, что питает его, усиливает его. Он не позволяет ничего, что шло бы против него. Например, вы слушаете меня: ваш ум позволит только то, что помогает укрепиться вашим мнениям, вашему мировоззрению. Если вы христианин, вы будете слышать одно, если буддист, вы услышите нечто, совершенно противоположное. Если вы пришли сюда с предубеждением, за или против, вы будете слышать совершенно разные вещи. Я говорю что-то, но христианин интерпретирует это своим собственным образом, буддист своим и коммунист своим собственным образом.

Тот, кто пришёл с определённой идеей, что я не прав, найдёт все аргументы в поддержку своего предубеждения. Каждый предрассудок старается получить поддержку для себя. Так что, если вы думаете, что нужны какие-то методологии, чтобы увидеть то, что есть, то с самого начала вы на ложном пути.

То, что есть, уже есть — будьте безмолвными, без каких-либо предубеждений, без каких-либо идеологий, атеистических, теистических, без каких-либо концепций, без каких-либо а priori, суждений, предшествующих опыту. Вы просто остаётесь доступными, открытыми, подобно ребёнку, который ничего не знает. Действуйте из состояния не знания, и вы станете способны видеть то, что есть.

Позвольте мне повторить: действуйте из состояния не знания. Если вы знаете, вы будете искажать: знание есть ум. Состояние не знания означает, что вы отложили ум в сторону; теперь ваши глаза, ваш взор без пыли, ваше зеркало чисто. И оно будет отражать! Оно отразит то, что есть.

Таким образом приходят к встрече с реальностью, и встреча должна быть разрушительной. Она не может помочь вашим идеям по поводу реальности.

Она разрушит всё, о чём вы всегда думали, как о правильном. Она поразит вас. Она должна показать вам, что вы жили до сих пор во сне, что вы жили до сих пор в ваших собственных проекциях, что вы не позволяли реальности проникнуть в вас: наоборот, вы создали мир ваших собственных идей вокруг себя. Вы живёте в капсуле без каких-либо окон. Это то, как живут люди.

Христианин не может знать реальность, индуст не может знать реальность, мусульманин не может знать реальность. Только человек, который достаточно храбр, чтобы отбросить весь этот мусор, кто может просто быть, кто может быть просто невинным... Иисус говорит своим ученикам: «Пока вы не станете подобны маленьким детям, вы не войдёте в моё царство Бога». Он говорит: действуйте из состояния незнания.

Упанишады говорят: «Остерегайтесь тех, кто утверждает, что знает: они не знают ничего. Тем предавайтесь, кто говорит, что ничего не знает, потому что есть возможность некой трансформации, происходящей вокруг них, от них, в общении с ними».

Сократ на его предельном пике мудрости сказал: «Я знаю только одно, что я ничего не знаю».

Действуйте из состояния не знания, и это принесёт вам безмерный, экстаический опыт, потому что человек, который вне знаний, способен удивляться. Человек, который вне знаний, способен благоговеть. Он может танцевать, видя цветок розы, он может петь, потому что небо полно звёзд. Он может быть в гармонии с существованием. Видя рассвет, он может прийти в дикий восторг — потому что он ничего не знает. Жизнь — тайна для него. Знание демистифицирует, разоблачает жизнь. Из-за того, что он ничего не знает, всё, даже самое ординарное, становится совершенно экстраординарным, светосносным, потому что всё таинственно.

Всё есть таинство! Ваша эрудиция просто скрывает ваше невежество и разрушает вашу способность ощущать таинственность. Знание разрушитель таинства. Поэтому все мистики всех времён говорят одну единственную вещь: отбросьте знание — всё знание чушь. Будьте в состоянии не знания; действуйте из этого состояния. Смотрите на деревья, как ребёнок, смотрите на луну, как поэт, смотрите на небо, как сумасшедший!

Акам, не спрашивай, как видеть то, что есть, потому что вопрос «как» просто означает, что ты хочешь какую-то методологию, какое-то знание, какую-то информацию, чтобы ты мог интерпретировать реальность. Но реальность неинтерпретируема. Ты хочешь чего-то такого, чтобы ты мог объяснить себе, как всё это есть, но реальность необъяснима. Ты хотел бы нечто подобное определению реальности, но она неопределима.

Будь готов удивляться.

Я слышал:

Микеланджело расписывал свод Сикстинской капеллы. Устав лежать на спине, он повернулся и заметил, что внизу молится одна итальянская женщина. Великий художник решил сыграть небольшую шутку. Он, устроившись в дальнем краю лесов, возгласил:

— Я Иисус Христос! Я Иисус Христос! Слушайся меня, и я совершу чудеса!

Итальянка взглянула вверх, сжимая чётки, и ответила:

— Сакрой свой рот! Моя говорить твой мать!

Просто подумайте о Микеланджело... Жизнь такая, как эта. Она приносит сюрпризы каждый момент. Вы продолжаете упускать — вы продолжаете упускать, потому что вы не видите этих сюрпризов. Вы так полны ожиданиями, вы так полны готовыми ответами, вы всё время интерпретируете в соответствии со своим собственным умом. Вы идёте сквозь мир чудес тупые, мёртвые, заторможенные. Этот мир — не что иное, как чудеса и чудеса, и они случаются каждый момент. Существование не скупо на чудеса, оно переполнено чудесами! Но вы должны снова стать ребёнком, вы должны вновь стать невинным.

Это не вопрос метода, это не вопрос «как». Дело скорее в понимании самого процесса, как функционирует ум. И когда вы поймете, как ум работает, вы его отбросите. Тогда не будет барьеров между вами и реальностью. А когда нет барьеров, нет также и отделённости, так как отделяют барьеры. Когда нет барьеров, вы одно целое с реальностью. В этом единстве реальность открывает вам свои секреты.

Третий вопрос

Бхагван, должна ли я забыть себя, чтобы потерять своё эго?

Ева, проблема не в том, чтобы забыть себя, наоборот, проблема в том, чтобы вспомнить себя. Что такое эго? Эго существует потому что вы забыли себя, потому что вы не помните, кто вы. А это очень трудно: жить без *какой-либо* идеи о том, кто вы. Не зная реальность своего существа, вы создаёте ложный заменитель.

Что такое эго? Это ложный заменитель, который вы создали вместо себя. Это не вы сами, но так сложно жить без себя, это должно быть почти невозможно — жить без себя. Какой-то вид личности просто обязан быть, иначе как вы будете держать себя вместе? Вы начнёте распадаться на части.

Даже если центр ложный, он помогает вам. Даже ложный центр держит вас, по крайней мере, как-то вместе. Вы забыли себя, поэтому вам нужно эго.

Если вы вспомните себя, не будет необходимости в эго.

•Вы спрашиваете, Ева: *Должна ли я забыть себя, чтобы потерять своё эго?*

Эго — это не что-то реальное, что вы можете потерять или должны потерять, в первую очередь эго у вас нет. Оно просто идея, тень; оно нереально. Оно как ваше имя: когда вы родились, вы не пришли с именем. Затем кто-то: ваш отец, ваша мать, ваша семья, начали называть вас «Ева». Какое-то имя *необходимо* чтобы называть вас, оно утилитарно, практично.

Ваше имя, первое, которое когда-либо было дано. Хаавва (Haavva) была создана, потому что человек был один, Адам был один и был очень сильно подавлен из-за одиночества — целое существование, и Адам был одинок. Он попросил Бога дать ему товарища, и Бог создал женщину. Бог спросил

Адама: «Как ты хочешь назвать её? Какое имя ты бы хотел дать ей?» А он был в таком восторге, что теперь есть хоть кто-нибудь, с кем он мог бы дружить, с кем он мог бы быть любящим, с кем он мог бы говорить, общаться, с кем была бы возможность каких-то взаимоотношений. Он был больше не один! Он был в полном восторге и даже заявил, что хотел бы назвать это создание «Иив» (Eve), «Ева» (Eva), «Хаавва» (Haavva).

— Почему? — спросил Бог.

И Адам ответил:

— Потому что Иив, Ева или Хаавва означает жизнь — она моя жизнь. Без неё я почти что мёртв.

Но когда Ева была создана, имени не было. Имя было дано потому, что оно было нужно Адаму. Иногда он должен был звать её: «Где ты?» Иногда имя было бы необходимо, но имя — ложная вещь, оно просто ярлык. Мы даём имена людям просто ради пользы в общении, во взаимоотношении, чтобы звать, чтобы обращаться. Но имя не реально! Вам не нужно отбрасывать его, и даже если вы отбросите его, ничего не будет отброшено.

Вы можете отбросить это имя «Ева» — ничего не будет отброшено. Только идея! И вы больше не будете привязаны к нему. Таким же образом имя существует для других, чтобы называть вас им, но и вам так же нужно что-то, чтобы называть себя, это то, что и есть эго — Я.

Если вы хотите сказать что-то о себе, вам нужно какое-то слово — это слово «Я». Имя существует для того, чтобы им вас называли другие, эго для того, чтобы вы называли себя, обращались к себе. Оно тоже ложно, оно не существует. Вам не нужно терять эго. Всё, что необходимо, — это понять эго: как это «я» стало таким значимым, как оно стало таким важным, таким главным, центральным, таким существенным. Тень стала столь реальной, существенной, почему? Потому что вы не знаете вашу истинную сущность.

Когда Иисус говорит «я», он не имеет в виду то же самое «я». Когда он говорит: «Я врата, я истина, я путь», — его «я» не означает никакого эго. Когда Кришна говорит Арджуну: «Пади к моим ногам, сдайся мне», — его «мне» не то же самое, что ваше «мне».

Будда обычно говорил своим ученикам: «Будьте светом сами себе». Великий король Прасенджит прибыл однажды повидать его. И он увидел множество саньясинов, приходящих и кланяющихся Будде, и говорящих: «*Будхам шарнам гаччхами* — я припадаю к стопам Будды. *Сангхам шарнам гаччхами* — я припадаю к стопам общины Будд. *Дхаммам шарнам гаччхами* — я припадаю к стопам первичного, предельного закона, первичного закона, на который поддерживает существование, простираясь подобно нити, превращая мир в гирлянду».

Прасенджит был человеком логики, прекрасно образованным, утончённым. Он был слегка озадачен. Он спросил Будду: «Прошу прощения, сударь, но вы говорите людям: «Будьте светом сами себе», — и после они предаются, подчиняются вам и касаются ваших стоп, вы не запрещаете им. Это алогично, противоречиво. Если вы говорите: «Будьте светом сами себе», — тогда зачем подчиняться кому-то ещё. Тогда зачем они должны трогать ваши стопы?»

Будда засмеялся и сказал: «Это не мои стопы, и они не подчиняются *мне*, потому что внутри меня нет ничего такого, как эго, того, кто бы мог претендовать. Я просто предлог, они сдаются. Это не подчинение мне, это просто подчинение: я лишь предлог. Поскольку они ещё не готовы сдаваться без какого-либо предлога, я позволяю им использовать меня как предлог. Но нет никого, кому бы они сдавались».

Именно это и означает Будда: тот, кого нет; в смысле эго, тот, кого нет. Но, что касается высшей самости, предельной сущности, то он есть, а вас нет. Эго — это ложная идея, и она нужна из-за того, что истинная самость неизвестна.

Ева, вам не нужно забывать себя, чтобы потерять эго, — на самом деле, это то, как вы его получили. Вам нужно вспомнить себя, не забыть, а вспомнить. Вы должны стать всё более осознанной и бдительной, вы должны проснуться. Вы должны увидеть, кто вы, не то, что вам было сказано, что вы женщина, что вы мужчина, что вы индуистка, мусульманка, белая или чёрная — не то, что было вам сказано.

Вы должны отправиться внутрь вашего существа к самой сокровенной сердцевине и увидеть, кто вы есть. В самом этом видении, в самом этом воспоминании, эго исчезает. Когда приходит свет, темнота исчезает; когда вспомнена истинная самость, природа, в нереальном нет необходимости. Дело не в том, что вы должны отбросить эго, оно просто не обнаружится, оно необоснованно.

Но мы живём в эго, и всяким возможным образом мы продолжаем находить подпорки для него. Каждым действием мы продолжаем подпитывать эго. Даже в тех действиях, в которых вы не являетесь деятелем, вы продолжаете претендовать на то, что вы их деятель. Люди говорят: «Я дышу». Просто посмотрите на абсурдность этого. Если *вы* дышите, тогда вы никогда не умрёте. Смерть придёт и станет перед вами, а вы будете продолжать дышать. Вы можете не делать одолжения смерти. Вы можете сказать: «Я не собираюсь прекращать дыхание».

Вы не дышите, дыхание не ваша деятельность, оно не ваше действие — оно случается. Вы не можете дышать. Если дыхание остановилось, оно остановилось. Если следующий вздох не приходит, вы не сможете ничего поделать. Дыхание — это событие, но человек его делает, или, по крайней мере, верит в то, что делает.

Вы говорите: «Я люблю». Даже само выражение «заниматься любовью», «делать любовь» (love-making), полнейший вздор. Вы не можете любить, вы не можете *не* любить. Любовь — это хэппенинг, событие, а не действие. Что вы можете поделать с любовью? Или она случилась, или не случилась. Если вы попытаетесь, тогда это будет нечто ложное, тогда это вообще не будет любовью — тогда это будет только притворством, театральной ролью.

Если вам прикажут полюбить мужчину или женщину, что вы станете делать? Вы будете производить пустые жесты: будете обнимать, целовать и вы будете продельвать все телодвижения, но совсем без любви. Все вещи будут механическими! Именно это и происходит, происходит во всём мире. Жена

должна любить мужа, муж должен любить жену, это род обязанностей, которые необходимо исполнить. Это стало представлением, театральной ролью. Это не настоящее, и поэтому не удовлетворяет, оно не приносит удовлетворённости, осуществления.

Это очень коварно в этом отношении: оно продолжает находить новые опоры, поддержки, новые пастбища, чтобы прокормить себя. Если вы потерпели неудачу, вы вините обстоятельства. Если вы преуспели, то это *вы*, тот, кто преуспел. Если вы потерпели неудачу, то это рок, судьба, если вы потерпели неудачу, то это общество, уродливое общество. Если вы потерпели неудачу, то это коварные люди, коварные конкуренты. Но если вы преуспели, *вы* преуспели.

Великая суфийская история:

Мулла Насретдин взял своих учеников на ярмарку. Много всего происходило там. В одном месте люди ставили большие деньги, стараясь стрелой поразить мишень. Мулла собрал своих учеников и сказал:

— Идёмте, я вам кое-что покажу.

Таков суфийский путь обучения учеников.

Он взял лук и стрелу.

Собралась огромная толпа: «Мастер суфиев с его учениками — что-то должно произойти!» Люди молча смотрели.

С важным видом Мулла выпустил стрелу... Она упала очень близко, даже не долетев до мишени. Толпа стала смеяться.

Мулла заявил:

— Прекратите! Не будьте дураками.

Он повернулся к своим ученикам и сказал:

— Смотрите, так происходит, когда вы живёте с комплексом неполноценности. Вот так поступает человек, страдающий комплексом неполноценности: он никогда не достигает цели, он не долетает. В этом нет всего его сердца.

Толпа затихла: «Да, в этом есть мораль, урок».

Следующая стрела... и она прошла гораздо выше, перелетев мишень. Снова неудача, толпа начала смеяться опять.

А Мулла сказал:

— Замолчите! Вы не понимаете таких загадок.

Он повернулся к своим ученикам и продолжал:

— Смотрите, так поступает человек, считающий себя очень важным. Он никогда не поражает мишень. Он бежит столь быстро, что минует цель, он не может остановиться у цели. Он слишком самонадеян. Он также неуравновешен.

Толпа снова замерла: «Да, это урок».

А Мулла Насретдин пытался в третий раз... и стрела пошла точно в мишень. Теперь толпа безмолвно ждала, чему будет учить Мулла своих учеников. Тот отправился к хозяину и потребовал деньги. Хозяин спросил:

— Почему?

Мулла ответил:

— Они мои! Первой была стрела, принадлежащая человеку, страдающему комплексом неполноценности; вторая была стрела человека, страдающего комплексом превосходства, манией величия, а вот эта — стрела Муллы Насретдина. Где деньги?

Это то, что всё время и происходит. В каждой ситуации наблюдайте. Когда вы потерпели неудачу, — это Бог, это судьба, это общество, обстоятельства... тысяча и одно условие. Но истинная суть в том, что вы не хотите брать на себя ответственность, потому что это ранит ваше эго. Но если вы преуспели, то это всегда вы, и никогда не Бог, не судьба, не обстоятельства, не ваши коварные замыслы, нет. Это просто вы, ваши таланты, ваш гений, ваш интеллект. Когда вы преуспели, это всегда вы.

Наблюдайте эго и не подпитывайте его. Оно умрёт, если вы не будете кормить его. Если вы прекратите его кормить, оно умрёт с голоду.

Миссис Кокрейн стояла рядом с гробом её мёртвого мужа. Рядом с ней стоял её сын. Прощающиеся, один за другим проходили в процессии.

— Теперь он не чувствует никакой боли, — сказала миссис Крой. — Отчего он умер?

— Бедный мальчик, — ответила миссис Кокрейн. — Он умер от гонорей.

Вторая женщина всмотрелась в гроб.

— Сейчас он выглядит здоровым от этого, — сказала она. — У него такая безмятежная улыбка на лице. Так от чего он умер?

— Он умер от гонорей! — сказала вдова.

Вдруг сын потянул мать в сторону.

— Мама, — сказал он, — какие ужасные вещи ты говоришь про папу. Он не умер от гонорей — он умер от диарей (поноса)!

— Я знаю, — говорит миссис Кокрейн, — но я бы скорее предпочла, чтобы они думали, что он умер, как повеса, чем что он умер от дерьма, которым он был!

Это постоянно присутствует, в каждой ситуации: оно не упустит ни одного случая, чтобы не подкормить себя, не усилить себя. Прекратить кормить эго — первая вещь, которую необходимо сделать.

Вторая вещь: стать более осознанными. Гуляя, идите с осознанностью; слушая, слушайте с предельной осознанностью — не в разновидности сна, не так себе, не еле тёплыми. Говоря, говорите с осознанностью. И мало-помалу эта осознанность принесёт вам видение вашей реальной сущности.

Это двойная атака на эго. Во-первых, не питайте его; во-вторых, станьте более осознанными — таким образом эго исчезнет от голода, и истинная сущность проявится через осознанность. И однажды облаков эго не станет, и истинная сущность взойдёт, как солнце. И эта истинная сущность не имеет ничего общего с вашим «я». Тем не менее, слово будет использоваться. Я использую эго, Иисус использует эго, Будда использует эго — оно должно использоваться, но теперь у него совершенно другое значение. Из уст Будды, Кришны или Христа оно имеет совершенно другой смысл.

Когда существо трансформировалось, трансформировалось всё: даже язык, используемый Буддой имеет совершенно другое значение. Его слова не могут иметь то же значение. Это невозможно! Потому что теперь пришёл иной свет, и в этом новом свете всё становится новым.

Вы живёте во тьме, вы спотыкаетесь во тьме, вы во тьме бредёте на ощупь. Человек осознанности живёт в свете, на свету. Он никогда не спотыкается, никогда не бредёт на ощупь. Он движется с грацией, у него совершенно другое качество существа, жизни, любви.

Делайте две вещи, Ева: первая — больше не питайте, не поддерживайте это достаточно, и вторая — станьте более осознанной. Это двойная атака, с двух сторон. Она всегда успешна, она никогда не проигрышна.

Четвёртый вопрос

Бхагван, никогда раньше я не чувствовала так много любви и никогда раньше такого одиночества. Спасибо вам, Бхагван...

Прем Турья, это нечто глубокое, сложное для понимания, нечто огромного значения. Любовь всегда приносит одиночество. Одиночество всегда приносит любовь. Они не отделимы.

Люди думают как раз наоборот. Люди думают: «Когда вы любите, как вы можете быть одинокими?» Они не делают никакого различия между двумя словами: loneliness (дословно: «одиночество» в смысле покинутости, брошенности, никому ненужности. — *Прим. пер.*) и aloneness (дословно: «одиночество» в смысле самодостаточности, готовности действовать самостоятельно, опираться на свои собственные силы. — *Прим. пер.*). Отсюда вся путаница.

Когда вы любите, вы не можете быть одинокими, покинутыми, это верно. Но когда вы в любви, вы обязаны быть одинокими, самодостаточными — это гораздо более верно. Одиночество, брошенность, покинутость — негативное состояние. Покинутость означает, что вы жаждете других. Покинутость означает, что вы печальны, унылы, в отчаянии. Покинутость, одиночество означает, что вы испуганы. Покинутость значит, что вы чувствуете, что вас забыли, что вы никому не нужны. Она причиняет боль. Покинутость подобна ране.

Одиночество, самодостаточность — как цветок. Я знаю, ваши словари скажут, что loneliness (покинутость) и aloneness (самодостаточность) синонимы, но это не так. Это совершенно разные явления. Покинутость — как рана, которая может превратиться в язву. Гораздо больше людей умерло от покинутости, чем от какой-либо другой болезни. Мир полон людей страдающих одиночеством, брошенностью, и из-за их одиночества они продолжают делать все виды глупостей, чтобы только как-то заткнуть эту рану, эту пустоту, эту негативность, отрицательность.

Покинутый, одинокий человек начинает слишком много есть, просто чтобы почувствовать наполненность. Покинутый человек начинает накапливать жир. Покинутый человек начинает употреблять алкоголь или другие наркотики, от сомы до LSD, потому что он хочет забыть себя. Покинутость столь безобразна, столь жутка, столь подобна смерти, что хочется сбежать от неё. Покинутый человек сидит перед телевизором, как приклеенный, четыре, пять, даже шесть часов. Средний американец сидит перед телевизором по шесть часов, пока не покраснеют глаза. А что ещё делать? Куда идти? С кем общаться?

Общение прекратилось. Люди не говорят друг с другом. Максимум, что они делают, — это говорят *рядом* с другими, но не друг с другом. Люди забыли, как входить в контакт с другими. Люди стали параллельными линиями,

бегущими очень близко, но нигде не встречающимися. Даже муж и жена, даже друзья, даже так называемые любовники — только параллельные линии, никогда нигде не встречающиеся. Идущие очень близко, надеющиеся, что завтра встреча случится, но это только надежда, это просто иллюзия. Она помогает людям как-то жить дальше.

Это похоже на то, как вы, идя по железнодорожному полотну, видите рельсы, идущие параллельно, и вдали, на расстоянии, кажется, что они встречаются, но они никогда не встретятся. Вы можете подойти к тому месту и не увидите никакого пересечения. По мере того, как вы будете подходить ближе, точка пересечения будет отодвигаться всё дальше от вас. Расстояние между вами и так называемой точкой пересечения будет оставаться тем же самым.

Мир очень одинок, поэтому люди идут в наркотики или в секс, или в какой-нибудь другой вид развлечения, который позволит им, по крайней мере, на время забыть о их одиночества и покинутости. Рана истекает гноем. Мы прячем её многими способами: посредством огромной собственности, огромных дворцов, посредством больших денег, посредством новых технических устройств, но рана остаётся, технические устройства не могут скрыть её. Вы можете иметь самый большой дом в мире и всё же вы будете так же одиноки в нём, как вы были бы одиноки в маленьком коттедже. Одиночество не будет делать никаких различий: собственность не может изменить ваше внутреннее одиночество.

И тогда люди начинают взаимоотношения с другими, но поскольку и те, и другие покинутые и томлящиеся одиночеством, взаимоотношения невозможны; взаимоотношения не могут вырасти из нужды. Взаимоотношения могут возникнуть только из изливающейся через край энергии, и никогда из нужды. Если один человек нуждающийся и другой человек также нуждается, тогда оба будут стараться эксплуатировать друг друга. Взаимоотношения будут эксплуатацией, а не любовью и сочувствием. Они не будут дружественными. Они будут видом вражды — очень горькими, но в сахарной глазури. И, рано или поздно, сахар истощается; после медового месяца сахар уходит, и всё становится горьким. И теперь они попались. Сначала они были одинокими по отдельности, теперь они одиноки вместе, что причиняет боль ещё больше. Просто посмотрите на мужа и жену, сидящих в комнате: оба одиноки. На поверхности вместе, глубоко внутри одиноки. Муж, потерявшийся в своём одиночестве, и жена, потерявшаяся в своём одиночестве. Наипечальнейшая вещь в мире — увидеть двух любовников, пару, и оба одиноки — наипечальнейшая вещь в мире!

Одиночество как самодостаточность — совершенно другое. Самодостаточность — это цветок, цветение лотоса в вашем сердце. Одиночество как самодостаточность позитивно, самодостаточность — это здоровье. Это радость бытия самим собой. Это радость того, что у вас есть собственное пространство, свой космос.

Да, когда вы в любви, Турья, вы чувствуете одиночество-самодостаточность. Самодостаточность прекрасна, самодостаточность — благословение.

Но только любящие могут чувствовать её, поскольку только любовь даёт вам храбрость быть самодостаточными, только любовь создаёт фон самодостаточности. Только любовь осуществляет вас настолько глубоко, что вам больше не нужны другие: вы можете быть одни. Любовь делает вас настолько всеобъемлющими, что вы можете быть едиными и экстатичными. Любовь становится контрастом: любовь и самодостаточность — два полюса одной энергии.

Неплохо бы понимать это, потому что иногда так случается, что любовники не дают друг другу достаточно пространства для того, чтобы побыть одному, самому по себе. Если любовники не будут давать друг другу достаточно пространства для того, чтобы побыть одному, тогда любовь будет разрушена, потому что именно из самодостаточности и одиночества она черпает новую энергию, свежие соки. Когда вы один, сам по себе, вы аккумулируете энергию до той точки, когда она начинает изливаться через край.

Этот изливающийся через край поток становится любовью: тогда вы можете идти и делиться с вашими друзьями, с вашими женщинами, с тем, кого вы любите. Теперь у вас есть достаточно, чтобы делиться; на самом деле, слишком много — вам необходимо делиться. И это не то чтобы вы делали одолжение другим; на самом деле, вы будете обязаны другим. Когда тучи тяжелы, они должны излиться дождём, и они благодарны земле, что она дала возможность им пролить дождь, что она впитала его, что она приняла его, как гостя, что она была радушна ему. Когда цветок открывается, он должен высвободить его аромат. Он благодарен ветрам, что они разнесли его аромат во все стороны.

Когда человек один, самодостаточен, он накапливает энергию. Энергия есть жизнь и энергия — это восторг, энергия — это любовь и энергия — это танец, празднование. Если есть энергия, тогда всё возможно. Тогда она становится песней, танцем, любовью. И когда энергии слишком много, только тогда она может стать оргазмичной.

Многие люди занимаются любовью, но не имеют понятия, чем является оргазм, так как они уже растратились (*dissipate* — имеет значения: 1. Растративать (понапрасну) и 2. Вести распущенный, беспутный образ жизни. — *Прим. пер.*). Когда они занимаются любовью, они пусты; когда они занимаются любовью, у них нет энергии, чтобы делиться. Когда они занимаются любовью, они не изливаются через край. Их оргазм не больше, чем половой, генитальный. Их оргазм весьма небольшое, посредственное явление; не имеет никакой духовной ценности. Это что-то вроде чиха. Конечно, чихнув, вы чувствуете себя немного лучше. Или это что-то вроде чесания спины — кажется, что это не плохо. Вы облегчаетесь.

Оргазм — не облегчение: оргазм — это празднование. И оргазм является вашей встречей, через другого, с целым. Оргазм всегда божественен: другой становится дверью и вы входите в божественное. Оргазм всегда является духовным, он никогда не половой, не сексуальный. Те, кто думают, что оргазм сексуален, ничего вообще не понимают; они ничего не знают о сексе, и они ничего не знают о переживании оргазма. Оргазм — это всегда са-

мадхи, экстаз. Но люди не имеют понятия, потому что они встречаются из нужды, а не из-за бьющей через край энергии.

Так что когда вы любите, возникает великая потребность быть одному, самому по себе — *только* в любви, запомните, возникает великая потребность быть одному. И настоящими влюблёнными являются те, кто даёт свободу другому быть самому по себе, одному. Вскоре они наполнятся энергией, сойдутся и изольют их энергию друг на друга. Во время одиночества, самодостаточности, возникает огромное желание поделиться. Поймите ритм: во время любви, вам хочется быть одинокими, во время одиночества, вскоре вам хочется любви. Влюблённые сходятся и расходятся, сходятся и расходятся — это ритм. Расхождение не анти-любовь; расхождение — это просто достижение вашей самодостаточности вновь, и её красоты, её радости. Но когда вы наполнитесь радостью, возникнет внутренняя, неизбежная потребность поделиться ей. Никто не может сдерживать радость, и радость, которую вы можете сдерживать, не имеет большой ценности. Радость больше, чем вы, она не может быть сдержана вами. Это наводнение, потоп! Вы не можете сдерживать её, вы должны искать и отыскивать людей, чтобы поделиться с ними.

То, что происходит с вами в ваших любовных делах, случается на высшем плане со всеми Буддами. Когда Будда стал просветлённым, он стал так полон энергии, столь наполнен радостью, что он должен был разделить её. Сорок два года он ходил от деревни к деревне, постоянно делясь своей радостью.

Это то, что я делаю в отношении вас. Я не учитель. У меня нет ничего, чтобы учить, никакой доктрины для передачи, никакой информации — но я здесь, чтобы разделить моё существо. Я слишком наполнен, туча слишком тяжела. И если вы можете воспринять меня, я буду благодарен вам.

Из-за переполненности возникает желание делиться. И просветление, Буддовость, Сознание Христа соединяют вас с Богом. Бесконечный источник энергии становится доступным вам. Неисчерпаемый источник ваш. Вы можете идти и делиться, и чем больше вы делитесь, тем больше приходит к вам.

Самодостаточность достигла своего предельного пика. Мастер — самый одинокий человек в мире, и поэтому Мастер величайший в мире влюблённый. Вы не сможете найти больших влюблённых, чем Будда или Христос. Но теперь эта любовь настолько качественно иная, что она имеет качество дружелюбия, сочувствия, соучастия. Страстность, чувственность исчезает.

Чувственность (*passion*) очень мала, мелка; сочувствие (*compassion*) безмерно, громадно, огромно, бесконечно. Когда чувственность становится безграничной, она становится сочувствием.

Турья, твоё переживание прекрасно, и ты поняла его красоту, поэтому ты почувствовала такую благодарность ко мне.

Ты говоришь: *Никогда раньше я не чувствовала так много любви и никогда раньше такого одиночества.*

Это две стороны одной и той же медали.

И ты говоришь: *Спасибо вам, Бхагван.*

Ты поняла. Я счастлив, что ты оказалась способной увидеть связь между любовью и самодостаточностью, одиночеством. Наслаждайся ими. Никогда не выбирай одно без другого, потому что, если ты выберешь одно, умрут оба. Позволь случаться обоим. Когда возникло одиночество, двигайся в него; когда случится любовь, иди в неё. Одиночество значит движение внутрь, любовь значит движение наружу.

Одиночество — это дыхание входящее внутрь, любовь — это дыхание идущее наружу. Если вы остановите одно, вы умрёте. Вы не можете только вдыхать, вы не можете только выдыхать. Дыхание — это целостный процесс, и в целостном процессе входящее дыхание так же важно, как выходящее. Любовь — это дыхание, жизнь, идущая наружу; одиночество — это дыхание, жизнь, идущая внутрь. Так живёт ваша душа; это то, именно так вы становитесь душевными (soulful — буквально: наполненными душой. — *Прим. пер.*).

Позвольте оба. Никогда не выбирайте. Не выбирая, позвольте и то, и другое. И куда бы дыхание, жизнь не шла, идите с ней. Одиночество — внутренняя сторона (interiority), любовь — внешняя (exteriority).

Карл Густав Юнг сделал эти слова очень известными. Он разделил людей на два типа: интроверты и экстраверты. Это ложное разделение. Люди не могут быть определены таким образом. Люди не могут быть разложены по ящикам с бирками таким образом. Я никогда не сталкивался с кем-либо, кто был бы только интроверт — он бы умер немедленно, так как у него было бы только входящее дыхание. Я никогда не видел человека, который только экстраверт — он тоже бы умер. Люди — и то, и другое.

Может быть так, что кто-то более экстраверт, чем интроверт, и наоборот. И это то, что вносит дисбаланс в вашу индивидуальность. Человек должен быть и тем, и другим одновременно. Он должен быть сбалансированным.

Мои саньясины должны быть экстравертными интровертами и интровертными экстравертами — и тем, и другим одновременно. Это одна из самых важных вещей для понимания, так как в прошлом монахи старались быть только интровертами. Они были так называемыми «людьми не от мира сего», людьми, которые отвергли мир и отправились в монастыри, горы и пустыни. Они решили, что быть интровертом — единственный правильный способ соединиться с Богом, как будто снаружи его нет, а только внутри.

И другие, мирские люди, остались экстравертами. Они решили, что им нет дела до интроверсии, медитации, молитвы. Их интерес в деньгах, силе, власти, престиже, народе, толпах — в мирском. Они никогда не заглядывали внутрь. Это очень шизофреническая, расщеплённая расстановка.

Я хотел бы, чтобы мои саньясины были не шизофреничными, а цельными. Будьте в мире, но всё же будьте не от него. Двигайтесь между внешним и внутренним и позвольте движению стать таким лёгким, таким простым, насколько возможно. Просто, как вы выходите из дома в сад: стало слишком холодно внутри, и вы выходите. Стало слишком солнечно снаружи; вы стали чувствовать жару, вы начали потеть, и вы входите внутрь, в дом, в его про-

хладу и тень. Просто, как вы входите внутрь дома и выходите наружу, так же двигайтесь внутрь и наружу: и то, и другое ваше.

Прежние саньясины, прежние монахи, утверждали только внутреннее и отвергали внешнее. Моё послание таково: ничто не должно быть отвергнуто, всё принадлежит вам. Я даю вам всю вселенную, весь космос, и внутренний и внешний. И я не хотел бы, чтобы вы стали интровертами, потому что интроверты, которые против экстравертности, становятся большими, патологическими, спящими, инертными, закрытыми, оторванными, неукоренёнными. Они начинают жить жизнью без окон. Они начинают жить в ненужном страдании. Они никогда не узнают, что такое самодостаточность, потому что самодостаточность не может быть узнана без любви, они знают только никому ненужность, покинутость. А никому ненужность — это не здоровье, никому ненужность — это болезнь.

И люди, живущие только внешним миром и никогда не думающие о внутреннем, находятся на противоположном полюсе. Они что-то знают о любви, но их любовь не больше, чем похоть, потому что любовь не может случиться, пока самодостаточность так же не случилась в вас. Их любовь красивое название похоти. Они нуждаются в других, они используют других, обладают другими. А когда вы обладаете другими, другие обладают вами. Люди делаются рабами, люди низводятся до вещей. Люди уже больше не люди.

Человек, который живёт только во вне, не зная своей внутренней стороны, беден, очень беден, не подозревая о своих внутренних сокровищах. И человек, который живёт только внутри, тоже беден, поскольку он никогда не знал красоты существования, звёзд, песка и солнца, деревьев и птиц.

Внутреннее и внешнее — это не две вещи. Внутреннее — это внутренняя сторона внешнего, а внешнее — это внешняя сторона внутреннего. Мои саньясины должны быть и тем, и другим одновременно. Я бы хотел создать нового человека, которого Карл Густав Юнг не смог бы определить, которого он не смог бы назвать экстравертом или интровертом, для которого он должен был бы найти новое слово, так как он будет целостным, он будет и тем, и другим. Он будет столько же телом, сколько и душой; он будет столь же материалистичным, сколь и духовным. Он будет от этого мира так же, как и от того, его ум не будет разделён, у него не будет предпочтений.

Турья, нечто прекрасное случилось с тобой — продолжай двигаться в том же направлении. Не заблудитесь, так как очень просто заблудиться. Наши старые привычки, наши старые идеи, представления продолжают тянуть назад к старым шаблонам и стереотипам. Ваш ум скажет: «Это одиночество — не самодостаточность, это никому ненужность». Ваш ум постарается разрушить это, называя это никому ненужностью. Берегитесь! Остерегайтесь своего собственного ума! Поскольку нет большего врага, чем ваш собственный ум.

Под «умом» я имею в виду ваше прошлое. Продолжайте умирать для прошлого и продолжайте учиться новым вещам. Вы наткнулись на нечто ужасно ценное, совершенно новое и свежее. Любовь приносит самодостаточность, самодостаточность приносит любовь. Так тоже случается.

Сейчас вы говорите: *Никогда раньше я не чувствовала так много любви и такого одиночества.*

Я бы хотел, чтобы каждый из моих саньясинов почувствовал, как Турья: чувствовал одиночество, самодостаточность и чувствовал любовь. И никогда не создавайте никаких конфликтов между этими двумя. Создавайте из них симфонию, и у вас будет богатство, которое весьма редкостно.

Пятый вопрос

Бхагван, если я когда-то стану просветлённым, я буду таким же сумасшедшим, как вы?

Говинд, сумасшедшим вы будете, но своим собственным образом. Вы не можете быть таким же безумным, как я. Ваше безумство будет иметь свою собственную индивидуальность.

Кришна безумен своим собственным образом, но это случилось только однажды; это никогда не повторялось. Только подумайте о Кришне, играющем на его флейте: вы не сможете представить себе Христа, играющего на флейте. Он сумасшедший своим собственным образом: он несёт свой крест. Какая связь может быть между флейтой и крестом? Просто положите флейту рядом с крестом, это будет выглядеть очень абсурдным расположением, сюрреалистическим расположением. Абсурдным, крайне абсурдным.

Мира, став просветлённой, танцевала и танцевала. Всю её жизнь она танцевала из одной деревни в другую, распевая песни о Боге, о любви. А Будда, став просветлённым, стал чрезвычайно безмолвным, тихим, неподвижным. Не случайно, что первые мраморные статуи были изготовлены с Будды, изображали Будду: он сидел, как мраморная статуя. Но вы не можете сделать мраморную статую Миры — это невозможно. Она столь неуловимая, летучая. Она больше похожа на реку, чем на камень мрамора. Вы не можете сделать статую Миры: это будет подделкой, потому что статуя не может танцевать. А без танца нет Миры. Статуя Миры может быть только фонтаном, но не камнем мрамора. Да, из фонтана можно было бы сделать статую Миры, но она должна быть динамичной, она должна танцевать.

Мира — сумасшедшая её собственным образом. И такие люди никогда не повторяются. Все просветлённые люди просто уникальны. Только на днях я рассказывал о смеющемся Будде из Японии: он смеялся всю свою жизнь. Смех стал его посланием.

Говинд, Бог никогда не повторяется. Он приходит в новых формах, в новом выражении, в новом откровении. И никогда не используйте слово «если»: вы *собираетесь* стать просветлённым! Не будьте так испуганы. Почему «если»? Это не вопрос «если» и «но»: вы *станете* просветлённым, поскольку просветление — это не что-то, подобное достижению, оно сама ваша природа. В какой-нибудь день, поворот во внутрь, и вы просветлённый: в *любой* день. Может, в понедельник, может, во вторник, в *любой* день! И есть только семь дней...

Каждый момент вы поворачиваетесь вовнутрь!

Просветление — не что-то, подобное отдалённой цели; оно самое близкое, ближайшее. Даже сказать, что оно близко, неправильно: *оно есть вы!* Нет различия, нет дистанции между вами и просветлением. Узнайте себя и вы просветлённый — и вы уже там! Ничего не нужно добавлять к вашему существованию. Всё, что необходимо, — это поворот на сто восемьдесят градусов — и вы сумасшедший.

Да, лучше называть просветлённых людей сумасшедшими, поскольку так называемые нормальные, здравомыслящие люди явно не в своём уме. Если так называемые здравомыслящие — здравомыслящие, тогда Будда сумасшедший, Христос сумасшедший, я сумасшедший, и раньше или позже, Говинд, и вы станете сумасшедшим. И я надеюсь, что это будет раньше.

Но одно определённо: вы не будете, как я, и вам не нужно. И хорошо, что вы не можете быть похожими на меня, иначе это будет имитацией, иначе это будет театральной ролью, иначе это был бы псевдочеловек. Многие пытались. Это то, как возникли религии. Миллионы старались быть, как Христос; ни один не стал Христом. Миллионы старались, и взамен того, чтобы стать Христом, они стали христианами, а быть христианами уродливо, глупо, невежественно.

Быть Христом действительно нечто, но когда вы хотите быть Христом, вы не можете имитировать Христа. Учитесь от него, впитывайте его сущность, но помните: Бог проявится в вас совершенно другим образом. И это непредсказуемо, никаких предсказаний не может быть сделано. Я не могу сказать, как он проявится в вас, потому что бог наисумасшедший субъект в мире: непредсказуемый, абсолютно непредсказуемый. Он найдёт путь, он найдёт нечто новое. И хорошо, что он всегда находит нечто новое, так как через это новое мир становится более и более богаче.

Просто представьте: Будда подобен Христу; Кришна тоже подобен Христу; Махавира, Заратустра, Лао-Цзы, Чжуан Цзы, все подобны Христу... мир будет казаться очень грустным, скучным. Куда бы вы ни пошли, вы встретите Христа. Вам надоест. И хорошо, что время от времени, крест исчезает и появляется флейта, хорошо, что в одно время Бог приходит танцуя, в другое время он безмолвен, и также хорошо, что иногда он приходит с крестом. Все оттенки, все нюансы, все измерения...

Говинд, вы, как всякий другой, уникальный человек. Нет двух одинаковых людей. Как могут быть похожими два Будды? Нет даже двух похожих человек, нет даже двух одинаковых камушков на морском берегу. Ваши отпечатки пальцев — это ваши отпечатки пальцев, что говорить об отпечатках пальцев вашего внутреннего существа? Они должны быть индивидуальными, уникальными, несравнимыми.

Последний вопрос

Бхагван, мои родители-христиане обычно рассказывали об обещании Бога человеку, и о том, что Иисус, когда покидал эту землю, пообещал своим ученикам вернуться, чтобы забрать их в царство Бога.

Неужели вы осуществили это обещание? Вы Иисус Христос?

Сварга, почему я должен быть Иисусом Христом? Одного достаточно! Я сам по себе. Я только моё собственное существо. Я не Иисус Христос, не Гаутама Будда, не Вардхаман Махавира. Почему я должен ими быть? Как я могу ими быть? Я не копия с кого-то ещё, у меня моё собственное лицо.

Но такой вопрос возник. Вы любите Иисуса Христа, и теперь вы полюбили меня: в этом *ваша* проблема! Теперь вы как-то хотели бы соединить ваши две любви. Внутри должно быть конфликт: что теперь делать? Сейчас вы полюбили меня и вы любили Иисуса. Глубоко внутри ум говорит: «Ты что, предаёшь Иисуса? Полюбил этого человека?» А вы не хотите предавать Иисуса, и сейчас вы не можете предать меня тоже! Поэтому конфликт. Вы бы хотели заверений, что я Иисус Христос, тогда ваша проблема решена.

Я та же истина, но не то же её выражение. Я тот же самый опыт, но не то же выражение его. То, что знал Иисус, знаю я; то, что он испытал, испытал и я. Но Иисус — это Иисус, а я — это я, так и должно быть.

В квартале Манхэттена, называемом Бауэри (имеет два значения: 1. Обсаженный кустами, тенистый; 2. Квартал дешёвых баров и притонов. — Прим. пер.), дом для алкоголиков и бездомных стал самым известным Скид Роу (Skid Row — район притонов и ночлежек; улица бродяг и пьяниц, «дно». — Прим. пер.) в мире.

Это одна из причин, почему:

В четыре часа утра завалившийся в ночлежку Бауэри пьяный, заорал:

— Я — Иисус Христос! Я — Иисус Христос!

Спящие были разбужены.

— Я — Иисус Христос! Я — Иисус Христос! — выпалил выпивоха.

— Эй, заткнись! — закричали обитатели отеля. — Потихе!

— Я Иисус Христос! — распустил нюни пьянчужка. — Я Иисус Христос!

— Может, ты позволишь нам поспать?!

— Если вы не верите мне, пойдёмте со мной, и я докажу вам!

Несколько человек поднялись и последовали за ним наружу, где он подошёл к затемнённой кабаку и начал вопить и грохать по двери.

Хозяин, живший наверху, услышав шум, спустился и открыл дверь. Он увидел пьяницу и закричал:

— Иисус Христос (английский аналог нашего: «О, Господи!», «Боже!» — Прим. пер.), ты снова здесь?

— Вы видите, я же говорил вам! — сказал пьяный, оборачиваясь к своим спутникам.

Иисус — это прекрасно, но нет необходимости ему приходиться ещё раз, и я не думаю, что он решится. Просто вспомните, что вы с ним сделали! Он мог обещать: «Я приду вновь!», — но я обещаю вам: он никогда не придёт, потому что то, что вы сделали с ним, вы сделаете вновь. Это только новички, ставшие просветлёнными, не знающие, что должно с ним произойти!..

Глава 3

Отпечатки вашего внутреннего существа

- 1. Что ещё остаётся делать?*
- 2. Я ощущаю несогласие в отношении себя — как вы на меня посмотрите?*
- 3. Нельзя ли учиться через имитацию?*

Отпечатки вашего внутреннего существа

Первый вопрос

Бхагван, я слышал, что просветление, или естественное состояние человека — это нечто беспричинное: оно просто случается. И все наши старания вызвать осознанность, быть осознанными, уведут нас от этого состояния, так как они только игры ума, и вся эта деятельность по самоосознаванию просто «святой бизнес».

Я не могу вообразить, чем была бы моя жизнь, если бы я бросил поиски, так как это охватывает мою жизнь настолько, насколько я могу вспомнить.

Если нет пути объединиться, ничего не может быть сделано, к чему вся эта деятельность? Зачем беспокоиться? Однако, может, что-то все же может быть сделано? Пожалуйста, прокомментируйте.

Цэва Самадхи, это один из самых важных, существенных вопросов. Мы должны войти глубоко в него. Это правда, это абсолютная правда, что просветление беспричинно: оно не может быть вызвано нашими усилиями. Но это не значит, что вы должны прекратить делать усилия, потому что тогда оно точно не случится.

Эта тайна, мистерия, этот парадокс должен быть глубоко понят. Сама тенденция логического ума — это или решить, что просветление имеет причину, так что человек может делать усилия в достижении его, или что оно беспричинно, оно происходит только когда происходит само по себе, тогда нет необходимости делать какие-либо усилия.

На обоих путях вы потерпите неудачу. Если вы думаете, что просветление причинно, его можно вызвать, и делаете усилия, вы упустите, потому что оно беспричинно, его нельзя вызвать. И если вы думаете, что оно беспричинно, и поэтому не нужно делать никаких усилий: зачем беспокоиться? — вы снова упустите.

Реальность такова: вы должны делать все возможные усилия, и всё же оно не произойдёт вследствие ваших усилий, но через ваши усилия вы подготовитесь воспринять его, когда оно случится.

Оно *действительно* беспричинно. Оно случается. Просветление не делается с вашей стороны. Но когда оно происходит, будете ли вы готовы увидеть его? В этом суть, самый главный вопрос проблемы. Когда оно происходит, будете ли вы готовы распознать его? Когда оно происходит, будете ли вы готовы приветствовать его, открыть ему сердце, воспринять его в своём существе? Будете ли вы готовы стать хозяином для гостя, когда он стучится в ваши двери?

Ваши усилия не создадут просветления: ваши усилия просто сделают вас более и более доступным для него, открытым для него, уязвимым для него. Ваши усилия создадут матку из вашего существа, так что вы сможете забеременеть им. Оно случится свыше. И это не нечто, что может произойти когда-то в будущем: оно уже происходит. Вы только не готовы.

Когда это случилось с Буддой, это может случиться со всем человечеством, на всей земле. Но Будда был готов воспринять это, а другие не были готовы. Солнце восходит: оно взойдёт только для тех, у кого есть глаза, оно не взойдёт для тех, кто слеп.

Если вы пойдёте к врачу, он может помочь: он может помочь вам избавиться от вашей слепоты. Его медицина не может создать восход: его медицина не имеет отношение к тому, что касается восхода. Восход происходит сам по себе: он уже происходит, происходит каждый день, но он никогда не происходит для слепых людей, или для тех, кто не слеп, но всё же держит свои глаза закрытыми.

Самадхи, ваши усилия только откроют ваши глаза. И в этом роль открывания глаз: понять, что просветление беспричинно. Но помните: это всё ещё не ваше понимание.

Вы говорите: *Я слышала, что просветление или природное состояние человека — это нечто беспричинное...*

Вы слышали это. Это не может помочь вам: пока вы не начнёте чувствовать, что оно беспричинно. А как вы можете почувствовать, что оно беспричинно? Делая все возможные усилия и терпя неудачу снова, снова и снова, однажды внезапно произойдёт понимание, что все усилия не могут этого сделать. В этом понимании вы не станете думать: «Зачем беспокоиться?» Вы не станете думать о прекращении усилий. В этом понимании усилия просто *прекратятся*. В этом понимании усилия испаряются.

Это то, как случилось с Гаутамой Буддой. В течении шесть лет он сделал все возможные для человека усилия, чтобы достичь просветления, но поскольку это не достижение, он не смог достичь его. И чем больше усилий он делал, тем более разочарованным, смущённым, разумеется, он становился. Если вы не делаете никаких усилий для этого, вы не будете разочарованным, и когда вы делаете усилия от всего вашего сердца, каждый раз неудача будет причинять боль. Он поставил на карту всю свою жизнь, и всё же это не происходило. Он не оставлял ничего про запас, выкладывался без остатка. Если бы он оставил что-то про запас, тогда бы понимание, которое произошло с ним, не было бы возможно: все усилия были бы впустую.

Это случается только с теми, кто не оставляет ничего про запас, когда вы поставили на кон всё, что вы имеете, когда ничего больше не осталось, когда вы совершенно пусты, вы опустошили себя полностью, а это не случается, тогда возникает понимание: «Мои усилия тщетны. Мои усилия — это усилия это: это тщетно. Мои усилия — только игры моего собственного ума. Ум — барьер сам по себе».

Но это не должно стать вашим собственным переживанием, Самадхи. Не поможет, если вы только слышали это. Вы можете услышать великие истины, но пока они не возникли в вашем собственном существе, они не истинны. Истина услышанная — ложь: только пережитая истина истинна. И только пережитая истина освобождает. Как вы её испытаете? Вы хотели бы иметь её без всяких усилий. Вы бы предпочли, чтобы она случилась так же, как она случилась с Буддой, минус те шесть лет, которые предшествовали этому.

Те шесть лет огромных усилий просто необходимы. Тогда однажды внезапно, одним вечером, когда солнце садилось, откровение произошло с ним: «Мои усилия не могут вывести меня за пределы себя». Это так естественно! Это всё равно, что тянуть себя за волосы: *полностью* бесполезно. Но как это можно было знать?

Те шесть долгих лет... Они должны были показаться ему шестидесятью годами, потому что они были действительно мучительными. Все виды аскетических практик, долгие посты, истязание тела, исполнение всех видов упражнений йоги, многие из которых просто идиотские: стояние на голове, выворачивание тела, совершенно нелепые позы, он делал всё. Что бы ни говорилось ему, он следовал этому дословно, слово в слово. Он ходил ко всем видам учителей, и они все должно быть были псевдо. Даже ни один из них не был Буддой, не был просветлённым. Они надавали ему множество планов реализации.

Если бы он не делал их совершенно точно, они бы были спасены. Они бы сказали ему: «Потому что ты не делаешь полностью, абсолютно, тотально, поэтому ты не достигаешь». Но это было невозможно: этот человек был столь подлинным, столь искренним, столь невинно целостным, что даже эти псевдо-учителя должны были сказать ему: «Извини нас, прости нас: это всё, что мы знаем. А ты выполнил это всё, и мы не можем ожидать большего от тебя. Теперь ты должен идти куда-то ещё. Это всё, что мы знаем, и теперь ты знаешь, что это не может дать тебе просветление: это не дало просветления и нам тоже. Но очень редко находится такой человек, как ты. Люди приходят и делают всё очень частично, не целостно. С ними мы всегда можем сказать: “Из-за того, что ты не делаешь полностью, ты упускаешь”, но мы не можем это сказать тебе! Твоя невинность, непосредственность не позволяет. Твоя целостность, тотальность — мы пристыжены. На самом деле, мы сами не выполняли эти практики столь целостно. Прости нас, и найди другого учителя. И если ты когда-нибудь обретёшь просветление, не забывая нас. Если ты когда-нибудь обретёшь истину, пожалуйста, вспомни нас: мы так же стремимся и ищем. Мы так же слепые», — признались те учителя Будде.

После шести лет странствия, однажды вечером, сидя молча под деревом, у берега реки Ниранджаны, это откровение забило ключом внутри его существа — что человеческие усилия не могут помочь вам выйти за пределы человеческого. Это может только случиться, это не может быть вызвано. Но теперь эти шесть лет аскетизма отчистили его, этот огонь сделал его золотом. Эти шесть лет помогли ему увидеть полнейшую бесполезность ума. Теперь он был готов быть безмолвным, безусильным, пассивным.

Этой ночью он спал без поиска, пусть даже истины, поскольку поиск создаёт желание, желания могут быть исполнены только через усилие: поиск исчез! Желания исчезли. Усилия исчезли. Впервые он спал совершенно расслаблено: ни мирские желания не мучили его, ни желания потустороннего мира. В эту ночь у него не было снов, это была первая ночь без снов, так как сны — побочный продукт ваших желаний. Мирским людям снятся мирские вещи, людям не от мира сего снятся вещи потусторонние. И мирские люди не так сильно обманываются, потому что если ночью вы увидели сон, будто вы нашли огромное сокровище бриллиантов, утром вы знаете, что это был только сон. Но люди не от мира сего, духовные, очень обманываются своими снами.

Кто-то видит Кришну, играющего на своей флейте, кто-то видит Иисуса Христа, кто-то видит Раму, и так далее, тому подобное. И они не могут сказать, что это сны, они столь ценны для них. Они начинают думать, что это переживания, опыт. Это сны! Такие же, как любые другие.

И люди не от мира сего, начинают галлюцинировать и днём тоже, даже с открытыми глазами, поскольку мирской находится в миру, а в миру вы не можете галлюцинировать, так как другие подумают, что вы сумасшедший. В миру вы живёте с объектами, и вам придётся доказывать другим, что увиденное вами реально. В те сокровища из ваших снов никто не станет верить. Так много скептиков вокруг вас, они потребуют доказательств, а доказательства вы не сможете предоставить. Так что вы можете видеть сны только ночью. Но люди не от мира сего, те, кто сбежали от мира, человек, живущий в изоляции в Гималайской пещере, не должен никому ничего доказывать, нет никого, кому доказывать, и нет никого, чтобы спрашивать его. Он отбрасывает объективный мир, теперь он живёт в своей субъективности: он может видеть сны днём, он может видеть сны с открытыми глазами.

Теперь это хорошо известный, полностью установленный психологический факт, что если люди продолжают долго поститься в изоляции, после первой недели они начинают видеть галлюцинации, и после третьей недели они теряют *все* различия между тем, что реально и что нереально. После третьей недели поста, реальность и сон начинают смешиваться.

Это как у маленьких детей: маленький ребёнок не знает, что реально, а что нет. Так что иногда ребёнок, видевший сон о прекрасной игрушке, просыпается и начинает плакать о ней. Мать может продолжать пытаться убедить его, что это был только сон, но он говорит: «Она была здесь, как она может быть сном? Она была у меня! Куда делась моя игрушка? Принеси мне её обратно!»

Те же вещи происходят в глубокой изоляции. Если это достаточно продолжительная вещь, трёхнедельное уединение в Гималайской пещере, мало-помалу, вы начинаете галлюцинировать. Тогда вы видите Кришну, играющего на флейте, более того: он начнёт говорить с вами. Не только это: он начнёт играть с вами. И из-за того, что это считается духовным... Это просто безумие! Но поскольку считается, что это духовно, вы очень, очень удовлетворены, ваше эго чувствует истинное удовлетворение. Вы хвастаетесь тем, что

явился Кришна, что вы говорили с Кришной, что вы играли с ним, что он играл на флейте, а вы танцевали вокруг него.

И так же есть другие дураки, которые поверят в это. Весь мир полон суеверных людей.

Будда прошёл в те долгие шесть лет через все виды подобных вещей. И только через переживание подобных вещей человек однажды может прийти к выводу, что это всё вздор, ерунда, абсурд, нонсенс. И когда появляется ваше собственное понимание, что всё это нонсенс, вам не нужно прекращать это: оно просто исчезает.

В эту ночь он спал без снов. И ранним утром, когда он открыл глаза, исчезла последняя звезда, в нём что-то исчезало: эго. Он стал просветлённым.

Это просветление — не что-то, пришедшее снаружи: это ваша внутренняя природа. Оно пришло изнутри. Но изнутри и слыше — синонимы: внутреннее — это запредельное. Через внутреннее проникает это запредельное.

Тогда Будда сказал: «Просветление — не достижение — это подарок от существования». Но те шесть лет приготовили его к восприятию его.

Самадхи, приготовь себя к восприятию этого. Оно беспричинно, но это не значит, что вы должны прекратить все усилия. Если *вы* прекратите, вы не достигнете, упустите. Если они прекратятся сами собой, потому что ваше понимание проникло настолько глубоко, что просто невозможно сделать больше никакого усилия, даже если вы захотели, вы не можете, в этом состоянии безусловной пассивности вы становитесь хозяином, а Бог становится гостем.

Второй вопрос

Бхагван, я чувствую негатив, несогласие с самим собой. Как вы смотрите на меня?

Свами Прем Асутош, это не только ваша проблема: это проблема почти каждого. Все культуры и все религии обуславливают вас, программируют вас, ставят вам установки, чтобы вы чувствовали негатив, несогласие с самим собой. Никого не любят, не оценивают по достоинству просто за его или её существование, бытие. Вас просят доказать, действительно ли вы что-то стоите: «Принеси золотую медаль из университета! Добейся успеха, денег, власти, престижа, респектабельности! Докажи!» Ваша ценность не внутренняя, присущая вам, а та, которую вам сообщили. Вашу ценность нужно доказывать.

Поэтому возникает глубокий антагонизм, глубокое ощущение, что: «Я никчёмен, как Я есть, пока я не доказал обратного». Но очень немногие люди могут преуспеть в этом конкурирующем мире. Конкурируют миллионы и миллионы людей. Сколько человек может преуспеть? Как много человек могут стать президентами или премьер-министрами? В стране из миллионов только один станет президентом, а глубоко внутри каждый жаждет этого. Миллионы будут чувствовать, что они недостойны.

Как много человек могут стать великими поэтами? Шекспир, Милтон, Шелли, Рабиндранат: сколько человек могут стать великими поэтами?

А у каждого есть нечто поэтическое в его существе, у каждого есть некая поэзия, которую необходимо отдать миру. Но когда она становится амбицией... амбиция сама по себе антипоэтична. Сколько человек могут стать великими художниками, как Пикассо и Дали? А каждый должен что-то создать.

Идея успеха мучает вас. Это величайшее бедствие, которое случилось с человечеством, идея успеха, что вы должны преуспеть. А успех означает, что вы должны состязаться, что вам нужно сражаться, честно или не честно, значения не имеет. Раз вы преуспели, то всё о'кей. Дело в успехе. Даже если грязными средствами вы преуспели, раз вы успешны, что бы вы ни сделали, всё о'кей. Успех меняет качество всех ваших действий. Успех превращает злые средства в добрые. Так что существует только один вопрос: как преуспеть? Как достичь вершины? И, естественно, очень немногие люди могут достичь вершины. Если каждый старается забраться на Эверест, сколько людей смогут там разместиться? Там не так много места. Только один человек может встать там спокойно. Тогда миллионы, которые тоже старались, боролись, почувствуют несостоятельность, неудачу; большое отчаяние водворится в их душах. Они начнут чувствовать несогласие.

Это ложный вид образования, вредное качество образования. Оно совершенно ядовито, отвратительно, это так называемое образование, которое вам дали. Ваши школы, колледжи, ваши университеты отравляют вас. Они создают бедствия для вас; они фабрики, где производится ад, но таким прекрасным образом, что вы никогда не осознаёте, что происходит. Весь мир превратился в ад из-за неправильного образования. Любое образование, которое основано на идее честолюбия, амбиции старается создать ад на земле: оно преуспело.

Каждый страдает и чувствует неполноценность. Это действительно странная ситуация. *Никто* не неполноценный и никто не превосходный, поскольку каждый индивидуум уникален: сравнения невозможны. Вы — это вы, и вы *просто* вы, и вы не можете быть никем другим, да в этом и нет нужды. Вам не нужно становиться известным, вам не нужно быть удачливым в глазах мира. Это всё глупые идеи.

Всё, что вам нужно, — это быть созидательным, любящим, осознанным, медитативным... Если вы чувствуете поэзию, возникающую в вас, напишите это для себя, для вашей женщины, для ваших детей, для ваших друзей и забудьте всё про это! Пойте её, и если никто не слышит, пойте один и радуйтесь этим! Пойдите к деревьям, и они поплодируют и оценят её. Или расскажите птицам и животным, и они поймут гораздо больше, чем тупые человеческие существа, отравляемые веками ложными концепциями жизни.

Амбициозный человек патологичен.

Вы говорите: *Я чувствую негатив, несогласие с самим собой.*

Каждый чувствует несогласие с самим собой, поскольку было так сделано, чтобы он так чувствовал. Ваши родители сделали это для вас — это наследство, огромное наследство. Ваши учителя, ваши священники, ваши поли-

тики сделали это с вами: так много людей делает это, что естественно, что вы загнипотизированы самой идеей, что вы никчёмный, что вы не имеете никакого внутреннего смысла или ценности, что вы не имеете никакого значения сами по себе.

Каждый родитель говорит ребёнку, каждому ребёнку: «Докажи, что ты чего-то стоишь!» Быть, просто быть, не достаточно, нужно что-то сделать.

Весь мой подход в том, что существование, жизнь, бытие по своей природе ценно. Просто то, что вы есть, — это такой подарок от Бога, чего большего вы можете требовать? Просто дышать в этом прекрасном существовании — это достаточное свидетельство того, что Бог любит вас, что существование нуждается в вас, иначе вас здесь не было бы. *Вы есть!* Существование дало вам рождение. Должно быть была огромная потребность: вы заполнили брешь. Без вас существования было бы меньше. И когда я говорю это, я говорю это не только вам: я говорю это деревьям, птицам, животным, гальке на морском берегу. Единым камушком меньше на огромном морском берегу, и берег уже не будет тем же. Одним цветком меньше — и вселенной уже будет не хватать его.

Вы должны узнать, научиться тому, что вы ценны такие, как есть. И я не учу вас никакому это: как раз наоборот. Если вы чувствуете, что вы ценны такие, как есть, вы будете чувствовать, что и другие ценны такие, как они есть. Принимайте других, как они есть; отбросьте все «должен» и «следует» — они ваши враги.

Вы несёте так много «должен»: «Делай это, не делай того!» Вы несёте так много «делай» и «не делай», что вы не можете танцевать, ноша слишком тяжела. И вам дано так много идеалов и целей, идеалов совершенства, что вы всегда чувствуете, что вы терпите неудачу. А идеалы крайне невозможны. Вы не можете исполнить их, их исполнение невозможно. Так что вы будете *всегда* терпеть неудачу.

Быть перфекционистом, быть человеком, старающимся стать совершенным во всём, — это быть готовым стать пациентом психиатра, быть перфекционистом — это быть невротиком. А вам всегда твердили быть совершенным.

Жизнь прекрасна во всём своём несовершенстве. Нет ничего совершенного. Позвольте мне сказать вам: даже Бог не совершенен, потому что если Бог совершенен, тогда Фридрих Ницше прав, что Бог мёртв. Совершенство означает смерть! Совершенство значит, что теперь нет возможности роста. Совершенство означает, что теперь всё закончено. Несовершенство означает возможность расти. Несовершенство означает возбуждение новой возможности роста, экстаз, приключение. Несовершенство значит, что вы живы, что здесь есть жизнь.

А жизнь вечна, поэтому я утверждаю: жизнь — вечное несовершенство. И нет ничего неправильного в том, чтобы быть несовершенным. Примите ваше несовершенство. И тогда идея несогласия с самим собой исчезнет. Примите ваше настоящее состояние и не сравнивайте его с каким-то будущим совершенством, идеалом будущего. Не думайте в терминах того, каким вы дол-

жны быть! Это корень всей патологии, бросьте это. Сегодня вы такой, как вы есть, а завтра вы можете быть другим, но вы не можете предсказать это сегодня, и не стоит это планировать.

Проживите этот день во всей его красоте, во всей его радости, во всей его боли, агонии, экстазе. Проживите его во всей его тотальности, целостности: в его темноте, в его свете. Проживите ненависть и любовь. Проживите гнев и сочувствие. Проживите всё, что бы ни было доступно в этот момент. Мой подход заключается не в совершенстве, а в целостности, тотальности. Проживите момент, который вам доступен, тотально, и следующий момент родится из этой тотальности. Если этот момент прожит тотально, следующий момент может достичь большего уровня целостности, тотальности, более высокого пика тотальности, так как откуда ещё придёт следующий момент? Он родится из этого момента. Забудьте всё о будущем: настоящего достаточно.

Иисус сказал: «Не думайте о дне завтрашнем, а посмотрите на полевые лилии! Как они красивы. Даже Соломон во всём своём великолепии не наряжался так прекрасно».

В чём секрет прекрасных лилий, бедных лилий? Секрет прост: они не думают о завтрашнем дне, они не знают ничего о будущем. Завтра не существует. Этого дня достаточно для него самого, этого момента достаточно для него самого.

Асутош, твоё ощущение несогласия с самим собой исчезнет. Запомни, если ты чувствуешь негатив по отношению к себе, ты будешь автоматически чувствовать негатив в отношении других. Это неизбежное следствие. Это должно быть понято.

Человек, негативный в отношении себя, не может быть позитивным относительно кого-то ещё, потому что недостатки, которые он нашёл в себе, он найдёт и в других. Фактически он преувеличит их в других. Он возьмёт реванш. Ваши родители сделали вас негативными к себе, вы возьмёте реванш на ваших детях. Вы сделаете их более негативными.

Поэтому негативность продолжает расти с каждым поколением. Каждое поколение становится более и более патологичным. То, что современный человек так сильно страдает психологически, не имеет ничего общего с самим современным человеком: это просто показывает, что всё прошлое было неправильно, вредоносно. Это аккумуляция всего прошлого. Современный человек страдает от прошлого, а не от собственных грехов, как так называемые религиозные проповедники продолжают твердить вам. Вы страдаете от грехов столетий... но сейчас события приблизились к кульминации. Человек распадается на части. До сих пор мы как-то ухитрились держать себя воедино, но сейчас события подошли к той точке, что или человек должен измениться тотально и должен изменить свой взгляд на жизнь, или человек совершит самоубийство.

Если вы придерживаетесь прошлого, тогда вы на грани совершенного глобального суицида. И именно это ваши политические лидеры стараются сделать: приготавливают атомные бомбы, водородные бомбы, суперводородные бомбы, громоздят бомбу на бомбе. Их уже чересчур много! Фактически, ещё

десять лет назад они были уже способны убить каждого человека семь раз. Десять лет назад они были готовы разрушить эту землю семь раз, несмотря на то, что человек умирает только один раз: вам не нужно убивать его дважды, это будет излишне. Но на случай, если кто-то выживет, политики обязаны позаботиться: они всё спланировали отлично. Но это то, как обстояли дела десять лет назад.

Сегодня вы удивитесь: они могут разрушить землю семьсот раз! Теперь это уже слишком, и абсолютно излишне. Семь, хорошо: несколько хитрых человек могут выжить. Но семьсот раз!? И всё же гонка продолжается. Даже бедные страны включаются в состязание, жаждут включиться в него, голодают, но хотят атомные бомбы. Голодая! Но они хотят большего могущества — убивать и разрушать.

Даже поверхностного взгляда достаточно, чтобы увидеть, что земля готовится к глобальному суициду, всеобщему разрушению, всеобщей войне. И запомните снова: это не имеет отношения к современному человеку, как таковому. Современный человек только жертва всего прошлого. Проповедники продолжают твердить, что нечто неправильно в современном человеке, и они продолжают превозносить прошлое.

Современный человек побочный продукт всего прошлого! Христиане, мусульмане, индусы, буддисты: все виды культур способствовали этой ситуации. Они ответственны. Пока они все не исчезнут, пока мы не отбросим всё это патологическое прошлое и не начнём заново, живя в настоящем, без идеи совершенства, без идеалов, без «должен», без заповедей, человек обречён.

Каждый чувствует негатив, несогласие. Один может сказать это, другой может не сказать. И когда кто-то чувствует негатив в отношении себя, он чувствует негатив и в отношении всего остального. Его позиция становится негативной, он исходит от «нет». Если негативный человек берёт розу, он будет считать шипы, он не посмотрит на цветок розы, он не может. Он неспособен на это. Он просто проигнорирует цветок, он будет смотреть на шипы.

Женщина была очень несчастна. Её муж был серьёзно больным в госпитале, а сына только что арестовали за наркотики. Так что она пошла в парк посидеть на солнышке и прийти в себя. Она села на лавочку. Она увидела маленькую птичку, перелетавшую с дерева со стороны её лавочки, на дерево противоположной стороны. Когда птичка пролетала над женщиной, она сбросила немного птичьего помёта, который попал ей прямо на лоб. Глаза женщины поднялись к небесам, ладони сложились вместе, и она воскликнула:

— Ты видишь, Господи, для других они поют!

Если вы чувствуете негатив, отрицание, тогда вся ваша жизнь становится тёмной ночью. Тогда больше нет восходов, тогда никогда не бывает утра. Солнце только садится и никогда не встаёт. Тогда ваша тёмная ночь даже не наполнена звёздами. Что говорить о звёздах? У вас даже нет маленькой свечи.

Человек негатива живёт во тьме, живя разновидностью смерти. Он постепенно умирает. И это он принимает за жизнь. Он всё время отравляет себя многими путями, он самодеструктивен. И, естественно, кто бы ни приходил в соприкосновение с ним, он разрушает его тоже. Негативная мать разрушает ребёнка. Негативный муж разрушает жену, негативная жена разрушает

мужа. Негативные родители разрушают их детей, негативные преподаватели разрушат своих студентов. Негативные священники... А священники все негативны. Очень редко вы можете пересечься с человеком, подобным Будде или Христу, или Мохаммеду, кто не был бы негативен, но они не священники: они пророки. Они приносят новое видение в жизнь.

Священники эксплуатируют видение пророков; они извращают его. Они интерпретируют его таким образом, что оно становится стратегией подавления людей. Христос не христианин, помните, Христос никогда не был христианином. Христианство создано священниками. Христианство — создание апостола Павла. Это он настоящий основатель христианства, а не Иисус Христос.

Не Будда основатель буддизма, а те священники, которые были последователями и приемниками... И так с каждой религией. Когда бы истина ни входила в чьё-либо существо, когда бы кто-либо ни воспринимал бы Бога, священники собирались вокруг него. Они никогда не упускают возможности: они самые хитрые люди. Они начинают использовать ситуацию. И однажды просветлённый уходит, тогда священники становятся мастерами, хозяевами.

Прошлое было создано священниками. Негативное прошлое: жизнеотрицающее, антижизненное, против любви, против радости, против празднования. Оно создало только два типа людей в мире: тех, кто искренен, прямо как ты, Асутош; те, кто искренние, страдают от негативности, боли, отчаяния. И те, кто не искренен, они стали лицемерами. Они всё время болтают о антижизненных религиозных учениях, а с чёрного хода, тайно, закулисно они живут совершенно другой жизнью. На поверхности они религиозные, духовные; глубоко внутри они материалисты, мирские.

И запомните, я не против материализма: я против лицемерия. Я бы хотел, чтобы каждый был материалистом и духовным, потому что вы и то, и другое — тело и душа, поскольку Бог — это оба: и Бог, и мир. Вселенная — это его манифестация, проявление. Ваше тело — это манифестация вашей души.

В прошлом из-за религий, говорящих в терминах антиматериализма, было создано два типа людей: искренние люди, которые были вынуждены объявить, что они материалисты, и это плохо, так как из-за этого заявления они стали закрытыми для духовного измерения. И еще были неискренние хитрые люди, которые говорили о духовности и оставались материалистами.

Вы можете увидеть это в этой стране. Мой собственный опыт таков, а я знал все типы людей; здесь, со мной, все типы людей почти из всех стран мира, мой собственный опыт в том, что индусы наиболее материалистичны. Они говорят о духовности, они хвастаются духовностью, но всё это — хвастовство и болтовня, просто чтобы скрыть их реальность. Они лицемеры.

Чем на большую религиозность претендует страна, тем более она лицемерна. И тогда человек расщеплён. Или духовная сфера становится закрытой, или вы становитесь расщеплённой личностью. И обе альтернативы ошибочны.

Новый человек нуждается в том, кто будет утверждать жизнь, кто будет любить, кто станет любить это существование таким, какое оно есть, кто не будет требовать, чтобы оно сначала было совершенным, кто будет праздновать жизнь со всеми её ограничениями. И этот новый человек — мой саньясин.

Мои саньясины возвещают нового человека, новое начало, разобщение с прошлым, разрыв с прошлым. Я не хочу, чтобы вы были лицемерами: я хочу, чтобы вы были подлинными, аутентичными человеческими существами. Любите ваше тело, живите вашим телом во всей его целостности. Любите ваши инстинкты, ваши желания и проживите их во всей их полноте.

И будете удивлены: если вы любите вашу жизнь, жизнь начинает открывать свои двери для вас. Если вы любите, тайны открываются вам, секреты вручаются вам. Если вы любите ваше тело, рано или поздно вы станете осознавать вашу душу, пребывающую в нём. Если вы любите деревья, горы и реки, рано или поздно вы увидите невидимую руку Бога за всем этим. Его печать на каждом листе. Вам просто нужны глаза, чтобы увидеть — а только позитивные глаза могут видеть; негативные глаза не могут. Негативные глаза слепы! Негативные глаза видят только плохое.

Вы спрашиваете меня, Асутош: *Я чувствую несогласие, негатив в отношении себя. Как вы смотрите на меня?*

Я смотрю на вас, как на прекрасного человека. Я вижу вас, как огромную ценность, значительную. Если Бог дал вам дыхание, это достаточное доказательство! — не нужно другого доказательства, что вы осуществляете огромную потребность Вселенной. Начните любить себя, поскольку это единственный путь любить других, это единственный путь любить Бога. Если вы не можете любить себя, как вы можете любить вашего создателя? Если вы ненавидите себя, вы будете и ненавидеть вашего создателя тоже: поскольку, в конце концов, он ответственен. Он создал такое недостойное существо, как вы. Он сотворил вас безобразным. Он дал ваше зло, порочные желания. Он преступник! Осуждая ваши собственные инстинкты, ваши собственные желания, вашу собственную жизнь, вы косвенно осуждаете самого Бога.

Примите себя, иначе вы станете лицемером. Не подавляйте, не сдерживайте: в вас нет ничего негативного. Существование крайне позитивно. Выражайте, проявите ваш самый скрытый центр. Пойте вашу песню и не беспокойтесь, что это. Не ожидайте, что кто-то станет аплодировать, это необязательно. Её пение само по себе должно быть наградой.

Я бы не хотел, чтобы вы стали лицемером. А кто такой лицемер? Человек, который говорит нечто, верит в нечто, а живёт совершенно наоборот.

Отец Флэнган шёл через деревню, когда его окликнула миссис О'Роурк.

— Не хотели бы вы присоединиться к нам, отец? — выкрикнула она. — У нас тут небольшая вечеринка.

— Я бы хотел, — ответил любезный отче, — но я должен пойти произнести мессу.

— Какая жалость! — сказала женщина. — У нас прекрасная вечеринка, и мы играем в милые игры. Женщине завязывают глаза, мужчины снимают штаны, и она догадывается, кто есть кто. И поверите ли, отче, ваше имя уже называли пять раз!

Остерегайтесь! Невозможно жить в негативе, отрицании. Человек может думать негативно, но жить он должен позитивно. Вы не можете жить в «нет»,

поскольку в «нет» нет пищи, и «нет» не имеет в себе никакого пространства. «Нет» — это смерть! В «нет» можно умереть, но невозможно жить.

Если вы хотите настоящей жизни, вам будет нужно глубокое «да», глубокое согласие в вашем сердце. Только «да» позволяет вам жить, оно даёт вам пищу, оно даёт вам пространство для движения. Просто наблюдайте за словом! Просто повторите слово «да», и нечто начнет открываться в вас. Скажите «нет», и нечто съёжится. Говоря «нет», повторяя «нет», вы убиваете себя. Скажите «да» и вы почувствуете переполненность. Скажите «да» — и вы готовы любить, жить, быть.

Асутош, для меня каждый индивидуум превосходен, уникален. Я не сравниваю индивидуальности; сравнение не мой путь, потому что сравнение всегда уродливо и насильственно. Я не говорю, что вы выше других, я не говорю, что вы ниже кого-то, вы просто такой, какой есть. И вы нужны таким, какой вы есть. И вы несравнимы, как и всякий другой.

Третий вопрос

Бхагван, вы говорите: «Не имитируйте Иисуса, Будду или вас», но не может ли человек учиться через имитацию? Не может ли человек учиться через следование за кем-то? Разве нельзя стать истинным самому через свет Иисуса, Будды или вас?

Ананд, имитировать — это идти против себя. Имитировать просто значит, что вы отрицаете себя и навязываете себе кого-то ещё. Любите Христа, если вы можете найти его, но не имитируйте его. Поймите Будду, если случайно встретите его, но не следуйте за ним. Вы здесь со мной: *будьте со мной* в глубокой любви, в глубоком доверии; позвольте мне общаться с вашим сердцем, вашей душой: позвольте нашим сердцам встретиться, слиться, смешаться друг с другом. Но, пожалуйста, не имитируйте меня, не следуйте за мной.

Вы должны следовать самому себе. Вам нужно светом быть для самого себя. Вы должны *быть собой!* Если вы имитируете Христа, вы будете христианином, но никогда Христом, и быть христианином безобразно, а быть Христом одно из наиболее прекрасных событий. Наиболее ценное событие в мире: быть Христом.

Быть Буддой означает быть пробуждённым для вашего внутреннего света. Как вы можете быть пробуждённым за кем-то следуя? Мои саньясины не мои последователи, а мои друзья, они мои возлюбленные. Они не мои последователи! Я не даю вам никаких инструкций, как жить, я не даю вам никаких заповедей насчёт того, как себя вести. Я не даю вам никакой роли, никакого характера для культивирования, развития, подражания. Я просто делюсь моим озарением: я просто делюсь с вами тем, что произошло со мной. Я просто рассказываю вам свою историю. И я благодарен, что вы слушаете её.

Только слушайте её настолько полно, настолько тотально, насколько возможно, и тогда нечто начнет происходить в вас. Это не будет следованием за кем-то, это не будет имитацией. Оно не будет вызвано мной: оно будет синхронностью (synchronicity). Это произойдёт беспричинно.

Закон синхронности должен быть понят. Это один из величайших даров Карла Густава Юнга современному человечеству: закон синхронности.

Наука основывается на законе причинности. Закон причинности механичен, автоматичен. Вы нагреваете воду до ста градусов, она испаряется. Где вы её нагреваете, неважно: в храме, в церкви, в мечети — не имеет значения; в Индии, в Тибете, не имеет значения. Если вы нагрели воду до ста градусов, она испаряется; вода не скажет ничего при этом. Вода не может сказать: «Сегодня мне не хочется этого». Или: «Сегодня воскресенье и у меня выходной, меня не интересует никакое испарение». Или: «Сегодня я не в настроении, и вы можете сколько угодно нагревать, но я не буду испаряться». Или: «Сегодня я внезапно чувствую большую симпатию к вам, поэтому я испарюсь при пятидесяти градусах. Я окажу вам любезность». Нет, у воды нет выбора. Этот закон механичен, он причинный. Если вы создали причину, следствие *обязано* последовать. И без всяких исключений.

Из-за этого закона причинности, наука не может поверить в существование души, в существование сознания, в существование Бога, потому что это не механические явления. Сама методология науки препятствует ей воспринять их; они не могут быть восприняты научным миром. Они приведут его в беспорядок, они разрушат всё его сооружение, всю его доктрину. Они не должны быть допущены: Бог, душа, сознание, любовь, — их всех нужно держать в стороне от храма науки. Они не могут быть допущены во внутрь. Они опасны: они будут саботировать, подрывать всё его здание, всю его структуру. Они беспричинны. Но они, должно быть, подчиняются какому-то другому закону.

Заслуга принадлежит Карлу Густаву Юнгу. Закон был известен с давних пор, но никто не назвал его точно. Он назвал его «законом синхронности». С учёным однажды произошло следующее. Он остановился сто лет назад в одном старом доме. В этом старом доме на одной стене было двое старых часов. Он был удивлён, когда увидел, что они всегда показывают одинаковое время, секунда в секунду: «Старые часы — и так точны? Даже не единой секунды разницы?»

Будучи учёным, он заинтересовался. Он перевёл одни часы на пять минут назад, а спустя двадцать четыре часа, когда утром он снова посмотрел на них, они снова показывали одно и то же время. Теперь это стало большой загадкой. Он разузнал: никто не менял, никто ничего не трогал. Он пробовал снова и снова, и вновь и вновь они приходили в один и тот же ритм. Тогда он постарался выяснить: «Что происходит? — нечто странное. Они не связаны!»

Тогда он наблюдал более подробно и пришёл к выводу: «Вибрации одних часов, которые были более мощными, большими часами, проходили через стену — только вибрации — и держали другие часы в сонатности. Это тонкий ритм. Ничего очевидного, видимого».

Это было начало нового феномена, затем случились многие гораздо более значительные вещи. Когда Карл Густав Юнг стал работать над тем, что происходит в сознании, он пришёл к выводу, что волна, вибрация, флюиды от одного сердца, если оно достаточно могущественно, могут изменять ритм другого сердца, как большие часы меняли маленькие часы.

Вибрация невидима. Нет никакого способа измерить её, но она здесь. Она неосознана, но она работает. Она беспричинна.

Это то, что случается в *satsang*, в общности с мастером. Если вы с Христом, он потрясающая энергия: он Бог! Он — окно к Богу. Бог изливается через него. Если подойти к нему близко — и это то, чем является ученичество: подойти близко к Мастеру, подойти близко к окну, из которого изливается Бог — *его* сила, *его* вибрация, волна, установит ритм вашего сердца. Это беспричинно, одно из того таинственно неосознанного, что происходит в течение веков.

Наблюдали ли вы это? Двое влюблённых, если они действительно влюблённые, и в глубокой близости, мало-помалу начинают выглядеть похожими: это синхронность. Вы могли видеть это: настоящие влюблённые мало-помалу начинают выглядеть, как брат и сестра. Нечто в них начинает становиться синхронным, у них возникает одинаковый ритм.

Мать и ребёнок имеют одинаковый ритм; поэтому, сейчас это известный факт, и даже научно подтверждённый, что если ребёнок убит за тысячи миль от матери, нечто в её сердце чувствует боль. Она может не быть способной понять, что именно происходит, она может быть не способна объяснить это. Она может ничего не знать о том, что происходит с её ребёнком, но если нечто происходит с ребёнком, неважно, если ребёнок за тысячу миль: материнское сердце немедленно чувствует это. Нечто разрушается и в её сердце.

Только недавно мне написал саньясин, что его мать умерла несколько дней назад, и только сейчас он получил телеграмму. И он озадачен, так как в тот день, когда она умерла, он был в такой агонии, без физических проблем, без психологических проблем, без видимой причины, но в такой агонии, такой ужасной агонии, в какой никогда не был.

Это синхронность. Мать и ребёнок проживают вместе девять месяцев, ребёнок живёт в материнской утробе, его сердце бьётся в ритм с материнским сердцем, его кровь пульсирует в ритм с кровью матери: он вообще не отделён! Он одно целое с матерью. И это единство сохраняется.

Когда два влюблённых становятся действительно близкими, когда у них нет никаких секретов друг от друга, когда они действительно открыты друг для друга, когда они не боятся друг друга и не скрывают ничего от другого — это близость. Когда они могут сказать всё без какого-либо страха, что другой обидится или это его ранит. Если любовник думает про другого, что тот обидится, тогда близость недостаточна. Тогда это вид соглашения, которое может быть разбито чем угодно. Но когда двое влюблённых начинают чувствовать, что нечего скрывать, и может быть сказано всё, что доверие стало таким глубоким, когда даже если вы не говорите, другой всё равно узнаёт, тогда они начинают становиться одним. Тогда они начинают становиться больше похожими на брата и сестру.

Многие люди приходят в недоумение. Только несколько вечеров тому назад ко мне пришла пара и муж был очень озадачен. Он сказал: «Что с нами происходит? Мы больше не муж и жена, весь секс исчез, но всё же мы чувствуем глубокую близость, интимность». И я сказал ему: «Нечто чрезвы-

чайно ценное происходит. Вы стали братом и сестрой. Ваша любовь приобрела новое измерение, более высокое измерение; которое от несексуальности. Она становится чище».

Услышав это, они немедленно всё поняли. Они обняли друг друга, слёзы полились из их глаз. Было здорово наблюдать эту сцену: они всё поняли. Да, что-то щёлкнуло. Так и происходит. Они были обеспокоены, потому что они пришли с Запада, Восток всегда знал это: если любовь углубляется, она трансформирует взаимоотношения: муж и жена становятся братом и сестрой. И, в конце концов, приходит момент, когда даже нет брата и сестры — возникает вид единства, единения, они становятся одним.

Это синхронность! И то же происходит с Мастером и учеником: на гораздо более глубоком уровне, чем какая-либо другая любовь, на гораздо более высоком плане, чем любая другая близость. Вам не нужно имитировать Будду, вам не нужно имитировать меня, вам не нужно следовать Христу, Кришне или Мохаммеду. Если вы настолько удачливы, что находитесь с живым Мастером, просто станьте уязвимы для него. Позвольте близости случиться, подходите ближе и ближе. Отбросьте всю вашу защиту и броню. И электростанция Мастера, его магнитное поле, поле Будды, трансформирует, преобразит вас. И он даже не даст вам никакой заповеди. И его трансформация не будет чем-то навязанным вам, но неким возбуждением внутри вас, которое принесёт вам ваше собственное бытие живым.

Настоящая жизнь не притворство, не театральное действие. Имитация — это притворство. Имитация поверхностна. Настоящая жизнь не игра, и если вы играете игры, вы никогда не будете реальным, подлинным, и вы никогда не узнаете, что такое настоящая, подлинная жизнь.

Актеру, который достаточно давно не работал, предложили подменить кого-то в спектакле с ролью в одну реплику. Он репетировал реплику всю дорогу в театр: «Тише, я слышу грохот канонады. Тише, я слышу грохот канонады». Перебрав все варианты, он нашёл лучший. Когда он пришёл в театр, ему сказали, что скоро его реплика, и спросили, готов ли он. Он сказал, что готов. Его вытолкнули на сцену под чудовищный звук грохота канонады. Актер подпрыгнул от испуга и сказал:

— Боже, что это за ад?!

Жизнь — постоянное удивление, сюрприз. Если вы христианин, индуист или мусульманин, вы будете упускать её. Вы не можете полагаться на репетиции, вы не можете полагаться на разыгрывание поверхностных внешних игр. А это то, что происходит: люди в церквях просто играют, играют в игру бытия христианами. В их реальной жизни они не имеют никакого отношения к Христу. Хоть какой-нибудь христианин имеет ли какое-то отношение к Христу?

Только посмотрите. Христос говорит: «Благословенны кроткие, ибо их есть Царствие Небесное». Но посмотрите на христиан: они стали наиболее могущественной религией в мире. Папа Римский не кроток; у него самая большая империя в мире: все Рокфеллеры, Моргань, Форды не сравнятся... На самом деле я всегда был озадачен: как же евреи упустили такую большую возможность, и бедные итальянцы одурачили их?! Такой бизнес!

И если вы станете имитировать, вы станете искажённым, поскольку стараясь стать подобным Христу, вы будете должны отсечь многие вещи здесь и там.

Известно ли вам, что в древних книгах Христос изображён, как горбун? И знаете, каков его рост? Сто тридцать пять сантиметров. И древние книги говорят, что он был одним из самых уродливых мужчин. Теперь попробуйте стать Иисусом Христом: станьте горбуном, отрежьте себе ноги или голову, исказите своё лицо и станьте самым уродливым из мужчин.

Мужчина зашёл в швейное ателье. Он примерил пиджак спортивного типа; портной взял складку. Плечи мужчины возвышались на семь сантиметров. Портной сказал:

— Хорошо, я подберу их.

Он сделал необходимую подгонку, руки мужчины скрючились в неестественном положении. Но час спустя он шёл в его заново подогнанной куртке.

Две пожилые женщины обратили на него внимание. Одна, смотря на него через дорогу, сказала:

— Какая жалость — такой красивый молодой человек и такой безнадёжный калека!

— Да, — кивнула её подруга, — Но, не правда ли, эта куртка сидит на нём прекрасно?

Избегайте таких курток и избегайте всех репетиций.

Громадный польский докер Крачевский считался среди большинства работников порта великим любовником. Они заявляли, что он может заниматься любовью с двадцатью девушками в час. Когда некоторые моряки стали сомневаться, пари было заключено, ставки сделаны, и следующей ночью двадцать девушек выстроились перед одним из портowych складов.

Большой поляк приступил к делу. Он закончил любовь с первой дюжиной, когда внезапно он опустился на пол в полном изнеможении. Его приятели ринулись к нему, крича:

— Что случилось?

— Я не знаю, — ответил Крачевский, — У меня всё прекрасно получилось на репетиции днём.

Проснись! Проснись!

*Друг, пробудись! Зачем ты продолжаешь спать?
Ночь уж прошла, таким же образом ты хочешь потерять ещё и день?
Та женщина, которая смогла встать рано,
нашла себе уже слона иль драгоценность...
Так много уж потеряно пока ты спал...
И это было так излишне!*

*Тот, любит кто тебя, он понял, но ты — нет.
Забыл ты сделать место с собою рядом на твоей постели.
Взамен ты тратишь жизнь свою, играя.
На третьем уж десятке ты, а не растёшь,
Поскольку не узнал, кто твой Владыка был.
Проснись! Проснись! Его уж нет в твоей кровати:
Покинул он тебя во время долгой ночи.*

Кабир сказал:

Та женщина лишь только пробудилась, что услышала флейту!

*Я с девушками десять лет играл, ровесницами мне,
но вот сейчас внезапно в страхе я.*

*Я поднимаюсь по ступеням на пути — они высоки.
Но, несмотря на это, отбросить должен страхи я,
Уж если захотел принять участие я в любви той.*

*Позволить должен я уйти прикрытию одежд,
Всем телом слиться с ним.
Мои глаза в момент тот станут — любви свечами.*

Кабир сказал:

*Мужчина с женщиной в любви поймут поэму эту.
Но если не желанье то, что ко Всевышнему испытываешь ты,
Тогда какой же толк в такой заботе о нарядах,
И в трате столько времени при наведении теней на веках?*

Проснись! Проснись!

Проснись, друг! Проснись!

Таким был зов всех Будд в течение веков. Они кричат с крыши домов. Каждый слышит их, но никто не слушает. Каждый знает это, но никто не понимает. А знание бесполезно: только понимание освобождает. И слышание бесполезно, пока вы не слушаете.

Все, кто не глух, способны слышать, но слушание совершенно другое дело, качественно другое. Оно не имеет отношения к ушам: оно имеет отношение к вашему сердцу. Когда ваши уши и ваше сердце соединяются вместе, происходит слушание. Если ваше сердце не в ушах, вы слышите, но слышание не может помочь. Оно сделает вас более осведомлённым. Но стать более осведомлённым означает создать больше препятствий между вами и Возлюбленным.

Знание никогда не может стать мостом, оно всегда стена. Оно отделяет вас от предельного, от непосредственного, данного, от целого. Оно не может соединять вас — только любовь соединяет. Не любовь от сердца; она не имеет отношения к голове. Знание собирается в голове, память накапливает его. Это наслаждается им.

Любовь бьёт ключом в сердце. И любовь другое имя понимания. Только глаза любви могут видеть, и только уши любви могут слышать.

* Существование — не проблема, которую можно решить головой. Оно загадка для разгадывания: оно поэзия, чтобы его петь, оно танец, чтобы танцевать. Оно любовный роман! Существование — это тайна без решения, поскольку это в первую очередь не проблема. Тайна не может быть решена: она должна быть прожита.

И когда Будды призывают: «Проснись! Проснись!» — что они имеют в виду? Они имеют в виду, что ваше сердце спит. Ваша голова достаточно пробуждена, но пробуждение головы в действительности метафизический сон. Пока сердце не пробудилось, вы только спите: сны и сны, даже сны, что вы пробудились, сны о бодрствовании, сны о становлении религиозными, сны о становлении святыми, праведными, но это всё только сны.

Люди даже думают о Боге! Это такая абсурдность, нелепость. Люди даже стараются доказать Бога с помощью аргументов. Бог не может быть доказан, потому что всё, что может быть доказано, может быть и опровергнуто. Если Бог зависит от логики, тогда логика является Богом, логика выше Бога. Нет, Бог не зависит от логики. На самом деле, если вы слишком логичны, вы

не будете способны вообще почувствовать присутствие Бога в существовании. И это будет вашим проигрышем, поскольку не чувствовать присутствие Бога в существовании, значит упустить весь смысл жизни.

А человек живёт в размышлениях, доводах, теориях, философиях. И опасность заключается в том, что, если вы слишком много говорите о Боге, слишком много читаете о Боге, слишком много спорите о Боге, вы можете обмануть себя. Миллионы обманули себя таким образом.

Семинарист, рукоположенный в сан во время последнего семестра, одевшись в свой чёрный костюм, в свой блестящий воротничок, зеркально отполированные ботинки, созерцал себя в зеркале. Довольный тем, что он видел, он решил больше не лишать мир своего служения и вышел делать дела Божьи на Девятую Авеню в Нью-Йорк Сити.

Пока он стоял на обочине, руки в карманах, соображая, что делать дальше, его наблюдал пьяница, не казавшийся особенно впечатляющим.

Их глаза встретились и пьяница сказал:

— Сынок, какого чёрта ты воображаешь о Боге?

Молодой человек не отвечая, отправился в свою комнату, снял свой духовный наряд, и задумался, какого чёрта он воображает о Боге.

Вы можете изучать, вы можете пойти в университеты, в богословские колледжи, вы можете иметь учёную степень в религиозной философии, и всё же вы никогда не будете знать Бога. Это не путь — это барьер.

Бог познаётся через сердце! Пусть это проникнет глубоко в ваше существо: Бог познаётся только через сердце. Так что когда Будды говорят: «Проснитесь!», они имеют в виду позволить своему сердцу пробудиться. А в чём значение пробуждённого сердца? Когда голова пробуждена, она думает, мыслит, она придёт, ткёт красивые системы мышления. А когда сердце пробуждено, оно поёт песни любви. Оно празднует — просто делиться радостью существования достаточно для празднования. Оно любит, эта любовь безадресная; она не изливается на какой-то особый объект. Когда сердце пробудилось, оно начинает изливаться во всех направлениях. Оно любит всё, оно просто любит — оно есть любовь.

Это то, что Кабир хочет сказать вам сегодня. Его сутры огромной красоты. Нужно медитировать над каждым словом. Запомните, я не говорю «подумать», я говорю «медитировать». Я говорю: будьте тихи и безмолвны и позвольте его песне проникнуть, впитаться в ваше сердце. Позвольте ей расшевелить ваше сердце, позвольте ей пробудить вашу спящую энергию любви, радости, блаженства.

Религия — это празднование. Вы не можете быть ознакомлены с религией, вы не можете узнать доктрину религии, потому что религия не доктрина вообще. Она самый сумасшедший любовный роман.

Друг проснись! Зачем ты продолжаешь спать?

Человек в глубокой спячке. В чём заключается его сон? Он спит, потому что забыл дорогу к своему сердцу. Он бдителен в отношении математики; он полностью бдителен, что касается вычислений, он бодрствующий в отношении мира и в отношении мирских забот: денег, власти, престижа, респектабельности — он полностью бдителен! Он бдителен только для земного. Он

бдителен только для бессмысленного. Он коллекционирует мусор с огромной бдительностью. Но он спящий в отношении драгоценного, сакрального, священного. Он видит деревья, но он не может видеть зелёной жизни, текущей в них. Он видит горы, но он не может почувствовать красоту и девственное безмолвие. Он видит людей, но люди выглядят, как машины. Он не может почувствовать их душу: он не может почувствовать даже свою душу, как он может почувствовать душу кого-то ещё? Он даже не может осознать, кто он сам.

Друг проснись! Зачем ты продолжаешь спать?

И в этом сне, когда сердце во тьме и весь свет сфокусировался в голове, даже если вам скажут предельную истину, вы поймёте её неправильно. Даже если Будда постарается пробудить вас, вы рассердитесь на него. Естественно, очевидно! Поскольку вы будете думать, что он беспокоит вас. Он беспокоит ваши мечты, а не вас, но вы слишком вложились, вовлеклись в ваши сны. Он будет говорить одно, а вы будете понимать другое. Или вы будете слушать в соответствии со своими предубеждениями, выбором — выбирая только те вещи, которые вы можете поддержать, — или вы очень рассердитесь, вы распнёте, вы отравите, вы уничтожите того человека, что пришёл и без необходимости тревожит ваш сон.

Ваш сон глубок. Он был уже давным-давно. Вы привыкли к нему настолько, что сердце продолжает спать, а вы всё же можете руководить своей жизнью. Вы просто лунатики, сомнамбулы. Есть люди, которые ходят, когда спят; они могут пойти к холодильнику, что-то съесть, вернуться в свою кровать, и они ни обо что не споткнутся. А если вы их разбудите в это время, они очень удивятся; они будут не в состоянии понять, где они и что делают. Они будут шокированы.

Они движутся с открытыми глазами, запомните; сомнамбулы движутся с открытыми глазами. Но эти открытые глаза на самом деле не открытые, они просто руководят несколькими действиями. И поскольку они привыкли к этим действиям, они могут быть сделаны автоматически, механически; никакой осознанности не нужно. Только наблюдайте за вашей жизнью: вы делаете тысячу и одну вещь, но все эти вещи просто механичны. Вы делаете их, как робот.

А когда вы разговариваете с роботами, действительно, очень трудно достичь их. Они неправильно понимают.

Было как-то два брата по фамилии Джонс. Джон Джонс был женат, а Джим имел старую разваливающуюся лодку. Только случилось так, что жена Джона умерла в тот же самый день, когда лодка Джима наполнилась водой и утонула. Несколько дней спустя, добрая старая леди увидела на улице Джима и, приняв его за Джона, сказала:

— О, мистер Джонс. Я слышала о вашем ужасном несчастье. Должно быть, вы убиты горем.

Джим возразил:

— Почему же, я ничуть не печалюсь. Она была гнилая и старая с самого начала. Её дно было всё изъедено, и она воняла, как старая дохлая рыба. У неё была сильная щель сзади и изрядная щель спереди, и когда я пользовался ей, она начинала течь из всех мест. О, я бы прекрасно с ней управлялся, но когда

кто-то ещё пользовался ей, она могла просто развалиться. Ну, это то, что её и прикончило. Четыре малых пришли переправиться в город, чтобы поразвлечься, и потребовали от меня сдать её в аренду. Я предупреждал их, что она не свежа, но они сказали, что они бы взяли с любой целью. Ну, чёртовы идиоты, все четверо старались войти в неё одновременно, и она треснула прямо по середине.

Пожилая женщина упала в обморок ещё до того, как он успел закончить.

Это именно так и происходит: говорится одно, понимается что-то совсем другое. Общение очень, очень затруднено. Затруднено даже обычное общение, а когда человек, подобный Кабиру, говорит нечто, оно становится почти невозможным: поскольку он говорит с залитых солнцем гималайских вершин, а вы слушаете из ваших тёмных нор у её подножья. К тому времени, как это достигнет вас, оно меняет свой цвет, оно меняет свой аромат, смысл этого уже не тот.

И, конечно, вы интерпретируете в соответствии со своими собственными условностями, вашим собственным прошлым. Поэтому вы слышите, но не слушаете. Вам нужно научиться слушать. Слушание означает быть чрезвычайно безмолвным, не интерпретирующим, не судящим, ни оценивающим: ни за ни против, просто быть присутствующим.

Слушайте эти слова Кабира просто как безмолвное присутствие. Не спешите решить прав он или нет. Красота слушания в том, что если он прав, вы просто узнаете, что он прав. Если он прав, правда самоочевидна; вы узнаете её с той же очевидностью, с какой вы знаете, что у вас головная боль: не нужно никого, чтобы удостоверять это вам.

В Греции было приказано всем слонам покинуть страну. За последним слонком бежала маленькая мышка. Последний слон обернулся:

— Куда ты бежишь, приятель?

— Разве ты не слышал декрет? — ответила мышка.

— Да, но ты мышка, — возразил слон.

— Ах, да, — вздохнула мышка, — но если они скажут, что я слон, как я буду доказывать, что это не так?

Это трудно доказать, но есть вещи, которые не нужно доказывать: мышь знает, что она мышь. Доказательства могут быть затруднительными. Когда вы слушаете истину, вам может быть сложно доказать, что это истина, но вы будете знать. То, что это истина, станет внутренним ощущением, и этого ощущения достаточно, потому что это ощущение просто перенесёт вас в другой мир. Это не вопрос вашего решения, истинно ли это или нет. Если вы будете решать, вы упустите весь смысл, потому что как вы собираетесь решать? Вы решите исходя из вашего прошлого. А вы не знаете, что есть истина! Если бы вы знали, у вас бы не было необходимости слушать Будд — вы сами бы были Буддой. Вы не знаете, так что ваше прошлое не имеет понятия о том, что есть истина. Как ваше прошлое может решить, что есть что? Отложите прошлое в сторону. Просто слушайте.

И я не говорю «верьте», просто слушать — это не синоним верить. Слушание не имеет ничего общего с верой или неверием: слушание — это просто слушание. Вы ни одобряете, ни не одобряете, вы просто открыты. Вы допускаете его внутрь вас.

И разрешите мне повторить: красота истины в том, что, когда она достигла вас, ваше сердце просто прыгает от восторга. Оно знает! Истина синхронизируется с вашим сердцем. У неё тот же ритм. Внезапно сердце начинает танцевать, а этот танец и есть доказательство. И если это не истина, сердце не станет танцевать, тогда вы будете знать, что это не истина. Но это не вопрос логических выводов, логического анализа.

Слушайте эти слова очень медитативно:

Друг, проснись!

Кабир называет вас «друг»: это то, как всегда чувствуют Будды. Ученики думают: «Будда, Кришна, Иисус или Кабир, они мастера, а мы ученики». Так со стороны ученика, но как это со стороны мастера?

Мастер знает: нет мастера и ученика. Мастер знает, что это — компания друзей. Мастер не «святой-больше-чем-вы», у мастера нет комплекса превосходства. Мастер — никто; мастер — просто обыкновенный, но его обыкновенность светоносна. Всё существование или обычно, или необычно, но всё. Не то чтобы некоторые вещи были обычными, а некоторые необычными. Для мастера всё уникально. Его уважение к жизни безгранично.

Когда ученик приходит и склоняется перед мастером, глубоко внутри мастер так же склоняется перед учеником. Его поклон может быть невидим, поскольку он невидим, невидим его жест. Ученик мало-помалу становится способным к расшифровыванию, раскодированию, мало-помалу он понимает, что мастер любит его, мастер думает о нём, как о друге, как о возлюбленном.

Друг, проснись! Зачем ты продолжаешь спать?

Ночь уж прошла, таким же образом ты хочешь потерять ещё и день?

Это очень странное утверждение. Для тех, кто знает, жизнь есть ночь, а смерть есть день. В жизни люди остаются спящими; смерть то, что пробуждает их. В ординарном сознании жизнь — это жизнь, а смерть — это конец жизни. Для Будд, для пробуждённых, смерть гораздо более ценна, чем жизнь, гораздо выше, гораздо более дорога, гораздо более значима. Почему? Потому что это крещендо жизни, предельное цветение. Если жизнь — это ночь, тогда смерть — утро.

Кабир говорит: «Ночь минула... вы стареете, время ускользает. Смерть подходит ближе и ближе каждый момент».

Ночь уж прошла, таким же образом ты хочешь потерять ещё и день?

Вы потеряли ночь, вы не смогли проснуться ночью. Но это можно простить: это была ночь, и вы спали. Но вас нельзя простить, когда смерть подходит ближе: теперь самое время проснуться! И если смерть даже не может вас разбудить, тогда что способно разбудить вас? А если человек пробудился в смерти, тогда для него больше не будет рождения и больше не будет смерти.

Но человек может пробудиться в смерти, только если он очень старался пробудиться в жизни, если вся его жизнь была последовательным усилием найти центр своего существа, настойчивым усилием узнать: «Кто я есть?» Только тогда есть возможность, когда придёт смерть... а смерть — это огромный шок! Она разбивает вдребезги всё, что вы сделали. Она отбирает у вас всё, за что вы так цепляетесь; она лишает вас всей вашей собственности. Она

просто оставляет вас совершенно нагими и одинокими. Если смерть не может вас разбудить, то вы не просто спите — вы в коме. И это то, каковы люди.

Каждый день миллионы людей умирают. Они жили во тьме, они умирают во тьме. Они жили в грёзах, они умирают в грёзах. Они жили идиотским образом, они умирают идиотским образом. Они упустили все благоприятные возможности.

А в жизни есть три великие благоприятные возможности. Первая — это рождение. Только изредка появляется человек такого интеллекта, что использует эту возможность: исключительнейшая редкость. Таким, например, был Лао-Цзы.

Говорят, Лао-Цзы покинул утробу матери в восемьдесят два года. Сейчас это нонсенс, но в этом есть некая истина. Фактически, это не так, но в этом существует некая истина. И в этом разница между западным и восточным образом мышления. Если вы расскажете эту историю западному уму, он просто скажет: «Этого не может быть. Как человек мог прожить восемьдесят два года в утробе матери? И что произойдёт с матерью? Восемьдесят два года? Это невообразимо, этого не могло быть в истории».

Западный ум немедленно потребует факты по поводу феномена, но это притча, иносказание! Она не имеет отношения к фактам; она непременно имеет некое отношение к истине. А истина может быть выражена только через иносказание, нет другого пути выразить истину. Истина может быть выражена только через метафоры, через поэзию, но не через историю. Она поэзия, чистая поэзия, и страшной силы.

Имеется в виду, что, когда Лао-Цзы родился, он уже был настолько взрослым, зрелым, что он использовал свою первую возможность пробудиться. Обычно, человеку для пробуждения требуется восемьдесят два года, и даже тогда сколько людей пробуждается? Люди пробуждаются во время смерти, но как часто? Это тоже большая редкость.

Лао-Цзы, должно быть, был человеком огромного интеллекта, должно быть, имел интеллект со своих прошлых жизней, может, только малая часть была упущена, не хватало только последней капли. Он воспользовался благоприятной возможностью. Первая благоприятная возможность — рождение. Оно так же важно, как смерть. Оно и есть в некотором смысле смерть, поэтому ребёнок в материнской утробе живёт определённым образом, одним видом жизни, а потом просто выбрасывается, выталкивается. Он хочет зацепиться за свой дом, где он прожил девять месяцев, и так мирно, спокойно, так тихо, без всяких тревог, без какой-либо ответственности, в такой теплоте... Он цепляется за матку, он не хочет выходить. Он чувствует это как смерть, и это естественно, потому что откуда он знает, что должно произойти? Одно определённо: его дом разрушают, его выбрасывают из всего комфорта и безопасности. Он знает, что он умирает! Отсюда родовая травма: поскольку рождение входит в сознание ребёнка, как смерть. Он умирает, и он возрождается.

Лао-Цзы использовал свою первую благоприятную возможность. И тот же случай с Заратустрой, другая прекрасная история.

Рассказывают, что Заратустра — единственный ребёнок во всей истории человека, который засмеялся, когда родился. Дети плачут, они не смеются — и смеющийся Заратустра, должно быть, шокировал свою мать и... представьте себе этот настоящий хохот от живота. Вероятно, он использовал первую благоприятную возможность.

Известны эти два имени использовавших первую благоприятную возможность. Первый шок, и они стали пробуждёнными.

Вторая благоприятная возможность в жизни — это любовь. Некоторые люди стали пробуждёнными через любовь. И вторая благоприятная возможность доступна большему количеству людей, чем первая или третья, потому что рождение почти совсем бессознательно, как и смерть, но любовь может принести немного осознанности в ваше сердце.

Отсюда моя настойчивость относительно любви, и Кабир так же настаивает на любви, потому что этой возможностью могут воспользоваться многие, многие люди и стать пробуждёнными. Если вы любите, вы должны отбросить ваше эго, и это станет смертью, смертью эго. Если вы любите, вы будете должны научиться, как плавиться, соединяться, исчезать. Если вы любите, вы будете должны узнать, что есть нечто гораздо большее для жизни, чем логика, расчёты — в жизни есть нечто гораздо большее, чем обладание деньгами, большей собственностью, властью.

Если вы любите, у вас будут проблески божественного. А если вы пойдёте в любовь глубже, вы начнёте вступать в храм Бога: это вторая благоприятная возможность. Общество разрушило её.

Первая возможность очень редка, но вторая возможность могла бы быть доступна почти каждому, это было разрушено обществом. Вашу любовь осквернили. Вас воспитали в страхе, а не в любви. Вас воспитали бороться, а не любить. Вы воспитаны так, что будто всё существование ваш враг, а не друг, как вы можете любить? Общество сделало любовь невозможной.

Единственная возможность для людей обратиться к религии, единственная возможность революции в жизни людей, была разрушена обществом. Общество так боится любви, как ничего другого. Любовь — самая могущественная и опасная вещь для вашего так называемого общества, поскольку любовь разбудит людей, любовь расшевелит человеческие сердца. И они начнут жить через сердце, они не будут слушать голову. А если они не слушают голову, тогда общество будет утрачено; оно не сможет властвовать людьми, которые живут посредством сердца. Только над головой можно властвовать, только голова может быть низведена до рабства. Сердце всегда король, хозяин.

И третья благоприятная возможность: смерть — последняя. Если вы упустили рождение, если вы упустили любовь, не упускайте смерть. По крайней мере, последний шанс не должен быть упущен.

Ночь уж прошла, таким же образом ты хочешь потерять ещё и день?

Другая женщина, которая смогла встать рано,

нашла себе уже слона иль драгоценность...

Так много уж потеряно, пока ты спал...

И это было так излишне!

Нужно запомнить одну вещь огромной важности, так как Кабир повторяет снова и снова: он называет ищущих «женщина», и это так же было и моим усилием. Я не прекращаю говорить моим саньясином «Будьте женственными!», потому что быть женственным означает быть восприимчивым, быть открытым, быть любящим. Быть женственным — значит, быть неагрессивным: вы не можете завоевать Бога! Агрессия не поможет. Вы не можете штурмовать цитадель Бога. Всё, что вы можете сделать, — это быть по-женски гостеприимными. Вы можете пригласить, но не можете атаковать. Вы можете впитать, но вы не можете обладать. Вы можете позволить Богу войти в вас. Вы можете забеременеть Богом — это единственный путь.

Кабир говорит: *Другая женщина...*

Вы удивитесь — почему он говорит о женщине?

*Та женщина, которая смогла встать рано,
нашла себе уже слона или драгоценность...*

Он говорит: невозможное случилось — они нашли нечто, что делает жизнь значительной, нечто дающее жизни цвет радуги, танец павлина и песню кукушки. Гаутама Будда, Иисус Христос, Мухаммед, Махавира — вот другие женщины. Не обижайтесь на них!

Фридрих Ницше осуждал Будду и Христа за женственность. Его понимание правильно, но он использует его как осуждение, как критику, потому что его представление о прекрасном было представлением о мужской силе, мускульной силе. Его представление о красоте не было представлением о женской округлости, мягкости. Его представление о правильном человеке было представлением о бравом солдате, готовом атаковать.

Он сказал: «Самым прекрасным переживанием моей жизни было то, когда я смотрел, как идут солдаты, солнце светит и звук их сапог, музыка, мелодия их сапог и их оружие, блестящее на солнце. Это было самым прекрасным переживанием моей жизни».

Он не говорит о восходе солнца или закате, или о звёздной ночи, или о розе, о прекрасных женщинах, нет. Солдаты, марширующие в ногу, звук их сапог и их оружие, блестящее на солнце. Конечно, он создал философскую основу для Адольфа Гитлера. Так же, как Карл Маркс создал коммунизм, Фридрих Ницше намеренно или ненамеренно создал фашизм; он отец фашистского ума. Разумеется, он был против Будды, против Христа, потому что Христос говорит: «Любовь есть Бог». И Христос говорит: «Если кто-то ударил тебя по одной щеке, подставь ему другую». Христос говорит: «Любите врагов своих, как себя самого». А Будда говорит продолжая: «Будьте укоренёнными в сердце, забудьте голову. Двигайтесь к центру своего существа, голова — только периферия». И если вы посмотрите на статую Будды, она выглядит женственной, у него женская красота.

Я говорю каждому моему саньясину, женщине или мужчине — не имеет значения: нужно быть духовно женственными, только тогда можно воспринять Бога. Вы должны быть гостеприимным хозяином, только тогда гость может прийти к вам.

Но проблема в том, что веками толпа говорит вам прямо противоположное. Она делает вас агрессивным, насильственным, соперничающим. Она

отбирает все, что есть мягкого в вас. И сейчас движение за освобождение женщин является тем, что разрушает даже и мягкость женщин. Движение за освобождение женщин в действительности не освободительное движение. На самом деле, как раз наоборот: оно старается имитировать мужчину, стать такими же твердыми, как мужчины, делать всё, что делают мужчины.

Но помните одну вещь: если женщины стараются имитировать мужчин, они всегда останутся копией под копирку; они не достигнут их осуществления, они не достигнут высшей точки их потенциала. Они всегда будут тащиться позади. И они также станут уродливыми. Настоящее освободительное движение ещё не началось. Настоящее освободительное движение будет настаивать, что женщина должна быть более и более женственной, что она должна быть укоренённой в её природе, что она не для следования за мужчиной в возмездии, противодействии, восстании — это глупо. Никакое противодействие никогда не помогает.

Женщина должна быть сама собой. И не только это: она должна быть собой и она должна помочь мужчине стать немного более женственным. Не только женщину нужно освободить от мужчин, мужчина также должен быть освобождён от мужчин. Есть огромная необходимость в мужском освободительном движении — не освобождающим от женщин, но освобождающим от всего того вздора, которому его научили в древних временах: «Будь твёрдым! Будь жестоким! Не уступай! Разбейся в лепёшку, но не уступи!» Мужчину научили быть твёрдым, как скала, и мужчина много упустил.

И женщины теперь следуют той же дорогой. Это опасная ситуация. Если женщина тоже последует за мужчиной, она будет человеком второго сорта, она никогда не станет равной мужчине. И не только это: если она последует за мужчиной и станет твёрдой, как уже становятся женщины эмансипэ: их лица становятся твёрдыми, их тела теряют округлость, мягкость, уязвимость, нежность, они становятся более и более гневными, и всё менее и менее любящими — опасность в том, что это будет конец всего человечества, если это случится.

Единственная надежда человечества на качество женственности, единственная надежда. Нет надежды на Фридриха Ницше, Адольфа Гитлера, Бенито Муссолини: надежда на Будду, Чайтанью, Миру — на совершенно другой тип людей. И мы должны обратиться, и мужчины и женщины, *и те и другие*, в качество женственной способности любить, нежности.

Вот что Кабир имеет в виду, но вас научили чему-то другому — и вы выучили урок. А когда это говорится каждым, вся толпа продолжает учить вас этому снова и снова, вся толпа продолжает петь хором — в течение веков. А вы хотите потрафить каждому: вашему отцу, вашим друзьям, вашим священникам, вашим политикам — вы стараетесь удовлетворить каждого, и в попытках соотвечать каждому вы разрушаете свою душу.

Я слышал:

Даже в библейские времена знали, что слишком много хороших советов могут привести к плохим результатам.

Помните историю о старом-старом человеке, бредущем в Святую Землю по пыльной каменистой дороге? Камни были острыми и резали его ноги.

Вместе с ним брёл мальчик в рваных сандалиях, острые камни резали и его ноги, ранив их. За ними легко шагал сильный и здоровый осёл.

Они проходили мимо группы путешественников, отдыхающих у дороги.

— Взгляните на это, — сказали путешественники. — Этот бедный старый человек с его израненными ногами, а между тем этот жирный, ленивый осёл не везёт никого.

Старый человек пожал плечами и забрался на осла, чтобы продолжить путешествие. Через милью или около того, другая группа путешественников, отдыхавших у обочины дороги, увидев их, сказала:

— Позор, этот взрослый человек едет на осла, когда бедный мальчик режет свои ноги, ранив их острыми дорожными камнями.

Снова старый человек пожал плечами, слез с осла и посадил мальчика на своё место.

У третьей группы путешественников был ещё совет.

— Посмотрите, этот толстый, здоровый осёл везёт только этого маленького мальчика. Он должен везти и мальчика, и старика.

Снова старый человек последовал совету и забрался на осла за мальчиком. Через несколько миль они подъехали к шаткому мосту над потоком быстрой реки, и все на спине уставшего осла въехали на мост.

В самой середине мост не выдержал под общим весом, и старик, мальчик и осёл полетели в стремительный поток.

Благодаря тому, что они ехали верхом, мальчик и старик отдохнули, и им удалось выплыть на берег. Но утомлённый, уставший, перегруженный осёл утонул. И это только доказывает одну вещь: если вы следуете советам каждого, вы закончите тем, что потеряете вашего осла. (Второе значение слова «осёл» — «ass» — грубо: «жоп». — Прим. пер.)

Если вы возражаете против языка этой истории, не вините меня — так говорили в библейские времена.

Вы всегда слушали хорошие советы из каждого угла и закоулка. Каждый даёт вам гнилые, избитые идеи. Каждый набивает вас условностями — обуславливает вас, каждый гипнотизирует вас. А поскольку толпа большая, а вы один, пока вы не соберёте вашу энергию воедино, вы не будете способны освободиться из этой тюрьмы — тюрьмы толпы. Пока вы не отточите свой интеллект немного больше, пока вы не станете немного более медитативными, вы не будете способны разбить цепи того, что общество продолжает насаждать вам.

А они всё говорят вам, что это для вашего же блага. Они разрушают вас, но продолжают говорить: «Мы заботимся о вас». И странная вещь — вы тоже думаете, что они доброжелатели. Они думают, что они доброжелатели, вы думаете, что они доброжелатели, но только посмотрите на человечество! Такое тупое, такое мёртвое, такое уродливое — что-то срочно должно быть сделано, нечто нужно делать очень срочно.

Самым важным будет привести немного больше женственности, больше мягкосердечия в человеческие существа: и в мужчин и в женщин. Немного больше текучести. Вы не должны быть как камень: пожалуйста, будьте как вода. Лао-Цзы сказал, что его путь — путь воды: жидкий, хрупкий, женственный, не сопротивляющийся, текучий, динамичный.

Та женщина, которая смогла встать рано,
нашла себе уже слона или драгоценность...

Так много уж потеряно пока ты спал...

И это было так излишне!

Тот, любит кто тебя, он понял, но ты — нет.

Существование всегда сочувствует вам — оно обязано быть таким. Оно создало вас. Художник любит свою картину, поэт любит свою поэзию — существование любит вас. Существование продолжает создавать людей. Пока есть эта громадная любовь в самом центре существования, жизнь не исчезнет. Кто будет поддерживать вас? Кто продолжает дышать вас? Это тайна! Кто продолжает циркулировать в вашей крови? Это тайна. Кто бьётся в вашем сердце? Это тайна. Кто бдителен и осознан в вас? Это тайна.

Но одно определённо, абсолютно определённо, называйте это Богом или существованием: целое любит вас. И целое всё время изливается милостью и дарами, и каждый момент это проливается на вас. Если вы остаётесь нищим, попрошайкой, только вы ответственны, и никто другой. Существование хотело бы, чтобы вы были императором.

Тот, любит кто тебя, он понял, но ты — нет.

Существование понимает вас, но вы не понимаете существования. И иногда, когда вы приходите к человеку, который понял существование, — именно это и есть просветление — он тоже любит вас, но вы не понимаете и его. Вы потеряли способность доверять, потому что доверие приходит только как тень любви. Если любовь отсутствует, будет отсутствовать и доверие.

Вы живёте в мыслях, а мысли создают сомнения. Мысли основаны на сомнениях — чем больше мыслитель, тем больше он погружается в сомнения. Здесь, будучи со мной, вы не будете великими мыслителями, потому что мыслители упускают всё. Они лишь живут в своих мыслях, а мысли — это дворцы в воздухе. Ничего подобного не существует; они могут плести и ткать красивые системы мироздания, но все они бесполезны: вы не можете жить в них. И они рассеивают вашу энергию.

Будьте любящими, а не мыслителями! Если вы действительно хотите быть религиозными, будьте влюблёнными, а не мыслителями. А у сердца свои причины, причина которых не известна. Когда вы начнёте двигаться в мир любви, вы будете удивлены тем новым феноменом, который начнёт проявляться в вас: феноменом доверия — *шрадха*. И это величайшее переживание в жизни: доверять — поскольку человек, который доверяет, трансформирует не себя, но трансформирует весь его мир. Он начинает жить в совершенно другом мире.

Сомневайтесь, и вы изгнаны из Эдемского Сада, рая. Доверяйте, и вы приняты назад, радушно приняты обратно — вы снова дома.

Один человек упал с обрыва и в последний момент смог зацепиться за ветвь, торчащую из скалы. Он услышал сверху голос и закричал, зовя на помощь:

— Господи, помогите! Есть там кто-нибудь наверху?

Послышался ответ низким голосом:

— Сын мой, расслабься, отпусти ветку.

*Человек с трудом мог поверить в то, что он слышал, и заорал:
— Есть там ещё кто-нибудь наверху?*

Даже если Бог ответит вам, вы не поймёте. Вы не можете расслабиться, потому что не можете доверять. Современный человек страдает от огромного беспокойства; так никогда не было: человек никогда так не страдал от беспокойства. Почему так много беспокойства? Среди такого большого научного, технологического развития, среди такого изобилия, почему человек страдает, почему человек в таком беспокойстве? Одна вещь исчезла из его сердца: доверие; в нём больше нет доверия, только сомнения... сомнения и сомнения. Вы окружены сомнениями, тысячью и одним сомнением. Они подобны духам, привидениям, мучающим вас. Ваша жизнь стала ночным кошмаром.

Но вспомните снова: никто не ответственен, кроме вас. Вы можете быть окружены доверием, обстановкой доверия, атмосферой доверия. И когда есть атмосфера доверия, приходит весна — вы расцветаете, в первую очередь вы начинаете источать благоухание. Цветы вырываются наружу, жизнь становится празднованием.

*Тот, кто любит тебя, он понял, но ты — нет.
Забыл ты сделать место с собою рядом на твоей постели.*

Прислушайтесь к словам Кабира: он говорит языком любви. Богу нужно не поклоняться, но любить его — приготовьте для него место в своей постели.

*Забыл ты сделать место с собою рядом на твоей постели.
Взамен ты тратишь жизнь свою, играя.*

Играя с игрушками: деньгами, властью, престижем — *всякими* игрушками. И всё тщета, поскольку смерть всё отнимет. И вы это *знаете!* Но всё равно продолжаете цепляться, потому что у вас в голове есть идея: что-нибудь лучше, чем ничего. Вы будете должны изменить её — вы должны будете изменить её диаметрально. Вы будете должны познать: ничего лучше, чем что-нибудь — поскольку именно в ничего, в небытии, в пустоте, в тишине, вы станете утробой, маткой, так что Бог сможет сойти в вас.

*На третьем уж десятке ты, а не растёшь,
Поскольку не узнал, кто твой Владыка.*

Вы потеряли свою юность, которая была *самым* драгоценным временем. Рождение упущено, но это можно простить. Упущенная любовь не может быть прощена. Вы растратили свою юность на игрушки: вы не любили по-настоящему. Ваша любовь никогда не становилась молитвой, ваша любовь никогда не достигала славы, которую она в себе содержит — ваша любовь осталась похотью, ваша любовь осталась самой земной страстью. Ваша любовь осталась половой: она никогда не становилась духовной.

А любовь есть два аспекта: один половой, сексуальный, другой духовный. И пока любовь не стала духовной, она держит вас в грязи; вы не можете лететь в небо, у вас нет крыльев.

И помните: половая любовь не содержит духовной любви, но духовная любовь *может* содержать половую любовь, но тогда она так же меняет само качество половой любви. Это один из фундаментальных законов: высшее

содержит низшее, но низшее не содержит высшее. Так что не беспокойтесь и не бойтесь, что, если вы вырастаете выше в вашей любви, радость от секса исчезнет — нет, она станет сильнее, более оргазмичной. Она станет более глубокой, более удовлетворяющей, острой, и у неё будет качество не от мира сего. Ваш оргазм будет не просто сексуальным, половым: у него будет качество медитативности. Время и эго исчезнут, и на несколько мгновений вы окажетесь в Боге. Ваш возлюбленный исчезает, вы исчезаете... двойственность исчезает и наступает единство, вы ощущаете оргазмическое единство с целым.

Кабир говорит: *На третьем уж десятке ты, а не растёшь...*

Очень немногие люди растут (grow up). Люди просто стареют (grow old), но они никогда не растут. А стареть — это не то же, что расти.

...Поскольку не узнал, кто твой Владыка был.

Когда вы влюбляетесь в женщину, вы думаете, что влюбляетесь в женщину? Если вы спросите Кабира или если вы спросите меня, я скажу вам, что вы влюбляетесь не в женщину — никто никогда не влюблялся в мужчину или женщину: у вас были проблески Бога в женщине, и вы влюбились в эти проблески.

Люди *всегда* влюбляются в Бога. Когда роза утром раскрывает свои лепестки, свежая, с утренней росой, танцует на утреннем ветру, просто радуясь солнцу, и вы влюбляетесь в неё, вы думаете вы влюбляетесь в химию розы? — нет — но в её душу. Вы не влюбляетесь в химию мужчины или женщины, вы не влюбляетесь в биологию — вы влюбляетесь в нечто невидимое, неосознаваемое. Вы можете этого не знать! И это — ваше несчастье. Если бы вы знали это, тогда каждая любовь приносила бы вас ближе и ближе к Богу, тогда ваш гештальт был бы другим, тогда ваша любовь не была бы столь укорена в земле, она имела бы крылья, она была бы способная летать.

Кабир говорит, что вы упустили, вы не можете расти:

*...Поскольку не узнал, кто твой Владыка был.
Проснись! Проснись! Его уж нет в твоей кровати:
Покинул он тебя во время долгой ночи.*

И это случается снова и снова: вы влюбляетесь в мужчину или женщину, и вскоре всё исчезает, Владыка, Господин ушёл — поскольку вы никогда не уделяли ему никакого внимания. Вы стали слишком сосредоточенными на физическом, поэтому духовное исчезает. Почти всегда после окончания медового месяца любовь прекращается — к тому времени Владыка ушёл. Тогда только два физических тела...

У двух физических тел могут быть несколько сексуальных контактов, но никакой сексуальный контакт не может никогда удовлетворить, осуществить. Он приносит больше и больше разочарования. Все сексуальные переживания заканчиваются разочарованием: в пробуждении приходит большое разочарование, чем-то вроде безнадёжности.

А причина в том, что вы обращаете внимание не в ту сторону, вы слишком заинтересовались физическим и не уделяете достаточного внимания духовному.

Если вы фокусируетесь на духовном, вскоре физическое становится вторичным. И тогда медовый месяц только начало большого любовного романа. Он не заканчивается с окончанием медового месяца, на самом деле, он только начинается, когда медовый месяц закончен. Тогда это — совершенно другое явление. Близость, интимность продолжает расти и расти. Сексуальности становится всё меньше и меньше; близость становится больше и больше, глубже и глубже.

И вскоре вы обнаружите, что возлюбленная — не просто женщина: возлюбленная — предельный Возлюбленный. Тогда возникает огромное уважение к другому. И тогда любовь даёт свободу, тогда любовь не обладание, тогда в ней нет насилия. Тогда любовь священна, свята.

Проснись! Проснись! Его уж нет в твоей кровати:

Покинул он тебя во время долгой ночи.

Но вы продолжаете заниматься любовью, и возлюбленный уходит! Когда любовь ушла, вы занимаетесь любовью с трупом. Когда Владыка исчез, когда вы больше не видите в глазах вашего мужчины или женщины присутствие Бога, вы занимаетесь любовью с трупом. Как это может дать вам удовлетворение? И как может это помочь вам воспарить ввысь?

Да, в некоторые моменты вы воображаете, иногда ностальгия по прошлому — те прекрасные дни, которые сейчас просто, как сон; на самом деле, невозможно поверить, что они когда-либо были. Но люди живут в воображении, а не в реальности. Если вы живёте в реальности, Бог везде. Если вы живёте в воображении, тогда вы живёте в одиночестве, покинутости, Бога нет — мир пуст, тогда мир не имеет смысла, тогда мир просто ночной кошмар

Священник, пастор и раввин прогуливались вместе вдоль нью-йоркской улицы, когда натолкнулись на грязного мальчугана, сидящего на обочине и играющего с собой (занимающегося онанизмом. — Прим. пер.).

Священник был оскорблён и перейдя дорогу к мальшу, спросил:

— Как может ребёнок порядочных католических родителей вести себя таким невыразимым образом?

Не прекращая движения, юнец парировал:

— Отвали! Я не католик, и я не делаю того, что ты думаешь, что я делаю.

Онемевший, священник ретировался к своим товарищам. Пастор взял на себя увещание мальчика.

— Как ты можешь вести себя так греховно после всего того, чему тебя научили в протестантской церкви?

— Отвали! — сказал мальш. — Я не протестант, и я не делаю ничего того, что ты подумал, что я делаю.

Жалкий и пристыженный, с поджатым хвостом, пастор удалился к остальным священникам.

— Это возмутительно, — сказал раввин. Шагая к мальчугану, он прогрохотал: — Дитя, дитя, тебя растлили в соответствии с законом твоих праотцов и праотцов их праотцов. Как ты осмеливаешься вести себя таким невыразимым отвратительным образом?

— Ой, отвали, оставь меня в покое, — ответил парень. — Я не иудей, и я не делаю ничего того, что ты подумал, я делаю.

— В таком случае, — потребовал раввин, — кто, на твой взгляд, ты есть и чем ты занимаешься?

— Ну, если тебе нужно знать, — сказал ребёнок, — я — христианский учёный-естествоиспытатель, и я занимаюсь любовью со своей подружкой в Пуне.

Из Нью-Йорка?! Христианские учёные-естествоиспытатели могут делать такие вещи, потому что они думают, что весь мир — это не что иное, как мышление. Мир не мышление, и если вы живёте в мыслях, вы упустите реальность мира. Выйдите из ваших мыслей — именно это имеет в виду Кабир, говоря: «Проснись! Проснись!»

Двигайтесь от головы к сердцу. Необходимо бодрствование сердца. Не живите в воображении. Не живите в мыслях! Живите в тишине — и только сердце знает, как оставаться тихим, потому что в сердце нет мыслей. Мысли не могут проникать в самые глубочайшие святыни. Никакой шум никогда не проникает туда; там абсолютная тишина, девственная тишина.

Двигайтесь в сердце, и внезапно увидите себя пробуждающимся совершенно другим качеством пробуждения, которое вы никогда раньше не знали. Вся ваша жизнь станет наполнена светом, жизнью, любовью и энергией. А когда есть энергия — это наслаждение, это восторг. Бьющая через край энергия — это восторг.

Кабир сказал: *Та женщина лишь только пробудилась, что услышала флейту!*

И только в сердце, в глубочайшем тайнике вашего сердца, вы услышите флейту Кришны. Это только метафора: вы услышите музыку, божественную музыку существования, то, что люди дзен называют звуком хлопка одной ладони, что другие мистики называли беззвучным звуком, звуком беззвучия, что в Индии провидцы Упанишад называли Омкар: звук Аум. Кабир называл его «флейта» — флейта Кришны.

Та женщина лишь только...

Помните, он снова использует слово «женщина».

Та женщина лишь только пробудилась, что услышала флейту!

И пока вы не услышите флейту, не успокаивайтесь. Продолжайте внутри искать и добиваться. Придёт момент, когда вы услышите флейту, когда внезапно божественная музыка вспыхнет в вас. Вы окунётесь в совершенно новое переживание — переживание бессмертия, переживание вечности; не переживание того, что Бог присутствует, а переживание, что: «Я часть Бога, Бог часть меня — я Бог — Ахам Брахмасми! Ана'аль Хар! — Я есть Истина!»

Иисус сказал: «Аз есмь Истина! Я — дверь, Я — путь». О ком он говорит? Говорит ли он о сыне плотника Иосифа? Нет. Он говорит о глубочайшей сердцевине вашего существа, которая бессмертна; он говорит о флейте, которую он услышал, он говорит о звуке хлопка одной ладонью. Он говорит о космическом звуке, мелодии космоса.

Та женщина лишь только пробудилась, что услышала флейту!

Помните, пока вы не услышали флейту, вы спите, до тех пор, пока вы не начали чувствовать Бога везде, вы спите. Единственным критерием, по которому можно судить, бодрствуете ли вы или спите такой: видите ли вы мир как материю? — если «да», тогда вы спите. Видите ли вы мир, как божественный? Я не говорю: «Верите ли вы?» Я говорю: «Видите ли вы, переживаете ли вы мир, как божественный?» — тогда вы бодрствуете.

*Я с девушками десять лет играл, ровесницами мне,
но вот сейчас внезапно в страхе я.*

Кабир говорит: я играю с такими же искателями.

Я с девушками десять лет играл, ровесницами мне...

Помните, он снова использует слово «девушки». Он идёт вместе с искателями, исследователями, он сидит в *сатсанге*, поёт песни Богу, танцует, медитирует.

*Я с девушками десять лет играл, ровесницами мне,
но вот сейчас внезапно в страхе я.*

Но когда вы действительно начинаете подходить ближе к сердцу, огромный страх овладевает вами. Поэтому когда ко мне приходит саньясин и говорит: «Я очень сильно боюсь вас», — я всегда говорю, что это хороший знак. Это просто означает, что голова теряет свою хватку, и сердце становится ближе. Страх возникает потому, что голова говорит: «Сейчас ты в опасности. Кто защищает тебя? Я защищаю тебя. Кто охраняет тебя? Я охраняю тебя. Кто будет вести тебя по правильному пути? Сейчас тыходишь в безумие сердца, ты выходишь за рамки меня — я не смогу тебе помочь. А ты зависел от меня до сих пор. Я являюсь твоей защитой, твоей безопасностью». Отсюда возникает страх.

Я поднимаюсь по ступеням на пути...

Кабир говорит: сейчас дверь открылась, и я могу увидеть некие ступени, идущие вверх.

...они высоки.

И они высокие — выше меня. Я должен буду превзойти себя, отсюда страх. Я должен буду выйти за пределы себя, я должен буду отбросить это и идти без него, и я должен буду отбросить весь багаж ума и пойти облегчённым, налегке, поэтому страх.

*Но всё же я оставить должен мой страх,
Уж если я хочу стать частью любви той.*

Нужно оставить свои страхи, если хотите жить в любви, потому что *та же самая* энергия становится страхом и любовью. Если вы живёте в страхе, ваша энергия останется вовлечённой, занятой, облачённой в страх. Отбросьте страхи. Рискуйте — и внезапно та же самая энергия, которая содержалась в страхе, освободилась и становится цветком любви.

*Но всё же я оставить должен мой страх,
Уж если я хочу стать частью любви той.*

Позволить должен я уйти прикрытиею одежд...

...всем защитным мерам, всей той броне, которую вы носите вокруг себя. Необходимо абсолютное доверие. Человек должен быть готов умереть: даже если существование убивает его — ладно, о'кей. Только тогда вы будете способны отбросить вашу броню. А каждый несёт огромную броню вокруг себя. Мы носим вокруг себя наши тюрьмы, это прозрачные тюрьмы, но вы знаете, что они есть.

Если вы хотите соприкоснуться с кем-то, внезапно возникает стеклянная стена, и вы не можете соприкоснуться. Люди близко подходят друг к другу, но в действительности это не близко, потому что эти две стены не позволяют. Только стены лязгают друг о друга. Поэтому все влюблённые конфлик-

туют — так не должно было бы быть. Влюблённые должны быть в глубокой гармонии, но они в конфликте, потому что эти стены не позволяют вам быть в гармонии. Каждый живёт в его страхе и претензии на любовь — такая любовь фальшива, это маска.

*Позволить должен я уйти прикрытиею одежд,
Всем телом слиться с ним.*

Вы должны предстать перед лицом любви абсолютно обнажённым, абсолютно доступным.

Мои глаза в момент тот станут любви свечами.

Потеряно достаточно времени, столько жизней растрачено. Позвольте в этот раз вашим глазам стать свечами любви.

Кабир сказал: *мужчина с женщиной в любви поймут поэму эту.*

Эту поэму не поймут грамотеи, пандиты, так называемые учёные люди. Эта поэма может быть понята только любящим сердцем. Эту поэму поймёте вы, мои люди, потому что моя основная миссия — это любовь. Любовь, любовь, и ничего больше, потому что любви достаточно самой по себе.

Кабир сказал: *«Мужчина с женщиной в любви поймут поэму эту».*

Никто другой не поймёт этого.

*Но если не желанье то, что ко Всевышнему испытываешь ты,
Тогда какой же толк в такой заботе о нарядах,*

И в трате столько времени при наведении теней на веках?

Люди идут в храмы, мечети, церкви, гурудвары — для чего? Вы не находитесь в любви с богом! Это так глупо. Вам нет нужды терять время в храмах и церквях, если вы не в любви. Тогда почему всё время...

...в такой заботе о нарядах,

И в трате столько времени при наведении теней на веках?

Если вы не в любви, тогда почему всё время делаете эти пустые ритуалы? Делайте что-нибудь ещё! Делайте что-нибудь ещё, что вы любите. Не тратьте время во имя религии, потому что религия возможна только если вы в любви. В глубокой интенсивной любви, только тогда ваша молитва истинна. И тогда всё, что вы скажете, несёт в себе сакральное качество. Тогда вам не нужно ходить в храмы: везде, где вы есть, будет храм. Вам не нужно делать ритуалы: поклоняться Богу с цветами, свечами, тем и этим — всё, что бы вы ни делали, будет вашей молитвой.

Кабир сказал в другой поэме: я не хожу в храм, потому что, где бы я ни был, я встречаю его присутствие вокруг меня. Его не может быть в храме больше — его не может быть где-то меньше или больше: он тот же самый везде.

Кабир говорит: я больше не ношу особую пищу в жертву Богу — когда я ем, это является моим пожертвованием Богу. Поймите красоту его высказывания. Он говорит: когда я ем, это моя жертва ему — поскольку *он* внутри меня. Почему я должен идти к каменной статуе, которая не умеет есть вообще. Если у меня много пищи, я приглашаю друзей. И когда они едят, я знаю, что он принял моё жертвоприношение.

Религия не ритуал, религия не имеет ничего общего с формальностями — с христианством, индуизмом, исламом. Религия — это личный любовный

роман. Будьте в любви с людьми, будьте в любви с миром, будьте в любви с деревьями, птицами, животными и звёздами — *будьте в любви!* И мало-помалу ваша любовь зажжёт свечи в ваших глазах, и вы станете способным видеть его.

Он здесь, но вы слепы. Он играет на своей флейте, но вы глухи.

Друг, проснись!

Глава 5

Живое поле Будды

- 1. Что у вас тут есть такого, чего нет у остального мира?*
- 2. Почему все Будды говорят одно и то же?*
- 3. Разве плохо учить детей чему-либо религиозному?*

Живое поле Будды

Первый вопрос

Бхагван, я здесь с очень коротким визитом. Я приехала постараться понять, что у вас тут есть такого, чего нет у остального мира. Не могли бы вы помочь мне?

Миссис Ворд, у меня нет ничего, чтобы предложить вам — только ничто. (Дословно: у меня есть ничто, чтобы предложить вам — только ничто. — Прим. пер.) Но это — величайшая вещь, которую можно было бы дать как дар. Мой единственный совет моим людям — быть ничем, быть никем, быть абсолютно обнажёнными, без всех одежд, которые общество дало вам: без мыслей, без религий, без философий — совершенно пустыми, без всех условностей, которые навязаны вам другими, совершенно свободными ото всех запретов и табу, которые время собрало вокруг вас, как пыль.

Если вы можете быть пустым зеркалом, тогда есть Бог. В этом пустом зеркале отражается Бог, и другого пути нет.

У меня нет ничего вещественного, чтобы можно было дать вам, потому что всё вещественное — мирское, приземлённое. У меня есть нечто неосязаемое, чтобы дать вам, невещественное, нечто, что вы не сможете ухватить рукой, нечто, что вы не сможете измерить или взвесить. Это называли ничто, небытие, это называли медитацией, это называли состоянием сознания без содержания.

Но я только могу указать путь. Я не могу дать это вам, поскольку это не передаваемо. Это не вещь, как может это быть передано? Вы не можете купить это, вы не можете украсть это — вы только можете позволить этому случиться. Я только определённое пространство, определённый контекст, в котором этот безмерный потенциал небытия может произойти. Но всё зависит от вас, а не от меня. Всё зависит от вас: если вы позволите этому произойти, это откроет двери в божественное, это откроет вам таинства жизни. Оно не станет отвечать на ваши вопросы, потому что жизнь — не дело вопросов и ответов, жизнь — это не проблема. Оно, несомненно, растворит (dissolve) ваши вопросы, несмотря на то, что не решит (solve) их, но вы будете трансформированы, преображены. То, что вы приобретёте, — не эрудиция (knowledge), но осознание, понимание (knowing), глаза, пронизательность, интуиция.

Но, миссис Ворд, вы говорите: *Я здесь с очень коротким визитом...*

В такой спешке это невозможно. В такой спешке вы не сможете расслабиться, впитывать, усваивать.

Древняя история дзен гласит:

Молодой человек пришёл к Мастеру дзен обучаться медитации. Мастер дзен сказал:

— Способен ли ты ждать?

Молодой человек, конечно, спросил:

— Сколько?

Мастер дзен ответил:

— Для меня этого достаточно, чтобы отвергнуть тебя. Спрашивать: «Сколько?» означает, что ты не готов ждать. Если ты готов просто ждать, не спрашивая: «Сколько?», тогда ты способен ждать.

Молодой человек понял смысл. Он склонился в поклоне, оставаясь с Мастером.

Прошёл год, ни единого слова ученику не было сказано. И второй год прошёл... и третий... «Ну, это уж слишком! Ничего даже не начато, ни одного урока. Сколько можно ждать?» Опять этот вопрос стал очень значимым в его сознании: «Сколько?»

Он пошёл к мастеру и сказал:

— Я жду три года.

Мастер ответил:

— Так ты считаешь? Это просто показывает, что ты не знаешь, как ждать. Считаешь? Считаешь дни с Мастером? С одной стороны, каждый момент вечность, с другой стороны, вечность — это только момент. Ты недостойный! Ты должен будешь ждать. Ты будешь должен научиться, как ждать. Будь бдителен: с завтрашнего дня уроки начнутся.

Урок был очень странным: молодой человек убрал пол, а Мастер подошёл сзади и сильно ударил его своим посохом по спине. Шокированный, молодой человек спросил:

— Это и есть начало медитации? После трёх лет ожидания?

— Да, — ответил Мастер. — Будь бдителен. Я буду бить тебя в любой момент, в любое время — будь внимателен, будь бдителен, будь настороже.

И это продолжалось месяцами. Всё его тело постоянно болело по ночам, потому что днём это происходило много раз: Мастер внезапно выпрыгивал откуда-то, он был очень стар, но был, как настоящий кот.

И мало-помалу странная осознанность начала возникать в молодом человеке. В тот самый момент, когда Мастер собирался ударить его, он уворачивался, даже если удар приходился со спины. Хотя он был занят своей работой, постоянно оставалась тонкая осознанность. Так должно было быть, он так сильно страдал. Боль необходима для роста, страдание является абсолютной необходимостью для роста. Пока вы не страдаете, вы не можете осознавать. Страдание приносит осознанность, и добровольное страдание приносит огромную осознанность. Он страдал с готовностью! Он мог бы сбежать, никто не мешал ему: это был его собственный выбор. Он выбрал Мастера.

Теперь он начал понимать причину: «Это его учение. Это то, как он учит медитации!» Теперь это прояснилось в его голове. Он почувствовал огромную благодарность.

В тот день, когда Мастер подошёл из-за спины, и прямо перед тем, как он собирался его ударить, молодой человек отпрыгнул, повернулся, и палка Мас-

тера попала по земле, молодой человек был чрезвычайно счастлив. Нечто новое произошло в его существе. И Мастер благословил его.

Но после этого дня стало ещё труднее... Мастер начал бить его, когда он спал. Теперь это было чересчур. Ночью, в любое время!.. А Мастер был очень стар, естественно он не мог спать много, так что всегда, когда ему не хотелось спать, он шёл ударить молодого человека. Но теперь молодой человек знал: «Я могу не понять, как это происходит, но удары Мастера днём были таким огромным благословением, были такой трансформацией, преобразованием, что я приму и удары ночью — без каких-либо вопросов». Он не спрашивал: «Это абсурд. Это нелепо. Пускай вы бьёте меня днём — я могу, по крайней мере, защитить себя, убежать, уклониться, увернуться — но что я могу сделать, когда я сплю?» Он не говорил этого.

И Мастер сказал:

— Это хороший знак. Впервые ты учишься доверять — ты не задаёшь вопроса.

После двух-трёх месяцев ночных ударов, тело постоянно болело весь день. Днём теперь он был готов защитить себя, но однажды это случилось и ночью! Мастер вошёл в комнату, и юноша открыл глаза. Он сказал:

— Стойте! Я не сплю.

Так случилось чаще и чаще. Его стало невозможно ударить. Немедленно, как только мастер входил в его комнату, он открывал глаза — как будто он не спал вовсе. Но это было не так: он глубоко спал, но часть его существа была свободна от метафизического сна, верхушка айсберга, только маленькая часть, подобно свету свечи внутри — наблюдение, ожидание.

Мастер был очень счастлив. На следующий день утром Мастер сидел под деревом, читая какие-то древние сутры, какие-то древние писания. Молодой человек убирал сад, внезапно у него возникла идея: «Этот пожилой человек бьёт меня почти уже год днём и ночью — что будет, если однажды я попробую ударить его? Стоило бы посмотреть, как он реагирует».

И Мастер закрыл свои сутры и сказал:

— Идиот! Я уже старый! Оставь эти мысли.

Да, это предельное состояние осознанности, когда слышны даже звуки следов, шагов ваших мыслей.

Миссис Ворд, вы так торопитесь, что не можете расслабиться. Медитация не делается кое-как. Она нуждается в огромном терпении, для неё необходима любовь, доверие. Для неё нужен очень неторопливый подход. На самом деле, ей нужен ум, который бы совсем не был ориентирован на достижение цели. Но если вы так спешите, это будет невозможно.

Вы спрашиваете меня: *Я приехала постараться понять...*

Понимание — это не то, в отношении чего вы могли бы стараться, это не усилие. Это не то, на чём вы можете сосредоточиться, над чем можно размышлять. Понимание не от ума: понимание от сердца. Вы будете должны влюбиться.

Вот чем вообще и является саньяса. Влюблённость в Мастера, совершенно без всяких мотивов — только чистая радость любви кого-то, кто исчез, кого больше нет, кто стал сущим небытием. Кто стал тишиной... понимает-

ся, эта тишина наполнена песнями, и эта тишина является музыкой, божественной музыкой. Эта тишина не негативно пуста. Она пуста от шума, она наполнена мелодией, мелодичностью. Она пуста от мыслей, но наполнена осознанностью. Она пуста от тьмы и смерти, но полна светом и жизнью.

Пока человек не влюбился, процесс понимания не может начаться. Вы можете быть здесь, вы можете слушать меня — до вас дойдут только слова. Эти слова станут частью вашей памяти; они сделают вас более эрудированными. Но быть эрудированным абсолютно тщетно, это не помогает. Знать о Боге — это не знать Бога, потому что слово «Бог» — это не Бог. Знать о любви — это знать любовь, потому что слово «любовь» — это не любовь.

Вы должны будете двигаться в пространство опыта, переживаний. Для этого нужно ожидание, релаксация, подход, не ориентированный на цель, — иначе вы не поймёте предмет. Вы поймёте совершенно неверно. Голова только знает, как понимать неверно. Только сердце знает, как понимать. Любовь — единственный путь знать. Логика — это претензия: она только претендует, делает вид, что знает; она дурачит вас, обманывает вас. Только любовь открывает глаза познания.

Но посмотрите: голова упорно продолжает осуждать любовь. Голова говорит: «Любовь слепа». Только у любви есть глаза! Без любви всё слепо. Но голова осуждает сердце, и голова действительно очень искусна в создании ложных феноменов. Вместо понимания, она плетёт и ткёт эрудированность. А эрудированность — фальшивая монета: это не понимание. Понимание означает, что вы испытывали, жили, любили, были — в совершенно другом пространстве; вы посетили сокровенный центр вашего существа.

Эрудиция означает, что вы просто услышали чью-то болтовню об этом. Эрудиция только добавляется к вашей памяти, но не к вашему существу. Понимание помогает вашему существу расти, взростеть.

Если вы здесь, чтобы понять, тогда забудьте о таком быстром движении. Просто посмотрите: так много людей пришло сюда всего на несколько дней — потом прошло несколько лет! И я счастлив по поводу моих людей: они не считают, и они не идут спрашивать меня: «Как долго это будет продолжаться?» Теперь они знают, что дело не в том «как долго?» Это может случиться в любой момент... дело только в вашей открытости, вашей интенсивности, вашем страстном желании познать, в вашей собственной любви.

Это непредсказуемо. Это не товар, не предмет потребления. Было бы это вещью, миссис Ворд, я бы дал это вам с большой радостью. Я беспомощен — я не могу дать это вам. Я создаю пространство, в котором это может произойти, но это не происходит непосредственно. Понимание не является прямым, непосредственным; оно очень опосредованно. Если вы подходите к пониманию непосредственно, в лоб, оно очень пугливо, оно ускользнёт, оно очень неуловимо.

Вы должны быть очень бдительными, наблюдательными, когда вы начинаете двигаться к пониманию не прямыми, косвенными путями. *Всё*, что ни есть великого в жизни, случается только не прямо, опосредованно: это может быть понимание или счастье, поэзия, живопись, скульптура; это может быть

искусство, это даже может быть открытие в науке — всё, что ни есть великого, случается опосредованно.

Теперь это широко известный факт, что учёные продолжают биться над пониманием чего-либо, и проигрывают снова, снова и снова, и вот однажды внезапно, когда они совсем не делают никаких усилий: может быть, курят сигару или просто отдыхают, принимая ванну, или копают в саду — внезапно решение возникает! А они так долго бились над пониманием этого, и оно всё не приходило.

Здесь есть некий секрет.

Когда вы слишком устремлены, когда вы слишком прямолинейны, вы агрессивны, а жизнь открывает свои секреты только людям, которые не агрессивны. Когда вы слишком устремлены, слишком агрессивны, слишком неистовы, хотите отвоевать у жизни какой-нибудь секрет, вы становитесь очень узкими, ограниченными. Ваше сознание закрывается, вы больше не широки, не открыты. И истина столь велика, что она не может войти в узкое, ограниченное сознание.

Когда вы расслабились, узость исчезает, вы открыты со всех сторон — может быть, просто играете с мыльными пузырями в ванне. Именно это обычно делал Альберт Эйнштейн: все его великие открытия случились в то время, когда он играл с мыльными пузырями, принимая ванну. Его жена очень стеснялась говорить это другим людям.

Один из моих друзей пошёл увидеться с ним, и он прождал шесть часов, потому что Эйнштейн не выходил из ванной. В конце концов, жена была вынуждена сказать ему всю правду: «Его нельзя тревожить никогда, когда он в ванной. Его можно потревожить, когда он в лаборатории, но не когда он в ванной — поскольку он становится полностью расслабленным, все его великие прозрения случались с ним именно здесь. Поэтому ничего нельзя сделать. Может быть, он играет с мыльными пузырями, но, играя с мыльными пузырями, он узнаёт о звёздах, далёких, далёких звёздах». Играя с мыльными пузырями, даже звёзды, которые так далеко, что их свет ещё не достиг земли с того времени, как она возникла в существовании!.. За миллионы лет, которые существует земля, их свет ещё не достиг её. А свет движется с ужасающей скоростью; большая скорость немыслима.

Свет преодолевает сто семьдесят шесть тысяч миль в секунду. С того дня, когда земля возникла в существовании, свет движется от тех звёзд, и всё ещё не достиг земли. Эйнштейн осознавал те звёзды. Играя с мыльными пузырями?! Осознал важнейшее открытие этого века, теорию относительности, в своей ванне.

Проще говоря, жизнь готова открыть свои секреты, когда вы неагрессивны, когда вы, как ребёнок, играете с реальностью. Всё великое происходит шути, игриво.

Миссис Ворд, вы слишком устремлены.

Вы говорите: *Я здесь только с очень коротким визитом. Я пришла постараться понять, что у вас тут есть такого, чего нет у остального мира.*

Всё, что у меня есть здесь, есть везде, но, может быть, вы не можете увидеть это где-нибудь ещё. Вам нужно определённое пространство, где вы бы могли расслабиться — этого пространства нигде больше нет. Религия очень серьёзна во всём мире, но здесь со мной религия несерьёзное явление. Где-нибудь ещё жизнь воспринимается как огромная проблема, теологическая проблема. *Здесь она считается красивой шуткой!* В других местах молитва считается очень священной. Здесь просто означает празднование, *всё, что угодно...* весь вопрос состоит только в праздновании. Если вы едите свою пищу в праздновании, это молитва; если вы принимаете ванну в праздновании, это молитва. Если в вашем сердце радость, это молитва. Молитва здесь не ритуал; вам не нужно повторять определённые слова, проделывать определённые жесты. Молитва здесь качество, а не действие — аромат, тонкий, едва уловимый танец вашей внутренней энергии.

Слушание птиц — и это молитва! Смотреть на деревья, всю их зелень, весь их багрянец, всё их золото, — это молитва. Птица в полёте, и вы просто смотрите с огромной радостью, с определённой связью с птицей, некой близостью, сопереживанием — как будто *вы* сами на крыльях: это молитва.

Молитва здесь не нечто специальное: это ежедневная обычная жизнь, с новым качеством — к ней добавлено качество радости, качество уступчивости, сдачи и жертвования прибавляется к жизни. Любое дело, принесённое Богу, священо. И если вы можете принести все свои действия Богу, всё священо.

В мире есть тысячи церквей и храмов; существуют тысячи учителей, великих учителей, очень учёных учителей... Я не учёный человек и я не учитель, поскольку у меня нет никакого учения, чтобы его преподавать. Я просто безмолвная неподвижность, я только любовь в моём сердце, игривость. Если бы вы могли быть здесь без всякой идеи о том, когда вы уезжаете, если бы вы могли просто быть здесь и могли бы впитать дух этого поля буддистского, этого энергетического поля, тогда нечто возможно — нечто невозможное возможно, то, что, может быть, невозможно нигде ещё. Потому что, насколько я знаю, сейчас не существует поля Будды нигде, кроме как тут.

Есть христиане, индуисты, мусульмане, джайны и буддисты — на земле существует триста религий, но все они пережитки прошлого. Их Мастера давно мертвы; они традиции, а не религии, обычаи, а не религии, ортодоксальность, конформизм, а не революция.

Здесь то, что я делаю доступным для вас, не традиция. Это не имеет ничего общего с прошлым. Это *новое* начало, и очень удачно, благоприятно быть в самом начале, быть у самого истока чего-то.

Людям, которые шли с Иисусом, безмерно повезло: они были у самого истока, чистейшего источника. Люди, которые шли с Буддой и жили с ним, были безмерно благословенны, но теперь быть буддистом просто бессмысленно. Двадцать пять веков прошло, и за эти двадцать пять веков буддизм стал настолько извращённым, что сейчас почти невозможно разобрать, что Будда сказал и что к этому добавлено, а что изъято. Почти невозможно сказать, что пришло от Будды и что за эти двадцать пять веков накопилось вокруг этого.

Это катится, как снежный ком: всё больше и больше снега продолжает собираться вокруг него, подлинное лицо потеряно. Вы удивитесь, когда узнаете, что буддийские статуи не имеют ничего общего с настоящим лицом Будды. Буддийские статуи имеют гораздо большее отношение к лицу Александра Македонского, потому что с Александром Македонским индийцы в первый раз стали понимать греческую красоту и особенно греческую мужскую красоту.

Греков совсем не интересовала женская красота, помните; вся их идея была в мужской красоте. Если вы посмотрите на древние статуи, оставшиеся от греческой культуры, вы не найдёте статуи женщин — вы найдёте статуи мужчин, статуи обнажённых мужчин. Они были ужасно влюблены в мужскую красоту, мужское тело. Женское тело не считалось в Греции красивым.

Они создали прекрасные статуи мужских обнажённых тел. Эти статуи и эти греки, пришедшие в Индию с Александром Македонским, дали идею о том, как могло бы быть сделано лицо Будды. Статуи Будды не имеют *никакого* соответствия с его реальным лицом — у них греческий оригинал. И всё изменено подобно этому.

В тот день, когда Будда умер, монахи стали ссориться о всём и вся. Немедленно возникли тридцать шесть школ, тридцать шесть сект. Все они любили одного человека, одного человека все они слышали, но соответственно своему уму. А когда существует такой человек, как Будда, он высвобождает огромную энергию, и энергетически голодные люди немедленно набрасываются на неё, эксплуатируют её. Эти энергетически голодные люди настоящие политики.

Святой Павел, который создал христианство, настоящий политик. Христианство не имеет никакого отношения к Христу, как буддизм не имеет никакого отношения к Будде. Буддизм создан королём Ашокой, великим императором. Он распространил буддизм по всей Азии. Это был он, и я не думаю, что он был человеком большого понимания или просветлённым, политики никогда не бывают такими. Это стало новым путём власти. Кто-то может больше и больше расширять свои мирские богатства, кто-то может распространять свою империю политического господства, кто-то ещё может распространять свою религиозную империю, но это всё одно и то же! Это желание господствовать над большим и большим количеством людей.

Эти тридцать шесть человек, что начали ссориться, должно быть, были политиками.

Это то, что всегда будет происходить; это то, что в природе вещей — этого нельзя избежать. Те, кто на самом деле был в гармонии с Буддой, остались безмолвными. Шок был таков — Будда оставил тело — что они были разбиты, они кричали и стонали. Они потеряли Мастера; их сердца были разбиты. Их вообще не интересовали создание схим, сект, разногласия, политика. Но были идиоты, а они всегда вокруг: поищите одного — и найдётся тысяча; они всегда вокруг. А когда один идиот уходит, другой немедленно занимает его место.

Только сейчас, на днях я читаю: в Уганде умер Иди Амин; он известен как «Идол Амин». Знаете, кто теперь его сменил? Человек, называемый Лулу (дословно лулу — потрясающая личность. — *Прим. пер.*). Один идиот ушёл, другой лулу пришёл! Это очень странный мир. Вы не можете освободиться от идиотов и лулу.

Однажды мастер уходит, и политики тут же готовы захватить власть. А политики остаются так долго, как остаётся эго; политика — это тень эго.

Так что вы можете идти в христианскую церковь или индуистский храм, вы придёте с пустыми руками и уйдёте с пустыми руками. Пока вы не найдёте живое поле Будды, пульсирующее, источающее жизнь — и это то, что происходит здесь.

Нечто возможно. Я не могу обещать, что я могу дать это вам; я могу только сказать, что это пространство здесь, и это пространство становится богаче и богаче с каждым днём, более и более многомерным с каждым днём. Если вы готовы глубоко погрузиться в тот мир, который здесь создан — этот невидимый мир — возможно, нечто, имеющее величайшую ценность.

Вы спрашиваете меня: *Не могли бы вы помочь мне?*

Это то, для чего я здесь. Это не подлинный вопрос. «Можете ли вы принять мою помощь?» — вот настоящий вопрос. Готовы ли вы принять мою помощь? Позволите ли вы мне помочь вам? Будете ли вы сопротивляться? Откроете ли вы мне своё сердце, чтобы я мог войти в него? А мой приход в ваше сердце — это великая хирургия. Это больно вначале, затем агония, мука, отчаянная борьба в середине, а экстаз — только в самом конце.

Второй вопрос

Бхагван, почему все Будды говорят одни и те же вещи?

Винод, истина одна. Даже если она выражается различно, это та же самая истина. Языки могут различаться, метафоры могут различаться, иносказания могут различаться, но если вы на самом деле посмотрите немного глубже, тогда все иносказания, все языки, все метафоры, в своей кульминации — одна истина. *Истина* одна, что Будды могут поделаться? Хотя каждый Будда высказывает её своим собственным образом, и его выражение несёт на себе *его* роспись. Его выражение только его и ничё больше. Но всё же те, кто может видеть, всегда найдёт, что это один и тот же алмаз: возможно мы увидели только одну его сторону в Кришне, другой аспект в Иисусе, ещё один аспект в Мухаммеде, но всё это — стороны одного бриллианта.

Бриллиант один, Вселенная одна, и все Будды говорят те же самые вещи, на разных языках, разными способами. Эти различия происходят от их индивидуальности, а не от различия их опыта, их переживания. Сам момент переживания — бессловесный, невыразимый, сам момент — переживания вне мыслей. Так что, когда Будда испытал это, это была та же чистота сознания, которую пережил Иисус.

Две чистоты не могут быть различны, две нечистоты могут. Два здоровья не могут быть различны, две болезни могут различаться. Две тишины не могут быть различны, два звука, два шума могут быть различны. Истина познаётся в тишине, безмолвии, но вы не можете выразить, высказать её в молчании, вы должны использовать слова, язык, звуки. И немедленно. Когда Будда говорит, он говорит на пали, это язык, который он знает, это речь его матери.

А Иисус говорит на арамейском, это язык его матери. Если бы Иисус и Будда встретились, они бы вообще не поняли языки друг друга, но они бы взглянули друг другу в глаза и поняли бы друг друга *абсолютно!*

Суфийская история:

Мулла Насретдин сидит однажды вечером на деревенской площади и дёргает струны ситары. Понемногу вокруг него собрался ожидающий круг деревенских жителей. Мулла всё время играл только на одной ноте. В конце концов, один крестьянин спросил:

— Это очень хорошая нота, мулла, которую ты играешь, но большинство музыкантов использует все ноты. Почему ты так не делаешь?

— Эти ослы, — ответил мулла, — ищут ноту, а я её уже нашёл!

Истина одна, когда вы нашли её, вам остаётся продолжать повторять её, вы можете найти различные методы её повторения, уникальные методы её выражения, изобрести свои собственные методы. Изобретено много методов, потому что сострадание просветлённых одно. Странные методы, противоречащие друг другу.

Если вы пойдёте к суфийскому святому, он будет с вами очень любезен, он может даже коснуться ваших ног, поскольку суфии уважают Бога во всех его формах. Это их приём. Когда суфийский мастер касается ваших ног — только представьте этот момент, посозерцайте над этим моментом: Бахауддин, Джалалуддин или Фарид — великие Мастера! Бриллианты чистейшей воды! Касание Бахауддином ваших ног — это приём. В тот момент, когда Бахауддин коснётся ваших ног, вы должны впасть в молчание, каким бы ни был шумным ваш ум. Бахауддин касается ваших ног?! Великая тишина нисходит на вас. Бахауддин, таким образом, даёт вам вкус его медитации, это его приём.

А Мастер дзен — прямая противоположность: вы приходите к нему, вы должны поклониться ему семь раз. И вы задаёте какой-нибудь невинный вопрос, а он подсказывает к вам, ударяет вас по голове — настолько неожиданно. *Совершенно* другой приём, но только подумайте: Бодхидхарма, Риндзай или Бокудзю прыгают на вас, ударяя вас по голове! На мгновение мышление останавливается — настолько всё неожиданно. А вы задали простой вопрос: «Есть ли Бог?», и он взбесился. Вы не можете понять это — почему? А он не даёт вам никакого времени, чтобы понять, и он так же не даёт вам никакого времени, чтобы сбежать.

Так случилось однажды, что когда Бокудзю встретил своего Мастера и спросил что-то о Будде, Мастер взял его и физически выбросил в окно... из трёхэтажного здания. Бедный малый грохнулся о камни, ударился со всей силы, а Мастер выглядывает из окна и спрашивает: «Ну, ты понял теперь?»

И вся нелепость, смехотворность этого! И тишина сада. И тишина неожиданного крушения. Шок. И улыбающееся лицо мастера, и это сострадание в его глазах, и его вопрос: «Ну, ты понял теперь?»

И в этот момент Бокудзю стал просветлённым. Он сказал:

— Да, да, мастер. Можно, я приду и коснусь ваших ваших стоп в знак благодарности?

— Добро пожаловать, — ответил Мастер. — Выпей со мной чашечку чая.

И они вместе потягивают чай.

Произошло нечто чрезвычайно ценное. В тот момент, момент опасности, когда вы падаете, это почти так, как будто вы умираете — вы прекращаетесь. Как вы можете думать? В опасные моменты мышление останавливается. Когда вы сталкиваетесь со змеей, внезапно мышление прекращается. Вы не решаете отпрыгнуть с дороги, помните: вы *сначала* прыгаете и затем вы решаете, затем вы думаете над этим, затем вы можете позволить себе подумать об этом. Но вначале вы прыгаете!

Гурджиев обычно говорил, что ум очень медлителен в бою, и он прав. Тело гораздо быстрее. Ум слишком вялый, сонный; ходит кругами вокруг да около. Так что когда существует крайняя необходимость, ваше существо не позволяет уму кружить кругами в логическом процессе, чтобы прийти к заключению, потому что тогда будет слишком поздно. К тому времени, когда вы решите... Например, если змея проползает рядом, и вы поручили это уму, это беда. Сначала ум скажет: «Девяносто семь процентов змей не ядовиты, так что только три процента из ста, что эта змея ядовита. Из ста процентов укушенных змеями не умирают все, а только пять процентов, девяносто пять процентов выживает. И те пять процентов, которые умирают, может быть, и так должны были умереть. Так что за спешка? К чему беспокоиться? И человек должен когда-то умереть».

Великие философские идеи о смерти и бессмертии души... А змеи не заботятся о таких вещах! Они абсолютно не философичны, они не дают вам так много времени. Змея может укусить вас раньше, чем вы придёте к какому-либо выводу.

Гурджиев прав: он сказал, что в моменты крайней необходимости, тело немедленно становится вместо ума; оно не даёт уму работать никакой возможности — оно делает всё само. У тела есть своя собственная мудрость: оно отпрыгивает с дороги. Это почти врожденная реакция, так что никакого мышления не нужно.

Это то, что люди дзен делают со своими учениками.

Один Мастер дзен имел привычку, когда бы он ни говорил о Боге, Будде, о высших измерениях жизни, он поднимал палец по направлению к небу. Это стало столь типично для него, что один из его маленьких саньясинов, маленький мальчик, должно быть, такого же возраста, как Сидда, очень заинтересовался указанием одним пальцем вверх. А он всегда был в услужении — просто делал что-то для Мастера: если нужно было чаю, бежал и приносил чай, или просто был рядом с ним или помогал ему освободиться от москитов.

Он выучил трюк, и, балуясь, когда Мастер не смотрел на него, показывал публике палец. Мастер знал: люди обычно смеялись или улыбались, и он, должно быть, знал, кто проделывает весь трюк.

Однажды — и это могло быть сделано только Мастером дзен — он просто схватил ребёнка, когда тот делал жест, указывая пальцем в небо, и отрезал палец острым ножом. Теперь просто представьте, если сделать такое бедному Сидхартхе...

Ребёнок кричал, вопил, а Мастер сказал:

— Стоп! Покажи палец!

И Мастер крикнул это так громко, это было подобно грому, что ребёнок забыл всё о своём пальце, что тот отрезан, что течёт кровь, и он по приказу Мастера показал палец, которого уже не было.

И в тот момент, когда он показывал палец, которого больше не было, он стал сознать невидимое; Мастер указывал не на что-то видимое, но на нечто невидимое. И ребёнок начал смеяться, а Мастер взял его в свои объятия и сказал:

— Ты понял.

Говорят, что у этого мальчика это было его первое сатори. Позднее он стал известным просветлённым Мастером.

Разные подходы, но истина одна. Истина — безмолвие, единственная нота безмолвия. Будьте тихими и познайте, и вы также узнаете то же, что всегда знали и будут знать все Будды: истина вечна. Она не имеет отношения ко времени, она никогда не меняется.

Третий вопрос

Бхагван, разве плохо учить детей чему-нибудь религиозному? Разве не будет для них полезно, если помочь им узнать что-то об Иисусе Христе?

Мария, религии нельзя научить ни детей, ни взрослых. Ей невозможно научить даже взрослых, так что как можно обучить ей детей? Религии, как таковой, нельзя обучить: религию можно только уловить, заразиться ей. Мария, если ты живёшь религиозной жизнью, а под «религиозной жизнью» я имею в виду жизнь христиан или индуистов; под «религиозной жизнью» я имею в виду жизнь полную любви, молитвы, празднования, радости, веселья, благодарности. Если ты живёшь религиозной жизнью, дети обязаны уловить это. В обучении возникла необходимость потому что ты не живёшь религиозной жизнью, поэтому ты рассказываешь им теории. Эти теории вообще не могут помочь. Когда ребёнок хочет пить, не говорите ему об H_2O , — дайте ему воду. Ему нужна вода! Не говорите ему: « H_2O — это формула, которая содержит воду, которая вмещает все океаны, не беспокойся. Только помни: H_2O эквивалентно воде».

Но ребёнок скажет: «Как я могу пить H_2O ?»

И тогда случаются нелепые вещи: ребёнок подумает, что, если повторять H_2O , H_2O , H_2O , H_2O , тогда, может быть, однажды, через постоянное, интенсивное повторение, воспевание этого слова и снова, использование этого, как мантры, чудо случится...

Люди твердят: «Рама, Рама, рама», «Аве Мария», «Иисус», «Аллах», — тысячу и одну формулу. Вы можете постоянно твердить... всё это H_2O , H_2O , H_2O . Вы просто теряете время, но не только теряете время — вы ещё и разрушаете свой интеллект.

Человек, занимающийся таким повторением постоянно, становится тупым. Он теряет остроту своего интеллекта. Чему ты собираешься учить детей? Что такое религия, в конце концов? Есть ли какой-то путь научить этому? Да, ты можешь научить христианству, потому что христианство — доктрина, и ты можешь научить буддизму, потому что буддизм — доктрина. Доктрине научить можно, но религия не имеет ничего общего с доктриной: религия — не доктрина, она — переживание, опыт.

Мария, ты не можешь учить этому, но ты можешь создать контекст, обстановку, ты можешь жить таким образом, что дети мало-помалу впитывают дух. А дети очень уязвимы, очень податливы, а так же очень внимательны! Они всегда готовы учиться. Если они чувствуют нечто чрезвычайно красивое, они научатся этому, они впитывают это, они усвоят это.

Но ты учишь их глупым доктринам. Например, что Иисус рождён от девственной матери — сейчас дети будут смеяться над тобой, потому что сейчас дети знают больше, чем ты думаешь.

Маленький мальчик даёт следующий краткий пересказ урока в воскресной школе (в воскресной школе детям преподаются уроки религии. — Прим. пер.):

— Там были эти евреи, которые сбежали из лагеря заключённых в Египте. Они бежали и бежали, пока не добрались до широкого озера. Тюремная охрана приближалась, так что евреи прыгнули в воду и поплыли к нескольким судам, которые ждали их. Охрана села в подлодки и старалась торпедировать судна, но евреи сбросили глубинные бомбы, взорвали все подводные лодки и в безопасности направились к другому берегу. Каждый называл адмирала по имени — Моисей.

Отец мальчика спросил:

— Сынок, ты уверен, что это то, что говорил тебе учитель?

— Пап, — ответил парень, — если ты не можешь поверить в мою историю, ты никогда не согласишься в то, что говорил учитель.

Так что, рассказывая детям глупые истории, ты не помогаешь им стать религиозными. Наоборот, ты помогаешь им стать антирелигиозными. Когда они вырастут, они узнают, что все эти религиозные доктрины были бабушкиными сказками.

Твой Бог, твой Иисус Христос, вообще потом в детском сознании превращается в Санта Клауса, в обман, небылицы, чтобы держать детей занятыми. А раз дети знают, что то, о чём вы им всё время говорили как об абсолютной истине, всего-навсего ложь и ничего больше, вы разрушили нечто очень ценное в их существе. Они вообще никогда не станут интересоваться религией.

Моё собственное наблюдение таково, что мир становится всё более и более нерелигиозным из-за религиозного обучения. Нет, детей не нужно обучать никаким религиозным доктринам.

Да, когда вы молитесь, позвольте ребёнку тоже присутствовать там. Когда вы танцуете, пусть ребёнок тоже присутствует там. И ребёнок вскоре присоединится к вам — как может ребёнок удержаться от присоединения к танцу? Пусть ребёнок узнает, что в жизни есть грация; пусть ребёнок узнает, что жизнь — это не только страдание, но, кроме того, так же экстаз. Пусть ребёнок узнает, что смех — это хорошо, божественно, что любовь — это хорошо, религиозно.

Этим вещам не учат: они должны быть впитаны ребёнком. Вы должны создать волну, вибрацию, атмосферу. И тогда, рано или поздно, ребёнок начнёт осознавать гораздо больше вещей, которые нельзя увидеть просто физическими глазами. Потому что вы дадите ему большую чувствительность. Иначе вы можете сколько угодно учить его, и ничего даже не запомнится. Как много вы помните из того, чему учили вас? Нечего даже вспомнить, всё выброшено в мусор.

Три итальянца мчались на автомобиле по скоростному шоссе, когда их машина столкнулась с грузовиком, и они мгновенно погибли. Найдя себя у двери на небеса, они постучали, и Бог им ответил.

— Что вы хотите? — спросил Бог.

— Мы хотим войти, — ответили они.

Бог сказал:

— Прежде, чем вы сможете войти, вы должны ответить на вопрос.

Он указал на одного из итальянцев и спросил:

— Ты, Вито, скажи мне, что такое Пасха?

Вито сделал паузу и затем с итальянским акцентом ответил:

— Пяса, эта кокта мнока паратов по всей Амйерике! Фьйервйерки всрываютсйя ночью и лйути итут на пйикники. Эта праснуетсйя в Июлие.

— Сожалею, Вито, — сказал Бог, — но ты должен пойти в ад.

Указывая на Пйетро, Бог сказал:

— Ты, Пйетро, скажи мне, что такое Пасха?

Пйетро улыбнулся и ответил:

— Я знаю, Бок, что Пйасха эта когда вся семья отнажды в Нойабрйе собираетсйя вмйестйе и йест индйейку, гйиквенный пйирог, картошку...

— Сожалею, Пйетро, — сказал Бог, — ты должен отправиться в ад.

Посмотрев на Джузеппе, Бог сказал:

— Ты, Джузеппе, ты был в течение десяти лет алтарным мальчиком. Ты ходишь в церковь каждое воскресенье. Ты скажи мне, что такое Пасха.

Джузеппе ответил:

— Пйаска, когда люди, которые не любили твой бедный сын и что он сказал, вешали его на крест. Через три часа он висел там, пока не умер. Токта еко мать и трусья, они сняли еко тьело, завьернули и полошили в пьещеру, и они закатали огромным камнем вход в пьещеру. Три дня твой сын был в пьещере и на тйетий день он пробудилсйя от смьерти, откатил камень, вышел из пьещеры. Он не вйидел свою тьень, поэтому он ушёл обратно чйерез шесть мйесяцеф.

Ты можешь учить, но никто не слушает. Дети беспомощны. Они должны ходить в Воскресную школу, поэтому они ходят. Они должны слушать, так что они слушают, но их там нет. А позднее они скажут, и они знают, что всё это просто чепуха. Они могут не сказать, но они знают совершенно точно, что это всё чепуха.

Мария, это не тот путь, который поможет миру стать более религиозным. Этот путь мы испытывали веками, и мы проиграли. Вместо того, чтобы земля становилась всё больше религиозной, она с каждым днём становится всё более и более нерелигиозной. По мере того, как распространяется учение, как становится больше и больше миссионеров, больше и больше учителей, больше и больше людей, внушающих другим разные доктрины,

мир делается более и более нерелигиозным, и не только нерелигиозным, а антирелигиозным.

Время понять, что нечто по своей основе *идёт* неверно. Это не путь, что-бы обучать религии; религией можно только заразиться (caught), но не обучиться (taught) ей. Да, она произошла с Иисусом, потому что он создал пространство, в котором это случилось.

Ученик однажды спросил Иисуса:

— Что такое молитва?

Знаете, что тот сделал? Он просто упал на колени и начал молиться; слёзы стали катиться по его щекам. Таково создание пространства. Прямо в тот момент он создал молитву! Нужно ли что-то говорить?

Видя это, ученик упал на колени — впервые он почувствовал огромную красоту сдачи, кашитуляция, отказа и великую радость в ощущении благодарности к Богу. И по его щекам тоже полились слёзы. Они оба плакали в радости, в благодарности.

В конце концов Иисус спросил его:

— Теперь ты знаешь, что такое молитва?

И тот кивнул, ответив:

— Да, мастер. Теперь я знаю, что есть молитва.

Вот путь обучения, не дающий теоретических ответов, не дающий абсурдных, устаревших метафизических доктрин, которые, может быть, когда-то и были уместны, но сейчас они выглядят просто идиотскими. Скажите сейчас ребёнку, что Бог создал мир за четыре тысячи и четыре года до Иисуса Христа, и ребёнок станет улыбаться. И ребёнок знает, что: «Или ты дурачишь меня, или ты полнейший невежда».

Мир существует миллионы лет. Фактически он никогда не начинался. Бог в действительности не созидатель, а созидательность. Сказать сейчас ребёнку, что Бог завершил создание мира за шесть дней и отдыхал на седьмой, потому что он устал, будет означать, что с тех пор он больше вообще о нас не волнуется.

Человек пришёл к портному и сказал:

— Сколько нужно времени, чтобы мой костюм был готов? Вы обещаете уже в течение шести недель, вы говорите снова и снова: «Зайдите потом, зайдите потом...» А знаете ли вы, что Бог создал мир только за шесть дней? А вы за шесть недель даже неспособны создать мой костюм.

И знаете, что ответил портной? Портной сказал:

— Да, я знаю, но посмотрите на мир, а затем посмотрите на мой костюм, и вы увидите разницу. Мир в беспорядке. Так случается, когда создаёшь что-нибудь за шесть дней.

Бог всё ещё создаёт. Фактически, представление о том, что Бог личность отделённая от существования не обосновано опытом. Те, кто испытали, говорят, что Бог — сама созидательность существования: он не создатель. Существование создаёт себя само, это самосозидающий процесс. И он бесконечен и вечен.

И как ты собираешься описывать Бога? Очень-очень старый человек с длинной белой бородой, восседающий на троне в небесах. А знаешь, какие мысли приходят в детские головы? Ты удивисься.

Карл Густав Юнг в своих мемуарах писал: он был сыном священника, так что он постоянно слышал проповеди о Боге, сидящем на троне и наблюдающем за каждым оттуда. И Юнг говорит: «Была одна мысль, которая всё время приходила мне в голову: если он начнёт мочиться, что случится тогда? Сидя наверху, иногда он же должен хотеть писать, и что тогда?»

Дети есть дети! Когда вы говорите с детьми, будьте внимательны. У них свои собственные идеи... И Карл начинал хихикать насчёт этой идеи, потому что отец ничего не знал о ней.

Однажды отец спросил: «Почему ты хихикаешь, когда я говорю о Боге, сидящем на троне?» Тогда он рассказал всё отцу. Отец сказал: «Заткнись! Никогда не думай таких вещей!» А Юнг сказал: «Это что, я ещё и не то думаю». И Юнг говорит, что эта мысль продолжалась, продолжалась... Даже когда он стал старым, всякий раз, когда он видел в церкви изображение Бога, немедленно эта мысль появлялась.

Ваше учение не может ничем помочь, только ваша жизнь. Живите! Если вы действительно любите своих детей, живите таким образом, чтобы они начали чувствовать, что *существуют* вещи, которых не видно, но всё же они есть. Вам не нужно убеждать их. Они не спрашивают доказательств, они не понимают доказательства. Они не спрашивают об аргументах — их интересуют экзистенциальные переживания.

И они всегда готовы пойти на любой риск, любое приключение, гораздо больше, чем вы. Вы можете бояться за безопасность, надёжность и тысячу и одну вещь — дети никогда не боятся. Дети более бесстрашны, чем вы. У них может быть более непосредственный контакт с Богом, чем у вас.

Но мы даём им много прогнивших теорий, и во имя религии так же мы продолжаем учить их разновидности амбициозности, соперничества: «Будь лучше других! Будь религиознее других! Будь праведнее, чем другие! Будь чище, чем другие, добродетельнее, праведнее! Тогда Бог вознаградит тебя. А если нет, ты будешь наказан в аду».

Это психологическое обусловливание, программирование делает их испуганными и жадными — и это вы зовёте религией? Сделать каждого человека испуганным — это религия? Когда каждый человек становится бесстрашным — это религия. Сделать человека жадным до вознаграждений в другой жизни — это религия? Религия — это когда больше нет жадности.

И вы делаете их соперничающими: «Соревнуйся с другими! Будь более добродетельным. Более праведным. Посмотри на других мальчиков, как благодетельны они и как они религиозны!» Вы создаёте в их уме тонкое эго, религиозное эго, так что, когда мальчик ходит в церковь, он чувствует себя более праведным, чем другие. Он смотрит вокруг: он знает — он выше. Он поднялся по лестнице; вскоре рай будет его.

Это отравление детей духом соперничества. Оно существует на рыночной площади, так же, как и в монастыре. На рыночной площади его можно простить, но не в монастыре. Когда люди устремляются за деньгами, о'кей, можно понять, что они станут соперничать. Но и в добродетели та же гонка?

А раз цель стала слишком значимой, тогда средства достижения теряют всякое значение. Когда результат имеет первостепенное значение, тогда все средства хороши, честные или нечестные, лишь бы они достигли результата.

Это не создаёт религиозности. Религиозный ум не соперничающий, совершенно не амбициозный. Ему некуда идти: нет ада, чтобы его бояться, нет небес, чтобы их достигать. Он *прямо* сейчас в Боге, в *этом* самый момент. Этот момент для него всё и вся. И он никогда не сравнивает себя с кем-нибудь ещё. Ваши святые постоянно сравнивают: «Кто выше? Кто более свят?» И все эти так называемые святые просто глупые дети, всё ещё мыслящие в терминах того, чему их научили в их школах, всё ещё не вышедшие из отрочества.

Я слышал:

Это была глухонемая пара, только что отпраздновавшая свадьбу и проводившая свой медовый месяц. Они разделись, чтобы слегка позабавиться, когда жена показывает ему на языке жестов:

— Ты принёс предохранение?

— О нет, — отвечает муж на языке жестов. — Я забыл.

Она, используя пальцы, говорит ему:

— Ты должен одеться и принести это, потому что я не стану этим заниматься без предохранения.

— Но я же глухонемой! — взмолился мужчина. — Как я стану объяснять продавцу в аптеке, чтобы он понял, что я хочу?!

— О, это просто! — ответила жена. — Ты просто подойдёшь к прилавку, положишь на него десять долларов, достанешь свой член и тоже положишь его на прилавок, и продавец поймёт, что тебе нужно.

Муж ушёл и вернулся через полчаса, выглядев очень застенчивым.

— Ну, ты принёс это, ты купил предохранение? — спросила заждавшаяся жена.

Муж только опустил голову и не ответил.

— Ну, ты сделал то, что я сказала? — спросила уже расстроенная жена.

— Да, — ответил он.

— И что произошло?

— Ну, я подошёл к прилавку и положил десять долларов. Затем я вытащил мой член и положил рядом. Тогда мужчина за прилавком положил десять долларов на прилавок и, достав свой член, положил его туда же.

— И что произошло? — спросила заинтригованная жена.

— Ну, — ответил муж, — у него больше, так что он забирает все деньги!

Соревнование, соревнование, соревнование... везде соревнование. И эта история не просто история: если вы спросите Зигмунда Фрейда, он ответит, что это то, откуда всё соперничество и возникает. Маленькие мальчики становятся очень озабоченными их половыми органами: «У кого больше?»

Всё соревнование коренится здесь. Берёт начало отсюда! И затем распространяется на всю вашу жизнь. Соревнование имеет сексуальную основу. Затем оно приобретает множество форм, много масок и личин: у кого больше машина? Это не что иное, как та же самая история: чей член больше. У кого больше дом? Всё та же самая история. Это различные символы того же сексуального соревнования.

Так кто наибольший святой? Всё та же история...

Безвременная нация саньясы

1. Как может быть бунт восприимчивым, женственным, говорящим «да»?
2. Действительно ли Будда сказал, что жизнь — это страдание?
3. И едет крыша!..
4. Как вы умудряетесь игнорировать моё прекрасно развитое эго?
5. Почему я так боюсь ада?
6. Почему современный человек так боится одиночества?

Безвременная нация саньясы

Первый вопрос

Бхагван, как может бунт быть восприимчивым, женственным, говорящим «да»? Он выглядит скорее как «нет» всем этим старым вещам. Только ли любовь и осознанность он является?

Прем Мариам, революция — это отрицание, бунт — это утверждение. Революция негатив, бунт позитив. Революция говорит «нет» всему плохому, чего не должно быть. Бунт говорит «да» всему, что прекрасно, правильно. Революция ориентирована на прошлое, бунт ориентирован на настоящее. Они не синонимы.

Революция деструктивна, бунт созидателен. Революция никогда не может быть женственной, восприимчивой, говорящей «да». Это невозможно. Но бунт — всегда женственный, всегда воспринимающий, всегда говорящий «да».

Я говорю о бунте, я не говорю о революции. Революция связана с политикой, бунт духовен. Революция — от толпы, бунт индивидуален. Вы можете быть бунтовщиком, и вам для этого не нужен никто ещё: вы можете быть бунтовщиком один. Но вы не можете быть в одиночку революционером; вам будет нужна большая организация, вам будет нужна огромная армия за вашей спиной.

Проблема в том — это одна из наиболее важных вещей, которые нужно понять, — что когда вы с кем-то боретесь, мало-помалу вы становитесь таким же, как ваш враг. Это обязано так быть; таков естественный порядок вещей. Если вы должны с кем-то бороться, вы должны стать таким же, как он, иначе вы не сможете с ним бороться. Выбирайте ваших врагов очень осторожно. Друзей можно выбирать не так внимательно, они не оказывают такого влияния, но враги имеют решающее значение.

Все революции потерпели поражение из-за врагов. Враги решают всё дело. Цари России определили всю структуру коммунистической партии; цари определили, каким быть Иосифу Сталину. И он оказался большим царём, чем все другие цари, он оказался более грозным, чем Иван Грозный.

Борясь с царём, борясь с империалистическим устройством царизма, они выучили всю её стратегию, всю её тактику. К тому времени, когда они пришли к власти, они уже были совершенно подготовлены царём, противниками. Когда они пришли к власти, они стали вести себя тем же самым образом против своих врагов, каким царь вёл себя с ними.

Это вы можете видеть по всему миру снова и снова. Прямо сейчас это происходит в Иране. Император ушёл, и гораздо худший режим занял его место. Хомейни оказался, по крайней мере, в десять раз более насильственным, чем сам император. Хомейни выучил всю стратегию императора; вся его жизнь была страданием и борьбой. Это стало его школой. Теперь в отместку он утверждает себя, как ещё большего императора, чем сам император. Теперь каждый день сотни людей казнят, убивают.

Так случается всегда: революции терпят поражение, потому что они противодействие, реакция. Никогда не будьте революционерами, будьте бунтарями. Бунтарь не *против* прошлого; прошлое даже не имеет для него значения. Быть против означает быть на этом сфокусированным; быть против означает, что вы уделяете этому слишком много внимания. Быть против прошлого означает, что вы загнипнотизированы им.

Некоторые «за» прошлое — они загнипнотизированы. Некоторые «против» прошлого — и они загнипнотизированы. Бунтарь — это тот, кто просто видит всю тщетность прошлого, и без борьбы отбрасывает его. Если вы сражаетесь, оно прилипнет к вам; если вы сражаетесь, *вы* будете должны цепляться за него. Оно сделается вашим определением. Не позволяйте прошлому определять вас, просто выскользните из него, как змея выскользывает из старой кожи, и никогда даже не смотрите назад. Таков путь бунтаря.

Я учу пути бунтаря. Это путь религии: религия — бунт, а не революция. А религия уделяет огромное значение индивидуальности. Каждый может быть бунтарём сам по себе: просто только выскользните из прошлого. Нет нужды с ним бороться: его здесь *больше нет*. А если вы продолжаете сражаться, у вас не такая длинная жизнь. Прошлое было очень долгим, миллионы лет, как вы собираетесь бороться с ним в жизни, которая состоит максимум из семидесяти, восьмидесяти лет? В этот короткий промежуток жизни как вы собираетесь сражаться с прошлым, которое столь громадно, безмерно?

Единственный мудрый путь — это выскользнуть из этого; нет необходимости с ним сражаться. И это нужно понять на многих уровнях.

На политическом, люди сражаются с прошлым: индуизм прошлое, христианство прошлое, мусульманство прошлое; и они становятся такими же, как их прошлое, с которым они сражались. Психологически, со времён Зигмунда Фрейда, люди сражаются с их индивидуальным прошлым — травмами детства. Прошлое столь велико, и если вы должны рассортировать его, и сражаясь со всем подряд, разложить всё по полочкам, то на это будет потрачено всё ваше настоящее и будущее. Прошлое уже потеряно, настоящее будет потрачено на психоанализ, и всё будущее вы будете сражаться, сражаться с прошлым. А сражаться с прошлым — это сражаться с тенью: вы никогда не выиграете. Как вы можете победить тень? Во-первых, её не существует. Вы только должны понять, что это тень, только и всего!

В этом — основное отличие между психологическим и религиозным подходом к жизни. Религия просто говорит: «Будьте более медитативны, более осознанны. Будьте здесь прямо сейчас!» В самой этой осознанности, в этом кристально чистом сознании, вы увидите, что это прошлое — ненужная ноша:

его не стоит нести. Никто не может заставить вас нести его; вы сами несёте его, это ваше решение.

Здесь нет ваших родителей, чтобы заставлять нести это — оно уже ушло! Остались только тени. Поймите, что это тени, и вы свободны. В самом этом понимании заключается свобода. В самом этом осознании заключается освобождение. И тогда вся ваша энергия станет доступна прямо сейчас. Тогда вы можете цвести! Тогда вы можете расцветать. Тогда у вашей жизни может быть какое-то осуществление, какая-то радость, какое-то празднование.

Революция против прошлого, за будущее, но и то, и другое не имеет отношения к реальности. Прошлого уже нет, будущего ещё нет. Революция состоит только из прошлого и будущего: против прошлого и за какую-то будущую утопию. Слово «утопия» очень красиво; буквально оно означает «то, чего никогда не будет».

Бунт состоит из настоящего и только настоящего. Он не имеет никакого отношения к настоящему и не имеет никакого отношения к будущему. Он любит, живёт, танцует, поёт, его пространство — здесь, а время — сейчас. И тогда вы можете быть женственны, и тогда вы можете быть восприимчивыми, говорящими «да».

Вопрос второй

Бхагван, однажды я где-то прочёл, что, когда ученик попросил Будду дать короткое определение жизни, Будда ответил: «Страдание». Это правда?

Это правда, Зарин. Но если бы Будду спросил Будда: «Что есть жизнь? Дай краткое определение», — он бы сказал: «Счастье». Ответ не имеет никакого отношения к вопросу, ответ имеет отношение к вопрошающему. Ответ зависит от вопрошающего. И человек подобный Гаутаме Будде не отвечает на вопросы, он отвечает спрашивающему. Он не говорит ничего о жизни, имейте в виду — он *ничего* не говорит о жизни. Он говорит нечто о жизни человека, задавшего вопрос.

Будда не говорит, что его собственная жизнь — страдание; разумеется, нет! Никто не выглядел столь великолепно, столь блаженно, никто не ходил по этой земле с такой грацией, настолько полный празднования. Человечество не помнит никого, кто был бы столь прекрасен. Как может Будда сказать, что жизнь — страдание? Вы должны помнить, он не говорит о жизни как таковой, он говорит о жизни того человека, который задал вопрос.

А затем это становится проблемой, сорок два года Будда постоянно отвечал людям, и разные люди нуждаются в разных ответах, иногда в противоречивых, несовместимых ответах. Будда должен был противоречить себе почти каждый день.

Однажды было так:

Утром человек спросил Будду:

— Есть ли Бог?

И Будда сказал:

— Нет.

Днём другой человек спросил:

— Существует ли Бог?

И Будда ответил:

— Да.

А вечером третий человек спросил:

— Есть ли Бог?

И Будда хранил молчанье, не отвечал, оставался безмолвным.

Ананда, который был старшим учеником, присутствовал при этих трёх случаях. Он постоянно был при Будде, как тень, служа ему, заботясь о его теле, следя за его нуждами. Ананда был очень озадачен: «В один и тот же день Будда сказал, что Бога нет, Бог есть, а так же оставался безмолвным, не ответив ни тем, ни иным образом. Есть только три варианта ответа, и все три варианта исчерпаны в один и тот же день. Даны все ответы?»

Он не мог спать; он вертелся и ворочался в постели, и Будда спросил:

— Что с тобой этой ночью? Ты что, не устал?

Тот ответил:

— Я не хотел беспокоить тебя, но пока ты не ответишь мне на этот вопрос, думаю, что я не смогу уснуть. Утром ты сказал «нет», днём «да», а вечером ты оставался безмолвным, ты не ответил, а вопрос был один и тот же!

Будда засмеялся и сказал:

— Человек, который пришёл рано утром и спросил: «Есть ли Бог?», — был теист, верующий. Он хотел, чтобы я сказал «да», для того, чтобы его вера ещё больше укрепилась, а я не укрепляю людские верования, потому что верящий ум — это всегда незрячий ум, слепой ум. Верить — значит оставаться в темноте. Я хотел разбить его веру. Мой ответ не имел никакого отношения к Богу, мой ответ имел отношение к этому человеку. Он был здесь только для того, чтобы накопить побольше оснований для своей веры, чтобы он мог сказать людям: «Не только я верю в то, что Бог есть, но даже сам Будда сказал, что Бог существует!»

Он пришёл не для того, чтобы понять. Он просто хотел от меня, чтобы я засвидетельствовал его веру. И вера его от страха, условностей, которым его обучили другие. Его вера — не что иное, как прикрытие его невежества. Никаким образом я не могу поддерживать это. Я должен разрушить это. Я должен кричать «нет» категорически. И это помогло. «Будда сказал нет?» В его существе возникло исследование. Теперь он не может быть в покое со своей верой. Он должен будет прийти — ты увидишь.

И однажды он пришёл опять, и он сказал Будде: «Это всё из-за тебя: с тех самых пор моё поклонение стало пустым. С того времени я хожу в храм, но в храме больше нет никакого божества. С тер пор я знаю, что это только вера, убеждённость. Если ты говоришь, что Бога нет, тогда кто я, чтобы говорить, что Бог есть? Ты так божественен, ты должен быть прав. Я стал исследовать, искать. Сейчас я пришёл к тебе без всякой веры. Теперь я пришёл к тебе открытым — искать, исследовать. Теперь мой вопрос не коренится в моей эрудиции.

И Будда сказал Ананде: «Второй человек был атеистом: он верил, что Бога нет. Он пришёл по той же причине, что и первый: за моей поддержкой. Его вера так же глупа, как и вера первого, потому что верить без знания — значит, быть идиотом. Верь, только когда ты познал, но тогда это не вера вообще, это совершенно другое переживание. Это доверие. Оно не основано на опыте кого-то другого, это ваш собственный опыт. Вы получаете в нём но-

вое рождение. Он не индуистский, мусульманский или христианский — это просто ваш опыт. И даже если весь мир говорит, что это не так, вы не сможете отступить от этого, ваше доверие нельзя будет поколебать.

— Другой человек, — сказал Будда, — был атеист, поэтому я должен был сказать «да», и я должен был сказать «да» категорически.

Ананда спросил:

— А как насчёт третьего?

Будда ответил:

— Он не теист, не атеист, так что не нужно было ни «да» ни «нет». Он был действительно чистой душой, чистым сердцем. Его вопрос был не из априорных, полученных до опыта, знаний, его вопрос был действительно невинным. Его вопрос был поиском, исследованием. Мне нужно было остаться безмолвным — поскольку это был мой ответ ему. И он понял.

Разве ты не видел: когда я остался безмолвным и закрыл свои глаза, он тоже закрыл свои глаза, и великое безмолвие сошло на него. И разве ты не видел? Когда он уходил, его глаза блеснули, его глаза были, как горящие свечи. Разве ты не видел? Перед уходом он коснулся моих стоп, низко поклонился, поблагодарил меня, сказав: «Вы действительно ответили мне», — хотя я вообще не отвечал ему. Этот человек отведаль немного от моей тишины, впитал нечто от моего существа. Этот человек был истинным искателем.

Истинному искателю не нужны словесные ответы: настоящему искателю нужно что-то экзистенциальное: проникновение от сердца к сердцу, проникновение души в душу. Истинный искатель хочет, чтобы Мастер совпал с ним, перекрыл, захлестнул его. Настоящий искатель хочет, чтобы мастер вошёл в его самые глубины и расшевелил его спящую душу.

Зарин, ваш вопрос очень важен.

Ты говоришь: Однажды я где-то читал, что когда ученик попросил Будду кратко определить жизнь. Будда ответил: «Страдание».

Это так! Много раз он говорил множеству людей, что жизнь — это страдание; и много раз он говорил многим людям, что жизнь — блаженство: *сат-читананда* — это истина, сознание, блаженство.

Но люди собрали больше ответов о том, что жизнь — это страдание, потому что это соответствует их собственному опыту. Когда Будда говорит: «Жизнь — это радость», — это не соответствует вашему опыту. Это проходит мимо ушей. Вы слышите это, но вы способны понять. От этого не звонит никакой колокольчик в вашем сердце.

Так что ответы, которые он давал тем, кто пришёл узнать что-то о блаженстве, радости, песне, не стали такими значительными. И это было очень редко, когда он так говорил, потому что очень редкий человек нуждался в таком ответе. Миллионам и миллионам нужно было говорить: «Ваша жизнь — это страдание». Это действительно так.

Но почему Будда говорит вам, что ваша жизнь страдание, почему? Он говорит это, чтобы вы могли выйти из него. У вас может быть другое качество жизни: это не единственный вид качества жизни! Это только один из путей, худший из возможных. Вы создали ад из вашей жизни, и если она мо-

жет быть адом, она может быть и раем; если она может быть страданием, она может быть блаженством. Та же самая энергия, используемая неправильно, становится страданием и, используемая правильно, становится блаженством.

Что такое страдание? Страдание — это ощущение отделённости, ощущение изолированности, ощущение отчуждённости от существования — вот что такое страдание. А что такое блаженство? Ощущение единства с существованием, оргазмическое единство с существованием, органическое единство с существованием. Иметь это — это страдание, а стать без этого, неэгоистичным — это блаженство. Открыты обе альтернативы. Выбор за вами.

Зарин, слушая ответ Будды, что жизнь есть страдание, не успокаивайтесь на этом. Его ответ для того, чтобы встряхнуть вас. Его ответ для того, чтобы шокировать вас. Его ответ для того, чтобы пробудить вас в отношении того факта, что жизнь — это страдание. Но люди ужасно хитры, очень хитры, они слушают только то, что хотят слышать. Люди настолько хитры, что услышав утверждение, что жизнь — это страдание, они говорят: «Тогда ничего нельзя сделать. Если жизнь — это страдание, то я должен жить несчастной жизнью, тогда это всё, что возможно, такова жизнь! Жить кое-как».

Вместо того, чтобы захотеть трансформировать себя, они совсем топят себя в их страдании: как будто Будда выдал им сертификат, что это всё, чем является жизнь. Люди очень хитры, они слышат только то, что хотят слышать.

— Это ошибка, ваша честь, — сказала первая проститутка. — Я гуляла, а этот парень...

— Минуточку, юная леди, — сказал судья. — Вы уже были здесь не один раз — сто долларов штраф. Следующий!

— Я просто бедная частная секретарша, — сказала вторая девушка, — и я ничего не делала...

— Я узнал вас тоже, мисс, — сказал судья. — Двести долларов или десять дней в тюрьме. Давайте следующего!

— Судья, — сказала третья девушка. — Я проститутка. Я не горжусь этим, но это единственный путь, как я могу поддержать трёх моих малышей. Я виновна.

— Мадам, — сказал судья. — Мне нравится ваша искренность, и по этой причине я хочу дать вам шанс. Ваше дело закрыто, сержант, дайте этой девушке пятьдесят долларов из фонда полиции.

Дальше приходит черёд бедного старого Лейбовица, арестованного за торговлю галстуками без лицензии.

— Ваша честь, — обратился он. — Я не стану лгать вам: я тоже проститутка...

Берегитесь своего ума: он всегда ищет пути и способы, стратегии, тактики, чтобы остаться таким, как он есть. Он может носить маски, становиться религиозным, он может ходить в церковь, читать Библию и Веды, и всё же он будет искать только пути и средства оставаться собой.

Зарин, утверждение Будды воспринято людьми так, как будто он сказал: «Жизнь не может быть блаженством». Это невозможно. Люди восприняли его так, что: «Жизнь — это страдание и будет оставаться страданием: быть несчастным — качество, присущее жизни». Но это неправда. Я знаю, что это неправда.

Я говорю вам: ваша жизнь страдание, но она не должна быть такой. Она страдание потому, что вы не старались её трансформировать, вы над ней не работали. Она страдание потому, что вы ещё не рождены. Она страдание потому, что благоприятная возможность утеряна, и вы не созидательны. Она страдание потому, что вы ведёте себя неразумно.

Имейте интеллект, будьте разумны. Но я не имею в виду «интеллектуальность» под именем интеллекта: интеллектуалы совсем необязательно люди с интеллектом, разумные люди, и люди с интеллектом совсем необязательно интеллектуалы. Почти всегда интеллектуал только претендует, претворяется, он псевдо. Будучи интеллектуалом, он старается доказать себе и другим, что у него есть интеллект.

Каков критерий того, что у человека есть интеллект, разум? Критерий только один: если вы можете сделать вашу жизнь блаженством — у вас есть интеллект, иначе доказать это пути нет. Если вы можете создать вокруг себя рай, если вы можете оставаться постоянно в хорошем расположении духа, радость просто станет самой вашей атмосферой, тогда вы человек интеллекта.

Будьте человеком интеллекта — и жизнь будет блаженством, будьте глупыми — и жизнь будет страданием. Всё зависит от вас.

Третий вопрос

Бхагван, крыша едет к бананам...

«Сдайся, поступай так, как считаешь нужным».

«Доверяй, живи своей жизнью...»

Понемногу мне начинает казаться, что я ничего не знаю и иногда, похоже, что это даже несплохо.

Но всё же я хочу знать.

Варидхи, ум никогда не едет к бананам: ум и есть бананы. Ты говоришь: «Сдайся, поступай так, как считаешь нужным». Я бы предложил тебе поставить только два слова между этими двумя: *Сдайся*, а затем *поступай так, как считаешь нужным*. Потому что, раз ты сдался, тебя больше нет, Бог есть. Тогда поступать так, как считаешь нужным, значит, делать дела Бога: твоё царствие пришло, ты будешь делать.

Сначала раствори себя, тогда Бог твоя самость, тогда Бог ты сам. Ты просто упустил эти два простых слова: «а затем».

Сдайся, а затем поступай так, как считаешь нужным.

Доверься, а затем живи своей собственной жизнью.

Сдача и доверие — это не две вещи; это один и тот же феномен. Ты можешь сдать, только если ты доверяешь, и ты можешь доверять, только если ты сдался. Они идут рука об руку. Они неотделимы. Если одно произошло, другое было должно уже случиться. Твои проблемы именно из-за того, что упускаются эти два слова: «а затем».

Один человек пришёл к Святому Августину и сказал:

— Я неграмотный, очень старый человек, мне уже немного осталось. Я не могу заниматься аскетизмом, энергия ушла. Я уже на краю могилы. Я прошёл много миль, только чтобы увидеть тебя и спросить тебя о чём-нибудь очень

несложном. Я не пришёл слушать великую философию — только что-нибудь самое простое, одного слова достаточно. Ты просто только скажи мне одно слово, которое я буду хранить в моём сердце, и которому я буду следовать, сколько бы мне не было отпущено.

Говорят, что Святой Августин закрыл глаза. Его ученики были очень озадачены.

— Что он делает? Вопрос этого старого крестьянина — и он медитирует?

Этого никогда раньше не происходило. Приходили великие теологи, приходили великие философы, они задавали очень запутанные, сложные вопросы, и не было известно, чтобы Святой Августин медитировал над этими вопросами — он отвечал немедленно.

Через полчаса медитации он открыл глаза и сказал:

— Тогда я могу сказать только одну вещь: любовь — и тогда всё, что бы ты ни сделал, всё будет правильно.

Помните любовь. Любовь есть квинтэссенция всей религии, сам аромат всех цветов, которые расцвели во имя религии: Будда, Кришна, Христос, Мухаммед, Заратустра, Лао-Цзы, Кабир, Фарид, Нанак, Мира — все цветы всех эпох, которые расцвели, имеют один аромат и этот аромат — любовь.

Если вы можете любить, тогда всё позволено: потому что любящий человек не может сделать ничего плохого. Любовь — единственная заповедь. Если нет любви, тогда эти десять заповедей не помогут. Десять заповедей не нужны, они нужны только потому, что вы не готовы исполнить первую и единственную заповедь. Эти десять заповедей просто бледный суррогат для единственной заповеди: любви.

И помни, любовь, а затем всё, что бы ты ни сделал, — хорошо, достойно.

Это то, что я продолжаю говорить различными способами: сдайся, а затем делай то, что считаешь нужным. Слушая меня, вы можете неправильно понять, потому что делать то, что считаешь нужным, стало очень популярно у нового поколения. Я ничего такого не говорю. Когда я говорю делать то, что вы считаете нужным, я не повторяю лозунг хиппи. Когда я говорю делать то, что вы считаете нужным, есть условие предшествующее этому: сдайтесь, доверьтесь, а затем... Иначе что вы собираетесь делать? Без сдачи все, что вы ни сделаете, придёт от вашего эго, придёт из вашей неосознанности, вашего прошлого. Оно не может прийти от Бога, и оно не может прийти из осознанного, бдительного существования.

А всё, что приходит от бессознательного, будет создавать большие и большие страдания для вас и других. Уже достаточно страдания, вам не стоит делать в это ещё больший вклад. Этого и так больше чем достаточно. Если вы хотите подействовать как-то в отношении этого, пожалуйста, сначала исполните основное условие насчёт сдачи и доверия.

Просто медитируйте на моменте. Если эго больше нет, тогда кто делает? Тогда Бог делает через вас, а вы — только полый бамбук. На его губах вы становитесь флейтой — а песня его. И затем вы не будете так озадачены, Варидхи.

Вы говорите: *Понемногу мне начинает казаться, что я ничего не знаю и иногда, похоже, это даже неплохо.*

Вы действительно двигаетесь очень медленно. Вы говорите: «*Понемногу мне начинает казаться...*» Как это может казаться понемногу? Или вы немедленно видите это, или вы не видите этого — что вы подразумеваете под «понемногу»? Эти вещи не бывают постепенными. Это прорыв, внезапно, как молния в тёмной ночи.

Когда я что-то говорю, если вы будете доступны в этот момент, если вы будете сонастроены со мной в этот момент, это будет молниеносным переживанием. Огромное, ужасное «да» возникнет в вашем сердце — поток нового видения, новой ясности, новой прозрачности. Вы увидите, что есть что, и в самом этом видении то, что плохо выпадет из ваших рук — и выпасть должно только плохое; правильное всегда останется. Оно не может выпасть; оно только скрыто плохим. Плохое — это внешняя часть, правильное — это ваше естественное существо.

Вы говорите: *Понемногу мне начинает казаться, что я ничего не знаю.*

Нет, это не может происходить понемногу. Это никогда не случается понемногу. Если вы слушаете меня, вы должны пережить то, что вообще ничего не знаете. Что вы *знаете*? Я не говорю об инженерии и медицине, географии и истории; я не говорю обо всей этой чепухе — утилитарной чепухе. Но что вы *знаете* о реальности, о Боге, о любви, о медитации? Что вы *знаете* об этом таинственном существовании, окружающем вас? Что вы *знаете* о себе? С кем вы жили от бесконечности и будете жить до бесконечности. Что вы *знаете* о том человеке, которым вы являетесь?

Когда великий математик П. Д. Успенский пришёл увидеть очень странно-го мистика Георгия Гурджиева, Успенский уже был всемирно знаменитым, а Гурджиева никто совсем не знал, никто не слышал о нём. Успенский уже написал одну из величайших книг мира: «*Терциум Органум*» (*Tertium Organum*). Говорят, что в мире есть только три великих книги: первая написана Аристотелем «*Органум*» (*Organum*), вторая написана Беконом «*Новум Органум*» (*Novum Organum*), и третья была написана П. Д. Успенским: «*Терциум Органум*». Первый, второй и третий принципы — третий канон мысли, вот что значит *Терциум Органум*.

Успенский утверждал в начале книги, что третий Органум существовал ещё до первого. И это не только гордость, не только эго — это правда. Он открыл нечто чрезвычайно ценное, он сделал вклад в мир математики, логики, метафизики, нечто действительно важное. Его узнали по всему миру, его книги переводились на многие языки.

Гурджиев не был известен вообще — только маленькая группа людей знала о нём. А также к нему было не так просто подступиться; он не был доступен публично. Успенскому пришлось постараться и ждать три месяца, чтобы увидеть его, он должен был перебрать множество людей, поскольку только тем, кто принадлежал ко внутреннему кругу Гурджиева было позволено приводить новых гостей.

В тот день, когда он был допущен к Гурджиеву, там, в присутствии Гурджиева, сидело двенадцать учеников. Гурджиев посередине, двенадцать окружали его, и была абсолютная тишина. Человек, который привёл Успенского, тоже сел там и закрыл глаза. Тут Успенский почувствовал сильное беспокой-

ство; он даже не был представлен. Он также стал чувствовать некоторое замешательство: «Что он здесь делает? Что здесь делают эти люди, просто молча сидят?»

Прошло полчаса... и вот уже почти целый час прошёл. Успенский начал думать: «Зачем я здесь сижу?» Но он даже не мог уйти, поскольку казалось столь неучтивым нарушить их молчание. Молчание было столь осязаемо, как будто там стояло облако молчания.

Затем Гурджиев взглянул на Успенского и сказал:

— Вы чувствуете сильное беспокойство. Это естественно: вы пришли из беспокойного мира, вы не знаете путей молчания. Почему вы хотели меня видеть? Почему вы охотитесь за мной три месяца?

Успенский ответил:

— Я хотел задать вам некоторые вопросы.

Гурджиев дал ему чистый лист бумаги и сказал:

— Идите в другую комнату и на одной стороне напишите всё то, что вы знаете, а на другой стороне всё то, что вы не знаете. А затем возвращайтесь, поскольку я буду отвечать только на то, чего вы не знаете. Если вы уже что-то знаете, к чему об этом беспокоиться?

Это был холодный московский вечер, падал снег, и Успенский вспоминает: «Пойдя в другую комнату, я начал потеть. В первый раз столь отчётливо я осознал, что я не знаю ничего. Я хотел написать что-то, просто чтобы сохранить мой престиж, о том, что я знаю то и другое... Я обдумал это ещё, снова и снова, но, по сути, я ничего не знаю. Я думал: "Знаю я что-нибудь о любви? Я много слышал, много читал, но какое-то переживание? Поскольку этот человек не позволит этому так просто пройти"».

Он спросил:

— А какой-то опыт?

И он видел эти глаза, которые могли проникнуть в самый центр его существа: «Ты не можешь обмануть этого человека».

«Знаю ли я что-нибудь о медитации? Знаю ли я что-нибудь о Боге? Знаю ли я что-нибудь из действительно значимого?»

Он всё ждал и ждал, и не мог ничего найти. В конце концов он вышел и отдал лист назад чистым, как он был, и сказал:

— Извините, я ничего не знаю. Я ничего не знаю. Сейчас я стал дураком. Я всегда верил, что я знаю то и это. Вы разбили меня одним ударом.

Гурджиев посмотрел на Успенского, его глаза были полны благословения. Он сказал:

— Тогда вы приняты, поскольку только те, кто знает, что они не знают, могут быть приняты в мой круг, потому что только они способны учиться.

Варидхи, узнай, что ты ничего не знаешь, и не иди понемногу. Это не вопрос постепенных открытий: это внезапное, молниеносное переживание. Каждое утро я стараюсь показать это вам, крича, что вы не знаете ничего, что имеет какое-то значение, ничего, что имеет какую-то ценность, ничего, что действительно может трансформировать вас, ничего, что вы сможете вынести за пределы смерти на другой берег.

Но Варидхи говорит: «Понемногу мне начинает казаться, что я ничего не знаю и иногда, похоже, это даже нештохо».

Даже эти маленькие проблески, постепенные случаи, просто немного... Как будто окно открыли и закрыли, но маленький бриз вошёл или луч солн-

ца, даже это кажется благом! Если это кажется благом, идите глубже в это, идите глубже в невежество, идите глубже в незнание, идите глубже и глубже в состояние, где эрудированность просто мусор. И великим будет ваш опыт — огромной радости и свободы, потому что знание — это рабство, заимствованное знание — это рабство. Ваш собственный опыт — это не знание: это мудрость, это свобода.

В заключении вы говорите: *Но всё же я хочу знать.*

Это отлично! Начните из состояния незнания, и вы будете способны узнавать. Начните с чистой доски и позвольте Богу писать что-то на ней. Сотрите всё, что вы знаете. Перед Богом станьте просто нагим, невинным, невежественным, ребёнком. И вы узнаете. Мы здесь, чтобы знать, но это знание не приходит из священных писаний, это знание приходит через тишину. А эрудированный ум не может быть тихим. Он так полон знанием, так полон мыслями, он сам по себе не может быть пустым.

Опорожните себя, Варидхи. Опорожните себя от знания, снов, мечтаний, желаний. Выбросите всю эту гнилую мебель из себя. Создайте чистое пространство, и в этом чистом пространстве вы станете способны привлечь к себе предельное; вы станете магнетической силой. Вы станете хозяином, и Бог придёт к вам, как гость.

Четвёртый вопрос

Бхагван, чувствуя быстро растущее беспокойство по поводу того, что я не саньясин, я хотел бы спросить Вас: «В чём ваше искусство? Как вы смогли найти так быстро лазейку в моём уме, и каким образом вы обходите моё хорошо развитое эго? Когда я прибыл сюда десять дней назад, я почувствовал уравновешенность, благодарность, «да» в отношении того, что вы мне уже показали, но всё же я полон храбрости встретить саньясу, и сопротивляюсь всем неуместным покушениям на то, что я стану саньясином. Но посмотрите на меня сейчас: блуждающий по ашраму в дисбалансе, глаза полны благоговейного страха, плачущий постоянно в совершенно непредсказуемые моменты, и являющий все знаки того, кто в любви.

Бхагван, я люблю вас, что я могу с этим поделать? И как вы хитрились?

Хайн Крей, я расскажу вам одну историю — это то, как я хитрился, это и есть моё искусство.

Хагартти ехал на красный свет и врехался влоб в машину отца Когана. Машина перевернулась три раза, и священника выбросило из кабины, он лежал оглушённый рядом с дорогой.

Хагартти бросился к нему и сказал:

— Я ужасно извиняюсь, Отче!

— Святые небеса! — сказал потрясённый священник. — Вы чуть меня не убили!

— Здесь, — сказал Хагартти, — у меня есть небольшой сакраментальный «Белый Орёл». Примите немного, и вам станет лучше!

Отец Коган сделал два больших глотка и продолжал свою тираду:

— О чём вы думали, мужчина? Вы чуть не отправили меня на тот свет!
— Я сожалею, Отец, — сказал Хагарт. — Сделайте ещё несколько глотков, это успокоит ваши нервы.

После того, как священник прикончил почти всю бутылку, он спросил:

— Почему вы не выпьете?

— Нет, спасибо, ваше преподобие, — сказал Хагарт. — Я просто буду здесь сидеть и ждать полицию!

Так и я просто жду того дня, который ближе и ближе — это девятнадцатое апреля, когда вы будете убиты.

С вами случилось действительно нечто прекрасное. Всё это эго, которое кажется таким сильным, не столь сильно; только ваша вера поддерживает его в живых. Как только вы начинаете понимать, оно начинает умирать. Оно — все виды подавления, которые сдерживают ваши слёзы. Вам говорили снова и снова, что вы не женщина, а мужчина: «Будь парнем, не будь девчонкой. Плач и крики — это всё для девчонок, не для тебя».

Природа не делает никаких различий: слёзных желез в глазах мужчины столько же, сколько и у женщины. Слёзы необходимы, слёзы делают чудеса. Но подавление слёз — это тонкая стратегия подавить эмоции. Слёзы в глубине связаны с сердцем. Плачет не голова, только сердце.

Вы жили в голове, высокой и гордой, думая, что ваше эго очень сильное. Но сейчас вы попали в дурную компанию — здесь безумные люди. Каждый может начать плакать в любой момент! Плакать считается здесь священным, потому что слёзы идут прямо от сердца. Нет другой молитвы, которая была бы прекраснее, чем слёзы.

И это неправда, что слёзы приходят только когда вы в страдании, боли, печали. Это ещё одна дурная идея, которую вам дали, что слёзы приходят только тогда, когда вам больно. Нет. Слёзы приходят тогда, когда *нечто* переполняется: это может быть боль, это может быть удовольствие, это может быть агония, это может быть экстаз — *нечто* переполняется.

И нечто хочет переполниться, Крей, нечто хочет взорваться, вырваться. Вы долго-долго подавляли всё прекрасное. Сейчас, будучи в моём поле будовости, невозможно оставаться в своём уме, невозможно *не* влюбиться. У вас не каменное сердце; у вас сердце, которое бьётся с Богом, полное любви, подавленное, но готовое взорваться в любой момент, ждущее своего часа. И этот час пришёл.

Саньяса — это новый путь жизни, новый стиль, новая философия: жить тотально — со слезами, с улыбками, с любовью, со смехом, с гневом, с ненавистью, с состраданием, жить во всех измерениях ума, сущности и жить тотально, целостно. И чудо в том, что если вы живёте тотально, мало-помалу, всё, что есть негативного, начинает исчезать само по себе. И, в конце концов, окончательно, только то, что всегда называли добродетелью и остаётся; зло испаряется.

Никакое сдерживание не рекомендуется, никакое подавление не поддерживается. Я учу вас быть естественными, вот почему вы влюбились в меня. В действительности это — окольный путь влюбиться в вашу собственную природу: я только повод. Так что глотните ещё побольше, осталось только три

дня. Опустошите бутылку, так как день, когда вы примите саньясу, или как вы говорите...

Я полон храбрости встретить саньясу, и сопротивляюсь всем неуместным покусениям на то, что я стану саньясином.

Вы можете называть это «саньясинство» (sannyasinate), и так будет лучше, поскольку это убийство (assassinate — политическое убийство. — Прим. пер.). Выпейте столько, сколько вы можете, чтобы смерть была не болезненной. Отпейте от меня столько, сколько вы можете, перед тем, как ваша саньяса случится так, чтобы она *действительно* случилась. А она действительно случится, потому что вы пришли не для того, чтобы становиться саньясином. Вы пришли со всеми видами сопротивления; вы боитесь, что они могут внезапно произойти. Вы хотите принять саньясу по собственному желанию в то время, когда вы захотите.

Когда бы кто ни становился саньясином по собственному желанию, тогда, когда он хочет, он теряет весь смысл, всю «соль». Позвольте ей стать событием, хэппенингом, не делайте её сами. Сдача, капитуляция не может быть сделана: она только может быть с благодарностью принята. А это то, что и происходит. Вы счастливы, вы блаженны.

Святой вопрос

Почему я так боюсь ада?

Дхара, не стоит бояться ада, потому что адов много; и есть также и индийский ад. И каждого спрашивают у ворот: «Какой ад вы бы предпочли?» Выбирайте индийский, и вы потом всегда будете счастливы.

Один мальчик умер, и у ворот его встречает Святой Пётр.

— Прежде, чем ты сможешь войти, ты должен провести шесть месяцев в аду. Ты можешь выбрать: или обычный ад или индийский.

— В чём их разница? — спросил бедняга.

— В обычном аду, — объяснил святой Пётр, — тебя привязывают к столбу и обливают бензином, чиркают спичкой, и ты горюшь двенадцать часов, а затем отдыхаешь до следующих двенадцати часов.

— А индийский ад?

— Тебя привязывают к столбу, обливают бензином, поджигают, и ты горюшь двенадцать часов, а затем отдыхаешь до следующих двенадцати часов.

— Но я не вижу разницы, — сказал человек.

— На твоём месте, — посоветовал Святой Пётр, — я бы выбрал индийский ад: кто-нибудь обычно забывает спички или бензин...

Поэтому не стоит так уж сильно бояться: мудрые люди всегда выбирают индийский ад. Но, Дхара, я могу понять, почему ты боишься. Страх — это естественный инстинкт человека, и он веками эксплуатируется священниками. Страх и жадность две стороны той же самой монеты, и они эксплуатировали и ту и другую.

Это из-за страха они создали ад, только чтобы эксплуатировать ваш инстинкт страха. Если вас можно было бы сделать по-настоящему испуганными, тогда вы были бы в руках священников. Или если бы вас можно было сделать по-настоящему жадными до рая, тогда вы тоже были бы в их руках. Свя-

щенники говорят вам, что: «Мы будем охранять вас от ада, и мы поможем вам взойти на небеса. Всё, что вам нужно, — это остаться послушными нам».

Из-за страха и алчности вы остаётесь послушными священникам. Родители использовали... Это то, как каждый был воспитан: в страхе и алчности. Если вы делаете одно, вас наказывают, если вы делаете другое, вас награждают. Та же история в школе, колледже, университете, та же самая история повторяется снова и снова: за что-то награждают, за что-то наказывают. Жадность и страх, насаждаемые опять и опять.

Ко времени окончания университета, вы становитесь полностью запрограммированы, обусловлены, тотально обусловлены. Вся ваша жизнь такой и останется, если вы не станете бдительны, если вы не начнёте осознавать всю ситуацию, если вы не наберётесь храбрости выйти из этой тюрьмы, которую создало для вас общество. Тюрьма, состоящая из алчности и страха.

Нет никакого ада! Обычного или индийского. И небес тоже нет. Ад и небеса — психологические состояния, а не географическое место. Забудьте всё об этой детской чепухе. Вы можете быть в аду прямо сейчас, так же, как и в раю прямо сейчас. И единственный путь быть на небесах — это быть вне ума, и единственный путь быть в аду — быть только умом и ничем иным.

Постоянное движение мыслей есть ваше страдание. Если это движение исчезает и вы остались безмолвным, одним, без мыслей, окружающих вас, в этот момент мира, безмолвия и тишины вы уже на небесах — вы и есть небеса!

Это то, чем медитация и является.

Дхара, вам не нужно беспокоиться, не нужно бояться никаких небес или ада. Просто медитируйте, становитесь более и более безмолвны, становитесь больше и больше незатронуты умом, становитесь более и более растождествлены с вашим мыслительным процессом. Просто будьте свидетелем! *Продолжайте* свидетельствование, что бы ни происходило в вашем уме, в самом процессе свидетельствования и заключён весь секрет. Мало-помалу, вы увидите, что всё меньше и меньше мыслей приходит к вам, поскольку вы их больше не приветствуете, поскольку они вас не волнуют, поскольку вы не цепляетесь за них, поскольку вы не выбираете одно против другого, поскольку вы больше не судите. Хорошие мысли, плохие мысли, всё едино. Великие мысли, низкие мысли, всё едино. Вы остаётесь незатронутым, отстранённым наблюдателем ада.

Мало-помалу, движение всё меньше и меньше... и однажды внезапно начнут появляться интервалы. Интервалы на несколько секунд и вы испытаете вкус неизведанного. И раз вы вкусили нечто от не-ума, начинается ваша настоящая жизнь. Тогда всё есть радость, тогда всё есть благословение.

Но, чтобы быть медитативным, нужен большой интеллект, разумность. Вы не можете оставаться такими, как вы есть, вы не можете продолжать быть тупыми. Вы должны быть очень бдительны!

Во времена окончания Второй Мировой войны, когда итальянцы сражались с немцами, фашисты придумали план, как можно убить множество людей Муссолини. Они просто кричали:

— Эй, Луиджи!

Когда итальянский пехотинец высовывал свою голову и отвечал:

— Sì?

— Бум!

И он мёртв.

Так фрицы всё время и делали:

— Луиджи?

— Sì!

— Бум!

Когда тысячи итальянцев было таким образом уничтожено, они решили отомстить. Они выяснили, что имя каждого германского солдата Ганс. И итальянский офицер кричит:

— Эй, Ганс!

Молчание.

— Эй, Ганс! — повторяет он.

— Это ты, Луиджи?

— Sì!

— Бум!

Шестой вопрос

Почему современный человек чувствует такое одиночество?

Дхаммо, человек всегда чувствовал одиночество, потому что человек по своей сути один. Мы рождены одиночками, и мы умрём одиночками. А посередине между этими событиями мы можем только притворяться, что мы вместе. Самодостаточное одиночество (aloneness) остаётся незатронутым. Оно становится подземным течением, оно уходит под землю.

Человек всегда был один, но современный человек сильнее ощущает это по совершенно определённой причине: потому что у современного человека впервые есть достаточно времени подумать о нём самом. В прошлом борьба за хлеб и масло была такой сильной, что держала людей занятыми с раннего утра до позднего вечера, и даже тогда они не могли в достаточной степени прокормить себя и своих детей.

Именно так обстоят дела на Востоке и сегодня. Современный человек в индийской деревне не чувствует одиночества. У него нет времени вообще что-то чувствовать! Он чувствует голод, а не одиночество, ему нужно убежище, дом. Такие вещи, как ощущение одиночества он не может себе позволить. Эти вещи начинают всплывать на поверхность только, когда общество становится в какой-то степени обеспеченным.

Когда люди хорошо накормлены, хорошо одеты, хорошо укрыты, хорошо заняты, когда простые нужды удовлетворены, тогда возникают настоящие проблемы жизни. Тогда человек внезапно осознаёт: «Я одинокий, даже в толпе я одинок». Это нужда более высокого порядка. Такова иерархия потребностей.

Сначала приходят физические потребности. Если физические потребности не удовлетворены, у вас не возникнет психологических потребностей. Раз физические потребности удовлетворены, тогда возникают психологичес-

кне, которые более высокие. Человек думает о музыке, поэзии, живописи; человек думает об искусстве, эстетике — это более высокие потребности. Человек думает о Шекспире, Милтоне, Кали Дасе, Рабиндранате, Калиле Джебране; человек думает о Вагнере, Бетховене, Ван Гоге, Пикассо... Это более высокие потребности.

Голодный человек *не может* понимать Бетховена. Какой бы великой музыка ни была, она не может наполнить его желудок. И он так голоден, что он скорее бы убил композитора, чем стал слушать музыку. Он не беспокоится о великих творениях искусства; он скорее заинтересуется Карлом Марксом и его *Коммунистическим Манифестом*. Когда психологические нужды удовлетворены, возникают психологические.

Вы будете удивлены, когда узнаете: я получаю много писем из Советской России. Они не могут даже писать мне напрямую, потому что тогда их письма никогда не дойдут. Во-первых, советское правительство, а во-вторых, индийское... Если бы было только индийское правительство, тогда бы у них хотя бы был шанс. Но русское правительство... Эти очень методичны. Поэтому эти письма отдаются приезжающим, туристам, в Швейцарию, затем эти письма бросаются в Лондоне, Берлине или Париже, и затем они приходят ко мне.

Многие люди пишут, что они хотели бы приехать сюда, но это невозможно. Мои книги читают, но подпольно. Они ходят от человека к человеку, но официально вы не можете продавать мои книги в коммунистической стране.

Россия подходит ближе и ближе к той точке, где физические нужды удовлетворены и начинают возникать психологические, а духовные нужды по иерархии самые высшие. Раз психологические нужды удовлетворены: вы слушали великую музыку, вы видели великие живописные полотна, вы читали великую поэзию — что тогда? Рано или поздно тоже окажется, что все эти вещи являются играми, прекрасными играми, но всё же играми.

Тогда предельное начинает стучаться в вашу дверь, и когда предельное стучит в вашу дверь, вы ощущаете *настоящее* одиночество, одиночество во всей вселенной. Это начало медитации. Если вы почувствовали одиночество, и если ваше ощущение одиночества так проникновенно, интенсивно, страстно, вы начинаете медитировать.

Медитация — это путь прийти к согласию со своим одиночеством, встретиться со своим одиночеством вместо того, чтобы избегать его, погрузиться глубоко в него и увидеть, чем именно оно является. И тогда вас ждёт сюрприз. Если вы пойдёте в ваше одиночество, вы будете удивлены: в самом центре него совсем нет одиночества: там существует одиночество самодостаточности, которое совершенно другое явление.

Периферия состоит из покинутости, а центр из уединённости, самодостаточности. И когда вы познаете красоту вашей самодостаточности, вы будете совершенно другим человеком: вы никогда не будете чувствовать одиночества. Даже в горах или пустыне, где вы совершенно одни, вы никогда не почувствуете одиночества, потому что в вашей самодостаточности вы будете знать, что с вами Бог, в вашей самодостаточности вы будете так глубоко

укоренены в Боге, что кто станет заботиться о том, есть ли кто-то ещё снаружи или нет? Вы столь полны внутри, столь богаты внутри...

Прямо сейчас, даже в толпе, вы одиноки. И я говорю: если вы познаете свою самодостаточность, даже в вашем одиночестве вы не будете одиноки. Но современный человек несчастен...

Айр бросил колледж, купил себе рюкзак и стал путешествовать «автостопом» по Соединённым Штатам.

Спустя больше года после того, как он ушёл, он звонит домой:

— Привет, ма. Как дела?

— Всё хорошо, сынок. Когда ты вернёшься домой? Я сделаю тебе печень кусочками, куриный суп и прекрасное тушёное жаркое.

— Я вообще-то достаточно далеко.

— Ох, сынок! — запричитала женщина отчаянно. — Только возвращайся домой, и я приготовлю твоё любимое овсяное печенье.

— Я не люблю овсяное печенье! — сказал парень.

— Ты не любишь? — переспросила женщина.

— Скажи, — говорит Айр, — сейчас 57682 столетие?

— Нет!

— Тогда я должно быть неправильно набрал номер.

— Значит, ты не придёшь? — спрашивает женщина.

Люди так одиноки! Женщина спрашивает: «Значит, ты не придёшь?» Человек никогда не был так одинок, потому что человек никогда раньше не мог удовлетворить свои низшие желания, нужды. Впервые на Западе человек стал способен удовлетворить все низшие желания; теперь высшие желания заявляют о себе. Это хороший знак. Это выглядит, как проклятие, но это не так, под этим скрывается благословение.

Дни, когда Запад поворачивается к Востоку, пришли. Беда заключается в том, что Восток поворачивается на Запад. Человек выглядит таким глупым. К тому времени, как Запад повернулся на Восток, мы обнаруживаем, что Восток стал Западом. И, таким образом, это печальное хождение по кругу продолжается...

Вы можете видеть это здесь. Почему здесь нельзя увидеть много индусов? У них нет такой потребности. То, чем я здесь делюсь, не имеет с их потребностями никакого отношения. У них ещё не возникло желания того, чем я могу поделиться. Даже когда иногда они приходят, они не спрашивают о медитации, о саньясе, любви, нет, вообще не спрашивают.

Только на днях я получил письмо, где говорится: «Почему бы вам не открыть несколько госпиталей, несколько школ?.. Почему вы не учите ваших саньясинов служению бедным?» Бедным служили в течение сотен лет — а они всё остаются бедными. Бедность не может быть разрушена служением бедным — это совершенно определённая вещь. Бедность можно разрушить только если дать им совершенно новое видение жизни. Они бедны, потому что их философия делает их бедными. Они бедны, потому что сам их подход к жизни держит их бедными. Они бедные *из-за* них самих! Им не нужно сочувствие, им нужно просвещение. Им не нужно служение, их нужно встряхнуть, чтобы они начали осознавать. Но никто не хочет быть встряхнутым из их грёз и снов. Поэтому они на меня злы.

Госпитали уже существуют; можно несколько прибавить. Школы уже существуют; можно добавить немного. Но это *не* поможет. Это всё равно, что бросать краску чайной ложкой в океан: это не окрасит его.

Мы должны изменить всю основу. Почему Индия многие столетия остаётся бедной? Причина достаточно глубока. Причина в том, что индийский ум жизнеотрицающий. Причина в том, что индийский ум живёт в разделении: тот мир и этот. Причина в том, что индийский ум против материализма. Если вы будете против материализма, вы останетесь бедными, и это будет ваше собственное решение; тогда вы сами решили вашу судьбу.

Настоящая духовность должна основываться на научном материализме. Материя и сознание — это не две разные вещи, и именно тело и сознание — не две вещи, а аспекты одного явления. *Этот* мир нужно любить, и тогда он уступит, отдавая вам свои секреты.

Запад совершил ту ошибку, что он отвергает спиритуализм, считая, что материализма достаточно. То, что их основные нужды удовлетворены, но высшие нужды убиты ими, заставляет их совершать самоубийства или сходить с ума. А Восток совершил другую ошибку: «Спиритуализм может существовать без материализма», поэтому Восток стал, как призрак, как душа без тела. Запад — это тело без души, труп, Восток — это дух, душа без тела.

Моё усилие заключается в том, чтобы как-то подвести Восток и Запад поближе друг к другу, чтобы каждый из них мог иметь и тело и душу. Материализм и спиритуализм должны быть двумя аспектами одного видения жизни. Тогда бедность исчезнет. Земля достаточно богата, и благодаря разуму человека мы можем сделать её ещё богаче.

Но здесь почти не видно индусов, их не много, всего несколько. Это несколько тех, у кого достаточно интеллекта, чтобы увидеть, что даже если низкие желания осуществились, ничего не будет осуществлённым. Эти несколько рождены на Востоке, но они, на самом деле, современные люди. Они увидели, что происходит с Западом. И даже если Индия станет богатой, это должно произойти: Запад не счастлив, если Индия станет богатой, она тоже не будет счастлива. Так как счастье нужно искать в несколько ином измерении.

Это измерение таково: входите в ваше одиночество до тех пор, пока вы не придёте к своей самодостаточности. Первый проблеск самодостаточности — это сатори. Второй проблеск — второе сатори: вы становитесь обособованными в вашей самодостаточности, укоренёнными. А третье, предельное сатори, мы в Индии называем это самадхи, — это состояние, когда вы больше не отделены от вашей самодостаточности: вы и *есть* ваша самодостаточность.

И тогда человек начинает бить ключом, как фонтан. Из этой самодостаточности возникает аромат любви, и из этой самодостаточности возникает созидательность, потому что из этой самодостаточности начинает изливаться Бог. Вы становитесь полым бамбуком, и он начинает песню. Но эта песнь — всегда его.

Глава 7

Уже утро, лебедь, проснись!

*Лебедь, я бы хотел услышать от тебя всю твою историю.
Где ты впервые появился, и что это за грязный песок, куда ты идёшь,
И где ты спишь ночью, и что ты разыскиваешь...*

*Уже утро, лебедь, проснись, вздымай в небо, следуй за мной!
Я знаю страну, где духовная плоскость не ограничивает
и не подавляет постоянно,*

*И живущие там не боятся умирать.
Дикие цветы там прорастают сквозь зелёный ковёр,
И аромат «я есть он» разносится по ветру.
Там пчела сердца остаётся глубоко внутри цветка,
и ни о чём другом не заботясь.*

*Не выходи из своего дома, чтобы увидеть цветы.
Мой друг, не волнуйся об этих экскурсиях.
Внутри твоего тела есть цветы.
Один цветок имеет тысячу лепестков.
Это сделай местом пребывания.
Сидя здесь, у тебя будут проблески прекрасного
Внутри тела и снаружи его,
Перед садами и после них.*

Уже утро, лебедь, проснись!

Человек пробудился, и всё же ещё нет. Его пробуждённость очень тонкая, почти несуществующая. Он не спит, это правда, но он и не бодрствует: он в лимбо (Limbo: преддверие ада, заточение, тюрьма, пребывание в забвении. — *др.-м. пер.*), посередине. Он пробудился из мира животных, но он глубоко спит в мире богов.

Человек — это мимолётный период. Человек — не существо, но становление — он на пути. Прошлое позади, а будущее ещё не достигнуто. Отсюда агония, мука: человек разрывается на части. Прошлое тащит его назад. Стать животным снова кажется очень приятным, и это так, потому что у животного нет агонии человека, его муки и беспокойства.

Если вы посмотрите на животных, вы почувствуете зависть. Уолт Уитмен так и написал в своих дневниках: «Когда бы я ни видел животное, я чувствую зависть. Нами нечто упущено».

На самом деле мы не упустили, но мир, безмятежность, собранность животных потеряны. Животное счастливо, поскольку оно неосознанно: не осознаёт смерть, не осознаёт проблем жизни. Животное счастливо потому, что у него нет сознания. Сознание впервые приносит боль, потому что внезапно вы начинаете осознавать тысячу и одну проблему, предстающую перед вами. Вам нужно столкнуться с ними, вы должны решить (solve) их или растворить (dissolve) их. Всё покой исчез.

Но человеческое сознание всё же стоящая вещь. И я не согласен с Уолтом Уитменом, я согласен с Сократом, который сказал: «Я бы предпочёл быть неудовлетворённым Сократом, чем довольной свиньей». Это утверждение Сократа имеет огромное значение. Оно должно быть понято каждым искателем, поскольку цель впереди, нет пути назад. Свинья может выглядеть довольной, поскольку она неосознанна, в действительности это не так, она не удовлетворена. Но чтобы узнать неудовлетворённость, необходимо сознание.

Есть нечто впереди; должно случиться нечто большее. Что-то уже произошло, но только частично. Посмотрите назад, и вы увидите удовлетворённость свиньи; посмотрите вперёд, и вы увидите удовлетворённость Будды. Вы можете стать Буддой! Будда — значит, тот, кто осознан и удовлетворён. Свинья — это то, что неосознанно и удовлетворено. А человек как раз между ними: небольшая частичка сознания, всего лишь небольшая частичка. Уже достаточно сознания, чтобы осознавать боль жизни, её муку и страдание, но ещё недостаточно, чтобы осознать тот экстаз, который может предоставить жизнь.

Всего лишь небольшой осознанности уже достаточно, чтобы осознать боль. Но гораздо большее понимание, большая осознанность необходима для осознания глубинных сфер вашего внутреннего царства.

Человек находится в чём-то вроде опьянения: пробудившийся и всё же не пробудившийся. Он чуть-чуть видит, но всё же кажется, что всё во мраке, различаются лишь тени, движущиеся во тьме. Нет ничего абсолютно ясного; нет ясности, прозрачности, света.

Таково состояние человека. И мы не можем вернуться назад, потому что нет возможности возвращения назад. Человек из всех сил старается вернуться: через секс, через пищу, через алкоголь, через наркотики, человек старается как-то утопить ту частичку сознания, которая в нём возникла. Но она возвращается назад снова и снова, поскольку, если что-то было выучено, оно было выучено навсегда: этому уже нельзя разучиться.

Это случилось в вашем существе. Теперь нет пути отказаться от этого. Вы должны с этим жить. Единственная возможность — это двигаться вперёд, больше расти в вашей осознанности: если оно принесло боль, тогда идите глубоко в боль, но становитесь всё больше и больше осознанны. Используйте боль, как объект осознания, как объект медитации.

Вы печальны — будьте осознанны. Пусть печаль станет вашей медитацией. Вы в гневе — будьте осознанны. Вы в любви — будьте осознанны. Используйте все возможности, все удобные моменты, чтобы быть больше и больше осознанными. Мало-помалу накопится энергия, и однажды нечто расцветёт, взорвётся в вас. Этот взрыв известен на Востоке, как расцвет тысячелепесткового лотоса, об этом лотосе говорит Кабир в своих сутрах. И Кабир говорит о вас. Сначала нужно понять несколько метафор.

Лебедь — одна из наиболее часто используемых в восточной мистике метафор. Лебеди живут за Гималаями, их дом — по ту сторону Гималаев, на озере Мансаровар. Озеро Мансаровар — наичистейшее озеро в мире, очень редко человеческое существо добирается туда, незагрязнённое, неосквернённое, окружённое красотой Гималаев, девственными вершинами.

Лебеди рождаются и живут здесь, но когда становится слишком холодно, лебеди должны прилетать на эту сторону Гималаев, на равнину. И иногда так случается: лебедь забывает путь назад. Иногда так бывает: лебедь просто забывает, что у него где-то есть дом, начинает жить на берегу грязной реки, грязного пруда, мутной лужи.

Потому лебедь стал чрезвычайно сильной метафорой для человека. Человек произошёл от Бога, но забыл куда он пришёл и кто он есть. Человек произошёл от Бога, из святая святых и продолжает жить на берегу грязной реки, мутной лужи воды. Конечно, он не может быть здесь удовлетворён, но он не знает никакого другого места, куда пойти. Он потерялся. Этот мир кажется единственным миром.

Восточные мистики используют метафору лебедя для человека.

Hansa karo puratan bat.

*Лебедь, было бы хорошо, если бы ты вспомнил
первоначальные дни,
Дни, когда ты ещё не покинул дома.*

*Было бы хорошо если бы ты вспомнил дом.
Лебедь, я бы хотел услышать от тебя всю твою историю!*

Расскажи мне всю свою историю! Но если кто-то вас спросит, какую историю вы должны рассказать: рождение кажется началом, но оно не начало, а смерть кажется концом, но это не конец. И рождение, и смерть — эпизоды в вашей долгой жизни, и они случались миллион раз.

Истинную историю можно начинать только когда помнишь свой настоящий дом, откуда вы пришли. И настоящая история никогда не может закончиться, поскольку настоящая история — это не только ваша история: это история сознания, развития сознания, эволюции. Она не только ваша история — это история Бога. Здесь нет начала и нет конца.

Однажды вы наполнитесь ностальгией по источнику, тогда вы будете удивлены, потому что тогда вы станете осознавать и цель: так как источник и есть цель, первоначало и есть цель. Мы должны вернуться в то же самое место, из которого вышли, тогда круг завершится. И в этой завершенности красота, в этой завершенности блаженство, эта завершенность — благословение.

Лебедь, мне бы хотелось услышать от тебя всю твою историю!

Только Будда может рассказать свою историю, только тот, кто стал всецело пробуждённым. Вы можете рассказывать о своих снах, но это не ваша история. Вы мечтаете, желаете, думаете, но вы ничего не знаете. И чем меньше вы знаете, тем больше вы верите в свои мечты, сны, потому что человек должен держать себя занятым. Чем меньше вы знаете, тем больше вы хотите: просто чтобы избежать вашего внутреннего невежества и пустоты. Вы мчитесь сломя голову по всем направлениям, вы должны продолжать мчаться, вы не позволяете себе ни малейшего отдыха, потому что отдых кажется взрывоопасным, несущим угрозу.

А отдых есть медитация. Находя, по крайней мере, час или два из этой суеты жизни, сидя тихо, ничего не делая, вы можете начать движение внутрь, вы можете начать нечто вспоминать: источник, потому что глубоко внутри, тем не менее, всё же есть память, откуда вы пришли. Вы могли забыть это, но она есть, может быть, сокрыта под всякой чепухой, всевозможными видами разнообразной чепухи, но эту чепуху можно удалить.

Это то, чем медитация и является — удалением чепухи: мыслей, воспоминаний, грёз, желаний, фантазий. И если вы сможете удалить всю эту чепуху, которую накопила ваша голова, ваше сердце начнёт вспоминать. И как только вспомнен источник, цель познана, поскольку, позвольте мне повторить, источник и есть цель. Мы должны достичь того же места, из которого пришли.

Лебедь, я хотел бы услышать от тебя всю твою историю!

В самом источнике заключена некая красота:

Hansa karo puratan bat —

Позволь, лебедь, мы поговорим о древних днях.

Позволь, мы вспомним древние времена, дни прошлого.

Давай вспомним начало.

Давай мы поговорим об источнике вновь.

И помните, Кабир говорит своим ученикам. Его спрашивают обучающиеся лебеди — ханса.

Где ты проявился вначале, и в какой грязный песок ты идёшь...

«Откуда ты пришёл, и куда ты идёшь? Позволь нам уделить этому особое внимание». Это работа Мастера: напомнить ученику откуда он пришёл и куда он идёт. Иначе люди продолжают двигаться вместе с толпой... куда бы другие ни шли. Люди остаются подражателями, люди остаются только последователями, последователями слепоты: слепота следует за слепотой.

Ваши родители следовали за их родителями, вы следуете за вашими родителями, ваши дети будут следовать за вами, и никто не знает, откуда вы пришли и куда вы идёте. И каждый старается, абсолютно не осознавая, что действительно вам нужно, что может осуществить, удовлетворить вас. Много денег? Много домов? Много власти? Могут ли помочь эти вещи? Помогли они другим?

Просто будьте немного более наблюдательными.

Вот одна древняя история:

Ученику должна была быть дана последняя инициация. Мастер сказал:

— Твоя последняя инициация будет дана тебе весьма непрямым путём.

Ученик прошёл все препятствия, которые Мастер ставил на его пути; он доказал свой характер. Теперь последняя инициация... И если он пройдёт последнюю инициацию, он будет провозглашён просветлённым.

Ученик дотронулся до ног Мастера и сказал:

— Я готов. Только прикажите и я исполню всё, что нужно будет сделать.

Мастер сказал:

— Должен будешь пойти к королю, и пойти рано утром; будь первым посетителем короля. Потому что у короля есть обычай: кто бы ни пришёл к нему первым, всё, что он ни попросит, король даст ему. Но страна так богата, что очень редко кто-нибудь приходит. Проходят годы, и никто не приходит что-нибудь попросить. Но не рискуй — ранним утром будь там. Король выходит утром в свой сад, как только восходит солнце, король выходит в сад — будь там. И король спросит тебя: «Что ты хочешь?» И всё, что бы ты ни захотел, проси его.

Ученик не понял, в чём заключалась его последняя инициация. Но приказ должен был быть исполнен. Он пошёл. Он не стал рисковать: в три часа утра он уже ждал короля.

Как только солнце взошло, вышел король. Молодой человек низко поклонился королю, и король спросил:

— Ты пришёл чего-то просить? Ты можешь попросить всё, что угодно! Что бы ты ни попросил, я дам это тебе.

Великое желание овладело молодым человеком. Он был бедный человек, вышел из бедной семьи: «Король говорит: всё, что угодно?..» Чтобы быть уверенным, он спросил снова: «Что вы подразумеваете под "всё, что угодно"?»

Король ответил:

— Именно это и подразумеваю — всё, что угодно. Даже если потребуешь моё царство, я отдам его тебе. Ты можешь просить денег столько много, сколько ты хочешь...

Бедный молодой человек не мог думать о многом. Он подумал: «Может быть, десять тысяч рупий подойдёт?» Но возникло желание: «Почему десять тысяч? Может, у тебя уже никогда не будет такого шанса снова — почему не

сто тысяч?» А затем другое желание, желания стали громоздиться одно на другое, потому что ум постоянно требовал больше. Поэтому, что бы он ни решил, ум опять требовал больше.

Король сказал:

— Кажется, что ты ещё не готов просить. Я пойду на свою утреннюю прогулку, пока ты будешь решать. А когда я вернусь, что бы ты ни попросил, будет дано тебе.

Эти полчаса были пыткой. Это продолжалось и продолжалось: «Я могу попросить это и то, и золотую колесницу, и так много миллионов рупий, и столь много земли — я создам своё собственное небольшое королевство».

Желания и мечты... И король пришёл, эти полчаса пролетели мгновенно. Король стоял здесь и спрашивал:

— Молодой человек, вы ещё не решили, что попросить?

И тогда внезапно молодой человек подумал: «Что бы я ни попросил, будет меньше, чем есть у короля, поэтому почему бы мне не попросить всё, что у него есть? Закончим с этими цифрами!»

Так что он сказал:

— Сир, если вы так готовы давать, я прошу всё! Всё, что у вас есть. Всё ваше царство, всё ваше богатство, ваши дворцы — всё. Вы просто уйдёте из дворца! И вы не можете возвращаться. Вы не можете что-нибудь взять с собой. Вы просто уйдёте — забудете почему об этом. Я могу позволить вам взять только эту одежду, которую вы носите.

Даже это он позволил неохотно, даже это было много, он мог бы взять меньше.

Король упал на колени, начал молиться Богу, слёзы покатались из его глаз, слёзы великой радости, экстаза! Он благодарил Бога, говоря:

— Я ждал такого человека. Как долго я ждал! Но, в конце концов, ты услышал мои молитвы, и теперь он пришёл и я свободен от этого вздора. Спасибо тебе! Ты услышал мои молитвы, хотя это продолжалось так долго, и я так долго ждал, но всё же ты услышал. Я благодарен.

Когда он стал говорить всё это Богу, молодой человек, стоя рядом, начал думать: «В чём дело? Если этот человек чувствует такое счастье, отказываясь от царства, во что я попаду? Если, как он говорит, он молился тридцать лет: "Пошли мне человека, который может взять всё моё царство, кто попросит у меня всё моё царство!" — если он так молился тридцать лет, тогда это совсем не стоящее дело. Я влипну в ненужные проблемы».

Он тоже упал на колени, коснулся стоп короля и сказал:

— Сир, я молодой человек — я молодой дурак. Пожалуйста, простите меня. Я не хочу ничего. Ваша молитва Богу, ваша благодарность Богу убила весь мой ум. Я возвращаюсь в лес к моему Мастеру.

Король постарался уговорить его:

— Не уходи. Только посмотри. Войди во дворец! Я не только отдам тебе мой дворец, моё царство, мои богатства, но и мою красавицу дочь. Только пойди и посмотри!

Но молодой человек сказал:

— Я не могу больше оставаться здесь ни единого мгновения, потому что ум может соблазнить меня. Прозрение произошло, и я благодарен вам так же, как вы благодарны Богу. Я закончен!

Когда молодой человек вернулся к своему Мастеру и рассказал ему всю историю, Мастер сказал:

— Твоя последняя инициация завершена. Теперь ничто никогда не может сделать тебя рабом. Теперь ты бдителен, осознан, свободен. Ты прошёл — я счастлив. Я наблюдал отсюда, и когда ты потребовал всё королевство, моё сердце рыдало. Я думал: «Итак, пятнадцать лет работать на этого идиота, и всё впустую». Ты не можешь представить себе, как я счастлив», — сказал Мастер. — То, что ты вернулся назад, говорит о том, что ты смог увидеть суть, ибо был внимателен.

Будьте внимательны, просто наблюдайте... Люди имеют деньги, люди имеют огромные дворцы, люди имеют всё, что вы можете пожелать — только взгляните, только посмотрите: они счастливы? Они удовлетворены? Они могли бы быть более счастливыми, чем вы, но они более неудовлетворены, чем вы, в таком случае не следуйте за ними. Они слепы! Они следили за другими слепыми людьми. Не следуйте за ними, не подражайте толпе.

Действительно религиозный человек — тот, кто вышел из ловушек массовой психологии, из массового гипноза. Массы обуславливают, программируют вас; бунтарь против этого; выйдите из этих условностей масс, станьте индивидуальностью. Тогда только вы сможете вспомнить, откуда вы пришли, потому что только тогда вы узнаете, кто вы.

Прямо сейчас вы знаете, что вы индус, мусульманин или христианин. Вы не являетесь всеми этими вещами: вы ни белый, ни чёрный, вы ни мужчина, ни женщина — вы просто чистое сознание без всяких прилагательных к нему. У этого сознания нет никаких рамок и структур, оно безгранично. Если вы отбросите обусловленность масс, вы приблизитесь к дому.

Hansa karo puratan bat —

Позволь, мы поговорим об этих древних временах, когда мы были у первоисточника.

Лебедь, мне бы хотелось услышать от тебя всю твою историю!

Где ты появился вначале, и что за тёмный песок,

к которому ты идёшь...

Вы вышли из света, поэтому куда бы вы ни шли, вы должны идти во тьму. И это то, что происходит.

В существе ребёнка больше света, по мере того, как он растёт, он становится всё темнее и темнее. Ко времени его старости, он уже просто тёмная ночь души, и ничего больше. Ребёнок более светеносен, более разумен, он более бдителен. И по мере того, как проходит время, пыль скапливается на нём, пыль слой за слоем, и вся его разумность исчезает, он становится посредственностью. Он начинает себя вести глупо, поскольку он пал жертвой глупой толпы, окружающей его. Он беспомощен: он должен слушать родителей, учителей, политиков. Они великие лидеры, они великие жрецы — они знают, они все говорят: «Мы любим тебя. Слушайся нас, иначе ты заблудишься». Повинуйся нам, иначе ты заблудишься».

Повиновение стало одним из наибольших бедствий, которые выпали на долю человечества. Человек должен быть способен к неповиновению. Я не говорю сделать неповиновение своей религией. Я просто говорю, что нужно уметь не повиноваться. По сути, человек, который способен не повиноваться, так же способен и повиноваться. Повиновение человека, который способен только повиноваться, не имеет никакой ценности. «Да»

человека, который не может сказать «нет», всегда бессильно. Лишь «да» человека, который может сказать «нет», имеет силу, смысл, значение. Он говорит «да» только тогда, когда так считает.

Нужно быть очень бдительными, чтобы сказать «нет» всему, что тащит вас всё глубже и глубже в болото тьмы, слепоты, предрассудков. И нужно уметь сказать «да» всему, что ведёт вас к свету, любви, жизни. А решать вам! Если вы скажете «да» тьме, то вы скажете «нет» свету. Если вы станете двигаться во тьму, вы будете должны повернуться спиной к свету. Это только вопрос поворота на сто восемьдесят градусов, поворот на сто восемьдесят градусов и вы лицом к свету, который вы ищете и разыскиваете. Но ваши пути, методы, привычки, ваши шаблоны мышления всегда тянут вас во всё более тёмные сферы жизни.

Где ты появился вначале, и что за тёмный песок, к которому ты идёшь, и где ты спишь ночью...

Это та ночь, в которой вы живёте, и жизнь, которую вы называете жизнью, не что иное, как сон, полный сновидений. Иногда вам даже грезится, что вы бодрствуете — это тоже сон.

Как раз прошлой ночью я читал историю:

Человек подошёл к озеру и сказал рыбаку:

— Я — Иисус Христос!

Рыбак посмотрел на него и засмеялся:

— Иисус умер две тысячи лет назад, а ты псих или как?

Человек ответил:

— Но я и есть Иисус Христос. Разве ты не слышал, что после распятия он воскрес, и с тех пор я не умирал? Слышал ли ты, чтобы Иисус умер когда-нибудь после воскресения?

Рыбак подумал: «Или он очень пьян, или у него поехала крыша». Он сказал:

— Тогда ты должен доказать это: Иисус делал чудеса...

Человек был очень счастлив.

— Да, — сказал он. — Какое чудо ты хочешь, чтобы я сделал?

Рыбак сказал:

— Тогда пойдёшь по озеру.

Сумасшедший пошёл... и утонул. Рыбак прыгнул в воду и кое-как вытащил его.

— Что случилось? — спросил рыбак.

Тот ответил:

— В то время в моих туфлях не было дыр. Две тысячи лет странствования по земле, и туфли все в дырах — вот что случилось.

У сумасшедших своя логика. У слепых своя логика. У глубоко спящих людей своя логика — логика, поддерживающая их сон.

Один человек внезапно стал уверенным, что он мёртв. Нет способа доказать, что это не так, поэтому он пошёл к психиатру. Психиатр очень старался убедить его всеми возможными способами, всеми возможными аргументами, но как можно доказать человеку?.. Он сказал:

— Но я мёртв! С кем вы говорите? Меня нет, меня больше нет. Это не диалог, это монолог — вы говорите сам с собой: вы сошли с ума.

Внезапно психиатра осенила идея. Он сказал:

— О'кей, подойдите ближе к зеркалу.

А сам принёс иглу, ткнул ей в руку ненормального. Перед тем, как он ткнул иглой, он спросил:

— Как вы думаете, может ли идти кровь из мёртвого?

Тот ответил:

— Нет. Как может кровь идти из мёртвого?

Психиатр ткнул иглой, начала сочиться кровь. Психиатр был очень счастлив, он сказал:

— Теперь смотрите!

Знаете, что сказал сумасшедший? Он сказал:

— На что здесь смотреть? Это просто доказывает, что из мертвецов может идти кровь.

Вы можете продолжать поддерживать свои иллюзии — очень логичные иллюзии. Вы можете продолжать думать, что вы бодрствуете и остаетесь спящими.

Кабир говорит: *...и где ты спишь ночью, и что ты разыскиваешь...*

Задайте этот вопрос глубоко внутри своего сердца: «Что вы ищете? Где вы? Где вы спите? В каком пространстве вы спите?»

Роштейн задолжал сто долларов Винеру. Срок долга миновал у Роштейна денег не было, поэтому он занял сто долларов у Спивака и заплатил Винеру.

Неделю спустя, Роштейн занял обратно сто долларов у Винера и заплатил Спиваку. Когда прошла следующая неделя, Роштейн опять занимает сто долларов у Спивака, чтобы заплатить Винеру.

Он повторял эту операцию ещё несколько раз, пока, в конце концов, он не собрал их вместе и не сказал:

— Друзья, слишком много проблем. Почему бы вам двоим не обменяться каждую неделю ста долларами и не оставить меня вне этого!

Это то, что происходит во всём мире. Вы можете научиться, как оставаться самим вне этого, в этом и заключается секрет осознанности. Эти обмены будут продолжаться, мир будет оставаться рыночной площадью — так было до, и так будет после. Но вы можете быть вне этих обменов: вы можете быть свидетелем этого. Вы можете выскользнуть из вашей личности, тождественности. То, где вы спите, и есть ваша личность. То, где вы спите, и есть ваше эго.

Это просто означает, что сущность спит. В тот момент, когда сущность бодрствует, эго исчезает.

Андрюс, белый фермер из Джорджии, нанял Монроя, чёрного, чтобы нарубить дров. Монрой взял свой топор и начал рубить. Но немного спустя белый фермер заметил Монроя, сидящего в тени, наблюдающего, как работает другой негр.

— Почему ты сидишь здесь ничего не делая, когда я плачу тебе, чтобы ты рубил дрова? — спросил Андрюс. — Почему ты привёл ещё кого-то делать это?

— Я нанял его сделать это для меня, — ответил Монрой.

— Это ясно, — сказал белый человек. — Почём ты ему платишь?

— Я плачу ему доллар с четвертью, — ответил Монрой.

— Зачем же ты это сделал? — хмыкнул белый человек. — Я плачу тебе только доллар!

— Я знаю, — сказал чёрный. — Но стоит заплатить четверть доллара, чтобы однажды побить боссом самому.

Эго постоянно ищет способ быть боссом — какова бы ни была цена, любой ценой. Вы теряете все благоприятные возможности жизни, только чтобы исполнить призрачные представления — представления эго: «Я есть некто». Никто и есть никто. Мы все — одно; мы неотделимы.

У источника мы одно, у цели мы снова будем одним. Только в этой тёмной ночи, где мы впали в спячку, у нас частные сны. Помните, реальное всеобщее, универсально, не реальное является личным. Вы даже не можете пригласить вашу девушку в ваши сны — следовательно, они фальшивы. Они настолько личны, что вы не можете разделить их с кем-нибудь. Всё, что является настолько личным, обязано быть ложным, и нет ничего более личного, чем эго — это центр всего вашего грезящего, спящего ума.

Люди продолжают терять свои жизни даже не зная, что они ищут. Знаете ли вы определённо, что вы ищете? Есть ли у вас хоть какая-нибудь идея? Есть у вас хоть какое-то представление о направлении?

Уже утро, лебедь, — говорит Кабир, — проснись, взмывай в небо, следуй за мной!

В оригинале нечто большее:

Ab hi hansa chet sabera —

Сейчас утро, лебедь...

Это «сейчас» нужно запомнить. В переводе нечто утеряно:

Уже утро, лебедь, проснись...

Оригинал говорит: «*Всегда* утро, проснись *сейчас*, поскольку сейчас утро». Настоящее — всегда свет, настоящее — всегда восход солнца. Существовая в прошлом или будущем, вы всё время упускаете свет, ту дверь, через которую свет проникает в вас.

Ab hi hansa chet sabera —

Вот дверь, сейчас самое время — сейчас или никогда!

Уже утро, лебедь, проснись, взмывай в небо, следуй за мной!

Человек может пробудиться только если начал взмывать в небо. Это метафора, мистическая метафора. Это значит: вы начинаете двигаться в мир качества, а не в мир количества. Люди живут в мире количества: больше денег, больше власти, больше престижа, больше респектабельности. Всё это — количества.

У вас есть столько-то, вы можете удвоить это, утроить это, вы можете увеличить это тысячекратно, но всё это — количество. Существует другое измерение: измерение качества. Например, у вас может быть одно сексуальное переживание, у вас может быть два сексуальных переживания, у вас их может быть три, четыре, всё это — количество. Но если ваши сексуальные переживания становятся больше переживаниями любви, и ваши переживания любви больше молитвенным переживанием, тогда это — качество.

Количество горизонтально, качество вертикально. Раз вы стали меняться качественно, вы начинаете воспарять ввысь, вы движетесь в вертикальном мире. Материя горизонтальна, дух вертикален. Это основное значение символа креста. Крест — не христианский символ, запомните, крест старше Христа, это очень древний символ. Крест просто значит, что жизнь имеет два измерения: одно горизонтальное, другое вертикальное. Если вы будете жить

горизонтально, вы будете жить в спячке, вот почему, когда вы должны заснуть, вы должны быть в горизонтальном положении: лёжа в кровати вы становитесь горизонтальными. Когда вы проснулись, вы встаёте, вы становитесь вертикальными.

Сейчас даже учёные согласны с тем, что всё, что случилось с человеком, вся эволюция случилась потому, что человек однажды в прошлом решил не ходить на четвереньках, а встать на две ноги. Человек стал вертикальным — с этого момента началась эволюция. Человек больше не животное. Животные горизонтальны: человек стал вертикальным.

Только физическая вертикальность — и так много случилось с человеком! Теперь подумайте о духовной вертикальности, о духовном вертикальном измерении, вы не можете даже вообразить, что возможно, вы не можете даже мечтать об этом. У вас вообще нет об этом понятия! Тогда вам не нужно будет быть нищим попрошайкой — всё царство, вся вселенная, со всей её красотой и радостью ваша.

Уже утро, лебедь, проснись, взмывай в небо!..

*Я знаю страну, где духовная плоскость не ограничивает
и не подавляет постоянно,*

И живущие там не боятся умирать.

Кабир говорит: «*Я знаю страну...* Я знаю пространство — если вы пойдёте со мной, если вы отважитесь пойти со мной, нужна отвага, если вы достаточно храбры, чтоб воспарить со мной, если вы готовы оставить грязную лужу, которую вы сделали своим жилищем, отправиться в Гималаи, за Гималаи, к чистейшему озеру Мансаровар...» Слово *мансаровар* (*mansarovar*) тоже прекрасно: оно означает озеро сознания.

Я знаю страну, в которой духовная плоскость

не ограничивает...

Здесь под именем духовности продаётся некий суррогат, псевдо, продаётся нечто фальшивое. Храмы, мечети, церкви и гурудвары продают вам нечто, не имеющее ничего общего с духовностью. У Нанака было, что дать, но Нанака больше нет. У Мухаммеда было, что дать, но его больше нет. Теперь есть только мёртвые традиции. Вы будете должны найти живого мастера, кто *знает страну, где духовная плоскость не ограничивает.*

В этом мире самые духовно плоские люди считаются святыми. По сути, чем больше вы духовно плоские, чем большими духовными идиотами вы являетесь, тем больше вас будут уважать массы, потому что тем больше вы будете стараться быть в соответствии с тем, каким должен быть в представлении масс святой. Только посредственный, тупой человек может следовать массам, может исполнять их ожидания.

Человек, имеющий какую-то храбрость, у кого кишка не тонка, обязан быть бунтарём. Его не станут почитать, как святого при жизни, его будут почитать, как святого, только после его смерти. Люди почитают мёртвых святых: или вы должны быть мёртвым при жизни — они будут почитать вас — или они подождут, когда вы на самом деле умрёте и ничего от вас не останется, и весь аромат испарится, тогда они станут почитать вас.

Иисуса они распяли, и распятого Иисуса они почитают. Они убили, отобрали Сократа и потом они веками прославляли его, как одно из величайших человеческих существ, которое когда-либо ходило по земле. Они убили, зарезали Мансура, и сейчас суфии продолжают утверждать, что он один из величайших суфиев. Когда его убивали, эти же самые суфии стояли в толпе и смотрели. И даже никто не протестовал, даже очень известный суфий Джунаид, который был в толпе и который прекрасно знал, что Мансур невиновен, что заявление Мансура: «Я есть Бог!», — не было против Бога.

Заявление Мансура: «Я есть Бог!», — не было грехом. На самом деле Мансура больше там не было — Бог заявлял самого себя через Мансура. Джунаид знал это, но всё же он боясь толпы, хранил молчание. А когда люди бросали камни и грязь, чтобы оскорбить и унижить умирающего человека, он тоже бросил цветок розы, по двум причинам. У него должно быть был очень дипломатичный ум: так что люди знали, что он тоже бросил что-то, что он не поддерживает Мансура, и Мансур бы знал, что он не бросил камень или грязь: он бросил цветок розы. Но эта история чрезвычайно красива...

Когда его побивали камнями, и всё его тело истекало кровью, он смеялся, он был в состоянии празднования, потому что он был жертвой во имя Бога. Это был момент праздника! Но когда его ударил цветок розы, он зарыдал: история говорит, что Мансур рыдал.

Кто-то, стоящий рядом, спросил его: «В чём дело? В тебя летели камни; всё твоё тело изранено, кровь течёт отовсюду, а ты смеялся и улыбался. А от цветка розы, попавшего в тебя, ты рыдаешь?»

Мансур ответил: «Да, потому что человек, который кинул цветок розы, знает, что я невиновен. Но, тем не менее, у него нет достаточно храбрости, чтобы сказать об этом. Другие, кто бросает камни в меня, невежественны, я молюсь за них, я молюсь за них Богу: «Прости их, потому что они не ведают, что они делают». Но я не могу молиться за человека, бросившего розу, потому-то я и рыдаю. Что тут я могу поделать? Я не могу сказать Богу: «Прости этого человека, поскольку он не знает, что делает», — он прекрасно знает, что он делает, он прекрасно знает, что я невиновен».

Когда он говорил эти слова, Джунаид скрылся в толпе, очень испугавшись: люди могли схватить его.

Сейчас суфии всё время заявляют, что Мансур был одним из величайших просветлённых людей в мире, сейчас они почитают его.

Пути человеческие очень странны. Этот мир действительно очень плоский и скучный в отношении духовности. И так называемая духовность тоже очень скучна. Эта так называемая духовность в большей или меньшей степени чепуха: чепуха, которая накапливалась веками: теории, идеи, системы, но не единой йоты опыта.

Поэтому Кабир говорит: *Я знаю страну, где духовная плоскость не ограничивается...*

Пойдём со мной! Я могу взять тебя в пространство, где все эти дураки больше не претендуют на духовность, где все эти тупые, наводящие скуку друзья больше не мнят себя святыми.

Умер один священник. У Жемчужных Врат Рая он был тепло встречен Святым Петром, который вручил ему ключи от маленького, старого, прогнившего автомобиля и маленькой однокомнатной квартирki. Когда он добрался туда, его ждал другой приятный сюрприз: соседом по двери оказался пастор, бывший его хорошим другом по жизни внизу.

Они решили прогуляться до Жемчужных Ворот, чтобы оформить прибытие, и ужаснулись, когда увидели некоего раввина, прогуливающегося через Жемчужные Врата, как будто был здесь хозяином. Они знали этого раввина слишком хорошо — он был позором общества. Гомосексуализм, ростовщичество — вот имена некоторых пороков, которые он совершал.

Их преподобия ещё больше ужаснулись, когда Святой Пётр отвесил раввину низкий поклон, сказав ему, что это большая честь — принимать его на небеса, и презентовал ему ключи от «Роллс-Ройса», особняка в городе и деревне.

— Это возмутительно! — напали священник с пастором на Святого Петра. — Мы вели благочестивую, богобоязненную жизнь и всё, что мы имеем, — это маленькая машина и небольшая квартира. А этот подонок раввин делал все возможные гнусности, и всё же вы дали ему «Роллс-Ройс», и дома в городе и деревне. Как так может быть?

— Конечно, я сожалею, джентльмены, — извинился Святой Пётр. — Но он родственник администрации.

Кабир не говорит о таких странах, как эта. Он не говорит о небесах, которые вы воображаете. Ваши небеса будут точной копией этого мира. Может быть, слегка приукрашенной там и сям, модифицированной, немного лучше — лучше стандарт жизни, но это не реальная жизнь.

Кабир говорит о внутреннем пространстве: *Я знаю страну, где духовная плоскость не ограничивает и не подавляет постоянно.*

В этом мире вы найдёте два типа людей: одни скучно религиозные (слово flatness — плоскость, имеет так же значение: скука, банальность. — Прим. пер.); другие являются мирскими людьми, но подавленными. Псевдорелигиозные, по крайней мере, надеются, что нечто великое должно произойти после смерти, но у мирского человека нет даже этих надежд — он очень подавлен. Вы можете это увидеть...

В Индии вы почувствуете разницу с Западом. Индия плоско духовная, скучно духовная страна, но люди на путях надежды. Жизнь коротка и скоро она закончится, и тогда рай со всеми блаженствами; и чем больше страдаешь в жизни, тем больше будешь вознаграждён. Продолжайте тянуть ляжку, будьте терпеливы.

На Западе у людей нет плоской скучной духовности, и у них нет надежды, нет перспективы, будущего, нет жизни после смерти. Тогда появляется огромная депрессия, тогда они становятся очень отягощёнными, как будто они несут горы проблем и забот.

Оба состояния неправильны.

Кабир говорит:

... и те, кто живёт там не боясь умирать.

Я знаю страну...

...где люди знают, что смерть — это ложь, где люди знают, что жизнь вечна. Я знаю пространство, где вы тоже будете способны увидеть, ощутить

и пережить, что жизнь никогда не начиналась и никогда не закончится, что смерть — это только смена одеяний.

*Там дикие цветы прорастают сквозь зелёный ковёр,
И аромат «я есть он» разносится ветром.
Там пчела сердца остаётся глубоко внутри цветка,
ни о чём другом не заботясь.*

Он говорит о внутреннем пространстве, о внутренней тишине, сознании без содержания, самадхи.

Там дикие цветы прорастают...

Дикие потому, что они спонтанны, дикие потому, что нет садовника, стриженного их, дикие потому, что они *настолько* полны жизни — они не цивилизованны, не окультурены, не огорожены, полные здоровья и жизненных соков. Дикие потому, что вы их даже ещё не видели, вы даже не можете себе представить образ их тени.

*Там дикие цветы прорастают сквозь зелёный ковёр,
И аромат «я есть он» плывёт по ветру.*

Здесь нечто непере译имое. Кабир использует санскритское слово *soхам*. Дословно, буквально это значит: «Я есть он» — «Я есть это». Но соль не в этом. *Soхам* — это не слово, а звук. Если вы станете абсолютно тихим, вы услышите этот звук, возникающий из глубочайшей сердцевины вашего существа: *soхам*. Это не слово, это звук, чистый звук. Это род внутренней музыки, которая слышна, когда весь шум ума оставил вас. Из-за того, что этот звук слышен, только когда ум оставил вас, когда нет больше никаких мыслей, чтобы мешать, нет никакого вмешательства, весь мир забыт, и вы абсолютно самодостаточны, и всё остановилось, время остановилось, пространство исчезло, когда есть только вибрация чистого сознания — это то, что люди дзен называют звуком хлопка одной ладони, *soхам* — из-за того, что этот звук слышен, только когда вы достигли самого центра вашего существа, и из-за того, что с этим звуком, однажды услышанным, вы становитесь абсолютно несомневающимися, неуверенными, не то что вы начнёте верить, но вы становитесь абсолютно несомневающимися через познание, что «я есть он» — поэтому этот звук вобрал в себя это значение, но, по сути, это звук.

И мистики говорят, что всё существование наполнено этим звуком *soхам*. Когда бы вы не стали тихими, вы услышите его. Это голос Бога, и этот голос открывает вам, кто вы есть.

... и аромат «я есть он» — сохам — разносится ветром.

Там пчела сердца остаётся глубоко внутри цветка...

Кто тогда захочет выходить? Звук *soхам* изливается на вас, как нектар. Тогда кто захочет выходить? Зачем? Всё, что вы желали, внезапно осуществилось, всё, что вы просили, дано вам. Дверь открыта.

*Там пчела сердца остаётся глубоко внутри цветка,
И больше ни о чём не заботится.*

Не выходи наружу, чтобы увидеть цветы.

Мой друг, не волнуйся об этих экскурсиях.

Есть цветы внутри твоего тела.

Он указывает на семь центров: семь чакр. Эти семь чакр и называются семью цветками. Мы начинаем осознавать только первый из них, и то толь-

ко очень смутным, призрачным образом: звук слышится издали, или только как эхо. Мы начинаем осознавать только первый, сексуальный центр, и то только иногда.

Все ваши сексуальные переживания не приносят вам осознания цветка. Только когда вы в глубоком оргазме, только когда вы в тотальном, всеобщем оргазме, когда всё ваше тело пульсирует в экстазе, когда каждая фибра вашего тела радостно танцует, когда каждая клеточка вашего тела сходит с ума, взбесилась от радости, только тогда вы становитесь осознающим первый цветок.

Даже это — очень редкое явление, не больше одного процента людей становятся осознавшими его. Девяносто девять процентов знают секс только как облегчение; они не знают его оргазмического качества. Даже если они думают, что у них оргазм, это не оргазм — это только генитальное облегчение, высвобождение.

Оргазм, как таковой, не имеет никакого отношения к гениталиям. Гениталии включены в него, но оргазм является целостным, всеобщим — от головы до пальцев ног, он всецело поглощает вас. Ничего не остаётся вовне. Всеобщая поглощенность моментом, полное слияние, тогда вы становитесь осознающим первый цветок

И есть ещё шесть более высших цветков, по мере вашего движения вверх, вас ждут более глубокие оргазмические переживания. Седьмой, последний, называется *сахасрар* — тысячелепестковый лотос. И когда этот седьмой, расположенный на голове, лотос открывается, вы трансцендентировали, перешли границы человеческого, вы более не человеческое существо. Вы можете быть в человеческом теле, но вы Бог.

Западный ум находит это очень трудным, они не могут понять почему мы называем Будду Богом, почему мы называем Махавиру Богом, почему мы называем Кришну Богом. Они даже не называют Иисуса Богом, они называют его «сыном Бога». Их представлением о Боге является: тот, кто создал мир.

Но на Востоке мы пошли гораздо глубже этого. Никто никогда не создавал мир, в христианском смысле Бога вообще нет. Бог не создатель, а созидательность, творческая потенция, энергия, которая проявилась в существовании. Бог есть в дереве, в камне, в реке, в вас, во мне. Но тогда почему мы называем Будду Богом, если Бог везде? Будда осознал свою божественность, в то время, как другие глубоко спят.

Называя Будду Богом, мы не имеем в виду, что он создал мир, мы не имеем в виду, что он руководит миром, мы просто имеем в виду, что он достиг седьмого оргазма, что он пришёл к седьмому цветению, что предельное открылось в нём, что он больше уже не личность, что он стал универсальным, всеобщим, всем.

В вашей голове есть отверстие... Просто постарайтесь понять: ваш сексуальный центр имеет отверстие; это отверстие соединяет вас с природой, это отверстие ведёт вас вниз. Прямой противоположностью сексуальному является другой полюс: *сахасрар*, который открывает восхождение вверх.

Секс подчиняется закону гравитации, а *сахасрар* за пределами закона гравитации. Он подчиняется совершенно другому закону: вы можете называть его «левитацией», или вы можете называть его «грацией». Закон, который тянет вас вниз, — это гравитация, а закон, который тянет вас вверх, — это грация.

Учёные ещё не осознали этот другой закон, к несчастью. Но религия, по сути, является искусством, помогающим вам войти в сферу действия второго закона, закона грации. И когда ваш *сахасрар*, тысячелепестковый лотос открыт, вы исчезаете как эго: в вас проявляется Бог. Ваша форма будет оставаться человеческой, но в человеческую форму начнёт нисходить сверхчеловеческое.

Индуисты называют это состояние *аватара*. Слово *аватара* значит нисхождение: когда человек открыт небу, небо нисходит в него, он становится *аватаром*.

Не выходи наружу, — говорит Кабир, — в твоём доме... есть всё, чего ты ищешь и добиваешься снаружи.

Не выходи из своего дома, чтобы увидеть цветы.

Мой друг, не беспокойся об этих экскурсиях,

Есть цветы внутри твоего тела.

У одного цветка тысяча лепестков.

Шесть других — более низкие. Вплоть до седьмого вы остаётесь человеческим существом: вы становитесь высшим человеческим существом, но вы остаётесь человеческим существом. Вплоть до седьмого вы остаётесь мудрецом. Входя в седьмой, вы становитесь Богом.

У одного цветка тысяча лепестков.

Сделай это местом пребывания.

И когда вы достигли седьмого, вы пришли домой. Теперь вы можете отдохнуть, теперь вы можете расслабиться. Теперь некуда идти. Теперь всё завершено, осуществлено.

Был поиск, и вы бежали во всех направлениях. Вы бегали во всех десяти направлениях, туда и сюда, тысячи жизней, и не нашли ни единого проблеска. Но раз вы достигли седьмого, всё осуществлено. Внезапно теперь вы можете отдыхать. Теперь больше некуда идти, нет цели для достижения, нет объекта, который бы вы желали: естественным образом приходит отсутствие желаний.

Пребывая там, ты получишь проблеск прекрасного...

Вот что мы на Востоке называем прекрасным, красотой. Пока седьмой цветок не раскрылся в вас, вы ничего не знаете о красоте. Вы только говорите, что роза прекрасна, небо прекрасно, река прекрасна. Вы используете слово «прекрасно», но вы совершенно не знаете, что такое красота.

Если кто-то потребует, будет настаивать: «Объясни, что такое красота», — вы потеряетесь. Вы не сможете объяснить этого, на самом деле, вы не знаете, вы просто слышали об этом. Другие говорят, что роза прекрасна, поэтому вы говорите, что роза прекрасна. Вы просто повторяете чужие мнения.

Пятьдесят лет назад никто просто не слышал, что кактус прекрасен, сейчас кактус на троне, розу сбросили с трона. Сейчас говорить о розе и её кра-

соте выглядит очень старомодно, сейчас уже люди заводят в своих домах не розы, а кактусы. Чем более изощрённым является человек, тем больше он будет ценить красоту кактусов.

Мода изменилась. Моды меняются! Роза утратила свой престиж. Через несколько дней роза вернётся опять, потому что люди устают: кактусы, кактусы и кактусы, — и затем однажды они решат — довольно! Снова они внезапно изменятся. Посмотрите на одежду людей: каждый год она меняется, и после десяти, двенадцати лет старая одежда возвращается, потому что откуда вы станете брать новые идеи? Вы можете спросить Падму: *те же самые* идеи постоянно движутся по кругу.

Вы не знаете, что такое красота. Вы, конечно, пользуетесь этим словом, но ваше слово пусто. Красота познана только тем, кто познал внутреннюю красоту, тем, кто познал открытие внутреннего цветка. Тогда всякий раз при виде цветка, это напомнит вам о вашей внутренней красоте.

Да, видя цветок розы, Кабир начинал танцевать, петь, потому что цветок розы вовне просто был пусковым механизмом переживания его собственного внутреннего цветка. Видя звёздную ночь, он начинал петь или играть на флейте, потому что внезапно звёздная ночь напоминала ему о его внутреннем небе, которое гораздо более прекрасно.

Пребывая там, ты получишь проблеск прекрасного

Внутри тела и снаружи его,

Перед садами и после них.

Когда вы увидели внутреннюю красоту, тогда вы будете способны также видеть и внешнее красивым. Когда вы увидели Бога внутри, вы сможете увидеть его и снаружи.

Язык в оригинале прекрасен:

Vago na ja re na ja,

teri kaya men guljar.

Не ходи в сады!

Сад есть внутри тебя.

Не ходи, не ходи, не ходи в сады.

Vago na ja re na ja,

tery kaya men guljar.

Внутри твоего собственного тела есть сад садов.

Sahas — kanval par baith ke

tu dekhe rup apar.

Найди в себе этот тысячелепестковый лотос,

И пребывай в нём,

И тогда увидишь красоту бесформенного,

И тогда увидишь красоту невидимого,

Тогда увидишь красоту неосозаемого,

Тогда увидишь красоту неосозаемого.

Те, кто познали только знания, не знают ничего.

Те, кто увидел только видимое, не видели ничего.

Пока вы не стали способны видеть невидимое и слышать неслышимое, вы ещё не пришли к своему полному потенциалу.

Бог даёт вам великий дар возможного. Единственный путь вернуть его с признательностью и благодарностью — это сделать возможность совершённой. Будьте тем, зерно чего вы несёте внутри вас. Станьте этим! Будьте этим!

Этот маленькое тело совсем не мало: он содержит вселенную. И это тело не просто тело: это храм Бога. Любите его, уважайте его, постигайте его. И не застревайте на первом центре. Вы должны двигаться от секса к самадхи. Пока ваша сексуальная энергия не трансформируется в самадхи, вы не исполняете своё предназначение, не осуществляете вашу природу. Вы теряете великую благоприятную возможность, которой является жизнь.

Глава 8

Время возвращения домой

- 1. Я чувствую, что мне нужно что-то делать, чтобы быть достойной, но вы говорите, что Бог внутри меня?..*
- 2. Сейчас ли то время, когда я должен стать саньясином?*
- 3. Узнаете ли вы меня во время ссудного дня?*

Время возвращения домой

Первый вопрос

Бхагван, вы говорите, что нам достаточно просто быть, что нам не нужно ничего делать, чтобы быть в Боге. А я нутром чувствую, что мне необходимо что-то делать, чтобы быть достойной, чтобы внести свой вклад, чтобы дать что-то. Но вы говорите, что Бог внутри меня. Я понимаю, что ищу внутри те же концепции, которые я получила снаружи.

Это подобно смотрению в колодезь ночью. Я вижу отражение и думаю, что это дно, но это только поверхность. Даже когда я знаю, что мне нужно только позволить и ждать, а не искать что-то, я всё же жду того, что должно произойти исходя из своих понятий. Пожалуйста, прокомментируйте.

Прем Грамья, первая, наиболее фундаментальная вещь, которую нужно понять, — это то, что вы уже в Боге. Дело не в том, чтобы быть в Боге: вы уже там. Просто, как рыба в океане, вы находитесь в Боге. Бог просто означает существование, которое существует.

На древнем иврите слово «Бог» означает: то, что есть. «Б» означает «то», «О» означает «что», «Г» означает «есть, существует». Слово «Бог» чрезвычайно значительно. Оно не указывает человека, личность, персону, оно, оно просто означает существование. А существование везде! Жизнь является синонимом Бога, вселенная является синонимом Бога. Быть означает быть в Боге, другой возможности нет. Дышать означает дышать в Боге, другой возможности нет. Спать означает спать в Боге, и проснуться означает проснуться в Боге, другой возможности нет. Вы можете выбрать сон, всё равно вы в Боге. Вы можете выбрать забвение Бога, всё равно вы будете в Боге. Вы можете выбрать отрицание Бога, всё равно вы будете в Боге. Не быть в Боге — единственная невозможная вещь, единственная невозможная вещь, утверждаю я.

Так что дело не в том, чтобы становиться достойными. Но я не говорю не будьте достойными. Я не говорю: будьте ленивыми, будьте мерзкими. Я не говорю стать эскапистами, теми, кто убегает от жизни. Я не говорю о том, чтобы не вносить свой вклад в существование. Но ваш вклад в существование не должен быть средством достижения Бога — вот о чём я говорю. Ваш вклад в существование должен быть благодарностью, что вы существуете в Боге. Он не должен быть способом достижения, поскольку вы уже там. Он должен быть изливающейся радостью, поскольку вы уже там. Чётко поймите разницу.

Делитесь вашей радостью, вашей любовью, вашим восторгом. Сделайте жизнь настолько прекрасной, насколько возможно. Просто из благодарнос-

ти, что Бог выбрал вас для того, чтобы вы были, что вам дозволено быть, что вам дарована жизнь. Что вы ещё можете сделать? Если вы можете петь, пойте со всей вашей тотальностью! Если вы можете рисовать, рисуйте, и вложите в это всё ваше сердце. Если вы можете танцевать, танцуйте полностью отдавшись этому, так что вы совершенно исчезнете в танце, и больше не будет танцора, а останется только один танец.

Но это не средства, позвольте мне напомнить вам, достижения Бога — это просто наша ничтожная благодарность, наша сердечная признательность.

Молитва истинна, когда она исходит из благодарности. Молитва фальшива, когда это просто средство уговорить, ублажить Бога, выпросить у него что-то, даже если вы простите у Бога его самого, даже тогда ваша молитва полна желания. А когда ваша молитва полна желания, она очень тяжела, она не может иметь крыльев. Она только может двигаться на ощупь в земной тьме, она не может высоко парить в солнечном небе.

Когда молитва без желания, у неё есть крылья, она может достичь предельного. Когда молитва неотягощена, когда она из благодарности, ничего не желает, а только выражает вашу благодарность за всё то, что Бог уже сделал для вас...

Грамья, вы говорите: Достаточно ли для нас просто быть? Но я нутром чувствую, что мне нужно что-то делать, чтобы быть достойной, чтобы внести свой вклад, чтобы дать...

Это не ощущение нутром: это просто ваша обусловленность обществом. Общество говорит вам непрерывно, настойчиво, изо дня в день, с самого детства в школе, колледже, университете, в церкви, священники, политики, родители, профессора, все они собрались вместе в одном едином заговоре: внушить вам идею, что вы недостойны. Вы должны что-то сделать, вы должны доказать себя, только тогда вы будете достойны.

Это стратегия общества для эксплуатации вас; это уродливый способ общества сделать вас рабами, не созидателями, а рабами. Но вы были обусловлены красивым, изощрённым образом. Красивые слова скрывают уродливую реальность. Уродливая реальность заключается в том, что общество хочет использовать вас как рабов, общество хочет манипулировать вами, общество хочет контролировать вас. Оно достигает этого двумя путями.

С одной стороны, государство, полисмен, судья, они насаждают законы, но законы никогда не могут быть абсолютными, и человек может всегда найти пути проигнорировать закон. Тогда общество создаёт другого стража: оно создаёт совесть в вас, оно всё время гипнотизирует вас, повторяя снова и снова, что вы должны быть достойны.

И беспомощный ребёнок не имеет другого выхода, как поддаться. Вся его жизнь поставлена на карту, он не может выжить сам. Он должен полагаться на родителей. Он должен постоянно смотреть, что *они* хотят, что *они* ценят, что ими будет вознаграждено. Если это ими вознаграждено, тогда он достоин, он чувствует себя хорошо, если его наказывают, он чувствует себя недостойным, он чувствует, что он плохой.

Мало-помалу эта идея укореняется, что просто быть недостаточно, проникает глубоко в ваше сердце, становится почти вашей второй натурой. Деревьям достаточно, животным достаточно, птицам достаточно — только человек имеет эту дурацкую идею, что просто быть недостаточно. Это очень коварная практика разрушить свободу личности, разрушить самоуважение человека, создать в нём глубокое чувство вины. Несомненно, это идёт глубоко, так глубоко, Грамья, что вы ошибочно воспринимаете это, как ощущение нутром. Это совсем не ощущение нутром.

Но я не против того, чтобы быть созидательными, запомните. Я всецело за это. Я хочу, чтобы мои саньясины были созидательными, но по совершенно другой причине, с совершенно другими намерениями, с совершенно новыми мотивами. Я хочу, чтобы все были созидательными, я не хочу, чтобы вы сбежали в монастыри, я хочу, чтобы вы жили в этом мире и жили наполненно, жили во всём спектре жизни. Приведите в выражение весь ваш потенциал! Цветите в стольких направлениях, скольких возможно! Потому что только тогда вы почувствуете осуществлённость.

Но это не должно быть средством достижения чего-то. Это просто должно быть выражением вашей радости, вашего празднования. И тогда качество меняется. Когда вы используете что-то, как средство, вы в действительности не интересуетесь этим.

Например, если вы занимаетесь живописью просто для того, чтобы вас оценили, ваш фокус находится на том, что вас оценят, а не на живописи, ваше сердце не здесь. Вы уже воображаете, грезите, как вас оценят. И из-за вашего постоянного беспокойства о том, как вас оценят, вы нарисуете нечто, что выйдет не из вашей спонтанности — вы нарисуете то, что должно понравиться другим. Вы будете рисовать в соответствии с ними. Вы станете очень бедным художником. Вы не позволите проявиться своему гению, потому что гений оценить не просто, запомните. Чем более вы талантливы, чем более истинна ваша разумность, интеллект, тем меньше у вас возможности быть легко оцененными. Очень возможно, что вы будете осуждены. Почему? Потому что гений приносит в этот мир нечто новое, такое новое, что старые критерии к нему не подходят. А старые критерии глубоко укоренены в человеческом уме, они не могут просто уйти.

Гений должен создавать не только свою поэзию, свою живопись, танец, музыку, он так же должен создавать новые критерии, по которым можно судить о них.

Винсент Ван Гог не был и оценен в своё время — один из великих художников, которых когда-либо знал мир. Он жил в крайней нужде, его поддерживал его брат. Но его брат не был особенно благосклонен к его живописи, потому что за неё не платили — какой смысл делать что-то, за что не платят? Наоборот, из-за его живописи люди обычно думали, что он сумасшедший. Он рисовал таким новым образом, как это никогда не делалось до него. У него было своё собственное видение. Он был гений! В его живописи деревья такие высокие, что достигают звёзд, звёзды очень маленькие, а деревья очень большие. Кто оценит такую живопись?

Любой школьник может сказать: «Это чепуха, нонсенс! Звёзды не такие маленькие, а деревья — кто видел такие большие деревья, простирающиеся выше звёзд?» Но Винсент Ван Гог обычно говорит: «Когда бы я ни видел дерево, у меня ощущение, что земля старается достичь звёзд, превзойти звёзды, через деревья. Это руки земли тянутся к неизвестному, к трансцендентальному. Я люблю мою землю, поэтому мои звёзды маленькие и мои деревья большие. Я часть этой земли, я так же являюсь руками моей земли. Для меня звёзды маленькие».

Это не вопрос астрономии, физики или математики: это совершенно другое видение. Деревья воспринимаются, как стремление земли, любовный роман земли с небом. Но кто оценит Ван Гога?

На одной его картине солнце изображено чёрным. Кто-нибудь видел когда-либо чёрное солнце? Но он обычно говорил, что солнце, которое светит снаружи, черно по сравнению с солнцем, которое внутри. Это сравнение. Кабир был бы согласен, Кабир говорит: «Когда я вижу внутреннее солнце, я знаю, что внешнее солнце просто чёрная дыра. Когда я вижу мою внутреннюю жизнь, тогда я знаю, что внешняя жизнь не что иное, как другое имя смерти».

В момент познания внутреннего внезапно внешние звёзды меркнут. Тут Ван Гог говорит, как мистик, — он и есть мистик — но кто будет вникать? Нужны были годы, чтобы люди поняли. Ван Гог жил и умер неоценённым, непонятым, неизвестным. Он оставался абсолютно неизвестным.

Вы удивитесь узнав, что сейчас каждая из его картин настолько ценна, что никакие другие картины не сравнятся с ними. Даже картины Пикассо не столь ценны — миллионы долларов за одну картину. В его время, за всю его жизнь, он не смог продать ни одной картины. Он должен был раздавать свои картины друзьям или человеку, который обычно давал ему утром бесплатно чашку чая. Эти самые картины сейчас стоят миллионы долларов. Люди отказывались от них, люди соглашались взять их из вежливости, потому что для них они были просто хлам — так зачем собирать их?

Винсент Ван Гог совершил самоубийство, когда ему было только тридцать три. Было невозможно дальше жить, он не мог заработать ни гроша. Его брат обычно давал ему достаточно денег — только достаточно, чтобы существовать, выживать. Но ему нужны были деньги, чтобы рисовать — на холст, краски, кисти. Поэтому у него был такой порядок: из семи дней (он обычно получал деньги раз в неделю в воскресенье): каждую неделю он три дня ел и четыре дня постился, и таким образом сохранял деньги для приобретения холстов, красок и других необходимых вещей.

Для меня пост Ван Гога гораздо более значителен, чем все посты, которые провели ваши так называемые святые. Этот несёт в себе что-то прекрасное, нечто духовное. Когда ваши так называемые святые начинают поститься, это способ, средство, они постятся, чтобы достичь небес и пользоваться всеми небесными удовольствиями. Но пост Ван Гога имел совершенно другое качество: его любовь к творчеству, к созиданию.

И почему он совершил суицид? Он совершил самоубийство — это тоже имеет огромную значимость. Это не было обычное самоубийство. На самом

деле, такой человек, как Ван Гог, не может ничего делать обычным образом. Он совершил самоубийство, поскольку сказал: «Всё, что я хотел нарисовать, я нарисовал. Теперь просто существовать бессмысленно. Я дал всё, что я пришёл дать, теперь я возвращаюсь к первоначальному источнику. Больше нет необходимости жить в теле дальше. Я внёс свой вклад».

Прошли годы и годы, когда мало-помалу его оценили. Сейчас он считается одним из величайших художников мира.

И так было со всеми гениями: при жизни они осуждались — осуждались массами, осуждались толпой, осуждались священниками, осуждались политиками. Они были оценены только очень немногими людьми, которые имели достаточно способностей, чтобы увидеть нечто новое, неизвестное, чего никогда раньше не было, только очень немногие люди, которые могут отложить ум в сторону и видеть.

Я хотел бы, чтобы вы были созидательными, творческими, но не беспокоились о признании, не заботились о том, заработаете ли вы на этом славу, имя. Когда бы ни возник мотив достичь чего-то через созидание, творчество, вы больше уже не интересуетесь им самим. Вы становитесь ремесленником, вы уже больше не художник. Вы можете рисовать, вы можете это делать совершенно, технически совершенно, но в этом не будет души, в этом не будет жизни, поскольку в этом не будет вас. Вы будете смотреть вокруг, чтобы пришли ценители. И вы всегда будете рисовать в соответствии с тем, что они смогут оценить.

Есть люди, которые говорят только то, что другие хотят услышать. Такие люди обычно знамениты, известны, признанные, уважаемые, но они посредственности. Гений говорит то, что идёт из его сердца, он ничуть не заботится, понравится это кому-нибудь или нет. Он говорит прямо, напрямую, он никогда не думает о результатах и последствиях.

Будьте созидательными таким образом, и ваша созидательность будет становиться приношением Богу. Бог, Грамья, дал вам столько даров, что-то должно быть сделано просто из глубокой благодарности. Но помните: без мотивов, не как средство, а как самоцель. Искусство ради искусства, творчество ради творчества, любовь ради любви, молитва ради молитвы.

Это то, как человек понемногу становится религиозным. Религиозный человек живёт данным моментом, он не беспокоится о будущем, даже о следующем моменте. Когда он придёт, он придёт. Он не готовится к нему. Он живёт этим моментом, и из этого момента рождается следующий. А если этот момент был прекрасен, если этот момент был благословением, следующий, конечно, станет более глубоким благословением, большим блаженством.

Грамья, вы говорите: *Я нутром чувствую, что мне нужно действовать, чтобы быть достойной...*

Необходимость что-то делать может ощущаться нутром, потому что у нас так много энергии, а энергия хочет плясать, энергия хочет рисовать, энергия хочет петь, энергия хочет что-то делать. Но не может быть внутренним ощу-

щением, что: *«Я должна что-то делать, чтобы быть достойной»*. Это ощущение, которое вложено в вас снаружи, подобно тому, как учёные кладут электроды в мозг, и затем человек становится управляемым.

Таким же образом общество поступало веками — оно создаёт в вас совесть: *«Делай это, это правильно, проверено, почитаемо. Не делай того, это недостойно. Тебя будут осуждать, если сделаешь это»*. В вас создаётся некий вид разделения между правильным и неправильным, между «должен» и «не должен».

Проблема в том, что нет никакого «должен», которое могло бы быть фиксированным явлением, оно меняется вместе с жизнью. Нет правильного, которое всегда правильно, и нет неправильного, которое всегда неправильно, поэтому решать заранее опасно. Я не учу вас совести; совесть подразумевает, что правильное и неправильное определены, как вещи: это роза, а это лотос, это камень, а это брильянт — определены. Определены навсегда! Правильное и неправильное — не вещи. Они меняются. Жизнь — это явление, подобное реке. То, что сегодня правильно, может быть неправильным завтра.

Один Мастер дзен спросил своего ученика:

— Что такое Бог?

Ученик низко поклонился, оставшись безмолвным. Мастер благословил его и сказал:

— Молодец. Я доволен.

На следующий день, опять Мастер спрашивает ученика:

— Что такое Бог?

И, конечно, теперь ученик научился, так что он кланяется, и даже ещё ниже, оставаясь безмолвным, даже ещё закрывает глаза, и Мастер бьёт его сильно по голове и говорит:

— Ты идиот!

Ученик был в недоумении. Он спрашивает:

— Но что случилось? Вчера вы были довольны, а ответ тот же самый — даже ещё лучше, чем вчера!

А Мастер отвечает:

— Это как раз то, в чём ты ошибся: вчера было вчера, сегодня сегодня. Теперь ты просто повторяешь заранее готовый шаблон. Сейчас ты уже не был прав, не был непринуждённым, спонтанным, не был ответственным. Сейчас ты выучил трюк. Как может быть тот же самый ответ быть правильным сегодня? Прошло двадцать четыре часа, столько воды утекло в Ганге!

Существование динамично, оно не статично — оно не стоячая заводь. Оно — сплошная непрерывность, поток. Нет ответов, которые могли бы быть постоянными, и это то, где общество обманывает вас: оно даёт вам фиксированные ответы. Фиксированные ответы одним хороши, поэтому мы за них и цепляемся, они дают вам вид уверенности, безопасности, защищённости. Вы можете оставаться уверенными, что вы правы.

Но жизнь всё время меняется, а ваше «правильно» остаётся неподвижным. И вскоре вся ваша жизнь становится мучением, потому что ваши ответы всё время не соответствуют вопросам. Тогда вся ваша жизнь становится усилием воткнуть квадратную вилку в круглую розетку — всю вашу жизнь вы продолжаете пытаться. И это очень разочаровывает. А причина такова: вы никогда не видели, что жизнь меняется.

По-настоящему осознанный человек меняется вместе с жизнью. По-настоящему осознанный человек не может позволить себе быть последовательным. Последовательность — это один из аспектов посредственного ума. Я не говорю — быть специально непоследовательным, я просто констатирую факт, что быть последовательными означает быть глупым, быть последовательными означает оставаться в прошлом, слепым к настоящему. Если вы видите настоящее, вы должны меняться вместе с течением жизни.

Поэтому вы находите тысячу и одно противоречие в утверждениях Иисуса, то же самое и в случае с Гаутамой Буддой. То же самое было со всеми просветлёнными людьми, потому что у них не было никаких заранее готовых ответов. Вы жаждете заранее готовых ответов, вы прыгаете на них, крепко хватаяте их и у вас появляется уверенность, определённая.

Вы страдаете от неопределённости, а неопределённость — природа жизни. Определённость — это часть смерти. Будьте определёнными и вы будете мертвы. Оставайтесь текучими, оставайтесь неопределёнными, оставайтесь доступными к меняющимся обстоятельствам, и вы будете оставаться более и более живыми.

Быть тотально живым означает жить в данном моменте, без какого бы то ни было вмешательства прошлого вообще, тогда вы отвечаете моменту, и ваш ответ приходит из сознания, а не из совести. Совесть — это обман, совесть — это социальный трюк, уловка. Совесть создало общество. И функция Мастера разрушить вашу совесть, чтобы освободить ваше сознание.

Ваше ощущение нутром — вовсе не ощущение нутром. Вы обмануты. Не надо ничего делать, чтобы быть достойной — вы уже достойны. Если бы вы были недостойны, вас бы вообще здесь не было. Бог дал вам дыхание, создал вас — должно быть видел в вас некую ценность. Если вы недостойны, тогда Бог не очень творческий творец, тогда он вообще не творец. Как он может создать недостойного человека?

Общество делает вас недостойными, потому что единственный способ эксплуатировать вас — сделать вас недостойными. Тогда вы будете стараться изо всех сил стать достойными, потому что это — единственный путь получить самоуважение. А чтобы стать достойными, вы будете следовать диктату, указке общества.

Общество создаёт в вас страх — страх оказаться недостойными, страх оказаться осуждаемыми, страх остаться в одиночестве, страх быть никем, страх быть анонимным. И тогда вы готовы уступать, подчиняться, готовы ко всякого рода глупостям.

Родители Саймона были в отчаянии, когда его выгнали из школы. Они пытались определить его в каждую школу города: частную, общую, прогрессивную, военную академию, но у него не было никакого интереса. В конце концов, они попробовали католическую школу. Когда Саймон пришёл из школы с его первым табелем успеваемости, его родители были удивлены, увидев пятёрки по всем предметам.

— Что произошло? — спросили они.

— Ну, — ответил он, — когда я увидел этого бедного парня пригвождённым к кресту везде, куда бы я ни посмотрел, я понял: они знают своё дело!

Создать страх. создать такой большой страх, какой только возможно — такова политика общества. Ад был создан, только чтобы завладеть вами, небеса были созданы только для того, чтобы вознаградить тех, кто последует диктату. И то и другое всего лишь воображение: нет ада, нет рая. Но эти вознаграждения и наказания тонкая стратегия, и это работает и сейчас, и это разрушило всё человеческое достоинство.

Это у вас не «ощущение нутром». У вас смешались «ощущение нутром» и совесть, созданная обществом. Может быть, «ощущение нутром» что-то делать — да, это «ощущение нутром». Когда есть энергия, человек хочет что-то делать, это естественно. Энергия хочет быть выраженной. Но *при наличии* мотива быть достойной — это совесть, которую вы путаете с «ощущением нутром». Проясните это себе!

Общество морочит вам голову всеми возможными способами. Вы настолько приведены в замешательство, что должны зависеть от кого-то. Или вы идёте к священнику — в старые времена вы обычно шли к священнику. В Индии до сих пор ходят к священнику. На Западе появились новые священники: психотерапевты, психиатры, психологи — идут к ним.

И чудо в том, что священники так же, как и вы, может, даже в беспорядке больше, чем вы, но всё же вы идёте к ним, чтобы найти хороший совет. Да, они, как попугаи, повторяют хорошие советы. Ваш психотерапевт, ваш психиатр, ваш психоаналитик, может быть в более глубоком беспокойстве, в большем напряжении, чем вы.

Только прошлым вечером один из моих саньясинов спрашивал меня: «Бхагван, вы сказали мне недавно, когда я прибыл сюда: «Смотри на лёгкую сторону жизни, помни розы, забудь о шипах. Они есть, имей их в виду, но не уделяй им так много внимания». Но мой психоаналитик сказал: «Это опасно, это может подавить твои эмоции». Так что я озадачен: что делать?»

Я сказал ему: «Ты только подожди несколько дней, твой психоаналитик будет здесь!..» Но я не знал, что этот саньясин сам психоаналитик. Позже Вивек мне сказала, что он сам психоаналитик. Сейчас один психоаналитик ходит к другому психоаналитику — зачем? А тот, к кому ходят, может быть, ходит к кому-то ещё.

Основатель психоанализа, Зигмунд Фрейд, был одним из наиболее патологических людей, которых вы можете представить — очень суеверный. Вы будете смеяться, заглянув в его биографию, по поводу того, как мог такой человек стать основателем психоанализа, и как можно было доверять такому человеку, и что же, в таком случае, из того, что он говорил, может быть правдой.

Один из его друзей дал ему идею, то так же, как у каждой женщины есть период в двадцать восемь дней, когда у неё проходит менструация, так же и у каждого мужчины есть двадцатитрёхдневный период. В этом есть некая правда — только не двадцатитрёхдневный, а именно двадцативосьмидневный. Сейчас об этом сделано много исследований.

В эти четыре, пять дней, когда женщины проходят через этот период, появляется депрессия, уныние, скука, раздражение — точно так же мужчина

проходит через негативные состояния в течение четырёх, пяти дней каждый месяц. Конечно, его период не очень видимый, но он есть, это психологический факт. Он должен быть, поскольку мужчина и женщина не очень различны.

Так что идея друга была на верном пути. У Зигмунда Фрейда внезапно возникла другая идея — лёжа на своей кушетке, он думал о двадцати восьми и двадцати трёх — внезапно мысль сверкнула в его голове: двадцать три плюс двадцать восемь будет пятьдесят один, и он не смог уснуть всю ночь. К утру он стал уверенным, что будет жить пятьдесят один год — очень большое ощущение нутром. И он начал говорить об этом: двадцать восемь плюс двадцать три — пятьдесят один, и он умрёт.

Пятьдесят первый год наступил и прошёл, а он не умирал. Тогда было найдено нечто ещё. В тот день, когда он ожидал смерти, номер его телефона был изменён, и он оканчивался на шестьдесят два. Так что он сказал: «Посмотрите, следующий знак: поэтому теперь я умру в шестьдесят два». Но этот день тоже пришёл и прошёл.

Но такие люди, как Зигмунд Фрейд, не так просты, они что-нибудь всё равно отыщут. Он остановился в отеле и номер комнаты был восемьдесят два, поэтому он сказал: «Смотрите, новый знак свыше — в восемьдесят два года я должен умереть — это абсолютно определённо».

Это время тоже прошло. Он умер в восемьдесят три.

Таковы суеверные люди... Он так боялся смерти, вот почему он так много беспокоился об этом. Он так боялся смерти, что пять раз в своей жизни он публично падал в обморок, потому что кто-то начинал говорить о смерти. Обычно он навзничь падал в обморок. Только сама *идея* смерти! И такая патологическая, невротическая личность стала основателем психоанализа.

И он обычно проецировал себя: всё, что было правильно для него, он считал правильным для каждого человеческого существа. Это самый предел глупости. Всё, что он сказал о человеке, как таковом, — это не о человеке, это о Зигмунде Фрейде. Зигмунд Фрейд — это отдельно взятый индивидуум, он не может олицетворять человека. Никто не олицетворяет человека! Никто никогда не может олицетворять человека.

Так что, может быть, нескольким людям психоанализ помог, очень немногим людям — очень редко я видел людей, которым помог психоанализ — но это люди того же типа, что и Зигмунд Фрейд.

И сейчас проведено много исследований и установлено, что даже тем людям, кому помогло, помог не психоанализ, а что-то ещё. В одном эксперименте с двадцатью пятью людьми проводили психоанализ в течение шести месяцев, а ещё двадцать пять человек просто ожидали психоанализа, и им говорили: «Скоро начнётся ваш психоанализ». Они все страдали от одного и того же заболевания, и результаты были очень удивительными.

Тем двадцати пяти человекам, с которыми проводился психоанализ, помогло незначительно, а тем двадцати пяти, кого держали в ожидании, помогло гораздо больше. Просто ожидание помогло им гораздо больше. На самом деле, этот секрет знали на Востоке и пользовались им в течение веков. Если

вы приводите душевнобольного в монастырь дзен, его оставляют в изоляции на три недели, никто с ним не говорит, прямая противоположность психоанализу: никто не говорит ему, никто не слушает его. Его просто держат в изоляции. Кто-то приходит, абсолютно безмолвно, кладёт ему еду и уходит. Он должен прожить сам с собой три недели. И такое чудо случалось в течение веков.

Просто оставляют душевнобольного на три недели в изоляции, мало-помалу он успокаивается — без психоанализа, без терапии, только изоляция. На самом деле, он гораздо больше страдал от людей: постоянный стресс от пребывания в толпе.

Реальной причиной помощи может быть не психоанализ, а длина времени — психоанализ тянется два, три, четыре года. Он продолжается столько, сколько вы можете себе это позволить, это зависит от вас. Если у вас достаточно денег, он может продолжаться всю вашу жизнь. На самом деле, психоанализ никогда не приходит к окончанию. Он не может окончиться, потому что ум очень изобретателен. Он продолжает изобретать всё больший и больший бред. Понемногу это начинает нравиться, потому что чем больше чепухи он приносит, тем большее удовлетворение испытывает психотерапевт. Вид его счастья обязывает к большему.

Каковы бы ни были ожидания психотерапевта, пациент исполнит их. Пациенты действительно терпеливые люди (существительное «пациент» и прилагательное «терпеливый» в английском языке одно слово — patient. — *Прим. пер.*), очень обязательные, услужливые, любезные. Очень хорошие люди! Вот почему они страдают; они не твёрдые люди: не «твёрдые изделия» (hardware), а «мягкие изделия» (software). Поскольку они мягкие, они страдают. Твёрдые парни не страдают; твёрдые парни заставляют страдать других. Мягкие парни становятся жертвами. Три, четыре года лежания (в английском языке «лежать» и «лгать» — одно слово — lie. — *Прим. пер.*) на кушетке, болтания чепухи, ожидания, ожидания, ожидания — это помогает успокоиться, человек становится немного более расслабленным. И кто-то вас очень внимательно слушает, по крайней мере, делает вид, что очень внимательно слушает.

Моё собственное наблюдение заключается в том, что внимание в психотерапии имеет огромное значение. В этом мире никто не уделяет вам никакого внимания. Если муж хочет поговорить с женой, она говорит: «На кухне очень много работы: нужно помыть посуду, у меня нет времени». Если жена хочет поговорить с мужем, он устал за весь день в офисе, на работе, в пути, и он хочет смотреть телевизор.

Исследования говорят, что среднестатистические муж и жена в Америке общаются друг с другом только двадцать три минуты в день — и это в среднем. И в эти двадцать три минуты вы должны принять во внимание драки, ссоры, бросания подушками, и всякие вещи такого рода. Между мужем и женой только двадцать три минуты — из двадцати четырёх часов?

Возникает огромная необходимость, чтобы кто-то выслушал вас. Здесь и помогает психотерапевт — он профессиональный слушатель. Это единствен-

ное качество, которым он обладает, единственная реальная квалификация. Вы можете начать бизнес — никакой другой квалификации не нужно, если вы знаете только одну вещь: как внимательно сидеть рядом и слушать. Помогает просто внимательное слушание. Человек начинает ощущать: «Я что-то значу. Кто-то...» И чем больше стоит психоанализ, тем больше это помогает, потому что человек, который слушает, не просто обычный психотерапевт, не стандартно-штампованный. «...Кто-то особенный, очень знаменитый, всемирно-известный, и так внимательно слушает меня?» Сама эта идея придаёт достоинство: «Значит, наверное, я говорю нечто чрезвычайно прекрасное».

Психотерапевт поддерживает ваш джибериш, тарабарщину. Это то, что на психологическом лепете называется «свободные ассоциации» — всё, что бы ни пришло вам в голову, вынесите это наружу. Если такой джибериш слушают так внимательно, огромная необходимость осуществлена: пациент чувствует достоинство, ценность, чувствует значимость, он чувствует, что он кого-то интересует.

Запомните: это общество довело вас до такой степени, что человечество, как таковое, почти что на грани умопомешательства. Всякая любовь исчезла, всякое общение исчезло, дружба исчезла, всё эстетическое восприятие исчезло. Люди стали как зомби. Они говорят друг с другом, и всё же они не говорят, они не встречаются.

Это общество большое, и когда я говорю «это общество», я имею в виду, что все общества, которые существуют в этом мире, больше или меньше, тем или иным образом, они больны, потому что в прошлом, веками мы создавали неправильную, вредную модель человека. Мы даём человеку идеалы и говорим: «Пока ты не осуществишь эти идеалы, ты никогда не будешь достоин». Но эти идеалы неосуществимы. Мы даём людям идею того, чтобы быть совершенными, и как только идея совершенства входит в человеческое существо, она превращает его в невротика.

Примите свои ограничения, примите свои несовершенства. Именно это и означает быть человеком! И примите себя таким, как вы есть, с удовольствием, радостью, не из беспомощности. Поскольку Бог принял вас — это моё основное учение — Бог принял вас, примите себя, любите себя. Пусть это будет великий взлёт любви к себе. И из этой любви вы начнёте становиться творческими; человек, который любит себя, обязан стать творческим. Я не говорю, что он станет знаменитым; я не говорю, что он будет Пикассо, Эрзе Паунд или Пабло Неруда, нет — он может быть, а может и не быть. Но это не относится к делу! Реальная вещь — это радость творчества. Что бы вы ни делали, делайте это с удовольствием, внесите в это весь ваш интеллект, будьте в этом медитативны.

Грамя, вы говорите: *И вы говорите, что Бог внутри меня. Я поняла, что я ищу внутри те же концепции, которые я получила снаружи.*

Этот сорт Бога вы никогда не найдёте внутри себя. Вы должны будете отбросить все концепции, которые вы получили извне, поскольку Бог не лич-

ность. Не существует изображения Бога, никакие статуи невозможны. Бог — это переживание! Если у вас есть идея Бога, которую вам дали родители или общество, если вы с этой идеей пойдёте внутрь, она будет помехой — она не позволит вам видеть то, что есть. А Бог есть то, что есть. Чтобы видеть, не нужно концепций, концепции ослепляют вас. Отбросьте все концепции.

Если вы действительно хотите идти внутрь, идите, как агностик. Это слово красиво. Вы должно быть слышали слово «гностик», «гностик» означает того, кто знает: *гнозис* означает знание. «Агностик» означает: тот, кто не знает; «агностик» означает того, кто знает только одну вещь, что он ничего не знает. Будьте агностиками — это начало настоящей религии.

Ни верьте, ни не верьте. Не будьте ни индуистами, ни джайнами, ни христианами, иначе вы останетесь блуждать во тьме на веки веков. Пока вы не отбросите все идеологии, все философии, все религии, все системы мышления и не войдёте внутрь пустыми, с пустыми руками, без какой бы то ни было идеи... Как вы можете иметь идею Бога? Вы его не знаете, не знакомы с ним. Просто идите... с огромным желанием узнать, но без какой бы то ни было идеи из эрудиции, со стремлением узнать, со страстной любовью познания того, что есть, но не несите никаких идей, данных вам другими. Выбросьте их. Это величайший барьер для искателя на пути истины.

Бог здесь, но вы не можете его увидеть, поскольку ваши глаза ослеплены концепциями, данными вам. Бог не иудей, поэтому если у вас будет иудейская концепция Бога, вы не найдёте его.

Я слышал прекрасную историю о суфийском мистике Фариде:

Однажды ночью ему приснилось, что он, милостью Аллаха, попал в Рай. И весь Рай был украшен повсюду миллионами огней и цветов: было какое-то празднование, и великолепная музыка звучала вокруг. Он осведомился:

— Что происходит?

Ему сказали:

— Это день рождения Бога — мы его празднуем. Ты пришёл как раз кстати.

Так что он встал под деревом, чтобы посмотреть происходящее, поскольку огромная процессия начала двигаться по дороге. Человек ехал на коне, Фарид осведомился:

— Кто этот человек?

— Ты не узнаёшь его? — спросили его. — Это Хаджрат Мухаммед.

Миллионы и миллионы людей следовали за ним, и Фарид спросил:

— Кто эти люди?

И ему ответили:

— Они мусульмане, последователи Мухаммеда.

Затем появился Иисус, и миллионы следовали за ним. Затем появился Кришна на своей золотой колеснице, и за ним опять следовали миллионы. И так далее, тому подобное... процессия продолжалась и продолжалась.

И в конце концов, самым последним на старом осле появился пожилой человек. Никто за ним не следовал, он был только один. Фарид стал смеяться, видя этого человека, — это смешно: никто не следует за ним. И почему он едет на этом осле? Фарид спросил:

— Кто вы, сударь? Я видел Мухаммеда, Иисуса, Кришну, Махавиру, Будду, а кто вы? Вы выглядите посмешищем! И за вами никто не следует.

А старый человек был очень печален и он сказал:

— Да, я Бог. Это мой день рождения. Но одни люди стали мусульманами, другие стали христианами, следующие стали иудеями, ещё одни стали индустрами: со мной не осталось никого.

Фариц проснулся просто в шоке. На следующий день он сказал своим ученикам:

— Теперь я больше не мусульманин. Сон был великим откровением. Теперь я больше не имею отношения к какой-либо организованной религии — я просто я. Я хотел бы быть с Богом, по крайней мере, быть единственным человеком, следующим за ним.

Если у вас есть определённая идея Бога, вы не сможете его увидеть. Сама ваша идея станет барьером. Выбросьте все идеи, которых вы набрались снаружи, только тогда вы сможете войти во внутреннее пространство.

Вы говорите: *Это подобно смотрению ночью в колодезь. Я вижу отражение и думаю, что это дно, но это только поверхность. Даже когда я знаю, что мне нужно только позволить себе ждать, чем искать что-то...*

Истина, Грамья, коренится в этом понимании. Если вы что-то ищете, вы не будете способны видеть, поскольку сама идея поиска чего-то означает, что у вас есть идея того, что вы ищете. Искать что-то — это вид слепоты.

Видение приходит только тогда, когда вы не ищете чего-то в частности, а когда вы просто есть, открыты, доступны. Тогда открыто всё, что бы ни было. Не ищите Бога, если вы хотите увидеть его. Только ждите — позволяйте и ждите. Бог — это событие, хэппенинг! Если вы безмолвны, тихи, открыты, любящи в отношении вашего собственного существа, осознаны, это должно произойти. Это происходит в любой момент, когда вы правильно сонастроены с существованием.

Бог здесь, вы здесь: просто правильно сонастройтесь. Именно этому я и учу вас здесь: правильной сонастроенности. Отбрасывание всех идеологий поможет вам быть правильно настроенными. И если вы сонастроены с существованием, — это блаженство. Вы вернулись домой...

Второй вопрос

Бхагван, сейчас ли то время, когда я должен стать саньясином?

Это уже поздно! Нареш, вы ждёте уже слишком долго. Я вас знаю не один год, вы знаете меня не один год. Чего вы ждёте? Встреча должна происходить уже сейчас.

И всё же вы спрашиваете: *Сейчас ли то время, когда я должен стать саньясином?*

Вы мертвы? Если в вас есть хоть капля жизни, тогда это то время. Это время *сейчас!* Вспомните Кабира — только на днях Кабир говорил: «Теперь проснись — проснись сейчас, проснись здесь! Не откладывая!».

Браниган гнал по дороге. Машину в пути носило с одного ряда на другой, было похоже, что он набрался.

— Куда это вы решили направиться? — спросил полицейский на мотоцикле, который, в конце концов, остановил его.

— Я возвращаюсь домой — ик — с Новогодней вечеринки!

— Вы что, дурачитесь? — спросил полицейский. — Новый год был три недели назад!

— Я знаю, — сказал Браниган. — Вот почему я подумал, что сейчас самое время попасть домой.

Разве сейчас не время, Нареш, попасть домой? Вы ждёте уже слишком долго, слишком много жизней. Саньяса — не что иное, как неистовый прыжок в исследование истины, страстный поиск того откуда мы пришли, куда мы идём и кто мы такие есть. Это всё, чем является саньяса.

Но кажется, что вы находитесь в каком-то сне, то же самое и со всеми остальными. Мирские сны всё ещё кажутся вам значимыми, отсюда и вопрос. Мир похоже всё ещё опьяняет вас; деньги, власть, престиж всё ещё преследуют вас. И вы не можете быть саньясином, пока вы окончательно не разочаруетесь в мире. И помните, я не учу эскапизму, бегству от мира: я учу трансценденции, а не эскапизму. Будьте в мире, но не будьте от мира.

Саньясин — это тот человек, который живёт в мире, но живёт медитативно, а медитация создаёт дистанцию. Тогда вы можете продолжать делать любые вещи, но вы не становитесь опьянёнными, отождествлёнными с ними. Жить в осознанности, без какого бы то ни было опьянения деньгами, властью, престижем, — это путь саньясина.

Халлиган и Фланниган слегка принимали в новой таверне города. Спустя час ударного принятия Халлиган спросил бармена, где уборная.

— Идите к двери слева от лифта, — сказал бармен. — Затем спуститесь на две ступеньки, и вы там.

Халлиган забыл повернуть налево. Он открыл дверь лифта, сделал шаг и упал в шахту.

Десять минут спустя Фланниган последовал за Халлиганом и увидел его лежащим на дне шахты.

— Берегитесь второго шага, — закричал Халлиган. — Чёрт бы его побрал!

У вас было много вторых шагов, много-много раз. Вы падали много-много раз. Вы всё ещё не разочарованы, Нареш? Неужели вы всё ещё не разочаровались в мире? Неужели глубоко в вашем сердце вы всё ещё несёте какую-то надежду? Неужели вы всё ещё ожидаете, что мир может что-то вам предоставить? Этого никогда не случалось — этого не случалось ни с кем. Этого не будет и с вами.

Мир только обещает, он никогда не даёт того, что надо. В этом его иллюзорность, вот почему на Востоке мы называем его *майя*. «Майя» не означает, что его нет, он очень даже есть, но он только обещает. Он никогда ничего не даёт.

Я слышал историю:

Один человек молился и поклонялся много-много лет, он должно быть замучил Бога настолько, насколько это возможно. Утром, днём, вечером он молился и молился, плакал и рыдал. В конце концов, явился Бог и спрашивает:

— Чего ты хочешь? Давай с этим закончим! Просто возьми, что тебе нужно, и оставь меня, забудь обо мне вовсе.

Человек сказал:

— Я хочу нечто, власть, способность, чтобы всё, что я ни захотел, немедленно исполнялось.

Итак, Бог дал ему коробочку, золотую коробочку — точно такую же, как та волшебная коробочка, которую я дал вам — и сказал ему:

— Когда бы тебе что-либо ни потребовалось, ты можешь просить. Всё, что бы ты ни попросил, эта коробочка немедленно тебе это даст.

Человек забыл всё о Боге, он даже забыл его поблагодарить. Бог немного подождал... но человек больше не интересовался им. Он смотрел на коробочку и начал просить:

— Дай мне десять тысяч рупий!

Внезапно появились десять тысяч рупий, он был очень счастлив.

Так и продолжалось: всё, что бы он ни захотел, сразу появлялось из коробочки. Затем однажды один садху — странствующий монах — остановился поговорить у этого человека. У этого садху, странствующего монаха, тоже была коробочка — побольше, чем у этого человека — точно такой же формы. Человек заинтересовался. Он спросил:

— Что это?

Садху сказал:

— Это волшебная коробочка. Ты просишь чего-нибудь, и она даёт тебе вдвое больше.

— Вдвое?! А если попросить десять тысяч рупий? — спросил человек.

— Она даст тебе двадцать, — ответил тот.

Человек упал на колени перед монахом и сказал:

— Ты монах, ты отрёкся от мира — давай поменяемся? У меня есть коробочка поменьше: она даёт только то, что ты просишь.

Итак, они поменялись коробочками. Это было поздней ночью, так что человек подумал: «Утром я испытаю эту новую коробочку». И утром он попробовал. Он попросил десять тысяч рупий... А коробочка сказала:

— Почему не двадцать тысяч?

Человек сказал:

— Хорошо, двадцать тысяч.

И коробочка сказала:

— Почему не сорок тысяч?

Человек сказал:

— Хорошо, сорок тысяч.

А коробочка сказала:

— Почему не восемьдесят?

Тогда человек испугался, потому что ничего не появлялось! Он бросился искать монаха, но монах исчез, растворился в ночи.

На Востоке мы называем этот мир «майя», иллюзия — он подобен этой коробочке монаха. Вы что-нибудь просите, а он говорит: «О'кей, но ты можешь иметь вдвое больше». Но он никогда этого вам не предоставляет, он только обещает. Мир совсем как политики — они обещают, но они никогда не исполняют.

Чареш, неужели ты всё ещё не прекратил это? Разве ты не видел, что это было много раз? Каждый раз ты живёшь иллюзией, надеждой, мечтанием,

рано или поздно приходит разочарование, приходит крушение. Но вместо того, чтобы увидеть реальность этого мира, ты немедленно прыгаешь на другую иллюзию — ты немедленно опять начинаешь мечтать.

Саньяса — это видение реальности мира, того, что он никогда ничего не исполняет, что он не может исполнить, что это выше его возможностей — исполнить что-то... Тогда человек обращается взором внутрь. Человек был нищим, попрошайничавшим от одной двери к другой; когда он поворачивается внутрь, нищета исчезает, он становится императором. Тогда всё ваше.

Тогда вам не нужно даже спрашивать об этом — это просто ваше. Всё это существование — ваше, вся его красота, весь этот блеск, эти звёздные ночи, закаты и восходы, цветы и птицы — всё ваше. Не в том смысле, что вы обладаете этим, а в смысле того, что вы можете этим наслаждаться.

Саньясин учится тому, как получать удовольствие, а мирской человек учится тому, как обладать. Запомните эти две вещи, они основные. Мирской человек только думает о большем обладании, он никогда не наслаждается, потому что он сконцентрирован на всё большем и большем обладании. Саньясин наслаждается, всем, что бы он ни имел, и он наслаждается всем существованием, которым нет необходимости обладать.

Думаете ли вы, что сначала вы должны обладать звёздной ночью, а уж потом ей наслаждаться? Считаете ли вы, что сначала вы должны обладать всеми птицами, а уж потом наслаждаться их песнями? Нет необходимости в том, чтобы обладать этим существованием! Вы можете просто наслаждаться. Оно *ваше*, если вы хотите наслаждаться, и это не ваше, если вы хотите обладать. Обладание агрессивно, это агрессия на Бога. Наслаждение религиозно.

Последний вопрос

Бхагван, узнаете ли вы меня в последний судный день?

Суреш, всё зависит от тебя: помни, что нужно быть в оранжевом с малого возраста, потому что может оказаться очень сложно узнать тебя. Просто представь, что все мужчины и женщины, которые только существовали — они все будут здесь. Наверное, будет очень сложно узнать людей, так что ты просто не забывай об этих вещах.

Робкому, застенчивому, неженатому лавочнику улыбнулась удача — ему привалила целая куча денег. В один момент женственный, жеманный человек занял такую сумму денег, о которой он мог только мечтать.

Он браво заломил пальцы, щелкнул ими и решил стать новомодным крутым. Он купил дорогую, моднящую одежду, сделал стильную причёску, арендовал супердорогую виллу с пляжем во Флориде и приобрёл чёрный загар. Возвращаясь домой от дилера фирмы «Роллс-Ройс» на своей новой машине, одетый в свой наиблестящий спортивный костюм и крутые солнечные очки, он внезапно был сражён насмерть ударом молнии. Прямо под солнцем Флориды — смертельный удар молнии!

Наверху у Жемчужных Врат лавочник гневно посмотрел на Святого Петра:

— Как вы могли так меня кинуть? Я был хорошим человеком всю свою жизнь. Господь всегда смотрел за мной.

— Он старался смотреть за вами, — оправдывался Святой Пётр. — Он просто не узнал вас.

Так что, Суреш, пожалуйста помните об этом, не забудьте: будьте в оранжевом и с младых ногтей, тогда я смогу узнать вас.

Но почему вы беспокоитесь о судном дне? Я учу вас о мгновенном, сиюминутном, а вы спрашиваете о последнем судном дне! Я учу вас, что сиюминутное первично, окончательно, а вы спрашиваете о последнем судном дне. В действительности не может быть никакого дня, который был бы последним. Мир никогда не начинался, никогда не заканчивается — это непрерывность, континуум.

Во-вторых, само слово «судный» уродливо. Бог — не судья, Бог — любовник, а любовник не может судить. Иисус сказал своим ученикам: «Не судите!» Почему? Потому что в тот момент, когда вы начинаете судить, вы начинаете разрушать других. Кто вы такие, чтобы судить? В момент вашего суждения вы начинаете сравнивать, а кто вы такие, чтобы сравнивать?

Каждая индивидуальность уникальна, и каждая индивидуальность приносит разнообразие в существование. Мир не был бы лучше, если были бы только одни святые, святые и святые. Это был бы один из самых скучных миров, если бы в нём были только святые, святые и святые. Грешники также привносят нечто: они придают жизни немного остроты, соли, они вносят в неё немного вкуса.

Бог не судья, Бог любовник, а как может любовь судить? Будьте уверены, что в глазах Бога нет грешников, и нет святых — в глазах Бога все равны. И когда его солнце встаёт, оно встаёт и для грешников точно так же, как и для святых. И когда цветут его розы, они благоухают для святых точно так же, как и для грешников. Не делается никакого различия. Даже простой взгляд на это покажет вам, что существование не делает различий. Всё правильное и неправильное, всё хорошее и плохое — это создание человека, созданные человеком концепции и идеи.

Каждое общество создало свои собственные идеи хорошего и плохого, и они постоянно меняются. Они утилитарны, запомните. То, что может считаться грехом в одном обществе, может не быть грехом в другом. Та же самая вещь может быть великой добродетелью в одном обществе и может считаться прямой противоположностью в другом обществе.

Если человек бьёт своё тело так, что сочится кровь, как вы его назовёте? Назовёте ли вы его святым или грешником? Это зависит от точки зрения, потому что была христианская секта, где верили в избивание тела до крови, и чем больше крови вытечет при этом из вашего тела, тем вы святее.

В России, до коммунизма была секта, большая христианская секта, в которой отрезали свои гениталии. Женщины обычно отрезали свои груди — и они считались великими святыми. Что вы думаете о них? Вы подумаете, что они патологичны, умственно больные, помешанные.

Всё это — идеи и идеи, но все идеи от человека. Не волнуйтесь. Есть люди, которые обеспокоены столь мелкими вещами — они созданы для беспокой-

ства. Кто-то курит и боится, что будет брошен за это в ад. Если вы так много курите, одну вещь можно сказать определённо, вас не пошлют в ад, потому что вы так много курили здесь, что уже создали его для себя.

Курение, может быть, и вредно для вашего здоровья, но это не грех, вас не бросят в ад из-за курения. Но есть люди, которые думают, что даже чаепитие... В ашраме Махатмы Ганди чаепитие считалось грехом. Если вас ловили за чаепитием, происходил большой переполох по этому поводу. Махатма Ганди мог начать трёхдневный пост для очищения своей души и душ своих учеников только потому, что кто-то пьёт чай.

А буддийские монахи веками пьют чай. Чай является частью их медитации, и кажется в этом что-то есть, поскольку в чае есть химические элементы, которые могут помочь вам более легко оставаться осознанными. Чай может помочь вам в медитации. Если вы стараетесь быть осознанными, бдительными, чай может помочь.

Фактически, чай был открыт буддийскими монахами, это их открытие, потому что он был открыт в китайском монастыре под названием Та (или Тя), вот почему так называется чай. Это «та» также могло произноситься, как «ча». Вот почему на маратхи он называется «ча», а на хинди он называется «чай». Но это от монастыря Та.

И человеком, который, как считается, вырастил первый чайный куст, был не кто иной, как Бодхидхарма, великий Бодхидхарма. Эта история очень красива:

Бодхидхарма медитировал, а такие медитирующие встречаются очень редко. Девять лет он сидел лицом к стене — только стена, и за девять лет только смотреть на стену и не делать ничего больше. Иногда он засыпал — естественно, если смотреть на стену так долго, что ещё может быть? А он не хотел засыпать.

Так что он вырвал свои веки и выбросил их, чтобы глаза больше не могли закрыться. И история такова, что из его век, этих кусочков кожи, и ресниц выросло первое чайное растение.

Это красивая история: она просто говорит о том, что чай может поддерживать вас осознанным. Он не позволяет вашим глазам закрываться.

Буддисты пьют чай, исполняя религиозный ритуал. В Японии у них есть чайная церемония. Для них чай — не обычная, ординарная вещь, потому что он поддерживает осознанность, он даёт энергию, чтобы оставаться более бдительными. Они сделали из этого очень набожный, молитвенный, грациозный ритуал — чайную церемонию. В каждом монастыре дзен есть отдельный чайный храм, это самое красивое место — оно может быть окружено озером, камнями, песком, деревьями. И когда вы входите в чайный храм, вы должны входить в него определённым образом, определённым образом вы должны сидеть в нём, и это продолжается часами.

Чай приготовлен, чайник начинает пыхтеть, и все сидят в тишине, слушая пыхтение чайника. Понемногу аромат чая достигает ваших ноздрей, аромат вы тоже должны пить. А затем чай подают с величайшей грацией, красотой и большим искусством. Чай разливают в прекрасные чашки ручной работы, сделанные с большой любовью и заботой. И все начинают потягивать чай. Это

делается очень молитвенно, и каждый остаётся безмолвным, без сиплетничанья, без болтовни, как будто там никого нет. Потом они кланяются друг другу с большим уважением и расходятся, не говоря ни слова.

В этой стране чай настолько религиозен, настолько духовен, а в ашраме Махатмы Ганди это было грехом. Всё зависит... Всё это — человеческие идеи. Не стоит беспокоиться о таких вещах.

Моё послание просто: живите бдительно, живите спонтанно и живите целостно — и забудьте всё о судном дне. Я узнал вас сегодня, и этого достаточно. Сегодня достаточно само по себе.

Глава 9

В поисках чудесного

- 1. Что вы думаете насчёт моего изучения того, как жизнь
возникла из неживой материи?*
- 2. Вы сказали, что быть неизменным значит быть глухим,
и что истина всегда неизменна — что теперь?*
- 3. Бхагван, что важно?*
- 4. Ничто полностью не удовлетворяет — что делать?*
- 5. Я очень редко могу быть целостным — осталась ли для меня
хоть какая-нибудь надежда?*
- 6. Можете ли вы как-то прокомментировать то,
что Морарджи Десаи говорит о вас и вашей работе?*
- 7. Не могли бы вы быть немного дипломатичнее
вместо такой резкости в отношении политиков?*

В поисках чудесного

Первый вопрос

Бхагван, я учёный, работаю над вопросом о том, как жизнь возникла из неживой материи. Мне кажется, что изучение того, как неживое трансформировалось в живую материю, имеет важное значение для понимания взаимоотношений между наукой и религией. Причина, в первую очередь, в том, что это исследование — ключ к тому, как наши эмоции и духовность возникли в первый раз.

Что вы думаете?

Адольф Смит, религия и наука диаметрально противоположны, и поскольку они диаметрально противоположны, они комплементарны, взаимодополняющие. Религия не может поддерживать науку, наука не может поддерживать религию. Они обязаны противостоять друг другу — в их противостоянии их комплементарность. Поэтому всё, что наука может открыть, не имеет значения для религии. По сути, *каждое* научное открытие делает существование религии всё более и более сложным.

Наука старается демистифицировать существование, отсюда вопрос «как» — как жизнь возникла из неживой материи? Религия, по своей сути, является совершенно противоположным подходом: она не хочет демистифицировать существование, весь её подход заключается в том, чтобы обнаружить тайну существования. Религия — это не поиск ответа, это глубокое погружение в сам вопрос. Она не задаёт никаких вопросов, она принимает жизнь, как дар. Вопрос не в том, как жизнь возникла, вопрос в том, как жизнь должна быть прожита, вопрос в том, как нужно праздновать жизнь.

Научный вопрос будет таким: «Что такое любовь? Как любовь возникает? Какова её причина?» А религиозный вопрос будет: «Как утонуть в любви? Как любить? Как самому быть любимым?»

Наука нашла некоторые ключи; в глазах мистика эти ключи выглядят глупыми. Если вы спросите о любви, наука ответит, что это — не что иное, как химия: гормоны, химические вещества. И вся грандиозность и великолепие любви низведены — низведены до самого мирского. Какое отношение имеет любовь к химии? Любовь определённо имеет некое отношение к алхимии, но к химии не имеет никакого отношения. Это преобразующая сила, но она не может быть сведена к гормонам.

Жизнь нельзя свести ни к какому ответу. Если жизнь свести к определённому ответу, она становится бессмысленной, жизнь больше не имеет значения. Это похоже на то, как будто вы встретили цветок лотоса. Поэт станет

наслаждаться его красотой; он не будет волноваться о том, откуда он взялся. Он просто будет наслаждаться ароматом, цветом, озаряющими его солнечными лучами, каплями росы на его лепестках. А мистик станет танцевать вокруг него, потому что он будет видеть не только цветок лотоса, но он будет видеть в нём нечто сверхъестественное, трансцендентальное. Спрятанная за лотосом, его красотой, его величием, его блеском, его магией, рука Бога. Мистик не только ощущает цветок розы или лотоса, он так же чувствует таинственное присутствие неизвестной силы по имени Бог, окружающее его, защищающее его, заботящееся о нём, ласкающее его.

Поэт просто видит цветок лотоса, мистик идёт за пределы, он идёт выше — он возносит розу или лотос на высочайший пик. А учёный? — он станет думать о том, откуда цветок взялся. Он взялся из грязи, тины. Учёный начнёт углубляться глубже и глубже в грязь, он будет исследовать грязь и элементы, которые грязь составляют.

Только посмотрите на эти три подхода: учёный идёт ниже лотоса, мистик движется выше лотоса, поэт остаётся с лотосом. В конечном счёте учёный думает, что лотос — это не что иное, как грязь — форма грязи, а мистик думает, что лотос — это не что иное, как проявление, манифестация Бога. А для поэта лотос — просто лотос. Ну и как могут встретиться эти три подхода?

Мистик не может согласиться с учёным — на самом деле мистик думает, что учёный разрушает нечто чрезвычайно важное. Всеми своими логичными ответами, объективными ответами, он разрушает субъективность лотоса. Мистик может в некотором отношении согласиться с поэтом, но только в некотором отношении, немного, не во всём. Он кивнёт поэту, он скажет: «Ты на верном пути, ты сделал первый шаг, но не застревай здесь, иди дальше. Лотоса недостаточно: в лотосе ты должен найти лик Бога. И если ты не можешь найти лик Бога в лотосе, где ещё ты собираешься искать его?»

Адольф Смит, ваш вопрос важен, но не стоит оставаться в том заблуждении, что если вы сможете найти некий ключ того, как материя стала живой, вы принесёте некое взаимопонимание между религией и наукой — вы будете говорить о грязи! Вы не убедите поэта, потому что он знает лотос. Что уж говорить о мистике? Он просто почувствует жалость к вам.

Всё можно либо низвести к его началу — чем и занимается наука, либо можно возвести до высшего пика, высшей точки — это то, в чём заключается работа религии. А поэзия просто мост между ними. Поэтический подход в какой-то степени близок и к науке и к религии. Если вы действительно хотите понять религию, вы выбрали неверный курс.

Религия не считает, что жизнь нуждается в каких-либо ответах. Жизнь нуждается в том, чтобы она была прожита в её целостности, жизнь нуждается в праздновании. Нужно проникнуться жизнью — это единственный способ познать её. Не в лаборатории, не углубляясь в жизнь клетки, не анализируя элементы; это всё составные части жизни, но жизнь больше, чем сумма всех её частей.

Кто-то играет на гитаре, прекрасная музыка. Учёный заинтересовался гитарой, а не музыкой. Он будет думать: «Откуда она исходит?» Он может

заинтересоваться пальцами музыканта и его инструментом. Он станет исследовать инструмент и обнаружит немного дерева, какие-то струны, то да сё — но это *не* музыка! И если он станет исследовать пальцы музыканта, он найдёт немного крови, немного костей, кожу, но это тоже не музыка! Музыка — это нечто большее. Руки музыканта и гитара являются благоприятной возможностью для того, чтобы нечто высшее снизошло на землю.

Поэт станет слушать музыку, он не станет беспокоиться о музыканте или музыкальном инструменте. Он будет опьянён музыкой. Но мистик забудется в танце, потому что он услышит высшую музыку. Поэт забудет о музыканте и инструменте, а мистик забудет даже о музыке, потому что она напомнит ему нечто глубинное в его собственном существе. Напомнит ему то, что Кабир называет музыкой *Сохам*: «Я есть то». Мистик забудет всё, что происходит вокруг, музыка запустила некий процесс в его собственном существе. Он перенесён в другой мир.

Адольф Смит, если вы действительно сколько-нибудь интересуетесь религией, вы должны будете медитировать — анализ, исследования не помогут, научные изыскания не могут помочь. И помните, я не против научных исследований, если вам это интересно, *делайте их!* Но знайте совершенно определённо: они не станут мостами между наукой и религией, они не могут быть соединены. И их вовсе не стоит соединять. Они исполняют разные функции, нет нужды создавать между ними синтез, поскольку синтез обеднил бы их, это не станет обогащением.

Существование остаётся живым через напряжённость полярных противоположностей: негатив и позитив, мужчина и женщина, рождение и смерть, свет и тьма, любовь и ненависть, религия и наука. Это полярные противоположности. Они нужны жизни. Без них жизнь превратится в стоячую заводь, она больше не будет диалектическим процессом. Жизнь есть диалектика, она движется через тезис и антитезис, и вновь синтез становится тезисом и создаёт антитезис. Так развивается жизнь.

Религия и наука не нуждаются в синтезе, они нуждаются в отчистке. Наука должна быть чистой наукой, полностью научной, а религия должна быть чистой религией, полностью мистической.

Я хотел бы напомнить вам великое утверждение христианского мистика Тертуллиана. Кто-то спросил его: «Почему ты веришь в Бога?» И тот сказал: «*Кредо квиа абсурдум* — я верю в Бога, потому что он абсурден».

Ну, что это за ответ? Но это ответ мистика, а не учёного. Учёный постарается доказать, станет отвечать *почему* он верит, он станет аргументировать. Но Тертуллиан просто говорит: «Поскольку Бог абсурд, поэтому я верю. Я верю в таинственное, чудесное, в то, на что невозможно найти ответ, в непознаваемое».

Если вы сколько-нибудь интересуетесь религией, то и вы можете быть и тем, и другим! Я не говорю, что учёный не может быть религиозным — учёный человек может быть религиозным, но тогда он должен создать диалектику в своём собственном существе. Он должен будет быть очень осознанным, здравомыслящим. Когда он работает в лаборатории, он должен забыть

всё о религии, религия не должна вмешиваться в его научную работу. А когда он покидает лабораторию и сидит в своей комнате для медитации, он должен забыть всё об исследованиях, экспериментах, наблюдениях, там он должен быть любящим, в молитве, в медитации.

Учёный может быть и тем, и другим. И мой подход заключается в том, что я бы хотел, чтобы много-много людей были бы одновременно и учёными, и религиозными. А если кто-то может быть всеми тремя, таково моё представление о настоящем, истинном саньясине: учёный, поэт, мистик. В нём его человеческая природа расцветёт до её предельных возможностей. Его потенциал трансформируется в реальность. Он расцветёт во всех возможных направлениях. Он станет многомерным человеком.

И быть учёным не значит, что вы должны быть физиком или химиком, и т. д. и т. п., — быть учёным означает иметь научный подход. Есть проблемы, которые можно решить только при помощи науки. Когда кто-то приходит ко мне с болезнями, я говорю ему пойти к Наваниту, Даршану, Аириту, Хамиду — пойти к доктору! Для вашего заболевания нужен научный подход.

В Индии случается так, что больные люди идут к святому за его благословением, и Восток остаётся больным и бедным из-за этого вздора. Если вы бедны, не ходите к святым, идите к технологам, учёным, экономистам, узнайте: «Почему мы бедны?» Но вы идёте к святым и спрашиваете: «Почему мы бедны?» Вы глупы, как и ваши святые. А они отвечают вам, почему вы бедны, они говорят вам, они *должны* это делать потому, что когда вы спрашиваете их, они не могут показать вам своего невежества. Они говорят вам, что в ваших прошлых жизнях вы совершили много грехов, из-за чего вы и страдаете. Вы задаёте глупый вопрос и получаете глупый ответ.

Когда вопрос касается материального мира, идите к учёному. Но если вы влюбились, тогда не ходите к нему, избегайте его! Даже если он встретится на вашем пути, спасайтесь, потому что он разрушит всю вашу любовь. Он скажет: «Это всё чепуха. Это просто притяжение между мужскими и женскими гормонами, не будь глупым. Эти гормоны сбили тебя с толку». Не ходите к учёному; если вы хотите целоваться со своей женщиной, не ходите к учёному. Он скажет: «Это опасно. Возможен любой вид инфекции. Миллионы микробов переносятся за один поцелуй». Он вас так напугает, что даже если вы целуетесь, вы не будете целиком в этом. Вы потащите с собой Детоля и вещи, подобные этому, так что только поцеловались и тут же немедленно мыться, или мыться до поцелуя.

Не ходите к учёному, когда вы влюблены — идите к поэту. Он знает о любви.

Когда же вы хотите узнать предельное таинство, поэт тоже не особенно поможет, он остаётся на поверхности. Когда вы хотите познать предельное таинство, идите к мистикам, станьте учеником у Мастера, поскольку эти тайны можно только впитать, усвоить в глубоком доверии, когда вы предаётесь, любите.

Второй вопрос

Бхагван, сегодня вы сказали, что быть постоянным значит быть глупым. Но истина не может меняться, она всегда остаётся постоянной. Что скажете?

Зарин, я не сказал, что быть постоянным означает быть глупым, я, безусловно, сказал, что быть последовательным — это особенность посредственного ума, глупого ума. Но разве вы не видите разницу между тем, чтобы быть последовательным и быть постоянным?

Последовательность — это логический феномен. Когда я говорю: «Не будьте последовательны», я имею в виду — не будьте прикованы к вашему прошлому, не будьте заточены в ваше прошлое, вот что такое последовательность. Вы сделали что-то сегодня, завтра жизнь изменится, а вы должны повторить то же самое, чтобы быть последовательными. Завтра уже не будет сегодня, сегодня — это уже не вчера. Ответ, который был адекватным вчера, больше не является адекватным сегодня. Последовательность означает, что всё время должно преобладать вчера, что прошлое постоянно должно доминировать над настоящим. Вот что я имею в виду под «последовательностью». Тогда вы никогда не вырастаете, поскольку тогда ваша молодость должна следовать вашему детству, и ваша старость должна следовать вашей молодости, что означает, что вы останетесь ребёнком на всю вашу жизнь.

И это то, какие люди и есть. Средний умственный возраст людей только двенадцать лет. Вот что происходит, когда вы стараетесь осуществлять последовательность. В детстве вам дали несколько ответов, объяснений, они были хороши для того времени, но только для того времени. Больше вы бы не поняли. Но по мере того, как вы растёте, эти ответы устаревают, они становятся ограничением, тюрьмой, эти ответы становятся цепями. Вам нужно постоянно сбрасывать их, чтобы вы могли оставаться свежими, чтобы вы могли отвечать на реальность такую, как она есть.

Но так всё и происходит, Зарин, я говорю одно, вы понимаете другое. Я говорю одно, вы слышите совершенно другое. Ваши умы столь полны вашими собственными мыслями, что я говорю: «Не будьте последовательны», а вы слышите: «Не будьте постоянными».

Пасквале экзаменовался на гражданство Соединённых Штатов.

— Кто в Соединённых Штатах президент?

Чужестранец ответил правильно.

— А вице-президент?

Снова дан правильный ответ.

— Могли бы вы стать президентом?

— Нет, нет!

— Почему нет?

— Я, эта, слишком занят. Я работать в парикмахерская сейчас целый день.

Сейчас его профессия... а он говорит: «Нет, нет! Я, эта, слишком занят. Я работать в парикмахерская сейчас целый день».

Зарин, вы услышали нечто, чего я не говорил. Ваш вопрос возник из вашей собственной идеи. Вы знаете, по крайней мере, верите, что знаете, что истина не может изменяться. Кто вам это сказал? И откуда вы знаете?

Вы познали истину? Вы слышали то, что вам говорили о том, что истина никогда не меняется. Она навсегда остаётся постоянной. Это ваш собственный опыт? Знали ли вы в своей жизни что-то, что бы оставалось постоянным? Что-нибудь, я спрашиваю, знали ли вы в жизни что-либо, что бы оставалось постоянным?

Всё меняется, если вы присмотритесь к жизни. Если вы понаблюдаете за жизнью, тогда Гераклит прав: вы не можете вступить в реку дважды, поскольку река — это постоянное течение, изменение. Старый Гераклит сказал: «Только одна вещь никогда не меняется — это изменение. Только изменение постоянно, в остальном всё меняется».

По сути, жизнь — это не существительное, а глагол. Если однажды мы захотим стать по-настоящему научными в отношении нашего языка, мы должны будем выбросить все существительные. Подлинно научный язык будет состоять только из глаголов. Вы смотрите на эти деревья вокруг и думаете: «Прекрасные деревья!» Но называть дерево деревом неправильно, потому что дерево — это не что-то статичное, это движение. К тому времени, как вы произнесли слово «дерево», оно изменилось. Это уже не то же самое дерево, о котором вы говорили. Упал один мёртвый лист, новый лист только прорастает, открывается почка. Дерево вырастает выше — каждый момент! Иначе как оно может вырасти?

Чтобы быть совершенно точным, лучше называть его «деревлением», чем «деревом». Но мы даже реку называем «река», река — это рекавление. Это постоянное изменение! Жизнь в действительности не жизнь, а только проживание. Наши языки дают нам очень неправильное понятие о мире. Нет ничего такого, как любовь, но есть только любление.

Всегда помните: мы должны использовать существительные, потому что иначе было бы очень трудно объяснить что-то друг другу. Веками мы использовали существительные. Но когда бы вы ни использовали слово «любовь», помните, что это — «любление», это процесс. Это не вещь, не постоянная.

Если вы любили, Зарин, вы знали: утром у любви один цвет, днём другой, а к вечеру это совершенно другая вещь. Иногда река очень глубока, а иногда очень мелка. Иногда она становится очень шумной, а иногда очень тихой. Такова и любовь. Иногда она печальна, а иногда радостна. Она постоянно меняет своё настроение.

Так что есть только одна постоянная вещь — изменение.

Но вы говорите: *Истина не может меняться...*

Кто определил, что истина не может меняться? Что вы под этим имеете в виду? Вы узнали в жизни нечто, что никогда не меняется? Ребёнок становится молодым человеком, молодой человек становится пожилым человеком, а пожилой человек умирает однажды — прах к праху. Вы постоянно видите, что всё непрерывно меняется, но, по-видимому, в самой глубине человеческого сердца есть страх: страх смерти. Если есть изменение, тогда смерть обязана произойти. Изменение приносит смерть.

Так что мы хотим верить во что-то постоянное, абсолютно постоянное, перманентное. Это может быть истина, это может быть Бог, это может быть душа, но испуганному сердцу нужно что-то, за что можно уцепиться, чтобы можно было проигнорировать смерть. По крайней мере, можно верить: «Есть нечто постоянное, в чём я могу найти укрытие, что может стать моей защитой».

Знаете ли вы истину? Знаете ли вы Бога? Знаете ли вы душу? Нет, вы знаете только смерть, которая происходит каждый момент везде вокруг. Но мы всё время игнорируем смерть, мы не хотим взглянуть на неё, потому что это напоминает нам, что мы должны умереть. Нам бы хотелось чего-то, что бы оставалось на веки вечные. Мы бы хотели быть частью этого — так, чтобы мы тоже могли остаться навеки вечные.

Но что в вас постоянного? Ваше тело меняется — спросите медицину: ваше тело меняется постоянно. Только десять лет назад они думали, что тело меняется полностью каждые семь лет, становится совершенно новым, не остаётся ни одной старой клеточки; но дальнейшие исследования показали, что тело полностью меняется один раз в год. Тело постоянно себя обновляет.

Вот причина того, что когда вы обрезаете волосы или ногти, это не причиняет боли — почему? Волосы — часть вашего тела, как и ногти, а вы отрезаете их, и это не причиняет боли? Дело в том, что ваши волосы не живые. Это мёртвые клетки вашего тела, которые выбрасываются из организма. Так же и ногти — просто мёртвые клетки, выбрасываемые из тела, чтобы освободить место, чтобы могли возникнуть новые. Вот почему когда вы отрезаете их, не возникает боли.

Спустя год ваше тело уже не то же самое.

Будда обычно повторял снова и снова, что жизнь подобна пламени. Вы зажигаете свечу, вы зажигаете свечу вечером, она горит всю ночь. Утром вы просто её тушите. Вам может задать вопрос: «Это то же самое пламя, что вы зажгли вечером и потушили утром?» В каком-то смысле это то же самое пламя, поскольку оно горело всю ночь, но на самом деле оно не то же, потому что оно постоянно менялось, становилось дымом, и новое пламя заменяло его. Но эта замена настолько быстрая, старое превращается в дым, а новое возникает настолько быстро, что между ними не возникает промежутка, его невозможно увидеть, поэтому вы не видите, что это не одно и то же пламя. Тогда Будда создал новое понятие.

Учёные сейчас называют это «континуум», «непрерывность» — это не то пламя и не «не то», это непрерывность, континуум. Будда называл это *санатти*: первое пламя даёт рождение другому, а то следующему, и так далее, одно пламя продолжает давать рождение другому. Процесс рождения одного пламени другим продолжается всю ночь. Оно появляется тем же самым образом, но оно не то же самое. Нельзя сказать, что оно другое, нельзя сказать, что оно то же самое. В каком-то смысле они разные, в каком-то смысле это одно и то же.

Знали ли вы, Зарин, что-нибудь в жизни, что было бы действительно постоянным, — хоть что-нибудь? Ваше тело меняется, ваш ум меняется постоянно, ваши эмоции продолжают меняться. О какой истине вы говорите?

Да, есть одна истина, которая никогда не меняется, но её нужно пережить, испытать на собственном опыте. Не принимайте её на веру. И эта истина — не что-то внешнее, эта истина спрятана в вас — этой истиной является ваша способность быть свидетелем, наблюдателем. Только наблюдатель никогда не меняется, всё остальное продолжает меняться. Внутри вас есть сознание, которое продолжает наблюдать, наблюдать за всеми изменениями — детство приходит и уходит, молодость приходит и уходит, старость приходит и уходит, но внутри есть свидетель, который просто смотрит, наблюдает.

Вся медитация — это не что иное, как усилие познать этого свидетеля. Снаружи вас нет никакого Бога, который был бы постоянным, никогда не менялся; снаружи вас нет никакой истины, которая была бы навеки. Да, есть некая реальность внутри в самом глубинном слое вашего существа, но чтобы найти её, Зарин, вам нужно будет войти глубоко в медитацию. Когда все мысли исчезают, и ушли все желания, когда нечего наблюдать, тогда вы осознаёте свидетеля. Тогда наблюдение, свидетельствование оборачивается само на себя. Не видя ничего другого, оно начинает видеть себя. Если будет оставаться какой-то объект, оно остаётся сфокусированным на объекте. Медитация — это процесс убирания из себя всех объектов, всё содержание ума должно быть убрано. Мало-помалу, постепенно... и через некий интервал, промежуток — внезапная пустота. Когда нет ничего, чтобы можно было видеть, нет содержания, на котором можно было бы фокусироваться, тогда случается чудо. Энергия свидетельствования, не находящая больше никаких ограничений, оборачивается обратно на саму себя.

Вот что Иисус называл «метанойя», что было неправильно переведено как «раскаиваться». Это нужно было перевести как «возвращаться», а не «раскаиваться», это нужно было перевести как «революция», поворот на сто восемьдесят градусов — и тогда внезапно вы видите себя. У этого свидетеля нет имени. Он не индуист, не мусульманин, не мужчина, не женщина: это просто чистое сознание.

Да, это чистое сознание абсолютно постоянно. За исключением него всё меняется. И когда я говорил вам о последовательности, я не говорил о свидетеле, я говорил о ваших идеологиях, о вашем знании, эрудиции, о ваших переживаниях, вашем опыте. Всё это необходимо каждодневно выбрасывать: умирайте для прошлого каждый день, чтобы вы могли оставаться постоянно свежими, чтобы вы могли отвечать реальности, какой она является в этот самый момент, а не в соответствии с прошлым.

И послушайте меня, будьте бдительны, будьте бдительны в отношении каждого слова; иначе я буду говорить что-то одно, а вы будете слышать что-то другое. И вы будете продолжать думать, что я так сказал.

Друзья-музыканты устроили себе небольшой «джем сешен», джазовую импровизацию. Они оттягивались, как могли. Довольно скоро они услышали стук в дверь, один из них открыл, и там стоял хозяин дома.

— Я извиняюсь, что вламываюсь к вам таким образом, — сказал домовладелец. — Но знаете ли, что тут выше этажом стонет старая больная леди?

— Нет, не знаем, — ответил музыкант. — Но если вы дадите нам несколько первых нот, мы можем отгадать.

Самбодхи, это зависит от тебя. Если ты спрашиваешь меня, то по мне всё едино. Можно сказать, что всё важно, или можно сказать, что всё неважно. И то и другое, одно и то же.

Всё обычно или всё необычно. Выбирайте любое, какое слово вам больше нравится: всё важно, всё без исключения, или ничто не важно. И то, и другое означают то же самое, поскольку, когда всё важно или всё неважно, само слово «важно» теряет значение. Значение остаётся, только если есть что-то, что важно, и что-то, что неважно, некоторые вещи обычны и некоторые необычны. Тогда слово имеет значение. Но если всё полностью важно или неважно, тогда слово теряет значение.

Мой совет заключается в том, что вы можете выбрать любой, поскольку конечный результат будет тот же.

Если у вас отрицательный склад ума, тогда вполне подойдёт буддийский ответ. Будда говорит: «Нет ничего важного». Тогда нет ничего, по поводу чего можно было бы суетиться. Когда хотите есть, ешьте, когда хотите пить, пейте, когда хотите спать, спите — нет ничего важного. Это придаст вам некую расслабленность, спокойствие: ничто не важно, поэтому удача или провал одно и то же, стали ли вы знаменитым или пользуетесь дурной славой, одно и то же, знает вас кто-нибудь или не знает, не имеет значения. Это даст вам настоящую уравновешенность, безмолвие, безмятежное состояние существа, а это и есть цель!

Или вы можете выбрать ответ Шанкары. Он говорит: «Всё важно, поскольку всё есть Бог, даже пыль божественна». Это тоже абсолютно правильно; вы можете выбрать это. Тогда тоже, когда вы голодны, ешьте, поскольку это важно, а когда хотите пить, пейте, поскольку это важно, и когда хотите спать, спите, поскольку Бог хочет спать — Бог внутри вас.

Есть два ответа, основных ответа: положительный и отрицательный. Просто наблюдайте за вашим умом. Что вам больше подходит? Есть люди, которых больше привлекает позитивное, есть те, кого больше привлекает негативное. Почувствуйте, что привлекает вас, что больше вам по нраву. И что бы ни привлекало вас больше, это может стать вашим путём, вашей стезей: вашим путём может стать «нет», вашим путём может стать «да».

Путём Кабира было «да». Путём Будды было «нет». Но, на самом деле, «да» или «нет» не столь уж важно. Что важно, так это целостность. Если вы говорите «да» всем своим существом, эта целостность освобождает. Если вы говорите «нет» со всей целостностью, тотально, эта целостность освобождает. Но всё это зависит от вас.

Нет никаких вещей, промаркированных как важные или неважные. Цветок розы может быть важен для поэта, и может быть совершенно не важен для кого-то, кто интересуется только деньгами. Для него банкнота, банкнота в сто рупий гораздо важнее. Он спросит: «Какой смысл в цветке розы?» По сути, он будет очень обеспокоен по поводу того, почему люди продолжа-

ют петь песни розам — «Почему они не поют песни стодолларовым банкнотам?»

Когда я был в университете, у меня был коллега, который был настоящим денежным маньяком, его интересовали только деньги. Даже если эта сторупиевая купюра была бы чья-то ещё, он брал её в руки и прикасался к ней с такой любовью, с какой вы не можете касаться даже своих женщин, с такой заботой, такой нежностью в руках, как если бы купюра была живая. Его глаза светились, как свечи, когда он смотрел на банкноту, даже если она и была чья-то ещё. Банкнота есть банкнота! И все его мысли были только о деньгах: как занять побольше денег.

Это был один из англичан, потерпевших кораблекрушение. Когда он выбрался из воды на берегу глухого острова, его приветствовал другой человек, стоящий в тени под пальмой.

— Рад вас встретить, — сказал тот и спросил. — Итон! (Престижный английский колледж для богатых. — Прим. пер.)

— Да, — ответил вновь прибывший.

— Оксфорд? (Престижный английский университет. — Прим. пер.)

— Да.

— Охрана?

— Да.

— Гомосексуалист?

— Нет.

— Жаль!

Это зависит от тебя, что важно. Как я могу сказать, что важно? По мне, так это всё и ничего.

Четвёртый вопрос

Бхагван, что делать с ощущением беспомощности при разочаровании, когда понимаешь, что нет ничего, что бы могло полностью удовлетворить, нет ничего, что было бы достаточным?

Дев Алла, если бы это было ваше собственное переживание, тогда вопрос не возник бы, как бы тогда вы могли задать этот вопрос? Вопрос возник из продолжающейся где-то в подсознании надежды: «Может, это можно как-то успокоить? Может, я недостаточно стараюсь, может, я не вложил в это всю мою энергию? Поэтому это и не приносит удовлетворения?» Но если вы сами почувствовали, что ничто не может удовлетворить окончательно, если это *ваше* переживание, как мог возникнуть вопрос? Это так есть.

В самом этом переживании, в самом этом понимании, вы расслабитесь. К чему спрашивать о чём-то, что могло бы окончательно удовлетворить? Почему не быть удовлетворённым тем, что жизнь даёт вам — даже если это только на один момент? К чему жадничать? Алла, вы кажетесь очень жадным. Вы, кажется, из того старого, гнилого сорта духовных личностей — из жадин. Жадина хочет всё навсегда, навеки. Если он влюбляется в женщину, он хочет, чтобы она оставалась в том же самом возрасте навсегда. Он сам будет становиться старше — это другое дело. Но женщина должна оставаться молодой.

Это те жадные люди, которые создали идею рая, *фирдауса* (*firdaus*). В их раю женщины никогда не стареют. В их раю все женщины застряли где-то в возрасте шестнадцати лет. Можно устать, если на миллионы и миллионы лет застрять на шестнадцати. Но ничего не говорится о мужчинах, может быть, потому, что эти писания написаны мужчинами. Если бы женщины писали священные писания, тогда они написали бы что-то ещё: мужчина должен был бы застрять где-нибудь около восемнадцати.

Те же самые люди, которые всё время осуждают все виды вещей, здесь продолжают обещать те же самые вещи тысячекратно, навечно в раю. Что это за логика? Здесь алкоголь мусульманами запрещён, но в их *фирдаусе*, в их раю, текут реки алкоголя — реки! Вам не нужно идти в кабаки, вам не нужно только пить, вы можете купаться, нырять.

Это странно! Но на самом деле в этом весь алчный ум. Алчный ум готов жертвовать сиюминутным удовольствием пребывания в кабаке, лёгкого выпивания, на беспредельную радость вечного пьянства.

Это те же самые религиозные люди, которые продолжают осуждать женское тело, все религии совершали этот грех, что демонстрирует только одно: эти люди, что писали священные писания, были глубоко сексуально подавленными людьми. Ни о чём другом это не говорит. Это ничего не говорит про женщину, это просто демонстрирует нечто об авторах священных писаний, они были глубоко подавленными людьми: они боялись женщин.

Они боятся здесь и продолжают говорить всем и каждому: «Остерегитесь! Женщина — это дверь в ад!» Но те же самые люди обеспечивают вас прекрасными женщинами в раю — самыми прекрасными. Знаете, в раю женщины не потеют, им не нужны дезодоранты. У их тел аромат цветов, естественный аромат, не созданный какими-то искусственно изготовленными духами. Только естественный, как цветы розы. Их тела сделаны из золота. Какая жадность! Что вы будете делать с женщиной, чьё тело сделано из золота? Вы будете застревать! Но жадность, жадный ум фантазируют.

Все эти священные писания порнографичны. Это настоящая духовная порнография: женщины с телами из золота, усеянные алмазами, не потеющие, природный аромат, вечная молодость и все красивые.

Умер один великий святой, и, по случайному стечению обстоятельств, через несколько часов умер его великий ученик. Ученик очень волновался по поводу того, что он снова увидит мастера. По пути он всё думал, путь от Земли до Рая не близкий, он думал: «Моего мастера должно быть встретили ангелы, играющие на лютнях, и прекрасные танцующие женщины, и он должен получить самую прекрасную, потому что он был очень великим святым, очень аскетичным. Когда он был на земле, он никогда не коснулся ни одной женщины. Что говорить о прикосновении? Он даже никогда не позволял ни одной женщине входить в его дом. Он никогда не видел ни одну женщину в лицо. Если он и должен был говорить с женщиной, он всегда смотрел вниз или держал глаза закрытыми. Он прошёл через великую аскезу! Теперь он должен быть вознаграждён!»

Ученик прибыл и увидел своего мастера, и, действительно, тот был вознаграждён. Он сидел под деревом, прекрасным деревом, золотым деревом,

листья были изумрудные, а цветы брильянтовые, и Мэрилин Монро, совершенно обнажённая, обнимала его. Ученик упал к ногам мастера и сказал:

— О, мой великий мастер, я ожидал этого! Это должное! Вы полностью вознаграждены.

А мастер сказал:

— Ну, ты, тупой идиот! Прикуси язык, ты ничуть не вырос. Ты ничего не понимаешь. Не она — моё вознаграждение, а я — её наказание!

Ох уж эти жадные люди...

Дев Алла, если вы знаете из собственного опыта, что в конечном счёте всё приводит к разочарованию, всё приносит радость только на какой-то момент, тогда почему бы не быть счастливым в этот момент? К чему требовать, чтобы это было навечно?

Я учу вас наслаждению моментом. Живите в моменте, и всем тем, что бы данный момент ни делал доступным, наслаждайтесь, празднуйте это. Даже если он последний, танцуйте! А когда он ушёл, будьте благодарны за то, что он был. К чему спрашивать... *Нет ничего, что могло бы полностью удовлетворить, что было бы достаточным.* С этим ничего не поделаешь! Так это есть. Такова реальность, и реальность не собирается для вас менять свои предельные законы. Никто не может быть исключением.

Но если это ещё не стало вашим собственным переживанием, тогда вы будете должны страдать немного больше. Вы будете должны надеяться немного больше. Когда возникает понимание, надежда исчезает. Это не означает, что человек становится отчаявшимся, это просто значит, что человек принимает жизнь такой, какая она есть, и что бы она ни приносила, человек принимает с благодарностью и без возражений.

Для того, чтобы получить работу на железной дороге, Анджело должен был пройти тест.

— Предположим, два поезда движутся навстречу друг другу со скоростью сто миль в час по одному и тому же пути, — спрашивает менеджер по набору кадров. — Что вы будете делать?

— Я, эта, возьму красный флажок и помашу, эта, им для э-стоп, — отвечает Анджело.

— Но у вас нет красного флага, — заостряет человек.

— Тогда я э-возьму железнодорожную стрелку и поменяю пути.

— У вас нет железнодорожной стрелки.

— Ну, в этом случае, — решает итальянец, — я позову мою жену, Марию.

— Что же может сделать ваша жена с двумя поездами, идущими навстречу друг другу со скоростью сто миль в час? — воскликнул ответственный за набор кадров.

— Я э-скажу ей, чтобы она спустилась и посмотрела э-крупнейший бедлам во вселенной!

Вы можете делать всё, что зависит от вас, но когда ничего нельзя сделать, лучше позвать жену и посмотреть, и получить от этого удовольствие! Учитесь наслаждаться в жизни не только удовольствиями, но так же и болью, не только экстазом, но и агонией. И человек, который способен получать наслаждение и от агонии, становится освобождённым.

Пятый вопрос

Бхагван, в течение двух месяцев, которые я здесь нахожусь, я часто ощущаю опасность нового вида тоталитаризма. Он постоянно преподносится как решение: будьте тотальными там и сям, даже в «нет» будьте тотальными. Быть тотальными, целостными, без какой-либо фрагментации — не это ли заключительное состояние, конечная стадия на пути?

Не является ли это той темой, создающей новый идеал, со всеми его последующими невротизмом и разочарованиями? Во всяком случае, для меня, не будучи суперменом, самое редкое, что я способен делать, — это существовать, чувствовать себя тотально во всём, и у меня нет причины надеяться, что это когда-нибудь случится как непрерывное состояние. Поскольку это кажется условием для всех вещей, которые здесь обещают, остаётся ли ещё для меня какая-нибудь надежда?

Эдвард Повел, тотальность — это не цель. Тотальность — это не перфекционизм, не тенденция ко всеобщему совершенству. Тотальность, целостность — это видение, рассматривающее жизнь в другом свете. Например, вы разгневаны. Вы можете сердиться в полсердца, с оглядкой, тогда остающаяся часть, которая не была выражена, останется в вас как яд.

И если так будет происходить снова и снова, вы будете постоянно аккумулялировать в себе яд. Тогда придёт момент, когда вы не будете рассержены чем-то в частности, но, тем не менее, будете гневными вообще без причины. Именно такие люди и есть — они просто гневные, гневные беспричинно, потому что в данный момент нет причины быть сердитыми, но весь гнев, который они подавили раньше накопился, глубоко вошёл в их кровь, отравил их, стал ядовитым. Он создал определённую мускулатуру, ложный тип мускулатуры в их телах. И это разрушит очень много прекрасного в их жизни.

Если такой человек пойдёт посмотреть заход солнца, он не увидит в этом никакой красоты. Он в таком неистовстве! Если такой человек пошёл бы слушать музыку, он бы не был способен услышать её, поскольку, чтобы быть способным слушать великую музыку, нужно быть в расслабленном состоянии. Он не может расслабиться. Он несёт так много напряжения, напряжение, накопленное за всю жизнь...

Когда я говорю быть тотальным целостным, я просто имею в виду... Я не даю вам идеал сверхчеловека. Я просто даю вам чисто человеческую точку зрения, того, что когда вы в гневе, тогда *будьте* гневными! Не подавляйте гнев. Если слишком рискованно быть с кем-то гневными, тогда идите в вашу комнату и будьте гневными в одиночку, но выразите это. Бейте подушку, кричите на стены, сделайте изображение вашей жены и бейте его! Но *делайте* что-нибудь — сделайте то, что бы вы на самом деле хотели сделать с вашей женой.

Это в самом деле неплохая идея — иметь изображение вашей жены или, если вы жена, изображение вашего мужа, чтобы когда бы ни возникла необходимость, вы могли пойти и быть настолько мерзкими, насколько вы могли бы быть, без всякой опасности расплаты. И вы удивитесь: после избияния своей жены в её отсутствие, после выкрикивания гадких вещей, использова-

ния слов из трёх букв, когда затем вы увидите свою жену, вы будете удивлены: вы почувствуете сострадание к ней. Может быть, вы даже опустите готовность извиниться. Может быть, вы окажетесь способным увидеть её по-новому, потому что вы больше не несёте тот тонкий слой гнева — вы будете освобождены от него. Может быть, спустя годы, вы вновь окажетесь способным увидеть её лицо.

Когда я говорю о том, чтобы быть целостными, тотальными, я просто имею в виду не подавлять вещи, потому что подавление обязано отразиться на вас, отрикошетит в вас, поскольку эти подавляемые вещи возьмут реванш, они могут однажды взорваться в отместку с бешеной силой. Эти подавляемые вещи создают все виды невротиков и психически больных людей в мире. Быть целостным, тотальным не цель! Быть тотальным — это только образ жизни.

Вы говорите: *Быть целостным, без какой-либо фрагментации — не это ли заключительное состояние?..*

Да, это в самом деле заключительное состояние, но этот первый шаг есть так же и последний, начало является и концом. Это средство достижения и это — цель. Вам нужно начать. Я знаю, вы не можете быть целостными прямо сейчас. Мало-помалу вы сможете становиться целостными, потому что общество не позволяло вам быть целостными ни в чём, оно не позволяло заходить так далеко. Оно сделало вас очень прохладным, равнодушным, оно забрало из вашего существа всю энергию страстности. Поэтому вы в действительности не любите безумно, безрассудно, вы не становитесь по-настоящему безумно гневным, вы не разделяете что-то целостно, полностью, вы не можете откровенно общаться — всё только еле-еле. Поэтому так много пыли скопилось на ваших лицах.

Целостность нужно начать, она начало и конец. Вначале это может быть трудно, поскольку вам нужно будет идти против потока общества, а это и есть саньяса: набраться храбрости быть самим собой. И я не ожидаю от вас того, что вы станете целостными прямо сейчас. Но решение может помочь. Если вы решили быть целостным, мало-помалу вы будете больше и больше целостными, градус за градусом, постепенно, однажды вы достигнете стоградусной отметки.

И чудо в том, что когда человек может войти в свои эмоции на сто процентов, всё, что было ошибочным, ложным, начинает исчезать. Это чудо! А всё, что было правильным, начинает расти. По-настоящему целостный человек не способен быть гневным. Вначале, когда вы начинаете, вы будете очень и очень гневными, но вскоре придёт момент, когда вы будете тотально разгневаны, и вы увидите всю тщетность гнева, его полнейшую абсурдность, всё его безумие. И когда вы это увидите, не потому, что так сказал Будда, или я так сказал, когда вы это увидите, он отпадёт. Видения, понимания достаточно. Вам не нужно отбрасывать гнев: он отпадает сам по себе.

Целостный человек способен любить и неспособен ненавидеть. Целостный человек способен сострадать и не способен сердиться. Но это — вершина. Я не говорю вам быть Буддой прямо сейчас. Но нужно где-то начать, нужно начать движение в направлении того, чтобы быть Буддой.

Вы правы: это окончательное состояние, последняя стадия на пути. Но и путь — тоже часть окончательной стадии. Путь и цель не отделены. Цель — это просто другой конец пути. Начало — это *этот* конец, а цель — это *тот* конец, и путь соединяет их оба, он мост.

Эдвард, я не учу вас никаким идеям всеобщего совершенства, я не даю вам никаких идеалов. Тотальность, определённо, не идеал — это звучит так, как будто он является им. Тотальность — это просто другой стиль жизни. Тот образ жизни, который сейчас можно назвать частичным: только части вашего существа позволяют появиться на поверхности, только верхушке айсберга. Вы живёте во фрагментах, вы живёте расщеплённо. Такая жизнь — это разновидность шизофрении.

Результатом этого должно быть страдание — страдание и только страдание. Блаженство является результатом бытия целым, интегрированным, всеобъемлющим. Именно в этом и заключается значение слова «йога»: соединение, слияние, интеграция, единство.

Вы говорите: *У меня нет причины надеяться, что это когда-нибудь случится как непрерывное состояние.*

Кто велит вам сделать это непрерывным состоянием? Почему мы всегда думаем о будущем? Зачем мы для всего создаём излишние сложности? По одной простой причине — это повод. Сначала вы делаете нечто очень трудным, а затем вы можете сказать: «Это невозможно, я не могу это сделать», — и с этим покончено. Для этого не нужно быть целостным, для этого не нужно быть непрерывным.

Вот почему, хотя это выглядит противоречиво, парадоксально, но я говорю вам, что тогда, когда вы иногда не целостны, тогда будьте целостными в этом, тогда не будьте целостными! Тогда примите это, что: «В данный момент я не целостен». Тогда не прячьте это, не боритесь с этим. Если это невозможно, — это невозможно. Не чувствуйте вину за это, вы не совершаете греха. Это ваша жизнь: если вы иногда хотите быть целостным, хорошо, если иногда, для разнообразия, вы получаете удовольствие от того, что не целостны, прекрасно!

Шестой вопрос

Бхагван, газета «Раджкот» из Джай Хинд, недавно цитировала премьер-министра Морарджи Десаи, который, когда его спросили о людях Запада, приехавших в этот ашрам, сказал, что они «мусор Запада, выброшенный из их обществ». А когда его спросили о создании Международного Университета Раджниша, он сказал, что все такие университеты, где бы они ни существовали, должны быть закрыты. Он сказал, что не хочет, чтобы появлялись такие

университеты, и что вы весь день только и говорите о сексе. Он также выразил своё «огромное негодование в отношении такой непристойной организации» и заявил, что он хотел бы закрыть их во всём мире, что они совсем не нужны. Есть ли у вас какие-нибудь комментарии?

Кришна Прем, это просто бред собачий! (Bullshit буквально: «бычье дерьмо». — *Прим. пер.*)

Последний вопрос

Бхагван, почему вы пользуетесь таким прямым языком против политиков? Не могли бы вы быть не слишком прямым и более дипломатичным?

Гириш, я не ожидаю, что политики поймут даже прямой язык. Если я не буду прямым, нет никакой надежды, что они поймут когда бы то ни было. Они не понимают даже мой абсолютно прямой, откровенный, простой язык. Я не смягчаю слова. Я просто говорю их, какие они есть. Даже их они не могут понять.

По сути, только третьесортные умы становятся заинтересованными в политике. Всякий, у кого есть хоть какой-то интеллект, будет заниматься чем-нибудь ещё. Он может стать учёным, он может стать поэтом, танцором, музыкантом. Он может быть мистиком. Почему из всей тьмы вещей он предпочёл бы стать политиком? Это только для тех, у кого нет больше никакой возможности выражения себя, у кого больше ни на что не хватает интеллекта.

Политику не нужна ни другая квалификация, ни талант. По сути, чем меньше у него интеллекта, тем больше у него возможности преуспеть.

Турист посещает Нью-Дели. Гулявшего поздно вечером по неплодной улочке визитёра остановил бандит.

— Отдавай свои деньги! — пригрозил тот. — Или я вынесу твои мозги.

— Снесу... — сказал турист.

В Нью-Дели вы можете жить и без мозгов, но не можете жить без денег. Я должен быть прямолинейным. И я не политик, так почему я должен быть дипломатичным? Истина никогда не дипломатична, она пряма.

Политики не могут понять, что я здесь делаю, и я не ожидаю от них понимания. Было бы прекрасно, если бы они просто игнорировали нас. Этого будет достаточно. Если они забудут о нас вообще, это свыше всяких ожиданий.

Немецкий философ просил Адольфа Гитлера, чтобы тот не третировал евреев по той простой причине, что, как он сказал, они такие сообразительные.

— Что заставляет вас думать, что евреи сообразительные? — спросил диктатор.

— Пойдёмте, и я покажу вам.

Он привёл лидера нацистов в Подарочную Лавку Гутмана и сказал:

— Спросите у него заварочный чайник для левой руки.

Фюрер так и сделал. Гутман пошёл на склад магазина, отыскал заварочный чайник, перевернул его, и вернулся.

— На вашу удачу, — сказал Гутман, вручая чайник Гитлеру. — У меня как раз нашёлся один для левой.

Выйдя на улицу, философ сказал:

— Вы видите, вот что я имел в виду, говоря о том, что евреи сообразительные?

— Где же тут сообразительность? — воскликнул Гитлер. — У него просто нашёлся один левый.

Вы не можете ожидать от политиков большого понимания. Они должны неправильно понимать даже мои прямолинейные заявления. А если я стану делать непрямы́е заявления, то будет ещё больше сложностей. Тогда будет гораздо больше возможностей для неправильного понимания.

Леви в пятницу вечером закрыл свою лавку и отправился в храм на службу, не подозревая, что у него расстегнута ширинка. У входа он встретил миссис Вейс, президента Женского Общества.

— Я не хочу ничего сказать, — сказала она стеснительно. — Но ваш бизнес открыт.

— Вы ошибаетесь, леди, — сказал Леви.

— Поверьте мне, — сказала миссис Вейс, заливаясь краской. — Ваш бизнес открыт.

— Вы с ума сошли! — закричал Леви, шарахаясь внутрь. — Я каждую пятницу закрываю магазин, чтобы прийти сюда. (С вечера пятницы традиция запрещает евреям работать. — Прим. пер.)

Позже, уже дома, Леви увидел свою открытую ширинку и понял, что миссис Вейс просто пыталась сказать ему об этом деликатным образом. Он позволил ей немедленно.

— Я хотел бы извиниться, — сказал он, тоже стараясь быть тактичным. — Но только скажите мне одну вещь: когда мой бизнес был открыт, мой продавец был внутри или снаружи?

Глава 10

Музыка, не извлечённая пальцами

Слышали ли вы музыку, исходящую не от пальцев?
Глубоко внутри дома, притягивающая музыка.
Какой смысл покидать свой дом?

Возможно вы полируете свою моральную оболочку,
пока она не заблестит,
Но если внутри нет музыки,
Что тогда?

Сын Мухаммеда погрузился в слова,
следит за тем и этим,
Но если грудь не напитана дотемна любовью,
Что тогда?

Йог ходит в своих знаменитых оранжевых одеждах.
Но если внутри он бесцветный,
Что тогда?

Кабир говорит:

Каждое мгновение восхода солнца, стою я в храме или на балконе, на жарком лугу или в огороженном саду, Господь мой занимается любовью со мной.

Музыка, не извлечённая пальцами

Что такое Бог? В тот момент когда вопрос задан, в уме возникает идея о нём, как о личности, но Бог — это не личность. Те, кто думает о Боге, как о личности, с самого начала начинают двигаться в неправильном направлении. Они никогда не достигнут. Они будут ходить кругами, они будут в постоянном путешествии, но они никогда ни к чему не придут.

Если первый шаг был ошибочным, тогда и все другие будут неправильными. Первый шаг должен быть абсолютно правильным, потому что первый шаг — это половина пути. По сути, что касается вас, первый шаг — это всё путешествие, поскольку следующий шаг будет сделан по направлению к вам Богом.

Вы делаете один шаг, он делает другой — и происходит встреча. Дистанция между вами и Богом всего в два шага. Но инициатива должна исходить с вашей стороны.

Бог — это не личность, но именно об этом вам твердили в течение веков. Бог — это присутствие. Бог не субстанция, материя, а значение, смысл. Когда Бог понят, как значение, ваша жизнь начинает меняться. Тогда вы не спрашиваете о Боге, есть он или нет, тогда вы больше не интересуетесь теологией. Вся теология становится хламом. Тогда вы начинаете двигаться в совершенно другом направлении, в совершенно другом измерении.

Если Бог — это значение, тогда вы должны создать в вашей жизни некий смысл, потому что только смысл может встретить смысл. Вы должны создать в своей жизни значение, потому что только значение может встретить значение. Вам нужно стать более осознанными, любящими, более эстетичными, более чувствительными.

Если бы Бог был личностью, тогда должен был быть бы совершенно другой подход. Бог — не личность, а только аромат, благоухание. Вам будет нужна огромная чувствительность, чтобы постичь это значение, этот аромат, эту музыку.

В этих сутрах сегодня, Кабир говорит о чём-то очень существенном, фундаментальном. Слушайте его слова — не только слышите, а слушайте. И не только слушайте: медитируйте с ним, идите за ним. Он не философ, он не предлагает системы мышления — он поэт. Он воспевает своё собственное переживание. Он не интересуется концепциями. Он изливает в песнях своё сердце, он изливает себя в своих словах.

Вам нужно быть очень чувствительными, чтобы понять это великое поэтическое выражение мистицизма, это великое поэтическое выражение рели-

гии. А религия может быть выражена только через поэзию, через музыку, через танец. Все другие способы выражения религии не достигают цели, оказываются неадекватными. На мистическое можно указать только чем-то мистическим. К Богу нельзя приблизиться через ум, полный вычислений и математики. К Богу невозможно приблизиться через прозу. Дверь открыта только, когда вы идёте к нему через поэзию.

Поэзия более текуча, более нечётка, не так тверда, как проза. Проза говорит чётко, поэзия только намекает. Проза кричит, поэзия только шепчет. Проза для земного мира, поэзия для сакрального.

Поэтому, когда бы человек ни становился Буддой, его речь, без всякого усилия, становится поэзией. Он может не сочинять поэзию буквально, но всё, что бы он ни говорил, всё то, каков он есть, — это поэзия.

Кабир был совершенно неграмотным, никогда не ходил ни в какую школу, не мог ни читать, ни писать, но тем не менее, когда это произошло, он распустился в великую поэзию. Когда это переживание возникло в его существовании, когда двери открылись и обнажилось таинственное, он расцвёл тысячей цветов. Нет других поэтов, которых можно было бы сравнить с Кабиром. Были большие поэты, чем Кабир, но они были не более чем поэты, талантливые, с большим мастерством, но у Кабира было личное переживание божественного, которого не было у других поэтов. У Кабира это была не просто болтология: это был его глубоко прочувствованный опыт — экзистенция.

Слышали ли вы музыку, которая исходит не от пальцев?

В оригинале так:

*Sunta nahin dhun ki khabar,
anahad ka baja bajta?
Sunta nahin dhun ki khabar...*

Почему вы не вслушиваетесь во внутреннюю музыку, звучащую в вас непрерывно? Вы созданы из неё! Это не что-то внешнее, чуждое вам. Она не приходит снаружи. Эта музыка самого вашего существования, вашего существа — это музыка вашей внутренней гармонии, музыка вашего внутреннего ритма.

Sunta nahin dhun ki khabar...

Почему вы не слушаете внутренний ритм вашего существа? Куда вы всё несётесь? А ищите вы именно этот внутренний ритм, внутреннюю гармонию — иногда посредством денег, иногда через власть, иногда через престиж, иногда в столь многих видах взаимоотношений. Вы всё время ниществуете. Вы хотите знать нечто сверхъестественное, трансцендентальное, вы жаждете трансцендентального.

И иногда, даже в обычной жизни, оно происходит. Вы знаете эти моменты, когда внезапно однажды вы просыпаетесь утром, и всё кажется совершенно превосходным. Поют птицы, воздух благоухает, восходит солнце, и внезапно вы ощущаете, что всё спокойно, всё находится в мире. В этот момент вы больше не отделены — вы чувствуете огромную радость, возникающую в вас без всякой причины. Вы внезапно ощущаете вибрацию, полное омоложение, чувствуете, что вы дома. Может быть, глубокий ночной сон и отдых, может быть, прекрасное утро, пение птиц, свежий воздух, капли росы

на листьях травы — всё это создало контекст, ситуацию. Не посредством ваших усилий, а просто случайно вы впали в гармонию с собой и существованием. И помните, это всегда случается вместе: когда бы вы ни впали в гармонию с самим собой, вы впадаете в гармонию и с существованием.

У гармонии есть две стороны: индивидуальная и универсальная, вселенская. Если индивидуум находится в гармонии, тогда нет никаких оснований, чтобы он не был в гармонии с целым. Если внутри вас исчезли все конфликты, даже на один единственный момент, в этот момент вы часть целого, вы больше не остров, вы больше не отделены. Все стены внезапно исчезли, вы больше не заключённый.

В этот момент вы знаете славу, величие того, чем является жизнь. Это величие, этот блеск и есть Бог, это ощущение и есть Бог. Бог — это переживание этой гармонии. Бог — не личность, а некое присутствие, нечто таинственное, неземное, что ощущается, когда вы в гармонии, а вы в гармонии и с существованием, — это единство, согласие. Это единство называется *dhun*.

Sunta nahin dhun ki khabar...

Прислушайтесь к этому согласию, которое доступно каждый момент вашей жизни! Оно происходит только случайно потому, что вы не подготовили себя для него, чтобы воспринимать его осознанно. Поэтому оно происходит только изредка.

Льва Толстого однажды спросили:

— Сколько раз вы в своей жизни испытывали экстазы божественного?

Он начал плакать, большие слёзы покатались из его глаз. Он сказал:

— Не больше семи раз в моей семидесятилетней жизни, но я благодарен за эти семь моментов. Я так же и несчастен, потому что в эти моменты было так очевидно, что они могли бы быть ароматом всей моей жизни. В эти моменты, я был так уверен, что это могло бы быть моим переживанием из дня в день, из года в год, это могло бы продолжаться всю мою жизнь, это могло бы стать моей особенностью, моим привкусом. Но этого не случилось. Эти моменты сами по себе пришли и сами по себе ушли. Но всё же я благодарен Богу, что даже без каких-либо осознанных усилий с моей стороны, иногда он стучался в мои двери.

Это случается с каждым, это случается вопреки вам. Если вы оглянетесь назад, вы можете вспомнить несколько моментов, и это будут моменты, когда вы были совершенно расслаблены, когда в вашем уме не было никаких особенных желаний, когда вы не беспокоились, когда вы не были напряжены, когда вы просто как-то были.

Тщательно наблюдайте эти случайные внезапные моменты, потому что они — секретный ключ. Так были открыты основы религии: наблюдая эти внезапные моменты, которые приходят и уходят, и никогда не знаешь почему они приходят и почему они уходят, наблюдая ситуацию, пространство, в котором они происходят, люди начинают пытаться создать эту ситуацию.

Если это случается в расслабленном состоянии, когда вы очень свободны, не напряжены, тогда вы можете создать эту ситуацию! Вы можете расслабиться. Если это происходит с вами во время плавания, вы можете плавать и создать ситуацию. Или если это происходит с вами во время бега, а это происходит с различными людьми различными способами. Многие бегуны знают,

что если продолжать бежать свыше определённого предела времени, продолжаете бежать, продолжаете бежать, внезапно это происходит: потому что энергия человека имеет три пласта, три слоя.

Первый слой только для ежедневной активности. Это очень тонкий слой. Его достаточно для вашего офиса, жены, детей — обычной жизни. Второй слой для чрезвычайных обстоятельств: ваш дом в огне. Вы могли чувствовать себя очень утомлённым после целого дня работы, и вы пришли домой и надеетесь хорошо отдохнуть, и внезапно, когда вы пришли домой, ваш дом в огне. Тут же вся усталость исчезает — вы больше не утомлённый. Вы полностью забываете об отдыхе и всю ночь стараетесь потушить огонь. И даже после того, как вы проработали всю ночь, вы не чувствуете усталости. Здесь уже не работает обычный слой энергии, он исчерпан, начал работать слой чрезвычайных обстоятельств.

А третий пласт ещё глубже этого. Если вы продолжаете и продолжаете... Например, если вы продолжаете работать один день, другой, третий, тогда слой энергии для чрезвычайных ситуаций тоже закончится, и тогда вы соприкоснётесь с космическим пластом. А он и есть источник жизни, и он неисчерпаем. Когда бы вы ни пришли в контакт с ним, огромная радость начинает переполнять вас.

Это иногда случается с джоггерами (бегунами трусцой), бегунами, пловцами. Первый слой закончен, тогда начинается второй слой, и если вы продолжаете бежать, второй уровень тоже заканчивается, — и тогда в этот момент вы в контакте с третьим, и огромный экстаз возникает без всякой причины.

Это может произойти с вами во время занятия любовью. Это может случиться с вами, когда вы слушаете музыку. Это может случиться с вами, когда вы просто лежите на своём диване ничего не делая. Это может произойти с вами во время рисования, когда вы поглощены, полностью поглощены им. Это может происходить тысячьё способами. Но смотрите, когда бы это ни происходило, когда бы эти моменты огромного блаженства ни приходили к вам, когда бы Бог ни стучался в ваши двери, смотрите, в какой ситуации это происходит. Будьте бдительны! Посмотрите вокруг — в каком пространстве это происходит? И тогда у вас есть ключ. Когда бы вы ни создали эту ситуацию, это пространство, этот момент придёт опять.

Вы не можете сделать так, чтобы он произошёл, но вы можете сделать себя доступным для того, чтобы это произошло. Вы не можете заставить это произойти, но вы можете создать всё необходимое для того, чтобы это произошло. Это не будет действием с вашей стороны: это происшествие. Но всё же вы можете сыграть большую роль. Именно так были открыты все техники медитации. Это то, как Йога пришла в существование.

Sunta nahin dhun ki khabar...

Это согласие, эта гармония существует в вас, потому что без неё вы не можете жить. Эта музыка уже есть, скрыто течёт в вас, потому что эта музыка и есть ваша связь со всем сущим. Стоит её оборвать — и вы умрёте. Вы живы, и это — достаточное доказательство того, что эта музыка существует. Только войдите глубоко в ваше собственное существо и найдите, где она существует.

Слышали ли вы музыку, исходящую не от пальцев?

Эта музыка не создаётся пальцами при помощи каких-либо музыкальных инструментов. Внутри вас нет никаких музыкальных инструментов, и нет никого, кто бы на них играл. Это чистая музыка.

В индийской мистике для этого используется специальное слово: *Anahad ka baja bajita* — Анахад — безграничное и нерукотворное. Это звук хлопка одной ладонью. Но индийские мистики пошли немного глубже, они говорят, что нет даже одной хлопающей ладони: нет ни руки, ни инструмента, но чистая музыка, только музыка.

Опыт мистиков заключается в том, что жизнь состоит из материала, называемого музыкой. Так же, как физики говорят, что жизнь состоит из электронов, электричества, мистики говорят, что жизнь состоит из музыки. И в известном смысле и те, и другие правы, потому что музыка — это не что иное, как определённая вибрация электричества, и это может быть верным, и наоборот: электричество может быть не чем иным, как определённая концентрация музыки, звука.

Слышали ли вы музыку, которая исходит не от пальцев?

Кабир говорит со своими учениками, которые пришли искать Бога. Кто-то, должно быть, спросил его о Боге, и он говорит о музыке. Говорить о Боге почти бессмысленно, но говорить о музыке, несомненно, очень важно. Если вы можете услышать вашу внутреннюю музыку, вы познаете, что есть Бог.

*Глубоко внутри дома
притягивающая музыка —
Какой смысл покидать свой дом?*

И Кабир говорит: «Где вы собираетесь искать Бога?» Люди идут в Каши и Каабу, люди идут в Иерусалим и Тибет, люди идут во всевозможные места в поисках чего-то значимого, значительного. Они чувствуют, что их жизнь бессмысленна, пуста, они чувствуют, что их жизнь не что иное, как долгая-долгая повесть, рассказанная идиотом. Они знают, что их жизнь просто шум, бессмысленный, тарабарщина. Они знают, что глубоко внутри нет ничего, кроме пустоты, бренности. И они ищут: должен быть некий источник, который мог бы утолить их жажду. Должно быть некое место, где они встретятся с Богом, где они могут достичь чего-то значительного, некоего смысла, где их жизнь может иметь некий смысл. Но это — тщетный поиск. Они будут разочарованы снова и снова, потому что истина, которую они ищут, уже внутри их существа. То, что они ищут, находится в самом искателе, искомое в искателе. Вам не нужно никуда идти. Вы просто должны научиться, как никуда не ходить.

Величайшее искусство — это просто быть, не ходя никуда. Не ходя в прошлое, не ходя в будущее, не погружаясь в желания, в психологические пространства, психические странствия — *никуда* не ходить, просто быть. Прямо сейчас! И если вы просто здесь, немедленно ощущается нечто, нечто неосознаваемое. Вы не можете этого никому показать, вы не можете разделить ваше переживание с тем, кто не знает этого. Но всё ваше существо начинает ощущать что-то вроде опьянения. Вы становитесь полными жизненных соков, вы

становитесь полными жизни, и очень непрямого, тонкого, едва уловимого ощущения присутствия чего-то большего, чем вы, — это и есть то, чем является Бог.

Глубоко внутри дома...

В оригинале так:

*Ras mand mandir baja,
bahar sune to kya hua?*

Кабир говорит: «Эта музыка уже существует внутри вашего храма». Кабир называет вас «храмом» — кроме вашего тела, в мире нет другого храма. Ваши тела — это храмы, священные места, потому что святая святых находится в вас. И смотрите, что говорят вам ваши священники, что твердят вам так называемые святые. Они учат вас жизнеотрицающей позиции, отрицающему тело подходу. Они твердили вам, что тело преступно, что тело — источник греха. Они учили вас, что вы должны мучить своё тело, разрушать своё тело. Они учили вас, что пока вы не разрушите своё тело окончательно, вы не будете способны познать Бога.

Истина как раз в обратном: пока вы не полюбите ваше тело беспрдельно, не станете уважать своё тело безмерно, вы никогда не сможете познать Бога, потому что тело его внешнее выражение. Если тело — это храм, тогда Бог — это божество, находящееся внутри.

Ras mand mandir baja...

Внутри храма вашего тела уже существует музыка: просто войдите внутрь. И слово *ras* должно быть понято. *Ras* буквально означает сок, сущность, дух. И вы удивитесь, узнав, что мистики этой страны называют Бога «предельным соком», «окончательным соком»: *rasao vai saha* — он является окончательным соком. Но если вы пойдёте к вашим так называемым святым, вы обнаружите, что они очень сухие, вообще без жизненных соков. Вы найдёте их почти мёртвыми, без какой бы то ни было жизни, текущей в них. Они разрушили свои тела, они живут почти что мёртвыми. Но это очень уважается. Что случилось на самом деле? Что пошло не так? Почему эти патологичные люди, умственно ненормальные люди, стали столь влиятельными? Почему они завладели религией?

У невротичных людей есть одно качество: качество фанатизма. Только невротичные люди могут быть фанатиками, и очень трудно бороться с фанатиками. Где бы фанатик не был, рано или поздно он собирается стать лидером. Он настолько назойливый, причиняющий беспокойство, что вы должны сделать его лидером, только это успокоит его. Он может быть в покое только тогда, когда он на вершине, когда он босс.

Невротики имеют тенденцию становиться лидерами. Адольф Гитлер был невротиком, и он стал одним из величайших лидеров в истории человечества. Он был психопатом, а у психов есть несколько качеств, которых не может быть у нормального человека: они соревнуются, и они соревнуются со всей их энергией, они соревнуются безумно, бешено. Поскольку они такие бешенные, сумасшедшие, они не думают, они действуют. Пока нормальный человек думает, сумасшедший человек действует. Нормальный человек продолжает думать, а псих уже добрался, действовал и закончил. Нормальный чело-

век думает о последствиях, сумасшедший ничего не думает, он просто несётся вперёд.

Адольф Гитлер стал лидером в политике, и в религии лидерами становятся люди такого же рода. Также у патологичных людей есть тенденция объединяться. Здоровый человек хочет, чтобы его оставили в покое, потому что он любит своё одиночество, ему нужно его собственное пространство, он хочет свободы — свободы от толпы. А сумасшедший человек хочет толпу. Оставаясь один, он становится беспокойным: в своём одиночестве он начинает видеть своё безумие. Он всегда идёт в толпу; он хочет жить в толпе двадцать четыре часа в сутки — он любитель толпы.

Здоровый человек движется в одиночку, а ненормальный человек ищет толпу. Ваши религии — не что иное, как толпы. Христианство, индуизм, ислам, джайнизм — различные толпы. Когда Мухаммед стал просветлённым, он был один, медитировал в горах. Когда Будда стал просветлённым, он был один, медитируя под деревом на берегу реки Нираяны — один. Когда Маха-вира стал просветлённым, он был в лесу, абсолютно один, стоя под деревом обнажённым на солнце.

Просветление происходило с людьми, когда они были абсолютно одни. Но лидерство не приходит таким образом. Лидерство приходит, когда вы движетесь в толпу. И не только это: когда вы исполняете ожидания толпы, глупые ожидания, суеверные ожидания, но вы должны исполнять ожидания толпы — тогда вы становитесь лидером, религиозным или политическим. У сумасшедшего человека огромные организационные способности, способности к объединению. Поскольку они исполняют ожидания толпы, толпа уважает и почитает их, и толпа боится, каждый боится, и толпа хочет объединения, потому что объединённость кажется ей силой.

Должностное лицо из NAACP (Национальная Ассоциация содействия прогрессу цветного населения — США. — Прим. пер.) позвонил в Библиотеку Конгресса и сказал заведующему, что в библиотеке хранится восемнадцать тысяч книг со словом «нигер», и что все эти книги должны быть изъяты в течение недели.

— Но, — запротестовал библиотекарь, — у нас есть пятьдесят тысяч книг со словом «ублюдок».

— Я знаю, — сказал чиновник, — но эти ублюдки не организованы.

В этом мире организация есть сила, и сумасшедших людей, как магнитом, тянет организовываться и объединяться. Они не могут быть одни, они ищут других, и другие, кто не может быть в одиночестве, они тоже ищут. Это становится обоюдным соглашением.

Религии, в истоке, родились из медитативной самодостаточности, но в тот момент, как становится известно, что Будда стал просветлённым, сумасшедшие люди начинают организовываться, сумасшедшие люди начинают собираться в толпу. И эта толпа, в конце концов, кристаллизуется в индуизм, мусульманство, христианство. Все их представления базируются не на просветлении основателей религии, настоящих основателей, нет, но на псевдо-основателях, священниках.

А эти священники говорят вам, что жизнь нерелигиозна, что тело должно быть отвергнуто, что это не храм и не место для поклонения.

Кабир говорит совершенно противоположные вещи, что является и моим акцентом: тело священно, потому что *всё* священно!

Слышали ли вы музыку, которая исходит не от пальцев?

Глубоко внутри дома притягивающая музыка.

Какой смысл покидать свой дом?

Куда вы идёте? Вам не нужно покидать тело, вам не нужно покидать ничего, вам не нужно ничего отвергать! Помните: Кабир никогда ничего не отвергал. Он жил очень обычной жизнью, просто как живут все другие, жизнью домохозяина. Он был отцом, мужем, и всю свою жизнь он продолжал работать. Он был ткачом: он продолжал ткать одежды. Даже когда у него были тысячи учеников. И много раз ученики приходили к нему и говорили: «Вам не нужно работать вообще. Мы готовы обеспечивать вас всем, и вам не нужно многого. Почему вы продолжаете работать?»

А Кабир смеялся и говорил: «Вы не понимаете. Я работаю для Бога, я тку одежды для Бога, потому что покупатели, которые приходят покупать у меня одежды, божественны. Как я могу прекратить работу?»

Это качество и есть истинная религиозность. И это качество возможно, только если вы влюблены в жизнь, а влюблённость в жизнь создаёт *ras* — сок. Тогда вы не делаетесь сухим, тогда вы не становитесь пустыней, тогда вы становитесь оазисом.

Так называемые религиозные люди этой страны против меня, потому что я учу вас пути *ras*: пути жизни, любви, жизненных соков, музыки — потому что я учу вас становиться оазисом, а не пустыней; потому что я хотел бы, чтобы вы были в постоянном праздновании, потому что я не учу вас отречения, но празднованию, и все эти люди, которые несут эту абсурдную идею отречения от мира, обязаны быть против меня. Естественно, этого можно ожидать. Так было всегда, и, к сожалению, кажется, что за тысячелетия человек так совсем ничему не научился. Он сегодня тот же самый, каким был во времена Будды, каким он был во времени Иисуса, каким он был во времена Кабира.

Возможно, вы полируете свою моральную оболочку, пока она не заблестит,

Но если внутри нет музыки, что тогда?

Мораль — это не религия, хотя религиозный человек всегда морален, но это не наоборот: моральный человек совсем необязательно религиозен. Религиозный человек неизбежно морален, потому что религия означает переживание божественного: тот, кто испытал присутствие божественного, как он может быть аморальным? По сути, он является критерием, определяющим фактором того, что морально.

Всё, что ни сделал бы просветлённый человек — морально, нет другого способа, чтобы это решить. И не то чтобы он старался делать то, что морально: всё, что бы он ни сделал, морально. Он не может никому причинить вреда, он благословение для всего существования. Когда Бог благословил его,

что ещё ему остаётся делать, как не благословлять существование? То, что Бог дал ему, он продолжает давать всем остальным. Его сердце наполнено блаженством, и это блаженство начинает переливаться через край. Это изливающееся блаженство и есть истинная моральность.

Моральность означает сострадание, моральность означает любовь, моральность означает созидательность; моральность означает делание мира более лучшим, чем тогда, когда вы его обнаружили, оставить его немного более красивым, дать ему новый план, новый уровень, новое измерение существования.

Аморальный человек деструктивен, поскольку он несчастен, он и с другими может поделиться только несчастьем. Помните, что вы можете дать другим только то, что у вас есть. Если вы несчастны, что вы говорите не имеет значения, вы будете делать и других несчастными. Если вы блаженны, вам не надо ничего говорить — вы будете делать людей блаженными. Само ваше присутствие будет запускать некое блаженство в их существе. Само ваше присутствие будет вызывать синхронность в других. Ваша музыка, ваш сок будут создавать пульсацию радости — всё, что будет рядом с вами, будет заражаться вашей радостью, вашим восторгом, будет пьянеть — и это то, что и есть мораль.

Кабир говорит:

*Возможно, вы полируете свою моральную оболочку,
пока она не заблестит,*

*Но если внутри нет музыки,
Что тогда?*

Тогда какой в этом смысл? Да, этим можно заниматься, этим занимаются. Есть люди, которые постоянно совершенствуют характер, которые всё время культивируют мораль. Они становятся большими моралистами, пуританами, очень праведными. Они делают только то, что правильно, но это принуждённое делание, оно не самопроизвольно, не спонтанно — оно не исходит из их собственного существа, это просто принудительное явление. Это видимость, фасад. Они создали вокруг себя красивый занавес, за которым труп, воняющий труп, но на поверхности они украсили себя цветами. Толпа может обмануться в отношении их, но глубоко внутри они те же самые люди, даже ещё хуже, потому что всё, что они показывают на поверхности, фальшиво. Внутри они прямо противоположны. Они лицемерны. Они говорят одно, но сами они как раз противоположны этому, они что-то делают, но их существо никак не связано с этим. Они расщеплены, они шизофреники.

Из-за этого культивирования морали, мы всё человечество привели в состояние шизофрении. Каждый в большей или меньшей степени превратился в лицемера. Общество заставляет вас делать это. Если вы не будете этого делать, вы не сможете жить, не сможете выжить. Стало просто необходимостью, что вы не показываете свою реальность, свою подлинную сущность. Вы показываете только то, что люди хотят видеть, а всё остальное вы держите спрятанным внутри. Но тогда ваше внутреннее существо продолжает накапливать яды, яды и яды, и вы внутри живёте в аду, украшенном красивы-

ми цветами. И эти цветы к тому же пластиковые, потому что они не могут быть настоящими цветами. Настоящим цветам нужны корни в вашем существе.

Подлинно религиозный человек не навязывает самому себе никакой морали. Его моральность возникает из его сознания. Он не старается действовать правильно, он не старается избегать неправильного: он просто остаётся осознанным, и действует из своей осознанности, и всё, что бы он ни делал, правильно. По сути, невозможно осознанно сделать что-то неправильно.

Вот прекрасная история о великом мистике Нагарджуну:

Он был нагим факиром, но его любили все истинные искатели. Королева тоже была глубоко влюблена в Нагарджуну. Она однажды попросила прийти во дворец, стать гостем дворца. Нагарджуну пошёл. Королева попросила его об одном одолжении.

Нагарджуну сказал:

— О чём вы спрашиваете?

Королева ответила:

— Я хочу вашу чашу для подаяний.

Нагарджуну отдал ей, это была его единственная вещь — его чаша для подаяний. А королева принесла золотую чашу для подаяний, усыпанную алмазами, и дала ему.

— Теперь у вас будет это, — сказала она. — Я буду поклоняться вашей чаше для подаяний, которую вы носили столько лет, она хранит вашу вибрацию. Она станет моим храмом. А у человека, подобного вам, не должна быть обычная деревянная чаша для подаяний — возьмите эту золотую. Я сделала её специально для вас.

Чаша была поистине драгоценна. Если бы Нагарджуну был обычным мистиком, он бы сказал: «Я не могу касаться этого. Я отрёкся от мира». Но для него это было безразлично, так что он взял чашу.

Когда он вышел из дворца, его увидел вор. Вор не мог поверить своим глазам: «Гольный человек с такой драгоценной вещью! Сколько он сможет её охранять?» И вор последовал...

Нагарджуну остановился за городом в разрушенном древнем храме: без дверей, без окон. Одни руины. Вор был очень доволен: «Скоро Нагарджуну заснёт и тогда не будет никаких трудностей — я заберу чашу».

Вор притаился за стеной прямо у наружной двери, и Нагарджуну выбросил чашу через дверь. Вор не мог поверить в то, что произошло. Нагарджуну выбросил чашу, потому что он видел вора, идущего за ним, и он прекрасно знал, что вор шёл не за ним — вор шёл за чашей: «Так зачем излишне заставлять его ждать? Закончим с этим, чтобы он мог уйти, и я тоже смогу отдохнуть».

«Такая драгоценная вещь! И Нагарджуну так легко её выбросил». Вор не мог уйти, не поблагодарив его. Он знал совершенно точно, что чаша была выброшена для него. Он заглянул и сказал:

— Господин, примите мою искреннюю благодарность. Вы редкое существо — я не могу поверить своим глазам. И во мне возникло огромное желание. Я трачу свою жизнь будучи вором, а оказывается есть и такие люди, как вы? Можно, я войду и коснусь ваших ног?

Нагарджуну засмеялся и сказал:

— Да, я поэтому и выбросил чашу наружу, чтобы ты мог войти внутрь.

Вор был пленён. Он вошёл и коснулся его ног... и в этот момент вор был очень открыт, потому что он видел, что это не был обычный человек. В этот момент вор был очень уязвимым, открытым, восприимчивым, благодарным, озадаченным, ошеломлённым. Когда он коснулся ног, в первый раз в своей жизни он почувствовал присутствие божественного.

Он спросил Нагарджуну:

— Сколько жизней мне понадобится, чтобы стать таким, как ты?

Нагарджуна ответил:

— Сколько жизней? Это может произойти сегодня, это может произойти сейчас!

Вор сказал:

— Ты, наверное, дурачишься? Как это может произойти сейчас? Я вор, очень известный вор. Меня знает весь город, хотя они ещё не сумели поймать меня. Даже король боится меня, потому что трижды я проник и воровал из сокровищницы. Они знают это, но у них нет доказательств. Я главный вор — ты, может, не знаешь обо мне, потому что ты в этих краях чужестранец. Как я прямо сейчас могу измениться?

А Нагарджуна сказал:

— Если в старом доме веками была темнота и ты вносишь горящую свечу, может ли темнота сказать: «Я была здесь веками, я не могу исчезнуть просто потому, что вы принесли свечу. Я была здесь так долго». Может ли тьма сопротивляться? Будет ли разница, была тьма один день или миллион лет?

Вор понял смысл: тьма не может сопротивляться свету, когда свет приходит, тьма исчезает. Нагарджуна сказал:

— Ты можешь быть во тьме миллионы жизней, это не имеет значения, но я могу дать тебе секрет, и ты можешь зажечь свечу в своём существе.

— А как насчёт моей профессии? — спросил вор. — Должен ли я её бросить?

— Это уже тебе решать, — ответил Нагарджуна. — Я не касаюсь тебя и твоей профессии. Я только могу дать тебе секрет, как зажечь свет в твоём существе, а остальное на твоё усмотрение.

— Но когда бы я ни приходил ко всяким святым, они всегда говорят: «Сначала прекрати воровать, и только тогда ты можешь быть инициирован», — сказал вор.

Говорят, что Нагарджуна рассмеялся и сказал:

— Должно быть, ты ходил к вора́м, а не святым. Они ничего не знают. Ты просто наблюдай за своим дыханием — древний метод Будды — просто смотри за тем, как твоё дыхание входит, как оно выходит. Когда бы ты ни вспомнил, наблюдай за дыханием. Даже когда ты идёшь воровать, когда тыходишь ночью в чей-то дом, продолжай наблюдать за дыханием. Когда ты открыл сокровищницу и там алмазы, продолжай следить за своим дыханием; делай всё, что ты хочешь, но не забывай наблюдать за своим дыханием.

— Это кажется очень простым, — сказал вор. — Без морали? Никакого характера не нужно? Никаких других требований?

Нагарджуна сказал:

— Абсолютно никаких — просто наблюдай за своим дыханием.

Через две недели вор вернулся, но это уже был совершенно другой человек. Он упал к ногам Нагарджуну и сказал:

— Ты обманул меня, ты заманил меня в ловушку и сделал это так красиво, что я и не мог предполагать. Я пытался эти пятнадцать дней — это невоз-

можно. Если я наблюдаю своё дыхание, я не могу воровать. Если я вору, я не могу наблюдать за дыханием. Наблюдая дыхание, я становлюсь таким тихим, таким бдительным, таким осознанным, таким понимающим, что даже алмазы выглядят, как придорожные камни. Ты создал для меня проблему, дилемму. Что я теперь должен делать?

— Отстань! — сказал Нагарджуна. — Что хочешь, то и делай. Если ты хочешь этой тишины, этого мира, этого блаженства, которое возникает в тебе, когда ты наблюдаешь дыхание, выбирай его. Если ты думаешь, что эти алмазы, золото и серебро более ценны, выбирай их. Это твой выбор! Кто я такой, чтобы вмешиваться в твою жизнь?

Человек сказал:

— Я не могу снова выбрать быть неосознанным. Я никогда раньше не знал таких моментов. Примите меня в свои ученики, иницируйте меня.

— Я уже инициировал тебя, — ответил Нагарджуна.

Религия основывается не на морали, а на медитации. Религия коренится не в характере, а в осознанности. У подлинно религиозного человека вообще нет характера — он бесхарактерный. Но позволяйте мне определить, что я подразумеваю под «бесхарактерностью»: я не имею в виду обычный смысл, который вы обычно находите в словаре, потому что в словаре бесхарактерным называется человек с плохим характером. Это неверно, потому что у него есть характер, может быть, он плохой, но этот человек не бесхарактерный. У кого-то плохой характер, у кого-то хороший, но и у того и у другого характер есть. Грешник и святой — оба имеют характер, но подлинно религиозный человек является бесхарактерным. Он не хороший, не плохой, он больше, он за пределами. У него нет характера, потому что он не действует из своего прошлого: он действует от момента к моменту, он действует спонтанно, у него нет готовых формул поведения, у него нет шаблонов. Его действия не исходят из привычек, а это как раз то, чем и является характер: создание хороших привычек — это хороший характер, создание плохих привычек — это плохой характер. Создание осознанности, а не привычек, — это религиозность.

Возможно, вы полируете свою моральную оболочку, пока она не заблестит,

Но если внутри нет музыки,
Что тогда?

Вы можете продолжать полировать свою моральную оболочку, вы можете шлифовать свою нравственность, вы можете стать по-настоящему отполированным, изысканным человеком, но если внутри нет музыки, если медитация не случилась, если не услышано неслышимое, если вы не видели невидимого, если вы не проникли в непознаваемое, если не слышен этот беззвучный звук, всё это тщетно. Вы просто тратите своё время.

Дзенская история:

Медитировал один ученик и медитировал он, по крайней мере, двадцать лет. Чего он только ни делал: йоговские позы, медитативные техники. Однажды, когда пришёл Мастер, ученик сидел, как Будда, абсолютно безмолвно, по крайней мере, снаружи, неподвижный, как мраморная статуя. Мастер начал прямо перед ним тереть кирпич о камень. Он поднял так много шума этим

трением кирпича о камень, что ученик должен был немного приоткрыть глаза и посмотреть, кто создаёт это досадное беспокойство.

Видя, что это делает сам Мастер, ученик не мог в это поверить. Мастер не должен беспокоить ученика во время медитации. Что же он за Мастер? Но Мастер есть Мастер, с ним нельзя быть невежливым. Ученик подождал, но сколько можно ждать? Это постоянно трение кирпича о камень, он стал скрежетать зубами. В конце концов он сказал:

— Прекратите! Что вы делаете?

А Мастер сказал:

— А что ты делаешь в течение двадцати лет? Шлифуешь, шлифуешь, стараешься отполировать свой ум? И это ты называешь медитацией? Твои позы, твои техники, все они основываются на уме. Я стараюсь сделать зеркало из этого кирпича!

— Это невозможно, — возразил ученик. — Вы можете тереть сколько угодно, но кирпич никогда не станет зеркалом.

И Мастер ответил:

— Вот это я и пришёл сказать тебе. Двадцать лет ты трёшь, шлифуешь, полируешь, а ум не стал медитацией и ум не стал зеркалом. Отбрось ум! Не культивируй, не развивай его.

Отбрасывание ума делает его зеркалом. Сам ум никогда не станет зеркалом. Ум — это препятствие. За умом спрятано ваше сознание. И когда вы выходите за пределы ума, вы слышите музыку. Эта музыка трансформирует вас в новое существо — это перерождение, рождение заново.

Сын Мухаммеда погрузился в слова,

следит за тем и этим,

Но если грудь не напитана дотемна любовью,

Что тогда?

Кабир говорит, что так с каждым: пандиты индуизма продолжают раздумывать над словами, играют словами. Мусульманский учёный, сын Мухаммеда, *погрузился в слова...* Слова стали настолько важными, что мы забыли, что нужно войти в бессловесное состояние сознания. Совершенно бесполезно всё время повторять Коран, Библию или Веды, потому что вы будете только собирать большие и большие знания — полностью заимствованные. А заимствованная истина становится ложью. Истина, выраженная словами, немедленно теряет свою истинность. Слова столь малы, они не могут в себя вместить огромное небо истины. Они подавляют истину, они её разрушают. И когда слова достигают вас, вы придаёте им свой собственный смысл.

Кришна говорит, Иисус говорит, я говорю сейчас вам... Если здесь есть две тысячи человек, как вы думаете, все ли они услышат одно и то же? Будет две тысячи смыслов. Говорящий один, смысл у меня один, но немедленно, как только я его высказал, он становится двумя тысячами — двумя тысячами смыслов.

Нелепая история, приключившаяся с схоластами Нового Завета, сыграла небольшую шутку с их более скептическими коллегами. Она началась когда несколько археологов, работая около Иерусалима, откопали остатки какого-то человеческого скелета. После изучения они удостоверились, что это должны быть кости Иисуса. Ошеломлённые, под тяжестью такой тревожной новости, археологи пришли известить Папу Римского. Папа, конечно, был

в шоке. Какое будет иметь значение это для будущего христианской веры?

Если эти кости действительно Иисуса, это значит, что он никогда не воскресал, что воскрешение было ложным, что вся история была выдумана. А без воскрешения исчезает вся почва под ногами христианства.

Прежде, чем обнародовать эту информацию в прессе и позволить сенсационное разоблачение в глазах ошеломлённых верующих, Святой Отец решил созвать консилиум великих теологов мира, чтобы посмотреть, не могут ли они помочь ему понять и истолковать это злополучное явление. Кроме того, поскольку значение события несомненно наносит вред всем христианам, было бы мудро сделать экуменический консилиум, на который будут приглашены теологи всех конфессий. Медленно и болезненно Его Святость действовал таким образом, в соответствии со списком теологов, обратившись к каждому из них. У каждого после такой новости перехватывало дыхание, после чего они обещали поспешить в Рим на конференцию.

Последним в списке Папы был немецкий схоласт, изучающий Новый Завет, у которого была репутация человека в высшей степени скептического в отношении всякого вида исторической информации об Иисусе. Святой Отец дискутировал сам с собой, стоит ли ставить этого джентльмена в известность, но в конце концов, в интересах экуменизма и поскольку в данном случае уже сформированная скептическая позиция действительно могла бы иметь смысл, он позвонил и ему. Немецкий критик, вместо того, чтобы быть ошеломлённым новостью о том, что кости Иисуса не были воскрешены, воспринял сюрприз таким образом, что теперь у самого Папы перехватило дыхание.

— Неужели?! — ответил схоласт. — Так, значит, он жил!

Один беспокоился насчёт воскрешения, та же самая новость, но ответ второго совершенно противоположен. Тот беспокоится: «Неужели, так, значит, он жил!» Если кости были подлинны, то, значит, Иисус становится исторической личностью.

Что бы вы когда-либо ни слышали, вы слышите это уже из вашей предстории, вашего заднего плана, он интерпретирует информацию. Вы придаёте ей свой смысл.

— Молодой человек, — сказал судья, строго посмотрев на обвиняемого, — алкоголь и только алкоголь виной вашему теперешнему жалкому состоянию!

— Я рад это слышать от вас, — ответил Муни с вздохом облегчения. — Все остальные говорят, что это моя вина!

То, что слова интерпретируются каждым человеком, исходя из своего прошлого, — естественно. Вот почему я так настаиваю снова и снова: пожалуйста, слушайте меня не привнося своё прошлое, слушайте меня без какого-либо заднего плана, слушайте меня не как христианин, индуст или мусульманин, иначе вы упустите то, что слышите. Вы не только это упустите: вы это неправильно поймёте.

Слушайте меня, как вы слушаете музыку или звук бегущей воды, или ветер, шумящий в соснах, и тогда есть возможность, что возникнет некая связь, возможность, что некий смысл, который я пытаюсь донести, достигнет вас.

Но это действительно сложно. Это одна из самых трудных вещей в мире — быть учеником.

Быть учеником означает слушать без всякого заднего плана, просто слушать без какой-либо интерпретации, просто слышать без «за» или «против», без веры, без неверия — чистый вид слушания. И красота истины в том, что, если вы можете слушать безмолвно, без суждений, если это истина, она зазвонит в колокольчики вашего сердца. Но колокольчики будут звонить в сердце, а не в голове. Если это не истина, в вашем сердце не зазвонят колокольчики. Вы узнаете, истинно что-то или нет, не думая над этим, а просто слушая в абсолютном безмолвии, в полной тишине.

*Сын Мухаммеда погрузился в слова,
следит за тем и этим,
Но если грудь не напитана дотемна любовью,
Что тогда?*

Пока ваше сердце не отвечает, голова не может стать мостом к Богу. Ваше сердце должно напитаться любовью. Но вы не знаете ничего о сердце. Общество не позволяет вам идти через сердце, оно постаралось всеми возможными способами обойти сердце. Всё усилие общества заключается в том, чтобы втолкнуть вас прямо в голову, не проходя через сердце, потому что пути сердца таинственны и неконтролируемы.

Пути головы контролируются. Поэтому общество заинтересовано в вашей голове, а не в сердце. Общество хочет, чтобы вы решили, что нет сердца, а есть только голова. Что сердце не что иное, как перекачивающий кровь механизм, вот во что общество хочет, чтобы вы верили. Эта ложь одна из наибольших, которые когда-либо произносились.

Под «сердцем» имеется в виду не физический орган. Физической частью является просто система циркуляции крови, но спрятанное за физической, только соответствующее ей, связанное с ней, очень близкое к ней, за ней, есть настоящее сердце. Так же, как за мозгом спрятан ум, так же, как за лёгкими спрятано сердце, за телом спрятана душа.

Не останавливайтесь на физическом. Всегда помните: для каждого физического феномена в вас есть соответствующий духовный феномен. Пока ваше сердце не стало функционировать, *не напитано дотемна любовью...* и почему дотемна? Потому, что любовь обладает глубиной темноты, непроницаемостью темноты. Любовь вырастает таинственными путями, не на свету, поскольку свет лишает всё таинственности. Любовь темна более, чем что-либо. Это тёмный, глубинный, таинственный мир.

Если вы боитесь темноты, вы будете бояться и любви тоже. Если вы боитесь ночи, вы также будете бояться и любви. Если вы боитесь тьмы, ночи, смерти, любви, тогда вы будете бояться и всего мистического, таинственного, тогда вы существовали только на поверхности, тогда вы никогда не будете способны проникать в центр бытия.

В оригинале так:

*Ik prem-ras chakha nahin,
amli hua to kua hua?*

Вы ещё не пробовали соков любви, и стали великим святым? И у вас сильный характер, и высокие моральные качества? А вы ещё даже не вкусили соков любви? Тогда вся эта ваша святость и все ваши моральные качества просто святое коровье дерьмо. Вы несёте лишнюю ношу. Чем раньше вы её выбросите, тем лучше.

*Йог ходит в своих знаменитых оранжевых одеждах.
Но если внутри он бесцветный,
Что тогда?*

Настоящий вопрос в том, как стать окрашенным внутри. Внешний цвет только символ. Это жест, это не конец — это начало. Вы просто говорите: «Я готов». Но не думайте, что если вы оделись в оранжевое, то саньяса случилась. Случился жест, вы двинулись по пути.

Есть две инициации. Одна формальная: однажды вы становитесь саньясином, вы одеваетесь в оранжевое — это формальная инициация. Но без формального неформальное трудно. Если вы не можете даже изменить свои одежды, как вы станете менять своё существо? Но просто смена одежд — это не то же, что изменение своей сущности.

Кабир говорит:

*Йог ходит в своих знаменитых оранжевых одеждах.
Но если внутри он бесцветный,
Что тогда?*

*Vakif nahin us rang se,
Kapare range se kya hua?*

Вы не узнали цвет Бога, вы не узнали цвет любви, вы не узнали цвет жизни. Оранжевый — это цвет крови, жизни, оранжевый цвет огня, любви, цвет восхода солнца, преобразования — декларация того, что ночь закончилась.

Но окрашена должна быть суть человека. Ваша душа должна стать красной от любви, от радости, от торжества. В Индии оранжевое — цвет весны: весна должна войти в ваше внутреннее существо, чтобы цветы, ждавшие веками, могли расцвести, чтобы бутоны могли открыться.

Кабир говорит:

*Каждый момент восхода солнца,
Стою я в храме или на балконе,
На жарком лугу или в ограждённом саду,
Мой Бог занимается любовью со мной.*

Медитируйте над этим ужасно важным высказыванием:

...Мой Бог занимается со мной любовью.

Человек абсолютной осознанности постоянно пребывает в оргазмическом состоянии. Так же, как двое влюблённых достигают оргазмического пика только на миг, а затем он уходит, и вслед за ним приходит печаль, так же человек тотальной осознанности, Будда, просветлённый человек, остаётся в оргазмическом состоянии двадцать четыре часа в сутки:

...Мой Бог занимается любовью со мной.

Где бы я ни был, говорит Кабир, не имеет значения: в храме, в мечети, на поле или в огороженном саду — неважно, где я. Где бы я ни был, мой Бог, мой Возлюбленный занимается любовью со мной.

Любовь — квинтэссенция, сущность религии. Быть оргазмичным означает быть саньясином: стать столь оргазмичным, чтобы это продолжалось день за днём, чтобы, даже когда вы спите, встреча продолжалась. Вы продолжаете таять и вливаться в Бога, и Бог продолжает таять и вливаться в вас.

Стена между вами и Богом удалена, больше нет разделения. Это состояние неотделённости, это состояние *unio mystica*, мистического союза, является высшим выражением любви. Низшее выражение любви — это взаимоотношения мужчины и женщины, окончательное, наивысшее — это встреча медитирующего с целым.

Поэтому я говорю о путешествии от секса к сверхсознанию. Секс начало путешествия — не отвергайте его. Если вы отвергните начало, вы никогда не достигните конца. Но помните, что это только начало, не застревайте тут. Вам нужно идти дальше и дальше вперёд, вам нужно превзойти это. И чем более высокого уровня становится ваша медитация, тем менее и менее вы должны становиться сексуальными.

Это каждый день происходит с моими саньясинами. Вся страна думает, что если что-то здесь и происходит, то это только секс, но на самом деле всё как раз наоборот. Может быть, это единственное место, где тысячи людей полностью теряют интерес к сексу, потому что пройти через что-то означает превзойти это. Чтобы выйти за пределы чего-то, нужно пройти сквозь это, потому что без знания этого нет способа это превзойти.

Сексуальный оргазм открывает вам два секрета: первый — это то, что в высшей точке, в апогее, эго исчезает; и второй — исчезает время. Это два секрета медитации. Однажды, медитируя, вы придёте к пониманию, что в сексе вообще нет необходимости, потому что эго и время могут исчезать вообще без погружения в секс.

Секс — естественный путь медитации, дар природы, данный вам, чтобы напоминать о том, что это возможно. Ум, время, эго, всё может исчезнуть, и если они могут исчезнуть на один единственный момент, тогда почему же не навсегда? Секс — это природное окно в Бога, но только окно. Вам обязательно оставаться ограниченными им. Вы можете выпрыгнуть из окна, вы можете войти в открытое пространство, на солнце, под небо. Но окно делает это для вас возможным.

Поскольку секс помогает вам узнать несколько моментов без эго, без ума, несколько моментов безвремени, он делает возможным, что вы можете заболеть желанием постоянного состояния, вечного состояния оргазмического восторга — *satchitanand*.

Кабир абсолютно прав. Никто ещё не сказал об этом так ясно: «Мой Бог занимается со мной любовью каждый момент, независимо от того, где я, что я делаю». Это должно стать переживанием каждого моего саньясина.

Таково моё послание вам, моё откровение. Вы должны реализовать этот потенциал в вас. Однажды вы должны быть готовы заявить миру: «Бог занимается со мной любовью двадцать четыре часа в сутки. Я в состоянии оргазма. Я не только в состоянии оргазма, но я и есть состояние оргазма».

Именно этим и является просветление. Когда оно достигнуто, никто не может из него выпасть. Когда оно достигнуто, достигнуто всё.

Парадокс, которым является жизнь

1. Расскажите, пожалуйста, об искусстве уравновешенной жизни.
2. Как можно развивать сознание?
3. Мне всё время снятся сексуальные сны — почему?
4. Принимаете ли вы в саньясины тех,
кто иногда говорит «нет» тому, что вы сказали?
5. Почему новое поколение — это такая проблема для родителей?

Парадокс, которым является жизнь

Первый вопрос

Бхагван, расскажите об искусстве уравновешенного образа жизни. Моя жизнь часто впадает в крайности, очень трудно придерживаться золотой середины сколько-нибудь значительное время.

Грег Джонсон, жизнь состоит из крайностей. Жизнь — это напряжённость между противоположностями. Остаться точно посередине навсегда означает быть мёртвым. Середина только теоретическая возможность; только иногда вы бываете посередине, как в переходном состоянии. Это так же, как ходить по канату: вы не можете всегда быть точно посередине. Если вы попробуете, вы упадёте.

Быть посередине — это не статическое состояние, это динамическое явление. Равновесие не существительное — это глагол: это *баланси́ровать*. Канатоходец постоянно движется слева направо и справа налево. Когда он чувствует, что сейчас он слишком отклонился влево и есть опасность падения, он немедленно уравновешивает себя движением в противоположную сторону: вправо. При переходе слева направо, конечно, есть момент, когда он посередине. И опять, когда он слишком отклонился вправо, есть опасность падения, он теряет равновесие, он начинает двигаться влево. При переходе справа налево, снова он на мгновение проходит через середину.

Вот что я имею в виду, когда говорю, что равновесие, баланс — это не существительное, а глагол — это балансирование, динамический процесс. Вы не можете быть посередине. Вы можете всё время двигаться справа налево и слева направо — это единственный способ оставаться посередине.

Не избегайте крайностей, и не выбирайте только одну крайность. Оставайтесь доступными обеим полярностям — в этом и состоит искусство, секрет балансирования. Да, иногда будьте чрезвычайно счастливы, а иногда чрезвычайно печальными: и у того и у другого есть своя красота.

Ваш ум выбирает; вот почему возникают проблемы. Оставайтесь невыбирающими. Что бы ни происходило и где бы вы ни были, справа или слева, посередине или не посередине, наслаждайтесь данным моментом во всей его полноте. Когда вы счастливы — танцуйте, пойте, музицируйте — будьте счастливы! А когда приходит печаль, которая обязана прийти, которая приходит, которая неизбежна, вы не можете её избежать... Если вы будете стараться её избежать, вы будете должны разрушить самую возможность счастья. Дня не может быть без ночи, лета — без зимы, а жизни — без смерти.

Пусть эта полярность проникает глубоко в ваше существо, нет способа избежать её. Единственный способ — это становиться всё более и более мёртвым. Только мёртвый человек может быть статично в середине. Живой человек будет постоянно перемещаться: от гнева к сочувствию, от сочувствия к гневу. Он принимает и то, и другое! И он не отождествляет себя ни с тем, ни с другим. Он остаётся отстранённым, но всё же причастным. Он остаётся отдалённым, но всё же вовлечённым. Он наслаждается и всё же он остаётся, как лотос в воде: он в воде, но всё же вода не может его коснуться.

Грег Джонсон, само ваше усилие быть посередине, и быть посередине всегда и навечно, создаёт для вас излишние проблемы. По сути, желание быть всегда посередине — это другая крайность, худший вид крайности, поскольку он неисполним. Это неосуществимо.

Только представьте себе старинные часы: если вы будете держать маятник точно посередине, часы остановятся. Часы ходят только потому, что маятник движется то слева направо, то справа налево. Да, каждый раз он проходит через середину, есть момент середины, но только момент. И это красиво! Когда вы переходите от счастья к печали, и от печали к счастью, прямо посередине есть момент полнейшей тишины, наслаждайтесь им тоже.

Жизнь должна быть прожита во всех её проявлениях, только тогда она богата. Странник левого беден, странник правого беден, а приверженец середины мёртв! Живой человек не является приверженцем правого, левого или середины, он постоянное движение, он поток.

Почему вообще мы хотим быть посередине? Мы боимся тёмной стороны жизни, мы не хотим печали, мы не хотим быть в состоянии агонии. Но это возможно только в том случае, если вы также готовы отбросить возможность быть в состоянии экстаза. Некоторые выбрали этот путь: путь монаха. Веками это было делом монахов. Они совсем готовы пожертвовать возможностью экстаза, только чтобы избежать страдания. Они готовы уничтожить все цветы розы, только чтобы избежать шипов. Но тогда их жизнь просто скучна, тупа... Длинная-длинная скука, затхлая, инертная. Они не живут на самом деле. Они *боятся* жить!

Жизнь содержит в себе оба аспекта: она доставляет большую боль, но она также доставляет большое удовольствие. Боль и удовольствие — две стороны одной монеты. Если вы оставляете одну сторону, вы должны оставить и другую. Веками было одним из самых существенных непониманий то, что вы можете исключить боль и оставить удовольствие, что вы можете избежать ада и быть в раю, что вы можете избежать отрицательного и иметь только положительное. Это огромное заблуждение. Это невозможно по самой природе вещей. Положительное и отрицательное существуют вместе, неизбежно вместе, неразделимо вместе. Они два аспекта одной и той же энергии.

Мой саньясин или те, кто меня понимает должны принимать оба аспекта. Я даю вам совершенно новый взгляд: будьте всем! Когда вы слева, не упускайте ничего — наслаждайтесь! Пребывание слева имеет свою собственную красоту, вы не найдёте её, когда будете справа. Там будет уже другая ситуация. И, конечно, пребывание в середине имеет свой собственный мир, тиши-

пу, которую вы не найдёте ни в какой крайности. Так что наслаждайтесь всем! Всё время обогащайте свою жизнь.

Разве вы не можете увидеть в печали никакой красоты? Медитируйте над ней. В следующий раз, когда вы будете печальны, не боритесь с ней, не тратьте время на борьбу. Примите печаль, приветствуйте её, позвольте ей быть желанным гостем. Всмотритесь глубоко внутрь её, с любовью, заботой. Будьте настоящим хозяином! И вы удивитесь, вы будете удивлены сверх всякой меры, что у печали есть та небольшая красота, которой никогда не бывает у счастья. У печали есть глубина, а счастье всегда поверхностно. У печали есть слёзы, а слёзы проникают глубже, чем любой смех. Печаль имеет свою собственную тишину, мелодию, которую счастье никогда не имело. У счастья есть своя песня, более шумная, а не такая безмолвная.

Я не говорю, что надо выбрать печаль: я только говорю о том, что надо любить, получать удовольствие и от неё. Когда вы счастливы, наслаждайтесь счастьем. Плавайте также и на поверхности, но иногда ныряйте глубоко в реку. Это та же самая река! На поверхности игра ряби и волн, солнечных лучей и ветра — у этого есть своя красота. А у ныряния глубоко в воду есть своё качество, своё приключение, своя опасность.

Не будьте ни к чему привязанными. Есть люди, которые стали привязанными к печали — психология знает таких. Их называют мазохистами: они всё время продолжают создавать ситуации, в которых они всегда могут оставаться несчастными. Несчастье — единственная вещь, которую они любят, они боятся счастья. В несчастье они дома.

Многие мазохисты становятся религиозными, потому что религия обеспечивает огромную защиту, прикрытие мазохистскому уму. Религия даёт прекрасную рационализацию, логичное объяснение для бытия мазохистом. Если вы просто будете мазохистом, без религиозности, вы будете чувствовать себя осуждёнными, и вы будете чувствовать себя больными, смущёнными, обеспокоенными, вы будете знать, что вы ненормальные, вы будете чувствовать вину по поводу того, что вы делаете со своей жизнью. Вы будете скрывать этот факт.

Но если мазохист становится религиозным, он может продемонстрировать свой мазохизм с большой гордостью, потому что теперь это больше не мазохизм. Это аскетизм, это самоограничение, *тапасчарья* — самодисциплина, а не попытка. Сменился только ярлык! Теперь никто не называет его ненормальным — он святой. Никто не называет его патологичным — он благочестивый, праведный, святой.

Мазохисты всегда тянулись к религии. Религия имеет огромное притяжение для мазохиста. По сути, в течении столетий так много мазохистов вошло в религию, и это вхождение вполне понятно, что мазохисты стали господствовать в религии. Вот почему религия продолжает настаивать на жизнеотрицающем, жизнеразрушающем существовании. Она не за жизнь, она не за любовь, не за радость. Религия продолжает настаивать, что жизнь — это страдание. Называя жизнь страданием, она рационализует, находит рациональное оправдание своей приверженности страданию.

Я слышал красивую историю, я не знаю, насколько она верна, я не могу за неё ручаться:

Однажды вечером в раю в самом известном кафе сидят Лао-Цзы, Конфуций и Будда и болтают о разных глупостях. Подходит посыльный с подносом, на котором три стакана напитка, называемого жизнь, и предлагает им. Будда немедленно закрывает глаза и произносит:

— Жизнь — это страдание.

Конфуций закрывает свои глаза наполовину — он центрист, он всё время проповедовал золотую середину, и просит посыльного дать ему стакан, поскольку он хотел бы сделать глоток, потому что не попробовав, как он может сказать — страдание жизнь или нет? У него был научный ум. Конфуций не был настоящим мистиком, он был очень прагматичным, приземлённым умом. Он был первым бихевиористом, которого знал мир, очень логичным.

А выглядит это действительно правильно — он говорит:

— Сначала я сделаю глоток, а потом скажу.

Он делает глоток и говорит:

— Будда прав: жизнь — это страдание.

Лао-Цзы берёт все три стакана и говорит:

— Пока нечто не испито до конца, абсолютно, как можно что-то говорить?

Он выпивает все три стакана и начинает танцевать!

Будда и Конфуций спрашивают его:

— Ты так ничего и не скажешь?

— За меня говорит мой танец и моя песня, — ответил Лао-Цзы.

Пока вы не отведали нечто полностью, абсолютно, вы не можете говорить. А когда вы отведали нечто полностью, вы не можете сказать, потому что вы знаете так много, что нельзя найти подходящих слов.

Будда на одном полюсе, Конфуций посередине, Лао-Цзы выпил все три стакана. Он выпил тот, что был принесён для Будды, что был принесён для Конфуция и что был принесён для него, он прожил жизнь в трёх её измерениях.

Мой подход тот же, что и у Лао-Цзы.

Грег Джонсон, проживите жизнь во всех возможных направлениях, не выбирайте одну вещь в ущерб другой и не старайтесь быть посередине. Не старайтесь уравнивать себя: равновесие — это не нечто, что вы можете совершенствовать. Равновесие — это то, что приходит из опыта всех измерений жизни. Равновесие — это то, что *случается*, а не то, что можно *привнести*. Если вы привнесёте его, это будет фальшиво, навязано. Если вы привнесёте его, оно будет фальшиво, навязано, и вы останетесь напряжённым, вы не станете расслабленным, потому что как человек, который старается быть уравновешенным, посередине, оставаться ненапряжённым? Он всегда будет бояться: если он расслабитесь, он может начать двигаться влево или вправо, он обязан оставаться напряжённым. А оставаться напряжённым означает полностью упустить всю благоприятную возможность, весь Божий дар.

Не будьте напряжённым. Не живите согласно принципам. Проживите жизнь во всей её целостности, испейте её во всей её полноте! Да, иногда она горька, что с того? Этот вкус горечи делает вас способными ощущать сладкое. Вы сможете оценить сладость, только если вы попробуете горечь. Чело-

век, не знающий, как плакать, так же не будет знать и как смеяться. И у человека, который не может глубоко смеяться, смеяться от живота, слёзы будут крокодильими слезами — они не могут быть настоящими, они не могут быть подлинными, искренними.

Я не учу вас срединному пути: я учу вас тотальному, абсолютному, целостному пути. И тогда равновесие приходит само собой. И тогда у этого равновесия есть огромная красота и грация, не вы принудили его, оно пришло. Через грациозное движение влево, вправо, посередине, мало-помалу баланс *приходит* к вам, потому что вы остаётесь неотожествлённым. Когда печаль к вам приходит, вы знаете: она пройдёт, и когда к вам приходит счастье, вы знаете, что оно пройдёт тоже. Ничто не остаётся. Всё проходит.

Единственное, что всегда остаётся, — это ваше свидетельство. Это свидетельство приносит баланс, равновесие. Это свидетельство и есть равновесие.

Второй вопрос

Бхагван, как можно развивать сознание, совесть — нечто внутри, что будет вести в повседневной жизни к тому, что необходимо для развития? делать то, что необходимо для раскрытия внутренней жизни? Кажется, что я всё время разрываюсь, но всё же иногда существует внутри нечто, что, я надеюсь, могло бы помочь вырасти и стать светом для меня. Можно ли научиться усиливать свои чувства и эмоции, для того, чтобы стать ближе к месту истинного существования?

Стивен, совсем не нужно развивать сознание. Что нужно, так это осознанность, а не сознание. Сознание, совесть — это ложная вещь. Сознание создано в вас обществом. Это тонкая система рабства. Общество учит вас тому, что хорошо и что плохо. Оно начинает учить ребёнка, прежде, чем он станет осознавать, прежде, чем ребёнок сам сможет решить, что правильно, что нет, прежде даже, чем ребёнок осознает, что с ним происходит, прежде, чем даже он начнёт понимать.

Вначале ребёнок живёт в состоянии сна, в состоянии грёз. В материнской утробе ребёнок спит двадцать четыре часа в сутки. Затем, после рождения, он спит двадцать три часа, двадцать два часа, двадцать один час, двадцать часов... мало-помалу. Но он остаётся в переходном состоянии, не бодрствующим и не спящим. Ребёнок не может сделать никакого различия между тем, что реально и нереально. И мы начинаем учить детей тому, что правильно и неправильно — мы их обуславливаем. Мы обуславливаем их в соответствии с нашим пониманием, нашими идеями. Все эти идеи — от родителей, от священников, учителей, политиков, святых — все эти идеи смешиваются вместе внутри них. Они становятся их сознанием, совестью.

Из-за этого сознания они никогда не смогут вырасти осознанными, потому что сознание, совесть — это *псевдо-осознанность*. И если вы удовлетворены ложным, вы никогда даже не задумаетесь о настоящем. Это очень нечестно; способ которым мы воспитываем детей очень нечестный. Он уродлив, насильственен, античеловечен.

Вот почему миллионы людей живут без всякой осознанности. Потому что прежде, чем они смогли стать осознанными, мы им даем, чтобы играть, псевдо-игрушку. И всю свою жизнь они думают, будто это всё, что им надо для хорошей жизни. Всю свою жизнь они вознаграждаются за то, что они следуют совести, и наказываются за то, что они ей не следуют.

Снаружи они наказываются и вознаграждаются, и изнутри то же самое. Когда бы вы ни сделали что-то, что осуждает ваша совесть, ваше сознание, вы чувствуете вину, вы страдаете, вы ощущаете внутреннюю боль. Вы боитесь, вы трепещете... это создаёт напряжение. Страх насчёт небес, что вы можете потерять рай, страх ада, что вы можете попасть в ад... и с огромной изобретательностью ваши святые рисуют вам радостирая и муки ада.

Это сознание, совесть. Сознание искусственно, поддельно, случайно. Сознание, совесть нужны, потому что общество не хочет, чтобы вы были разумными, чтобы у вас был интеллект. Поэтому вместо того, чтобы сделать вас разумными, оно даёт вам фиксированные правила поведения: *делай то, не делай этого*.

День, когда человечество отбросит всю эту чушь совести и начнёт помогать детям вырасти в их собственной осознанности, будет величайшим днём, будет настоящим рождением человечества, нового человеческого существа и новой планеты Земля. Тогда мы будем помогать ребёнку стать более разумным, чтобы когда бы ни возникла проблема, ребёнок имел бы достаточно интеллекта, чтобы встретиться с ней, посмотреть ей в лицо, ответить ей. Зачем кому-то будет нужно какое-то сознание? Интеллекта достаточно, осознанности достаточно.

Осознанность делает вас способным немедленно отвечать настоящему, и ваш ответ будет правильным. Сознание старо, а ситуация всегда нова — но ваше сознание *всегда* старо. Нет почвы для соприкосновения. Вы продолжаете отвечать в соответствии с вашим сознанием, выращенным в вас обществом, навязанным вам обществом, обусловленным в вас обществом, а ситуация совершенно другая!

Один мой друг поехал в Тибет. Он очень религиозный брамин, очень ортодоксальный. Он отправился изучать буддийские писания, но он не смог остаться в Тибете — он вернулся так быстро, как это было возможно. Путешествие оказалось просто сушим бедствием, излишне проблематичным, потому что ездить в Тибет не так просто.

А проблема была в том, что с самого детства он был приучен делать омовение в холодной воде перед восходом солнца. Но делать омовение в холодной воде в Тибете перед восходом солнца... Он рассказывал мне, что это было невозможно. А если он не совершит омовение в холодной воде перед восходом солнца, он весь день будет чувствовать себя виноватым. Он сказал, что если вы не помылись утром холодной водой, вам нельзя молиться, ваша молитва бесполезна. А без молитвы нельзя ничего есть. Так что он принимал холодные омовения по утрам, что было опасно для жизни. В тибетских писаниях говорится, что раз в год *необходимо*, чтобы человек мылся!

Однажды несколько тибетских лам остановились у меня, и в эти дни здесь не появлялись ни Маниша, ни Радха, чтобы не чувствовать запаха этих людей, и я очень сильно мучился... Эти немногие семь, восемь дней, которые они оставались в моём доме, я почти всё время проводил вне дома. Любой предлог и я сбегал из дома: весь дом вонял, потому что они не мылись. Жаркое индийское лето... А они совсем не моются! Они следовали своему сознанию.

Такой же трудной задачей для меня было общение с монахами джайнизма. Они иногда приходили повидать меня. Было очень трудно говорить с ними, потому что они не чистили свой рот: не полоскали его, не чистили зубы. Это не допускается. Это считается частью украшения тела, а как же может джайнский монах украшать своё тело? Он так враждебно настроен против него.

Просто говорить с ними было очень трудно — у них было такое дурное дыхание. Так и должно было быть. Джайнским монахам не позволяется и мыться, потому что «зачем вам так беспокоиться о своём теле?» — вот их позиция против тела. Их тела смердят, их рты воняют.

Одна джайнская монахиня была под таким впечатлением от меня и так заинтересована во мне, что я сказал ей: «Вы могли бы, по крайней мере, обернуть тело мокрой губкой, никто не узнает. Просто мокрое полотенце, вы можете... И никто никогда не узнает, что вы мылись».

Эта идея ей понравилась. Она обтёрла тело мокрой губкой и почувствовала себя очень хорошо и так же очень плохо. Она сказала мне: «Это очень приятно, я чувствую свежесть, но внутри больно за то, что я совершила грех».

Вы когда-нибудь думали, что, когда вы моетесь, вы совершаете грех? А она даже не помылась, она только протёрла тело, просто влажным полотенцем протёрла всё тело. Но она чувствовала такую вину, что должна была поститься три дня в знак раскаяния.

Это сознание. Сознание всё время дурачит вас. Ситуация меняется, но сознание не меняется, оно не может расти: сознание остаётся статичным. Вы живёте с идеями, которые даны вам в детстве вашими невежественными родителями, вашими невежественными учителями. Вы будете жить в соответствии с ними и будете очень сильно мучиться. Ваш ответ никогда не будет правильным, потому что он никогда не будет соответствовать ситуации. Вы будете всё время тащиться позади неё.

Ответственность просто означает способность отвечать на реальность такую, какая она — а она меняется, реальность меняется, а сознание остаётся фиксированным. Вот в чём разница между сознанием и осознанностью.

Осознанность — это зеркало. Сознание — фотографическая пластинка. Раз она зафиксировала изображение, она уже использована, она уловила изображение, а затем это изображение остаётся навсегда, неподвижно. Оно не может расти, запомните.

Одна женщина показывает своему ребёнку семейный альбом, и они наткнулись на фотографию красивого человека, черноволосого, очень бодрого, молодого. И ребёнок спросил:

— Кто это, мам?

И мать отвечает:

— Ты не узнаёшь его? Он твой отец!

И ребёнок говорит:

— Он мой отец? Тогда кто этот лысый человек, который живёт с нами?

В реальности всё меняется. Красивые чёрные волосы исчезают — человек стал лысым. Но изображение осталось неподвижным.

Сознание — как фотопластинка, а осознанность — это зеркало. Оно тоже отражает, но оно никогда не цепляется ни за какое отражение. Оно остаётся пустым, поэтому оно способно отражать новую ситуацию. Если это утро, оно отражает утро. Если это вечер, оно отражает вечер. Фотопластина фиксирована, если вы сняли на ней утро, то на фотографии оно всегда останется утром, оно никогда не станет вечером, ночью.

Нет нужды, Стивен, развивать сознание. Нужно отбросить сознание и развивать осознанность. Выбросьте всё, чему вас научили другие, и начните жить сами собой и ищите и исследуйте... Да, вначале это будет очень трудно, потому что у вас не будет никакой карты. Карта содержится в сознании. Вы будете должны двигаться без карты, в неисследованное, без руководящих указаний. Трус не может двигаться без руководящих указаний, трус не способен двигаться без карт. И когда вы идёте с картами и руководящими указаниями, вы на самом деле не вникаете в новую территорию, в новые сферы: вы ходите кругами. Вы продолжаете двигаться в известном, вы никогда не выпрыгиваете в неизвестное. Только храбрость может отбросить сознание.

Сознание означает всё знание, которое у вас есть. А осознанность означает просто пребывание пустым, существование совершенно пустым, и движение по жизни с этой пустотой, смотрение через эту пустоту и действие из этой пустоты — тогда в этом действии есть потрясающая изысканность. И тогда, что бы вы ни сделали, будет правильно. И дело не в том, правильно это или неправильно, потому что иногда то, что правильно сегодня, может быть неправильно завтра, а в том, что заимствованные знания никогда не помогают.

Гомер и Педро рыли яму под палящим солнцем Миссисипи. Увидев босса, спокойно сидящего в тени выше них, Гомер отложил в сторону свою лопату и сказал:

— Как так выходит, что он там наверху, а мы здесь?

— Не знаю, — сказал Педро.

Гомер поднялся к боссу и спросил его:

— Почему это, вы, босс, здесь, а мы там внизу работаем?

— Потому что я ушлый, — ответил босс.

— Что значит ушлый? — спросил Гомер.

— Сейчас, — сказал босс, кладя свою руку на дерево, — я продемонстрирую тебе. Попробуй ударить мою руку.

Гомер сделал огромный замах и нанёс удар. Но, когда он замахивался, босс убрал свою руку, и Гомер со всей силы врезал в дерево.

— Уй-а-а-а-а!!! — заорал он.

— Теперь ты тоже ушлый, — спокойно сказал босс.

Гомер вернулся в яму. Педро спросил, что произошло, и Гомер ответил:

— Теперь я ушлый.

Педро спросил:

— Что это значит — ушлый?

— Я сейчас покажу, — сказал Гомер.

Он поискал вокруг глазами дерево и не увидел его, он положил свою руку себе на лицо.

— Ну, — сказал он, — попробуй ударить мою руку...

Вот что всё время происходит с вашим так называемым знанием, сознанием — ситуация изменилась, дерева больше нет, но у вас есть фиксированный шаблон, и вы не можете сделать ничего другого, вы продолжаете повторять свой шаблон. Но жизнь не обязана соответствовать вашим шаблонам. Вы должны соответствовать жизни.

Очень странная, непостижимая вещь произошла только двадцать лет назад в мире современной физики. Она разрушила всю логику Аристотеля, она разрушила все древние убеждения. Физики узнали, что электроны движутся очень странным образом: они ведут себя двойственно, как будто они частицы и волны одновременно. Это невозможно! Или что-то может быть частицей или волной. На языке геометрии что-то может быть или точкой, или линией, но одна вещь не может быть тем и другим одновременно — точкой и линией сразу. Это невозможно. Но происходило именно так.

Они наблюдали, наблюдали, и выходило так, что электроны ведут себя очень нелогичным образом. Они очень пытались постичь его руководствуясь старой аристотелевской логикой, в которой А есть А и никогда не А. Это глубоко укоренённое представление двухтысячелетней давности о том, что А никогда не может быть не А. Но происходило всё именно так: частица вела себя, как волна, — А вела себя не как А. И что теперь делать?

Трудно было отказаться от Аристотеля, очень трудно — любовный роман двухтысячелетней давности. Но у электронов нет соглашений и обязательств, они совсем не беспокоятся об Аристотеле. Они говорят: «А ну вас!» И, в конце концов, физики вынуждены были согласиться с электронами. И когда физики снова и снова вопрошали: «Как это возможно?», электроны отвечали: «А что мы можем сделать? Дело не в том, возможно это или нет: так происходит! Это так! Мы понимаем, что это нелогично, что так не должно быть, но что мы можем сделать? Мы бессильны! Электроны не верят в Аристотеля».

Аристотеля отвергли — двухтысячелетней давности традиция логики стала просто неуместной.

Другое явление произошло через несколько лет: они узнали, что когда электрон движется от точки А в точку В, посередине он исчезает. Когда он движется из точки А в точку В, он находится в точке А, и затем внезапно он находится в точке В, но посередине его никогда нет.

Это ещё более невозможно. Кто-то идёт из Бомбея в Пулу. Он находится в Бомбее, а затем оказывается в Пуле, а на пути его нигде не было! Это странно, невероятно, но что можно поделать? Это то, как есть. Так другая древняя великая идея должна была быть отброшена. Древняя идея о том, что ничто не может прийти из ничего. И вдруг оказывается: вначале он нечто, в конце он опять нечто, но в середине он ничто. Так что из чего-то приходит ничто, и из ничего возникает нечто.

Но это всегда было переживанием мистиков. Это ново для современной физики, но для метафизики это не ново: это очень древнее переживание.

Мистики никогда не верили в Аристотеля, они всегда были против него — они всегда были алогичными, хоть они и не знали, как движется электрон, они знали своё собственное внутреннее сознание. Здесь они тоже видели это чудо: что эго — это нечто, пришедшее ниоткуда, и затем исчезающее опять в никуда. Эго возникает из ничего, становится очень твёрдым, и затем однажды в медитации вы просто обнаруживаете, что оно испарилось опять.

Это было одним из самых древних переживаний в отношении эго: в один момент оно есть, в следующий момент его нет, а затем оно опять есть. То же самое было и с переживанием времени, когда вы в глубокой медитации, время просто исчезает, а когда вы выходите из неё, время появляется снова.

Мистики познали, что жизнь не следует логике, что жизнь в самой своей основе сверхлогична, выше логики, что жизнь не придерживается здравого смысла, что она коренным образом иррациональна. Сознание очень деспотично, случайно, искусственно, фальшиво. Оно даёт вам фиксированный шаблон, фиксированный гештальт — структуру восприятия, а жизнь всё время меняется, жизнь очень неопределённа, она, сама по себе, зигзаг. Пока вы не осознаёте, вы не будете способны подлинно жить, ваша жизнь будет только претензией, притворством, псевдо-явлением. Вы всегда будете опаздывать на поезд.

Постоянно опаздывание на поезд заставляет человека страдать. Просто представьте себя постоянно опаздывающими на поезд: несущимися по станции и всегда, когда вы догоняете поезд, заканчивается платформа. Вот что происходит с человеком, живущим в соответствии с сознанием: он никогда не успевает на поезд. Он не может! У него фиксированный гештальт, фиксированная структура восприятия, а жизнь — это текучий феномен. Внутри такого человека есть нечто камнеподобное, а жизнь больше похожа на воду.

Осознавайте. Не спрашивайте, как расти, как развивать сознание. Мы здесь стараемся делать совершенно обратное: разрушаем сознание — христианское сознание, индуистское, мусульманское, джайнское сознание. Мы разрушаем все виды сознания, которое приходит во всех формах и размерах.

Осознанность не бывает христианской, индуистской или мусульманской — она просто осознанность. Сознание разделяет людей, а осознанность соединяет. Стивен, забудьте всё о сознании.

Вы спрашиваете: *Как можно развивать сознание — нечто внутри, что должно вести в повседневной жизни?..*

Какая необходимость в том, чтобы тащить с собой путеводитель? Осознанности достаточно! Когда бы ни возникла какая-то необходимость, ваша осознанность ответит,отреагирует. У вас есть зеркало, и оно отразит эту ситуацию. Ответ будет спонтанным, произвольным.

Когда я был студентом университета, мои профессора очень беспокоились за меня. Они беспокоились — они любили меня — беспокоились, потому что я никогда не готовился к экзаменам. Они ещё боялись, что я мог бы ответить таким образом, что экзаменатор даже не смог бы понять смысла.

Мой старый профессор, доктор С. К. Саксена, обычно приходил ко мне рано утром разбудить меня, чтобы я мог немного подготовиться. И он сидел в моей комнате говоря: «Ты должен хоть немножко подготовиться». Он покидал меня только в экзаменационном зале, только тогда он шёл домой, поскольку он беспокоился, что я мог бы и не прийти.

А когда приходило время заключительного устного экзамена, он ещё больше волновался, потому что я мог сказать что-то такое, что могло бы обидеть экзаменатора. Доктор Саксена тоже присутствовал, он был главой факультета, так что присутствовал он и присутствовал экзаменатор. Доктор Саксена говорил мне, предупреждая меня опять и опять: «Просто держись вопроса! О чём бы он ни спросил, просто отвечай про это. Не уходи ни в какие дебри, только простой ответ, ответ, который даётся в учебниках. Я буду там, и если ты будешь блуждать, я просто пихну тебя ногой под столом, чтобы ты вернулся обратно и просто придерживался вопросу».

Первый вопрос и возникли проблемы. Экзаменующий профессор спросил: «В чём различие между западной и восточной философией?» И мой профессор испугался, потому что он знал, что слов «восточная» и «западная» для меня недостаточно. И это так и было. Я спросил: «А что вы подразумеваете под индийской? Разве может философия быть индийской или западной? Тогда философия может быть бенгальской или из Махараштра (штаты Индии. — Прим. пер.)? Если наука не индийская и не западная, то почему философия должна быть такой?»

И мой профессор начал пихать меня, но я сказал ему: «Не бейте меня! Отодвиньтесь. Это касается меня и его. Вы не собирались пихать меня несколько раз».

Теперь старый экзаменатор потерялся: что делать? На всё, что он спросил, я ответил ему другим вопросом. Он потерялся, потому что он нёс только заранее готовые ответы. Я сказал ему: «Вы выглядите таким потерянным потому, что вы не можете ответить. Это такая простая вещь — то, что философия *есть* философия, при чём же здесь Запад или Восток? Скажите да или нет...»

Но это фиксированный гештальт: индийская философия — всё должно быть индийским, и всё должно быть западным, всё должно быть этим и тем... Прилагательные и прилагательные! Мы не способны думать о земле, как о целом. Мы не способны думать о человечестве, как об одном. Что теперь индусского в Будде, или еврейского в Иисусе? Ничего. Я попробовал и Будду, и Иисуса, и вкус тот же самый. Но заимствованные знания всегда остаются в вас фиксированными, когда бы вы ни реагировали из своих фиксированных идей, ваш ответ не достигнет цели. Он не будет адекватным ответом реальности.

Так что, Стивен, нет нужды развивать сознание, чтобы оно руководило вами — не нужно заводить себе никакого гида и никакого путевого проводника! Всё, что нужно, — это разумность, пробуждённость, осознанность, чтобы вы могли ответить на любой случай, какой бы ни представился. Жизнь предъявляет вызов, вы предъявляете осознанность на него. Медитация — это путь отбрасывание сознания и вхождение в осознанность.

Чудо заключается в том, что если вы отбросите сознание, осознанность возникнет сама собой, поскольку осознанность природный феномен. Вы рождены с ней, просто сознание стало твёрдым панцирем вокруг неё и не позволяет ей течь. Сознание стало скалой, преградившей путь маленькому ручейку сознания. Уберите скалу, и ручей потечёт. И с этим ручьём ваша жизнь начнёт двигаться в совершенно другом направлении, которое вы даже не могли представить себе раньше, которое вам даже не могло присниться. Всё начинает входить в гармонию с существованием. А быть в гармонии с существованием означает быть правым, не быть в гармонии с существованием означает быть неправым.

Поэтому сознание, какое бы оно ни было, — коренная причина *всего* неправильного, потому что оно не позволяет вам войти в гармонию с существованием. Осознанность всегда права — так же, как сознание всегда ошибочно.

И вы спрашиваете: *Можно ли научиться усиливать свои чувства и эмоции для того, чтобы стать ближе к месту истинного существования?*

Ни мысли не могут помочь вам приблизиться к вашему существу, ни ощущения, но ощущения всё же лучше, чем мысли, ближе, но всё же это ещё настоящее. Сначала нужно отбросить мысли, затем нужно отбросить ощущения, чтобы внутренний мир стал совершенно пуст. В этой пустоте ваша осознанность оборачивается на вас самих и познаётся реальность.

Истина никогда не бывает ни мыслью, ни ощущением, ни эмоцией. Истина — это переживание своей собственной осознанности. Сорен Кьеркегор прав, когда он говорит: «Истина — это субъективность». Медитируйте и продолжайте отбрасывать... слои за слоями. Человек подобен луковице, продолжайте удалять слой за слоем. Медитация — это искусство чистить лук. Конечно, когда вы чистите лук, слёзы катятся из глаз, но это нужно принять. Это болезненно. Продолжайте снимать с луковицы слой за слоем, пока ничего не останется в ваших руках — это ничего и есть реальность.

Вы можете называть это Богом, нирваной, просветлением или чем-либо ещё, чем вы захотите это назвать. Имена не имеют значения. Но что-то реальное происходит только тогда, когда *ничего* не происходит.

Третий вопрос

Бхагван, я только и делаю, что вижу сны о сексе, сексе и сексе, почему?

Рам Дас, ты что, последователь Морарджи Десаи? С тобой что-то в корне не так. Твои сны просто показывают, что ты живёшь подавленной жизнью. Твои сны отражают то, как ты живёшь в своей жизни. Твои сны не просто сны, они отражение.

Во время бодрствования ты, наверное, подавляешь секс, тогда, естественно, он обязан заявить о себе в твоих снах. Сны только показывают, что ты делаешь что-то неправильно в своей жизни. Когда твоя жизнь по-настоящему гармонична, осознанна, сны исчезают — исчезают *все* виды снов. На протя-

жении всего сна сновидений не возникает. Это показывает, что трансформация происходит: так случается с каждым медитирующим. Как только медитирующий идёт глубже, сны начинают исчезать.

Но сны показывают нечто о вас. Вы должны пересмотреть, перестроить свою жизнь. Если вам снится только секс, это просто показывает, что вы сексуально одержимы. А кто сексуально одержим? Тот, кто что-либо подавляет, обязан быть одержим этим. Нельзя отвергать ваши сны просто как сны — так, как делают это люди. Они думают, что это просто сны, не стоит об этом беспокоиться. Но ваши сны символичны. Ваше бессознательное старается передать вам определённое послание о том, что вы делаете что-то неправильно.

Рам Дас, секс — это часть жизни. Вы не можете отрицать его — вы можете превзойти, трансцендентировать его, но вы не можете отвергать его. Если вы отвергнете его, вы создадите ненужные сложности, он станет наваждением. Это создаст извращения в вашей жизни.

Морарджи Десаи пьёт свою мочу — не без резона. Это извращение. Оно коренится в сексуальном подавлении. Сексуальные извращения могут принимать различные извращённые формы.

*Стараясь заснуть, греческий пастух считает овец:
— Одна, две, три, четыре, пять, привет, дорогая...*

Антонио: «Прошлой ночью у меня был кошмар».

Анджело: «Что произошло?»

Антонио: «Мне приснилось, что я ем спагетти».

Анджело: «Ну и что в этом плохого?»

Антонио: «Я утром проснулся, а тесёмки на штанах пижамы порваны».

У итальянцев всё время макароны, макароны, макароны...

Сны отражают, сны — это отражение. Если в ваших снах отражается секс, пересмотрите вашу жизнь. Отбросьте всю эту старую чепуху. Судя по всему, вы типичный индус, Рам Дас. Именно это и происходит постоянно в индийском уме. Даже ваши святые полны одержимостью сексом, потому что все пути превзойти, трансцендентировать секс ими отвергнуты.

Вы удивитесь узнав, что все виды сексуальных извращений были изобретены монахами и монахинями. И это всё те люди, которые осуждают. Психологи говорят, что гомосексуализм изобретён монахами и монахинями: гомосексуализм — религиозное явление. Также и со всем остальным...

Если вы что-то подавляете, природа возьмёт реванш. И помните, вы не в силах воевать с природой. Вы можете победить природу не сражаясь, а сосуществовая с ней. Вы можете уговорить природу быть с вами и помогать вам. А природа очень сострадательна. Но если вы начали сражаться, вы обязаны проиграть. Природа огромна, а вы очень малы. Это подобно тому, как волна стала бы сражаться с океаном, или маленький лист сражался бы со всем деревом — это глупо! Волна может победить, но не против океана, а с ним.

Это и есть моё основное учение.

Секс может быть превзойдён и *должен* быть превзойдён, трансцендентирован, но эта трансценденция должна быть не против природы, а с природой, через природу. Примите вашу сексуальность, она часть вас! И ужасно важная

часть. Вы рождены из секса. Каждая клетка вашего тела — сексуальная клетка. Энергия тела — это ваша энергия! Уважайте её, она дар Бога. Поймите её. Но отбросьте все предубеждения, отбросьте все осуждения, потому что когда вы несёте осуждение, вы не можете понять явление. Отбросьте все суждения. Секс — это секс, естественная чистая энергия. С большим одобрением, любовью, уважением, медитируйте над ним. Идите в него глубже и глубже, чтобы увидеть, чем именно он является. И через само это видение вы выйдете за его пределы, станете выше его.

В день, когда познаёшь, что такое на самом деле сексуальная энергия, она превзойдена. Секс исчезает, но он исчезает не через отрицание, а через понимание. И это исчезновение на самом деле — не разрушение энергии, а трансформация, преобразование. В существовании никогда ничего не разрушается, всё только трансформируется.

Когда секс трансформируется, он становится любовью. Когда любовь трансформируется, она становится молитвой. И в предельной трансформации молитва становится Богом.

Четвёртый вопрос

Бхагван, я не согласен с вашей критикой Зигмунда Фрейда. Принимаете ли вы саньясина, который иногда отрицает то, что вы говорите? Я не менее невротик, чем Фрейд, но я думаю, что могу стать творческим только если я научусь принимать невротическую сторону себя. Что вы можете сказать в отношении этого?

Вольфганг, кто критикует Зигмунда Фрейда? Я просто констатирую некоторые факты! Констатировать факты не значит критиковать. Если я называю слепого человека слепым, может, это и невежливо с моей стороны, но я не критикую. Может быть, это с моей стороны резко, неучтиво, но я не критикую.

Фрейд был невротиком, и есть тысяча фактов подтверждающих это. Просто загляните в биографию Фрейда, и вы сами натолкнётесь на них. Он был гомосексуалистом. Он писал такие идиотские гомосексуальные письма мужчине, что позже он просил его опять и опять уничтожить эти письма, потому что, когда он стал знаменитым, он испугался, что как-нибудь они могут стать достоянием гласности.

Основная часть этих писем была уничтожена, но несколько каким-то образом сохранились. Всю свою жизнь он осуждал гомосексуализм, а у самого были глубокие сексуальные склонности.

Почти всегда так случается, что осуждаемое вами в других — в действительности ваша собственная внутренняя проблема. Другие же — только козлы отпущения.

Вы говорите: *Я не меньший невротик, чем Фрейд, но я думаю, что я могу стать созидательным, только если я научусь принимать невротическую сторону себя.*

Это так. Именно этому я и учу здесь: примите её! Фрейд никогда не принимал свою невротическую сторону. Он не только никогда её не принимал, он пытался отрицать её, он пытался скрыть её.

Однажды Фрейд и Юнг ехали на поезде, и речь зашла о психоанализе. Внезапно у Юнга возникла потрясающая идея — он сказал:

— Вы провели психоанализ со столькими людьми, но вы сами не проходили психоанализ. Было бы здорово, если бы вы тоже прошли через психоанализ. Кто-нибудь, с кем вы проводили психоанализ и у кого он завершён, мог бы провести психоанализ у вас!

Фрейд так испугался, просто от одной мысли, что он задрожал и упал в обморок. Когда он пришёл в себя, он сказал:

— Я не могу этого позволить — я не могу позволить себе позволить пройти психоанализ. Это разоблачит меня.

И Юнг сказал:

— Тогда вы уже разоблачены.

Фрейд никогда не принимал, что у него были какие-то психологические проблемы. Он старался отрицать их, потому что, если у вас есть какие-либо психологические проблемы, то как вы можете быть основателем психоанализа? Он старался доказать, что он супермен, но он не был Буддой, он не был просветлённым человеком. Он страдал той же ревностью, подозрительностью, паранойей, что и каждый, по сути, даже больше, чем обычный, средний человек.

Все его старые коллеги оставляли его один за одним, причина была в том, что он был так ревнив — к каждому, кто достигал уровня, близкого к нему, становился знаменитым, известным, он чувствовал такую ревность, так боялся, что появился конкурент, что начинал нападать на него. Так было с Адлером, Юнгом и со многими другими. *Слободым из его собственных учеников:* он боялся, что они могут стать соперниками, или что они могут проявить себя более значительными, чем он. Он не мог представить, чтобы кто-то мог быть более значительным в мире психоанализа.

Это очень бедный тип ума, очень заурядный, посредственный ум. Он был таким интриганом, что всё движение психоанализа постоянно было в беспорядке. Постоянно плелись разговоры то против одного, то против другого. Он постоянно сталкивал своих последователей друг с другом, потому что есть только один путь: разделяй и властвуй. Он настраивал одних последователей против других. Он управлял движением психоанализа, как политикой.

Я не критикую его. Я чувствую к этому человеку глубокое уважение: вопреки всем его недостаткам он совершил огромный прорыв. Вопреки всей его человеческой ограниченности, он начал новое измерение в человеческом сознании. Он *является* основателем психоанализа, и ни Юнг, ни Адлер, ни другие не смогли приблизиться к нему, он напрасно боялся. Он просто страдал паранойей: никто не приближался к нему! Он был гигантом среди пигмеев, но гигант боялся пигмеев. Он не осознавал своей силы — он вообще не осознавал; в этом проблема.

Вольфганг, я не против Фрейда.

Вы спрашиваете меня: *Принимаете ли вы саньясина, который иногда отрицает то, что вы говорите?*

Да, это то, чему я учу. Когда ваша осознанность отрицает, отрицайте. Я не создаю в вас сознание. Я здесь не создаю последователей — нет, вовсе нет — только друзей. Ваше «нет» в такой же степени уважается, как и ваше «да». Это единственный способ проявить вам уважение. Вы можете не уважать себя, у вас может быть самоосуждающая позиция, но для меня вы все потенциальные Будды. Как я могу проявить неуважение к Будде, даже если это потенциальный Будда, даже если вы только зерно? Но я могу видеть цветок!

С помощью фотографии Кирлиана открыли одну вещь, которая очень значительна: при помощи очень чувствительной фотопластинки можно сфотографировать бутон, но на фотографии будет не бутон, но цветок, который потом возникнет: потому что прежде, чем откроется бутон, открывается энергетическое поле вокруг цветка. Прямо за несколько часов, перед тем, как на самом деле откроется бутон, открывается его энергетическое поле, и фотография Кирлиана запечатлевает его. Бутон ещё не открылся, бутон всё ещё бутон, но фотография Кирлиана может сфотографировать будущее. Но фото чувствительной фотопластинки это не будущее: для чувствительной фотопластинки это уже настоящее.

С помощью фотографии Кирлиана болезни можно выявлять ещё до того, как они с вами случатся. Чтобы быть точным: некоторые болезни можно выявить за шесть месяцев до того, как они произойдут, то есть когда ещё даже нельзя предположить, что через шесть месяцев человек заболеет определённой болезнью — нет возможности узнать об этом. Ничего ещё не произошло с телом, но что-то уже произошло в энергетическом поле, которое окружает тело. А фотография Кирлиана может заснять энергетическое поле, и с помощью фотоснимка можно сделать вывод, что этот человек заболеет раком через шесть месяцев. Фотография Кирлиана может стать чрезвычайно могущественным средством в руках медицины будущего. Если мы можем знать за шесть месяцев вперёд, многое может быть сделано: тогда будет совсем не обязательно болеть. Болезнь можно будет предотвратить ещё прежде, чем она случится.

Вот так и я вижу вас. В моих глазах вы не бутоны, а цветы, в моих глазах вы не зёрна, а совершенно взрослые деревья — огромная листва, цветы, плоды. Для меня вы — Будды! Поэтому я называю вас «друзья». Кабир призывает своих учеников: «Проснитесь, друзья!»

Вольфганг, вы приняты, со всеми вашими «нет» и «да» — вы приняты таким, как вы есть. Я не ставлю никаких условий. Если вы готовы стать саньясином, кто я такой, чтобы мешать вам? Вам должен быть дан шанс, чтобы расти, чтобы быть.

Последний вопрос

Почему новое поколение — это такая проблема для родителей?

Нараяна, потому что новое поколение более разумно. Интеллект приносит проблемы. И естественно, что новое поколение должно быть более разумным. Так и происходит эволюция. Каждое новое поколение становится

более и более разумным, чем предшествующее. Ваши дети будут более разумными, чем вы, и дети ваших детей будут более разумными, чем ваши дети.

Это инерция, накапливающаяся инерция. Вы стоите на плечах Будд, всё прошлое ваше. Например: в моём существе есть часть Будды, часть Иисуса, часть Авраама, часть Кришны, часть Мухаммеда... В этом смысле Будда беднее меня, Иисус беднее меня. И какой-нибудь будущий просветлённый будет богаче, чем я, потому что я буду частью его существа, но он не может быть частью моего существа. Эволюция продолжает набирать инерцию.

Каждый ребёнок должен быть более интеллектуальным, более разумным, чем его родители — но это приносит проблемы, потому что это обижает родителей. Родители хотели бы претендовать на то, что они всезнающие. В прошлом было очень просто претендовать на это, потому что не было другого способа передать знания детям, кроме как через устное общение с родителями.

Например, сын плотника мог научиться от отца всему, чему он когда-либо мог научиться. Отец был не только отцом, но также и учителем. И сын всегда благоговел перед ним и уважал его, потому что отец знал так много: он знал всё о всех видах деревьев и древесины, о том и о сём, а сын не знал ничего. Отец был в большом почёте.

Возраст уважали: в древности, чем старше был человек, тем более мудрым он был, разумеется, из-за его опыта. Но сейчас изобретены лучшие способы общения. Отец больше не учитель, теперь обучение профессии — это совершенно другая профессия. Ребёнок ходит в школу. Отец ходил в школу тридцать, сорок лет назад. За эти тридцать, сорок лет произошёл информационный взрыв. Дети учатся тому, о чём отец даже не подозревает, и когда ребёнок приходит домой, как он может испытывать какое-то благоговение? Поскольку он знает больше, чем знает его отец, он более современен, чем его отец. Отец кажется устаревшим.

Это проблема, и она будет больше и больше, поскольку наши ожидания стары, и мы всё хотим, чтобы ребёнок уважал родителей так же, как это было в прошлом, но вся ситуация изменилась. Теперь вы должны научиться чему-то новому: начните уважать детей. Теперь новое нужно уважать больше, чем старое. Начните учиться у своих детей, потому что они знают лучше, чем вы. Когда ваш сын заканчивает университет, он определённо знает лучше, чем вы.

Это было и моим университетским опытом. Один из моих профессоров философии обычно говорил такую чушь, и всё потому, что он учился в университете тридцать лет назад. В те годы, когда он был студентом, Гегель и Бредли были самыми важными фигурами в мире философии. Теперь Гегель и Бредли никого не волнуют. Теперь Витгенштейн и Г. И. Мур заняли их место.

Этот профессор понятия не имел о Витгенштейне и Муре. Он был настолько устаревшим, что я должен был сказать ему: «Вы настолько стары, настолько бесполезны, что или прочтите то, что сейчас происходит в философии, или прекратите учить!»

Естественно, он был в гневе: меня исключили из университета. Он написал письмо замректору: «Или я продолжаю учить, или этот студент остаётся в университете, но вместе мы оставаться не можем — он источник неприятностей».

Он не был готов читать Витгенштейна. На самом деле, я понимал его проблему: даже если бы он прочёл, он бы не понял. Витгенштейн — это совершенно иной мир по сравнению с Гегелем. А этот профессор говорил о Юме и Беркли... Протухшие имена, не имеющие никакого значения — часть истории, исторические сноски.

Вот в чём проблема.

Ты спрашиваешь меня, Нараяна: *Почему новое поколение является такой проблемой для родителей?*

Проблема в действительности не они: ваши ожидания того, что они должны уважать вас, как дети всегда уважали своих родителей, — это невозможно. *Вы* начните уважать их. Начните уважать новое. Теперь не имеет никакого смысла уважать возраст сам по себе. Стоит уважать интеллект, осознанность. А если вы будете уважать своих детей, они станут уважать вас. Только если вы уважаете своих детей, они будут уважать вас. Старый метод заключался в том, что детей всё время унижают, оскорбляют, всеми возможными способами, а они должны уважать вас — теперь такого больше не может быть.

Жена пастора, когда она делала покупки, заметила в лавке мясника вывеску: «В продаже Dam Ham» («dam Ham» звучит как «чёртова жопа», но буквально «ham» значит окорок. — Прим. пер.). Слегка ошарашенная таким названием, она обвинила мясника в богохульстве и сквернословии, но успокоилась, когда тот объяснил, что это новый вид свиней, выращенный Гувером Дамом (Hoover Dam), отсюда и название «Dam Ham» — «Окорок Дама». Она решила купить немного домой и сварганить семье на вечер.

Когда её муж вернулся домой, она готовила, и он спросил:

— Что на обед?

— Dam Ham, — ответила она.

Священник, который никогда не слышал таких слов в своём доме, стал бранить её, но когда она всё объяснила, он почувствовал лёгкую неловкость за то, что усомнился в своей жене.

Вечером, когда они сели за обед с их шестилетним сынишкой, священник прочитал молитву, а затем попросил:

— Передай мне, пожалуйста, dam ham.

Парень поднял ставшие круглыми глаза и сказал:

— Ну ты сказал, па! Передай мне и этой факаной картошки!

Кто я?

1. Как пожертвовать эго?
2. Что такое рационализация?
3. Кто я?
4. Почему человечество делает для себя невозможной счастливую и гармоничную жизнь?
5. «Жизнь более странна, необыкновенна, чем литература, вымысел» — что вы думаете?

Кто я?

Первый вопрос

Бхагван, как пожертвовать эго?

Дева Ахути, это невозможно. Эго нельзя принести в жертву, потому что эго не существует. Эго — это только идея, оно не субстанционально. Это не нечто, а только голое ничто. Вы даёте ему реальность, веря в него. Вы можете забрать назад свою веру, и его реальность исчезнет, испарится.

Эго — это вид отсутствия. Поскольку вы не знаете себя, появляется эго. В тот момент, когда вы узнаете себя, вы не находите никакого эго. Эго подобно темноте. У темноты нет собственного существования, она просто отсутствие света. Можете ли вы бороться с темнотой? Нельзя изгнать темноту из комнаты, вы не можете её вынести или внести туда. Напрямую с темнотой ничего нельзя сделать. Если вы захотите что-то сделать с темнотой, вам нужно будет что-то сделать со светом. Если вы зажигаете свет, темноты нет, если вы гасите свет, есть темнота.

Темнота — это только отсутствие света, так же и эго — отсутствие самопознания. Вы не можете им пожертвовать.

Вам твердили снова и снова: «Пожертвуйте вашим эго», но это утверждение — явный абсурд, потому что нельзя принести в жертву то, чего нет. А если вы постараетесь пожертвовать тем, чего вообще не было с самого начала, вы создадите новое эго: эго скромности, эго не эгоизма, эго человека, который думает, что пожертвовал своим эго. Оно опять станет новым видом темноты.

Нет, я не говорю вам пожертвовать своим эго. Наоборот, я говорю вам: «Попытайтесь увидеть, где оно есть. Глубоко загляните в него; постарайтесь определить, где оно находится, где оно существует, и вообще — существует оно или нет. Прежде, чем чем-то жертвовать, нужно быть уверенным насчёт его существования.

Но не будьте против эго с самого начала. Если вы против него, вы не можете глубоко заглянуть в него. Не стоит быть против чего-либо. Эго — ваш опыт, может быть, только кажущийся, но всё-таки это ваш опыт. Вы всю свою жизнь крутитесь вокруг феномена эго. Может, оно и сон, но для вас оно реально.

Не нужно быть против него. Нырните глубоко в эго, войдите в него. Погружаясь в его средства, привнесите осознанность в ваш дом, внесите свет в темноту. Будьте бдительными, наблюдательными. Наблюдайте пути эго, как оно работает, как оно вообще управляется. И вы будете удивлены: чем

глубже вы в него идёте, тем меньше его обнаруживается. А когда вы проникните в самую сердцевину вашего существования, вы найдёте нечто совершенно другое, то, что к эго не имеет отношения: безговость. Это самость, высшая самость — это Бог. Вы исчезли как отдельное бытие; вы больше не остров, теперь вы часть целого.

В этом переживании единения с целым эго *приносится* в жертву, но это только фигура речи, метафора. Не воспринимайте это буквально.

Постарайтесь понять эго. Проанализируйте его, препарируйте его, проследите за ним, наблюдайте его со столькоких точек зрения, сколькоих возможно. Не спешите им жертвовать, иначе родится великий эгоист: человек который думает, что он скромен, человек, который думает, что у него нет эго.

Та же самая история снова разыгрывается на более тонком уровне. Это и делали веками религиозные люди: были благочестивыми, лицемерными эгоистами. Они сделали ещё более украшенным своё эго, перекрасили его в цвета религии и святости. Ваше эго лучше эго святого, оно лучше, гораздо лучше, поскольку ваше эго грубо, а грубое эго понять и отбросить гораздо легче, чем тонкое. Тонкое эго играет в такие игры, что отбросить его очень сложно. Чтобы наблюдать его, человеку необходима абсолютная осознанность.

Эго грешника гораздо легче отбросить, чем эго святого. Святой всегда умеет притвориться, сделать вид. Его эго настолько отполировано, настолько украшено, настолько свято, настолько освящено традицией, условностями, толпой, что он может почти забыть о нём.

Настоящий поиск не делает ваше эго скромным. Скромное эго — это эго, стоящее вверх тормашками, эго, делающее *сиршасану* — стойку на голове. Избегайте этого. Лучше пойдите совершенно противоположным путём: медитируйте над феноменом эго, исследуйте, что это такое. И по мере углубления исследования, эго исчезает. Исследуя эго, вы придёте к себе, к своей самости.

И запомните: самость не имеет никакого отношения к эго, потому что самость не имеет вообще никакого отношения к вам. Самость всегда является высшей самостью: *Ахам Брахмасми!* — «Я — Бог!» В *этом* смысле вас нет, есть только Бог: *Тат-твам-аси* — «ты есть то». В этом смысле нет разницы между «ты» и «то». Капля росы исчезает в океане и сама становится океаном.

Но нет жертвы: не существующее не может быть принесено в жертву, его можно только понять. И в самом понимании заключается исчезновение. Это исчезновение красиво, поскольку оно не оставляет последствий, ни шрамов, ни ран.

Второй вопрос

Бхагван, что такое рационализация? Я задаю этот вопрос, поскольку мой муж профессор философии, и что бы я ему ни говорила, он почти всегда говорит, что это не что иное, как рационализация.

Мальти, рационализация — это трюк ума, чтобы обмануть не только других, но и себя. Ваш муж возможно сам занимается рационализацией. Когда он говорит вам: «Это рационализация», — возможно, это не что иное, как

рационализация с его стороны. Он хочет уклониться, он хочет избежать, он не хочет отвечать прямо. Он осуждает вас.

И разумеется, он использует большое, очень большое слово: рационализация. Естественно, жена напугана — наверное, это что-то плохое. Муж знает, он профессор философии, он обязан знать. Он сам занимается рационализацией.

Рационализация — это не настоящее объяснение; это уловка, притворство, предлог. Она претендует на рациональность, она делает вид, но на самом деле это не так.

— Почему ты пьёшь? — спрашивает Хоган.

— Выпивка убила мою мать, — отвечает Кой. — И выпивка убила моего отца — я пью из мести!

Это рационализация. Если вы хотите пить, пейте! Но рационализация — это очень тонкий способ обмануть себя и других.

Из дневника итальянской девушки во время круиза по Карпбскому морю: «Понедельник: приглашена обедать за капитанский столик».

«Вторник: провела весь день с капитаном».

«Среда: капитан сделал мне неприличные предложения».

«Четверг: капитан сказал, что он утопит корабль, если я не соглашусь на его предложения».

«Пятница: спасено пятьсот жизней».

Это рационализация. Человек очень хитёр, человеческая хитрость безгранична. Люди всё время действуют во имя здравого смысла.

Сегодня Ачарья Виноба Бхаве собирается начать смертельную голодовку, потому что он добивается полного запрета на убой коров. Он называет это своим религиозным долгом. Как может это быть религиозным долгом? Это шантаж, он угрожает своей стране. И откуда возникла эта идея? Он говорит, что его мать явилась ему во сне и сказала: «Это то дело, которое ты должен сделать».

Теперь из-за его сна, и матери во сне, он угрожает всей стране: «Я совершу самоубийство, если вы не послушаете меня». Но вместо того, чтобы прямо сказать: «Я совершу самоубийство», — он говорит, что будет поститься до смерти.

И эти люди считаются святыми, и эти люди считаются великими проповедниками ненасилия. Это как раз то, что его учитель, Махатма Ганди, делал всю свою жизнь, теперь и он продолжает гнилую традицию. За эти, по крайней мере, тридцать лет Индия очень пострадала от этих людей, и кажется, что этому не будет конца.

Это называется ненасилием. Если я стану угрожать кому-нибудь: «Я убью тебя, если ты не сделаешь, как я скажу», — меня схватит полиция. Я буду преступником в отношении закона. Но если я угрожаю, что: «Я убью себя, если вы не сделаете, как я сказал», — это считается неким святым действием.

Странно, что никто не сказал: «Этих людей нужно немедленно схватить и вести в суд, потому что они угрожают самоубийством, что является преступлением против закона». Любые попытки совершить самоубийство являются преступлением, противозаконны. Но Виноба Бхаве — святой.

Морарджи Десан встречался с ним, чтобы уговорить его: «Не делайте этого!» — потому что он сам делал так, те же самые вещи. Таким образом он и пришёл к власти: угрожая самоубийством.

Это тонкий способ принуждения, насилия. Кто этот человек, что он один решает за всю страну? Тогда кто-то может сказать: «Я буду поститься до смерти пока все не прекратят курить, потому что моя мать явилась ко мне во сне и сказала: “Сынок, это то великое дело, которое ты должен сделать”».

Принуждение стало ненасилием. Угроза самоубийством становится прекрасным делом, которое вы называете его «смертельный пост»! И вместо того, чтобы полиция схватила его и доставила в суд, прибежал премьер-министр, прибегают министры и каждый старается его уговорить: «Не продолжайте больше вашу смертельную голодовку». И никто не говорит, что это преступление!

Это рационализация. Человек может делать всё, что угодно, если у него достаточно хитрый и изворотливый ум, чтобы найти этому рациональное объяснение.

Мальти, иногда вы можете рационализировать — наблюдайте это. Но моё собственное знание женщин говорит о том, что они не такие уж рационализаторы — мужчины большие рационализаторы, потому что женщины живут более интуитивно, более инстинктивно, а мужчины живут больше через голову, через рассудок.

Женщины не особенно заботятся о таких вещах, как логика. Их поведение в большей или меньшей степени алогично — интуитивно, спонтанно. Они не стараются замаскироваться при помощи логики, они просто прыгают с одной точки в другую, не заботясь о процессе логики Аристотеля. Они просто прыгают! Они делают квантовый скачок из одной точки в другую. Невозможно увидеть в чём состоит связь между этими точками, как они ухитряются попадать из одной в другую. Их методы совершенно отличны от мужских.

Мальти, гораздо вероятнее, что ваш муж занимается рационализацией, что это его способ подавлять вас. Он использует философский жаргон: рационализация. И, конечно, вы пугаетесь, что делаете что-то не так. Я не думаю, Мальти, что вы особенно занимаетесь этим, женщины не развлекаются рационализацией. Но лучше понять, что это такое, поскольку с мужем, профессором философии, стоит понимать, чем является рационализация. И теперь в следующий раз, когда муж вам что-нибудь скажет, вы просто скажите: «Это рационализация», — и посмотрите, что произойдёт.

Только на днях я читал о психиатре, который чинил машину, а его сын играл по соседству с маленькой девочкой на балконе первого этажа. А внизу тот возился со своей машиной.

Внезапно мальчик толкнул девочку с балкона, и та упала на землю. Отец, конечно, был в гневе. Он посмотрел вверх, и до того, как он смог что-то сказать, мальчик спросил: «Па, ты можешь сказать мне, почему я это сделал? Ты считаешься психоаналитиком, психиатром, скажи мне, почему я это сделал».

В следующий раз, когда ваш муж что-нибудь скажет, не волнуйтесь об этом, просто скажите: «Это рационализация». Он пользуется большим сло-

вом, некоторые люди одержимы большими словами. Но рационализация — это тонкий процесс, люди не отказывают себе в этом удовольствии, мужчины больше. Я редко сталкивался с женщинами, которые развлекаются рационализированием, за исключением феминисток, никто из женщин не доставляет себе такого удовольствия. Только феминистки всё время следуют по пятам за мужчинами.

Но стоит понимать, что это такое, и если вы позволяете это себе, лучше это прекратить. Рационализация — это маскировка. Лучше быть аутентичным, истинным, чем прятаться за дымовой завесой.

Сейчас Винобе Бхаве лучше бы просто сказать: «Я хочу навязать свою волю этой стране», — так было бы проще. «Я готов умереть, если моя воля не будет принята». Но он не скажет так: «Я хочу навязать свою волю этой стране», потому что тогда он будет разоблачён: «Кто вы такой, чтобы навязывать свою волю? Здесь демократия. Вы не можете навязывать свою волю. У вас единственный голос — и этот голос равен всем остальным голосам. Ничей голос не является более важным, так что кто вы такой?»

Но всё так и продолжается...

Морарджи Десан хочет навязать стране запрет. Кто вы, чтобы навязывать стране такие вещи? Тогда где свобода и демократия? Да, если вы против алкоголя, учите, выражайте свои взгляды, спорьте, убеждайте... Это и означает демократию. Убедите людей! Если вы против забоя коров, ходите везде и убеждайте людей не есть коровье мясо. Но угроза, что вы совершите самоубийство, — это очень деспотично, по-диктаторски, недемократично. Это преступление против людей, против закона, против демократии.

Но вы прячете действительность за религиозной терминологией, вы можете продолжать делать нечто находясь в маске. Люди носят маски: рационализация — один из способов ношения маски.

Будьте подлинными. Будьте аутентичными. Не имеет смысла быть неистинными, потому что, чем больше вы становитесь не истинными, тем далее и далее вы будете от Бога.

Я не волнуюсь о вашем муже, меня волнует ваше существо, всё дальше и дальше удаляющееся от Бога. Если вы позволяете себе такие уловки, как рационализация, вы никогда не приблизитесь к вашей внутренней самости, где пребывает Бог. Отбросьте все ложные лица, чтобы вы могли обнаружить своё подлинное лицо. А найти своё подлинное лицо — это величайшая благодать, величайшее благословение в жизни.

Третий вопрос

Бхагван, когда возникает этот вопрос: «Кто я?» — я очень пугаюсь. Можете вы что-то об этом сказать?

Прем Дада, этот вопрос пугает каждого. Это обычное дело, это случается абсолютно со всеми. Кто бы ни захотел углубиться в этот вопрос, в поиск того: «Кто я есть?» должен ощутить страх в определённый момент. Почему? Потому что наступает момент, когда вы пересекаете границу эго и входите

в мир безэгоности. Этот момент — момент великого страха, потому что это кажется смертью. И по сути, это своего рода смерть: исчезает эго.

До сих пор оно было вашей личностью. До сих пор оно было тем, про что вы думали, что это вы. И вдруг оно начинает испаряться. Великий страх сжимает сердце: «Я умираю!», потому что умирает ваша личность, ваша идентичность. Вы не умираете на самом деле, по сути, вы рождаетесь. Это перерождение, это истинное рождение.

Это подобно зерну, умирающему в земле. Зерно, наверное, чувствует страх, беспокойство, трепет. Как зерно может доверять тому, что когда оно умрёт, будет огромное дерево, большое цветение? Зерна здесь не будет, чтобы увидеть это; если нет зерна, которое когда-нибудь видело это, так что как зерно может верить и доверять?

То же самое случается с эго: эго не может доверять тому, что есть я что-нибудь больше него. А эго умирает, эго испускает последний вздох, и вы пугаетесь. Множество людей повернуло с этой точки обратно, отинулось назад.

Так должно случиться с каждым медитатором. Поэтому, Дада, ваш вопрос важен, очень важен. Каждый медитатор должен столкнуться с этой ситуацией, с этим вызовом. Много раз люди подходят к той точке, откуда они могли бы войти в Бога, но они не смогли рискнуть, они не смогли набраться храбрости. Они пугаются, паникуют, они несутся прочь.

Вам нужно рискнуть. И я говорю вам из моего собственного опыта: это не смерть. Да, для эго это смерть, но смерть эго — это рождение души. Вы умрёте, как капля, но родитесь, как океан. Это стоит того. Вы умираете только как ограниченное существо, определённое существо, а родитесь как неопределённое, неопределимое.

Да, вы исчезнете со всеми вашими невротами, психозами, со всеми вашими напряжениями, страхами; вы умрёте со всеми вашими проблемами, беспокойствами; вы исчезнете такие, какими вы себя знали до сих пор. Но ваше исчезновение только смена одежд, вы станете ближе к вашей реальности, глубже в вашей реальности. Вы станете более глубоко укоренены в существовании.

В этом и состоит весь поиск!

Вы спрашиваете меня: *Когда возникает этот вопрос: «Кто я?» — я очень пугаюсь.*

Это естественно. Это хороший знак того, что вы подошли близко к границе. Может быть, вы стоите прямо на границе, вот почему, когда возникает этот вопрос, вы сразу же пугаетесь. Почувствуйте радость того, что вы так близко к границе, с которой может начаться новый мир и новая жизнь. Только один единственный шаг — и вы будете новым человеком, вы будете подлинным человеком. Только один шаг, и будут отброшены все помехи, которые общество вывалило на вас, и вы будете только чистой осознанностью. У вас вырастут крылья! Сейчас вы только ползаете по земле, а тогда вы сможете взмыть ввысь к солнцу.

Быть с Мастером просто значит учиться доверять, учиться искусству рисковать, учиться пускаться в приключение непознанного. Да, море не обозначено на карте, покинуть берег опасно, но только те, кто покинули берег, вкусили бессмертия. Только люди, которые рискнули отправиться в опасность, действительно живут; другие только проходят сквозь жизнь, но на самом деле не живут. Другие только существуют, другие только производят пустые жесты.

Так что сейчас для вас решающий момент. Вы можете вернуться, вы можете цепляться за свою личность, или вы можете пойти вперёд, не оборачиваясь назад. Будьте храброй! Я только могу сказать это снова: то же самое было со мной, тот же страх — это по-человечески. Я тоже метался туда и сюда. Пересечь эту линию действительно трудно. Но рано или поздно человек решается, потому что приходит и уходит назад не поможет. А раз вы так близко подошли к этой линии, вы больше не можете удовлетворяться своей обычной жизнью. Так что вы можете уйти, но вы обнаружите, что всё стало бессмысленно. Теперь вы будете перед дилеммой.

И в этом работа Мастера: создать дилемму. Внешнее становится бессмысленным, а внутреннее кажется опасным. Жить обычной жизнью опять становится невозможным, и прыгнуть в новое так же кажется невозможным. Но рано или поздно человек решается прыгнуть, потому что какой смысл цепляться за что-то, что стало бессмысленным, что потеряло всё своё значение! Сколько вы можете продолжать цепляться за это?

Мастер ждёт, Мастер остаётся терпеливым. Он позволяет вам ходить вперёд и назад, он всё время наблюдает, как вы подходите и отходите. Но он знает одну вещь: каждый день внешнее будет всё больше терять своё значение. Однажды будет совершенно бесполезно, абсурдно оставаться здесь. И по мере того, как внешнее теряет своё значение, внутреннее будет становиться всё более и более привлекательным. Два эти процесса происходят параллельно.

Однажды это становится непреодолимым: человек должен пересечь эту черту. И это великий день в жизни человека, когда вы отбросили свою старую личность и вошли в неизведанное — вы встретили Бога, вы пришли домой.

Четвёртый вопрос

Бхагван, я всегда верил, что американцы, китайцы, африканцы, шведы, индусы могли бы быть счастливы и довольны, и понимать друг друга, несмотря на различный цвет кожи, привычки, веры, и так далее, просто, если они были бы искренними с собой и друг с другом.

Отчего же человечество делает это для себя невозможным?

Дариус М. Моуди, невозможно верить и, тем не менее, жить в мире. Вера — коренная причина всех конфликтов. Только мир агностических искателей может оставаться целым. Веры не могут позволить миру быть таким.

Например, христиане верят, что освобождение возможно только через Иисуса — и как теперь мусульмане могут с этим смириться? Сама эта мысль

опасна для них. Они верят, что только через Мухаммеда возможно истинное освобождение. И как это могут вынести буддисты, которые думают, что, кроме Будды, никогда не было других просветлённых людей? Будда и Махавира жили одновременно, они были современниками, но буддисты думают, что Махавира не был просветлённым человеком, то же самое джайны, последователи Махавиры, думают, что Будда непросветлённый. Так что как могут джайны поверить, что Иисус просветлённый? Он же не был вегетарианцем. А как невегетарианец может быть просветлённым? Джайны верят, что если человек стал просветлённым, он обязан быть вегетарианцем. Как он может убивать? Их вера будет барьером.

Спросите христиан — они не могут поверить в Махавиру, потому что он никогда не помогал бедным. Просто стоял голый под деревом, медитировал с закрытыми глазами, это выглядит очень эгоистично для христианина. Махавира должен был открыть хотя бы несколько школ и госпиталей, а он никогда ничего не делал. Он не делал никаких чудес: не открывал глаза слепым, не воскрешал мёртвых к жизни. Что же он был за просветлённый? Без чудес, без служения человечеству — только разговоры о ненасилии, но никакого сострадания в его поступках, в его делах. Христиане не могут поверить, что Будда просветлённый. Какую помощь он оказал человечеству?..

Так что эти различающиеся веры разделяют людей. Вера — это способ разделения. Человечество может стать одним целым, только когда люди отбросят веры. Что я и стараюсь делать здесь. Будьте исследователями, не будьте верующими. Исследуйте истину, но не начинайте с предвзвешенных: не начинайте, как мусульманин, христианин или индуст.

Дариус, вы говорите: Я всегда верил, что американцы, китайцы, африканцы, шведы, индусы могли бы быть счастливы и довольны, и понимать друг друга, несмотря на различный цвет кожи, привычки, веры, и так далее, просто, если они были бы искренними с собой и друг с другом.

Американцы верят в американский образ жизни, а индусы верят в индийский образ жизни — в этом и конфликт. Индусы верят, что только Индия единственная благочестивая страна в мире, единственная религиозная страна. Америка? Само это слово пахнет материализмом. Для индийского ума слово «американец» означает нечто абсолютно неверующее, нечестивое. Американец представляется им человеком невоздержанности.

И для американца индус символизирует снобизм, лицемерие, эгоизм. Как эти люди могут встретиться? Американец должен отбросить своё американское существо, а индус должен отбросить своё индийское существо. Мы должны начать думать в терминах всей земли. Религиозные веры, политические убеждения, веры всех мастей разделяют людей. Поэтому все веры опасны, ядовиты.

Вы видите, Дариус, люди всех рас, всех стран, всех религий встречаются здесь без всяких проблем. И им не говорят: «Будьте терпимы к другим», — потому что сама идея терпимости несёт в себе нетерпимость. Почему кому-

то нужно говорить: «Будьте терпимы к другим»? Это просто означает, что есть нетерпимость, и нужно научиться терпимости.

Здесь никогда никому не говорили, что ислам, индуизм и христианство — это одно и то же. Сказать такое означало бы, что вы недоверчивы. Махатма Ганди всё время говорил, что Коран, Бхагават-Гита и Дхармапада подразумевают одно и то же. И с большим усилием он всё время пытался отыскать сходства — к чему такой труд? Само усилие показывает, что есть недоверие. И это усилие не может быть успешным, потому что они непохожи. У Корана своя красота, у Гиты своя, и они не похожи, вообще.

Попытка навязать сходство таким уникальным, оригинальным писаниям поистине тошнотворна. Как у Махавиры и Кришны может быть то же самое послание? Этого не может быть. Только подумайте: если бы Арджуна спросил у Махавиры: «Я хочу отречься от этого мира, не хочу воевать и уйду в лес», — Махавира немедленно благословил бы его на отречение. Он бы сказал: «Это то, что ты должен сделать. Уже поздно, но всё же хорошо. Война — это насилие, и хорошо, что понимание этого возникло в тебе, отречься от мира и иди в лес».

Но Кришна уговорил его не уходить в лес: «Сражайся на войне, потому что это твой долг. Само твоё существо таково, что ты можешь быть только воителем, таков твой тип. Отречение не подойдёт для тебя, не годится тебе. Ты не будешь приспособлен, и даже в лесу ты начнёшь охотиться, ты не сможешь медитировать, ты будешь охотиться. Я прекрасно знаю тебя, я знаю тебя с самого детства. И вся эта чепуха, которую ты несёшь, не что иное, как рационализация. Ты не против войны!» И так и было — Кришна был прав, он смотрел в корень: Арджуна не был против войны. На самом деле он был против убийства своих родных.

Война была семейной войной между братьями, на обеих сторонах были родственники. Поскольку война была между двоюродными братьями, все родственники разделились: некоторые заняли эту сторону, некоторые другую. Один брат был на одной стороне, другой брат был на противоположной. Даже сам Кришна был разделён, его армия сражалась на одной стороне, а он сам сражался вместе с Арджуной, потому что оба брата были его друзьями и оба просили его помощи. Поэтому он сказал: «Можете выбирать: вы можете выбрать или меня или мою армию».

Учитель Арджуны, у которого он научился всему, что он знал о войне, который сделал его совершенным воином, Дрона, был на противоположной стороне: его собственный учитель, у которого Арджуна научился стрелять из лука, сражается на противоположной стороне. Это была на самом деле семейная война. И Арджуна не был против войны: он был против убийства его собственных родственников. Видя поле брани, заполненное его родственниками — кто-то за, кто-то против — и те и другие могут быть убиты, и многие будут убиты — он начал думать: «Какой смысл всего этого? Убивать мою собственную семью! Мне было бы лучше отречься».

Он не был против насилия. Если бы не были вовлечены его родственники, он бы очень обрадовался войне. Кришна убедил его увидеть тот факт, что

он рационализировать, что весь тот сумасбродный разговор о ненасилии, отрицании войны, мире, отречении, был только рационализацией, поиском рационального объяснения. Кришна заставил его увидеть трюк его собственного ума.

Как теперь можно сказать, что Махавира и Кришна говорят одно и то же? Они не говорят одно и то же.

Мой опыт заключается в том, что все те, кто стал просветлённым во всём мире: и Моисей — просветлённый, и Заратустра — просветлённый, и Лао-Цзы — просветлённый, и Иисус, и Кришна, Будда, Махавира, Кабир и многие-многие другие — всё, что они пережили, испытали, их опыт этого переживания тот же самый. Но всё же их личности настолько различны, их индивидуальности настолько уникальны, что выражение их индивидуальностей совершенно различно, и никаким способом вы не можете заставить их казаться говорящими одно и то же — они говорят разные вещи.

Их переживание то же самое, их конечное переживание то же самое, но их выбор того, как жизнь должна быть прожита, как достичь этого предельного переживания, совершенно различен. Их пути совершенно различны, их цель может быть той же самой, но цель будет известна, только когда вы достигли ее, а никак не до этого. До этой цели вы должны будете следовать пути.

Махатма Ганди старался как-то доказать, что мусульмане, индуисты и джайны говорят одно и то же. Это было вымыслом, подлогом, потому что он выбирал из Корана только те изречения, которые гармонизировали с Бхагават-Гитой, и пропускал те высказывания, которые дисгармонизировали. Критерием была Бхагават-Гита. Он называл Гиту своей матерью, но он не называл Коран своим отцом. Гита — его мать, он оставался индуистом, по самой своей сути индуистом. И в соответствии с Гитой он продолжал искать. Если находилось что-нибудь подобное, он выбирал это, подхватывал это, но всё, что не совпадало с Гитой, он просто отбрасывал, он забывал об этом вообще.

Это неверный подход. И всё же он не смог никого убедить. По сути, само усилие было тщетно, упражнение в бесполезности: он не смог убедить мусульман, он не смог убедить индуистов. Мусульмане остались неубеждёнными, они продолжали требовать отдельную страну и преуспели в этом. И он не смог убедить индуистов — по сути, один индуист убил его, какой-то индуистский фанатик убил его. Он не смог убедить никого.

Я не верю, что он убедил даже себя. Всю свою жизнь он пел в своём ашраме: «*Аллах-Ишвар тери нам* — Аллах и Ишвар — оба имя твоё!». Но когда его застрелили, Аллах не пришёл в его сердце. Когда пуля вошла в его сердце, он вскрикнул «Рам», а не «Аллах»: «Ой, Рам!» Это очень показательно. В этот момент всё философствование было забыто, вышел на поверхность настоящий индуист. Он не смог вспомнить Аллаха в этот момент, не смог вспомнить Будду или Махавиру. Тот, кого он вспомнил, был Рам — индуистский идеал, индуистское воплощение Бога. Это показывает, что он не смог даже убедить сам себя, что же говорить о других!

Здесь я не стараюсь кого-то убедить, и, тем не менее, вещи происходят. Я не стараюсь создать синтез религий, потому что я знаю, что это совершенно бесполезно. Они *являются* различными, они уникальны. И я уважаю их уни-

кальность. По сути, мир стал богаче, потому что есть Коран, есть Гита и есть Дхармапада. Мир богаче, потому что были Заратустра, Лао-Цзы, Будда, мир богаче, потому что есть Нанак, Кабир и Фарид. Так много цветов! Мир — это прекрасный сад.

Роза — это не лотос, и лотос — это не роза: и то, и другое цветы, оба расцвели, это так. Будда расцвел, и Иисус расцвёл — оба цветы; но роза — это роза, а лотос — это лотос. И хорошо, что не все розы и не все лотосы.

Но иногда здесь происходит нечто очень таинственное, Дариус, посмотрите: здесь все виды людей, почти из всех стран, всех религий, и никто не учит их быть терпимыми, и никто не учит их уважать религию друг друга. Об этом просто не говорят, и всё же ни у кого нет нетерпимости. На самом деле, никто не думает в терминах того, что другой — это другой. Это совершенно другой взгляд.

Мой подход в том, что вы должны отбросить — не впитать терпимость, не впитать некий синтез, подтасованный, рукотворный — вы должны отбросить всю эту чушь об американском образе жизни, Индийском образе жизни, Китайском образе жизни. Вы должны отбросить всю эту чушь, что: «Я индуст, мусульманин, парси, сикх». Вы просто человеческое существо! Может, у вас другой цвет кожи, ну и что? Хорошо, что люди разных цветов, разные цветы. У вас волосы другого цвета — хорошо! Это делает жизнь более достойной жизни, более интересной. Разнообразие придаёт богатство.

Ваша идея, Дариус, что люди могут жить в гармонии, даже если у них разные веры, ошибочна. Проблема в этих различных религиях. По сути, верить значит ошибаться: познание — добро, вера — зло. Исследование — добро, собирание предрассудков — зло. Будьте искателями, будьте агностиками.

Быть «агностиком» значит чётко сказать себе и другим: «Я не знаю — так что как я могу цепляться за какую-то веру? Я рождён в индуистской семье, поэтому родители меня обучили индуистской религии, но я не знаю, что хорошо и что плохо — то, что произошло, просто случайность. Будь я воспитан христианами, я так же бы верил в христианство. Или если бы я родился в советской России, я бы стал коммунистом. Тогда бы я не верил в святую троицу: Бог-отец, Бог-сын и Святой Дух. Я бы верил в совершенно другую троицу: Маркс, Энгельс, Ленин, и Кремль был бы моей Каабой, а «*Капитал*» был бы моей Бхагават-Гитой».

Просто поймите — это элементарно! Никто не рождён индуистом, мусульманином или христианином — это навязано вам. Это навязывание уродливо, безобразно. В действительно свободном мире никому не будет навязываться никакая религия. Все религии будут доступны каждому! Каждый будет свободен выбирать (shop around). Каждый может идти в храм, мечеть, гурудвара, каждый может переходить из одного места в другое и делать маленькие религиозные покупки (shopping). Каждый может заглянуть в Коран, Библию или Веды и сам для себя всё решить.

Родители не должны определять религию своих детей. Было бы преступлением против человечности — втягивать ребёнка в какую-нибудь религию. Да, родители должны учить ребёнка исследовать и тому, как исследовать.

Они должны сделать доступными для него все альтернативы, чтобы ребёнок мог, если бы захотел, стать однажды мусульманином, может быть, вы индуисты, но если ваш ребёнок хочет стать мусульманином, это очень хорошо. Вы должны быть счастливы, что ваш ребёнок выбрал религию. Хорошо, что он стал религиозным. Какая разница, где он станет молиться: в храме или мечети? Только одно имеет значение — что он будет молиться.

Но сейчас, прямо сейчас, это не так. Никто не интересуется молитвой: все интересуются — где? Никто не интересуется тем, чтобы сделать вас более религиозным, каждый заинтересован в том, чтобы сделать вас христианином, католиком, протестантом, тем или другим. Это очень уродливая ситуация: она разделяет людей.

Мы должны сражаться за мир, в котором дети не будут втягиваться ни в какую религию. Каждому ребёнку должны быть предоставлены все возможности выбора. Кто знает, что ему подойдёт? Моё наблюдение состоит в том, что бывает так, что ребёнок рождён в семье джайнов, но он не тот тип, у него не тип Махавира. Тогда всю свою жизнь он будет делать нечто, для чего он не предназначен. Он будет следовать Махавире, но в этом не будет его сердца, его души. Его сердце могло бы пойти гораздо глубже с Мирой или Кришной, но это невозможно: он джайн. И наоборот: человек может родиться в семье почитающих Кришну, но видение Кришны не вызывает никакого отклика в его сердце, никаких колокольчиков в нём не звенит. И что он теперь должен делать? Притворяться? Быть лицемером? Продолжать верить из-за того, что его родители индуисты, и из-за этого он тоже должен им оставаться? Видя статую Махавиры, нагого, безмолвного, его сердце, может быть, приходит в волнение, он чувствует новый трепет в его существе, новую энергию, новые вспышки молний. Может, это попадает прямо в точку! Тогда это его религия.

Вы должны найти религию своим собственным сердцем. Все религии хороши. Все религии различны. Все религии являются путями: стремятся к той же самой цели. Но никто не может идти всеми путями сразу. Если вы следуете всеми путями, вы чокнетесь. Вы должны придерживаться одного пути, совершенно точно зная, что все пути ведут к тому же самому пику вершины. И, тем не менее, человек должен придерживаться одного пути.

Но если бы вначале было исследование, а не вера, мир был бы совершенно другим. Дариус, с верами такое невозможно. С привычками всё нормально, привычки могут быть разными.

В обстановке Индии привычки будут другими. Но привычки — это небольшая проблема, понятно, что в холодной стране будут другие привычки, чем в жаркой. Это очень естественно. Но веры не имеют ничего общего с жарой или холодом, веры не имеют отношения к климату. Веры не имеют ничего общего с природой: веры искусственны. Все веры, по своей сути, — это политические, тактические методы управления толпой, контроля над толпой.

Вы спрашиваете: *Отчего же человечество делает это для себя невозможным?*

Потому что человек ещё не рождён: человечество существует только теоретически. Однажды Джорджа Бернарда Шоу спросили: «Что вы думаете о цивилизации?» Тот ответил: «Идея хорошая, но кто-то ещё должен её осуществить».

Человечество — тоже хорошая идея, но её ещё надо кому-то осуществить. Этого ещё не произошло.

Человечество ещё не родилось. Есть индуисты, есть мусульмане, есть христиане, есть индусы, немцы, итальянцы, но человечество ещё не родилось. Это просто слово, но пустое, без материального содержания.

Если кто-то вас спрашивает: «Дариус, кто вы?», — почти невозможно представить, что вы скажете: «Человеческое существо, человек». Вы скажете: «Христианин, индуист, парси, мусульманин...» Вы, может быть, скажете: «Доктор, инженер, профессор, учёный...» — и так далее, и тому подобное, до отвращения, но почти невозможно представить, просто вообразить, чтобы вы сказали: «Я человеческое существо».

Если вы так скажете, тот, кто вас спрашивал, подумает, что вы слегка чокнулись. «Конечно, ты человеческое существо! Но я спрашиваю: кто ты?»

Человечество ещё не возникло, и мы должны подготовить почву для его возникновения. Оно может возникнуть только через отбрасывание *всех* видов веры. Такое может случиться только посредством создания огромной волны исследования, создания атмосферы, пространства, в котором вера просто означает, что вы невежественны: вы не знаете, и всё же вы стараетесь делать вид, что знаете. Вера — это не знание, а обман, иллюзия.

Настоящий, подлинный человек не будет верить. Или он знает, или он не знает. Если кто-то вас спросит: «Есть ли Бог?», если вы искренний человек, подлинный человек, вы не можете сказать: «Я верю в Бога, я верю, что он существует». Я вы не можете сказать: «Я не верю в Бога, и утверждаю, что его нет». Нет. Если вы искренний человек, если вы хоть как-то уважаете истину, вы скажете: «Я не знаю. Я ищу и исследую. Я не верующий и не неверующий. Я искатель, исследователь».

И тогда, когда вы узнаете, как вы думаете, будете ли вы верить тогда? Тогда не нужно будет верить. Вы не верите в солнце! Что-то не видно людей сражающихся по поводу того, существует ли солнце или не существует, что солнце восходит на востоке, или солнце восходит на западе, юге или севере: таких людей что-то не видно. Каждый знает, что солнце восходит на востоке, каждый знает, что солнце *существует* — это не вопросы веры.

Если вы спросите меня: «Верите ли вы в Бога?», я отвечу: «Нет, потому что я знаю, что Бог есть. Мне не нужно верить». Познание — это реальная вещь, вера — это камуфляж, прикрытия.

Помогите людям отбросить их веры. Помогите стать исследователями. Помогите людям начать действовать из незнания. А это и есть состояние медитации: действовать из состояния незнания, значит действовать медитативно. Действовать из состояния знания, осведомлённости, эрудиции, значит упустить всю суть. Знание всегда старо, а жизнь никогда не бывает старой. Знание и жизнь никогда не встречаются, никогда не сходятся.

Поэтому я нарочно использую слово «познание» (knowing) вместо «знание», «эрудиция» (knowledge). «Знание» — это существительное, а познание — это глагол (Бхагван пользуется тем, что существительное «knowing» — познание пишется так же, как и форма глагола, означающая узнавать в данный момент. — *Прим. пер.*). Познание — это течение, поток, знание статично. У знания в конце есть точка, познание не имеет точки — оно просто непрерывный процесс. Никто не знает Бога в смысле знания, Бога можно знать только в смысле познания, познавания. Да, у этого есть начало, но конца нет. Человек познаёт всё время больше и больше, и чем больше он узнаёт, тем больше чувствует, что ещё больше можно узнать.

Вы спрашиваете, Дариус: *Я всегда верил, что просто если они будут естественны и искренни с собой и другими, они все будут счастливы и довольны, и будут понимать друг друга, несмотря на их разные цвета кожи, привычки, веры, и так далее.*

Но как люди могут быть естественными и искренними, когда они несут такое множество верований? Быть естественным означает быть без какой-либо веры. Дети естественны, но вы нет. Животные естественны, но вы — нет. Деревья естественны, но не вы. И что сделало вас неестественными и фальшивыми? Ваши системы верований.

Очень тяжело отбросить систему верований. И как вы можете быть искренними, если вы верите? Это взаимоисключающие понятия: быть искренним и верить. Если кто-то говорит: «Я верю в Бога», он говорит: «Я не знаю — я слышал, меня научили, мне рассказали. Я верю в Бога. Я не знаю себя». Как такой человек может быть искренним? Это начало обмана. Не познавая себя, всё-таки верить, может ли быть что-то более неискреннее?

Родители учат своих детей: «Верьте в Бога и будьте искренними». Но это такие взаимоисключающие понятия: «Верьте в Бога и будьте искренними!» Возможно только одно: или вы можете верить в Бога, но тогда вы не можете быть искренними, или вы можете быть искренними, но тогда вы должны сказать чётко и ясно: «Я не могу верить в Бога, потому что я не знаю».

Но эта растерянность по поводу двойной морали создана в каждом человеке. Вас научили взаимоисключающим вещам — отсюда ваше шизофреническое состояние. Вас научили таким противоречивым вещам, что вы остаетесь расщеплёнными. И вас учили так долго, что вы не видите их противоречия. Так называемые религиозные люди: христиане, мусульмане, индуисты — они не могут быть искренними. Если они искренни, они не могут быть христианами, мусульманами или индуистами. Как вы можете быть искренними и, тем не менее, верить, что Иисус был рождён от девственной матери? Просто скажите мне: как можно быть искренним и, тем не менее, верить в это? Как можно быть искренним? В глубине души вы знаете, что это невозможно. Дети не рождаются от девственниц.

Как можно быть искренним и всё же верить, что, когда змея укусила Махавиру, вместо крови из его ноги потекло молоко? Как можно в это верить

и всё же оставаться искренним? Есть только одна возможность: по телу Махавиры вместо крови циркулировало молоко. Но как может молоко сохраняться так долго циркулирующим? Ему было около пятидесяти, когда змея укусила его — молоко должно было уже давно превратиться в творог.

А творог не может течь. Махавира уже должен был давно быть мёртвым. Как можно быть искренним и всё же верить в такое? Если вы искренни, будут возникать вопросы. А если вы будете верить, вы будете должны быть неискренними: вы будете должны подавлять ваши вопросы.

Человек может быть естественным и искренним, но тогда веры должны быть отброшены — должны быть отброшены все виды верований. И когда вы отбрасываете свои веры, ваша энергия освобождается, и та же самая энергия становится исследованием, и та же самая энергия может привести вас к окончательной истине.

Люди настолько религиозны, настолько фанатично религиозны, что я слышал:

— *Твой дед религиозный человек?* — спрашивает молодая студентка своего молодого человека.

— *Он такой ортодокс,* — отвечает парень, — *что когда он играет в шахматы, он использует не слона (в английском названии фигуры слона звучит так же, как слово «епископ».* — *Прим. пер.*), а раввина.

Последний вопрос

Бхагван, что вы думаете по поводу утверждения, что жизнь более странна и необычна, чем вымысел, фантастика, художественная литература?

Нандан, это не может быть иначе, потому что литература только отражение жизни, только эхо, далёкое эхо. Как может быть литература более странной, необычной, чем жизнь? Она просто тень жизни, отпечаток жизни. Жизнь на самом деле невероятна, невообразима. Её не должно было бы быть, но она есть. Она чрезвычайно таинственна.

Но вы осознаёте странность вымышленных произведений и вы никогда не осознаёте странности жизни, потому что вы принимаете её, как само собой разумеющееся. Вы воспринимаете её такой само собой разумеющейся вещью, какой рыба воспринимает океан, и она никогда не осознаёт его. Как может рыба осознать океан? Она родилась в нём, она живёт в океане, океан был с самого начала. Так же, как вы не осознаёте воздух и вес воздуха, гравитацию и гравитационное притяжение, таким же образом рыба не осознаёт океан, и таким же образом вы не осознаёте невероятность жизни, окружающую вас внутри и снаружи: вы воспринимаете её как должное, и именно это делает вас несчастными.

Не воспринимайте жизнь как должное, как само собой разумеющееся, и вы тут же окажетесь в постоянном благоговении. Каждый момент становится сюрпризом, каждый момент становится таким откровением таинственного, и жизнь приобретает совершенно другой цвет и аромат. Вы становитесь открытыми. Тогда вы больше не скучны и не унылы. Тогда жизнь есть опьянение, возбуждение, опьянение, экстаз.

Это и есть, по сути, то, чем является истинная религия: приведением человека к осознанию жизни, созданием в вас к бдительности в отношении всего, что происходит вокруг вас — солнце, луна, звёзды, реки, горы, люди, тишина в этот момент, ваше существо здесь, моё существо здесь — что может быть более таинственным, чем эта общность, взаимосвязь? Ваше сердце бьётся в такт с моим сердцем, ваша жизненная энергия в ритме с моей жизненной энергией... В этот самый момент три тысячи человек в гармонии, в таком абсолютном молчании, как будто бы никого и нет... Такое растворение, такое слияние! Что может быть ещё более таинственное? Более чудесное?

Просто быть уже чудо! Просто быть способным дышать является чудом! Просто возможность видеть свет, раду, звёздную ночь — можно ли пожелать чего-то большего? Можно ли вообразить нечто большее?

Вы спрашиваете меня: *Бхагван, что вы думаете об утверждении, что жизнь более странна и необычна, чем литература?*

Я не думаю! Так оно и есть. Не нужно думать: я знаю — это так, так это и есть. Мышление — это низшая деятельность, видение, понимание высшая деятельность. Я вижу, что это так — для меня это не вопрос логических умозаключений, это мой жизненный опыт. Я постоянно удивляюсь — каждый момент, каждый вздох — это сюрприз. И это не декларация, это правда! Только станьте немного более бдительными, немного более осознанными, немного более наблюдательными. Щёлкните пальцами, шлёпните себя по лицу и пробудитесь! Тогда взгляните вокруг... молчание, красота и благословение.

Говорят Хотей, став просветлённым, начал смеяться и потом никогда не останавливался. Всё то время пока он жил, он смеялся. Он смеялся всю дорогу к Богу, пока не умер. Люди спрашивали: «Почему ты смеёшься, Хотей?», — поскольку он стал известным в Японии как смеющийся Будда. Он отвечал: «Потому что жизнь так невероятна, так нелепа, так абсурдна». Её не должно быть, но она есть! Совсем без всякой причины цветы продолжают цвести, птицы продолжают петь, и каждое утро опять восходит солнце. Без всякой причины! Что мы можем сделать, если оно не взойдёт однажды? Вообще без всякой причины!

И всё существует в такой гармонии, согласии, в таком ритме, что если вы дотрагиваетесь до травинки, вы коснулись всей вселенной: потому что маленькая травинка содержит в себе всю вселенную. Травинки не было бы здесь без солнца, её бы не было здесь без земли, её бы не было здесь без планет и звёзд. Её бы здесь не было, если бы вселенная пошла бы чуть-чуть по иному пути. И если бы эта травинка исчезла, вселенная была бы чуть меньше, немного ущербнее из-за того, что она бы лишилась её. Такая бесконечность и действует всё время в таком ритмичном потоке, с такой органичной целостностью, с таким оргазмическим восторгом.

Просто наблюдайте жизнь — и вы сможете смеяться. Она абсурдна, странна, нелепа, чудесна. Никакой сон не может быть более сказочным, чем жизнь,

никакая поэзия не может быть более поэтична, чем жизнь, и нельзя создать шутку более смешную, чем жизнь.

Жених и невеста из глухой лесной деревеньки пришли в город, чтобы жениться, и привезли с собой своего шафера, Зика. Когда они обратились за разрешением, чиновник поставил их в известность, что по закону штата прежде, чем они смогут получить разрешение, нужен анализ крови, и сказал им, что прямо за углом есть доктор, который может сделать анализы.

Пока доктор брал пробы крови у будущих жениха и невесты, Зик смотрел с огромным интересом.

— Что это вы делаете, док? — спросил он.

— Мы проверяем венерические заболевания, — сказал врач. — Если что-нибудь найдём, бракосочетание не может состояться, пока мы это не вылечим.

— Хорошо, — сказал шафер. — Тогда почему бы вам не сделать анализ и моей крови?

— Зачем? — спросил доктор. — Ведь вы же не собираетесь жениться?

— О, нет! — сказал Зик, указывая на молодых. — Но я собираюсь питаться у них! (По-английски — «to board», а это слово имеет так же ещё и значение «получать полный пансион». — Прим. пер.)

...Вы упустили это!.. Вам нужен ещё один.

Пэйн и Батлер мыли руки в уборной Питсбурга, когда три дородных негра ввалились туда и направились к писсуарам.

— Вау! — прошептал Пэйн. — Наверное, длиннющие у них концы!

— Да, — сказал Батлер. — Ты посмотри, как они сложены! У них, должно быть, самые большие отростки во всём штате Пенсильвания. Я пойду поближе, посмотрю их размер!

Он вернулся через минуту.

— Круто! Они огромные, — сказал Пэйн. — Но это ещё не всё, у того парня, что посередине, он белый!

— Эй, мужик, кто это слышал когда-нибудь, чтобы у чернокожего был белый член? Я хочу посмотреть сам.

Он вернулся немедленно.

— Брат, эти парни не негры! — воскликнул Батлер. — Они польские шахтёры! А у того парня, что посередине, — медовый месяц!

Очень немногие находят путь

*Друг, скажи мне, что мне делать с этим миром?
Я держусь за него и пытаюсь от него удержаться!*

*Я отказался шить одежды и стал носить рясу,
Но однажды я заметил, что ткань хорошего качества.*

*Так что я купил мешковины, но всё же я
Накинул её элегантно на своё левое плечо.*

*Я подавил свои сексуальные страсти,
И обнаружил, что я стал ужасно гневным.*

*Я отказался от ярости, и заметил,
Что я стал постоянно жадным.*

*Я упорно трудился над растворением своей жадности,
И теперь я горжусь собой.*

*Когда ум хочет разрушить свои узы с миром?
Он, тем не менее, держится за них.*

Кабир говорит:
*«Послушай, мой друг,
Есть очень немного тех, кто нашёл путь!»*

Очень немногие находят путь

Человек — это дилемма, потому что человек — это двойственность. Человек — это не одно существо: человек — это прошлое и будущее. Прошлое означает животное, будущее означает божественное. И между этими двумя находится настоящий момент, между этими двумя лежит человеческое существование: разделённое, разрываемое на части, движущееся прямо в противоположных направлениях.

Если человек взглянет назад, то он животное. Вот почему наука не может поверить в то, что человек нечто большее, а не просто другое животное, потому что наука ищет только в прошлом. Чарльз Дарвин и другие правы, что человек рождён от животного. Это верно в отношении прошлого, но это не так в отношении человека вообще.

Религия вглядывается в возможное, в то, что может случиться, но ещё не случилось. Наука препарирует семя и не может там найти никаких цветов. Религия — это мечтатель, она грезит и способна видеть то, чего ещё нет: цветы. Конечно, их нельзя найти, эти цветы нельзя обнаружить препарировав зерно. Для этого нужно большое прозрение, не аналитические способности, а некий полёт интуиции, некое видение, некий поэтический подход. Нужен настоящий фантазёр, который может видеть то, что ещё не случилось.

Религия вглядывается в возможное и открывает, что человек не животное, а божественное: человек есть Бог — и те, и другие правы. Конфликт безоснователен. Конфликт между наукой и религией оказывается тщетным. Их направления, их методы работы, области, сферы деятельности совершенно различны.

Наука всегда всё сводит к источнику, а религия всегда летит к цели. Человек — и то, и другое, потому что человек — это дилемма, постоянное напряжение: быть или не быть, быть этим или быть тем?

Человек может обрести мир двумя способами: или он снова становится животным — тогда он будет целым, тогда не будет разделений, тогда снова будет мир, тишина, гармония... Вот почему миллионы людей стремятся стать животными самыми разнообразными способами.

Война даёт человеку возможность стать животным, поэтому война имеет огромную привлекательность. За трёхтысячелетнюю историю человечества было пять тысяч войн — постоянно, то в одном месте, то в другом, продолжалась война. Не было ни единого дня, когда бы человек не убил человека. Почему такая огромная радость от убийства, от разрушения? Причина глубоко в психологии человека.

В тот момент, когда вы убиваете, внезапно вы едины; вы снова становитесь животным, двойственность исчезает. Поэтому у убийства, у самоубийства огромная притягательная сила. Человека всё ещё нельзя убедить быть ненасильственным. Насилие продолжает извергаться. Имена меняются, лозунги меняются, но насилие остаётся всё тем же. Оно может быть во имя религии, во имя политической идеологии или каких-нибудь абсурдных вещей: для людей достаточно футбольного матча, чтобы стать насильственными, достаточно матча в крикет.

Насилие настолько привлекает людей, что даже если они не могут делать это сами, поскольку это рискованно и они думают о последствиях, они находят обходные пути, чтобы быть насильственными. В кино или на телевидении насилие насущная необходимость; без насилия никто не пойдёт смотреть фильм. Видя насилие и кровь, вы внезапно вспоминаете своё животное прошлое, вы забываете своё настоящее, вы полностью забываете своё будущее — вы становитесь вашим прошлым. Вы отождествляетесь, и то, что происходит на экране, каким-то образом становится вашей жизнью. Вы больше не зритель — в этот момент вы становитесь участником, вы впадаете во взаимосвязь.

Насилие имеет огромную привлекательность. Очень привлекателен секс, потому что только в моменты секса вы можете стать единым, одним; иначе вы остаётесь двумя, разделёнными, напряжение и боль сохраняется. Насилие, секс, наркотики, все они помогают вам, по крайней мере, на время вернуться, стать животным. Но такое положение дел не может быть постоянным.

Нужно понять один основной закон: ничто не может идти назад (у Раджниша постоянные языковые аллюзии: *to go backward* в библейском значении — «впасть в грех». — *Прим. пер.*). Максимум, что вы можете, — это делать вид, вводить в заблуждение, но ничто не может вернуться назад, потому что время не движется назад. Время всегда идёт вперёд. Вы не можете превратить молодого человека в ребёнка или старика в молодого человека — это невозможно. Невозможно превратить дерево в первоначальное семя.

Эволюция идёт вперёд и вперёд, и невозможно помешать ей или заставить её повернуть вспять. Поэтому все усилия человека стать животным и таким образом обрести мир, обречены на провал. Можно опьянять себя с помощью алкоголя или других наркотиков: марихуаны, LSD — можно залиться полностью. На какой-то момент все тревоги исчезают, на какой-то момент вы больше не часть проблематичного существования, на какой-то момент вы движетесь в совершенно другом измерении — но это только на какой-то момент.

Завтра утром вы вернётесь, и когда вы вернётесь, мир будет более уродлив, чем он был ранее, и жизнь будет большей проблемой, чем когда-либо до этого. Потому что пока вы были опьянёнными, бессознательными, одурманенными наркотиками, проблемы росли. Проблемы усложнялись всё больше и больше. В то время, как вы думали, что вы стали выше проблем, проблемы ещё больше укоренились в вашем существе, в вашем бессознательном.

Завтра вы снова вернётесь в тот же самый мир, он будет выглядеть более уродливым по сравнению с тем спокойствием, которое вы достигли через низведение себя, через опьянение, через забвение. По сравнению с этим спокойствием мир будет выглядеть ещё более опасным, запутанным, ужасным. И тогда остаётся только один путь: постоянное повышение дозы наркотика. Но это тоже не поможет надолго. И это не выход из дилеммы. Дилемма остаётся, сохраняется.

Единственный путь — это расти по направлению к божественному. Единственный путь — стать своим потенциалом: трансформировать потенциальное в действительное.

Человек — это потенциальный Бог, и пока он не стал настоящим Богом, нет возможности удовлетворения. Люди пробовали и это: «Как стать божественным?» И становясь божественным, что делать с животным. Простейшим решением, которое находили в течении веков, было подавить животное. Это *то же самое* решение, что и подавить божественное: через насилие, через секс, через наркотики — забыть о божественном. Первое решение никогда не было успешным, не может быть успешным; по самой природе вещей оно обязано потерпеть неудачу. Тогда второе предположение, которое приходит на ум — подавить животное, забыть животное, держать животное позади, не смотреть на него. Забросить его глубоко внутрь подвала вашего бессознательного, чтобы вы не сталкивались с ним в вашей ежедневной жизни, чтобы вы не видели его.

Человек мыслит почти так же, как и страус. Страус думает, что если он не видит врага, то враг не существует. Поэтому, когда страус встречается с врагом, он просто закрывает глаза. Закрыв глаза, он думает, что теперь нет врага, потому что он не может его видеть.

Вот что веками делали девяносто девять процентов религиозных людей. Один процент я оставляю для Будд, Кабиров, Кришн. Девяносто девять процентов религиозных людей делали не что иное, как упражнение страуса — крайне бессмысленное упражнение. Подавите животное! Но вы не можете подавить животное, потому что у животного огромная энергия. Оно было всем вашим прошлым, ему миллионы и миллионы лет. У него глубокие корни в вас, вы не можете так легко от него освободиться, просто закрывая глаза. Это полнейший идиотизм.

Животное ваша основа, оно само ваше основание. Вы рождены, как животное; вы не отличны от какого-то другого животного. Вы *можете* быть другими, но ещё не другие — просто родившись, вы не стали другими. Да, у вас другой тип тела, но не очень сильно отличающийся. У вас другой тип интеллекта, но не слишком сильно отличающийся. Отличие только количественное, а не качественное.

Сейчас современное исследование растений показало, что даже растения разумны, чувствительны, бдительны, осознанны — а что говорить о животных? Некоторые исследователи говорят, что даже у металлов есть своя собственная разновидность интеллекта. Так что отличие между человеком и слоном, человеком и дельфином, человеком и обезьяной, не качественное,

а только количественное, только в степени. У нас немножко больше интеллекта, и всё.

Это не такое большое отличие, по крайней мере, не такое большое отличие, чтобы делать какие-то различия. Качественные изменения наступают только тогда, когда человек становится полностью пробуждённым, полностью осознанным, когда человек становится Буддой — тогда происходят настоящие различия. Тогда он больше не животное. Тогда он просто божественный — но как этого достичь?

Эти девяносто девять процентов религиозных людей делают что-то совершенно неправильное: та же самая логика. Та же самая логика, которой следуют люди насилия, секса, алкоголики. Тот же самый вид логики: забыть животное. Было разработано множество специальных приёмов, чтобы забыть животное: распевайте мантры, чтобы вы могли забыть животное, станьте заполнены распеванием, всё время повторяйте: «Рама, Рама, Рама, Рама». Повторяйте это так быстро, чтобы ваш ум был полностью поглощён только одним этим словом «Рама». Это просто способ избежать животное — но животное есть.

Вы можете воспевать Раму веками. Животное не изменится при помощи таких простых трюков. Вы не можете обмануть животное. Оно останется лишь очень поверхностно религиозным. Поскребите любого религиозного человека, и вы обнаружите внутри животное, только немного поскребите. Она не проходит даже на глубину кожи, эта так называемая религиозность. Она только претендует, делает вид, это только формальность, социальный ритуал.

Вы ходите в церковь, читаете Библию, вы читаете Гиту, вы читаете мантры, вы молитесь, но всё это формально. В этом нет вашего сердца. А животное внутри вас всё время над вами смеётся, оно поднимает вас на смех. Оно знает вас прекрасно, кто вы и где вы. И оно знает, как вами управлять. Вы можете часами продолжать читать мантры, а потом проходит мимо прекрасная женщина, и внезапно всё ваше чтение исчезает, и вы вообще забыли всё о Боге. Просто запах пекарни — и всё ушло, Хари Кришна, Рама — все ушли.

Достаточно просто маленькой вещи! Кто-то оскорбляет вас, и вот он гнев, и животное готово взять реванш, вы в ярости. По сути, религиозные люди становятся более гневными, чем кто-либо ещё — потому что другие не подавляют. И религиозные люди более сексуально извращённые, чем кто-либо ещё, потому что другие не подавляют. Сны религиозного человека должны наблюдаться, потому что днём он может подавлять, вытеснять в подсознание, но ночью-то он спит.

Махатма Ганди писал, что даже в семьдесят лет у него были сексуальные сны. В семьдесят лет — и сексуальные сны? Он говорил: «Днём я стал дисциплинированным, весь день ни единой мысли о сексе не приходит ко мне. Но ночью я бессилён, я неосознан, так что вся дисциплина и контроль исчезают».

Догадка Зигмунда Фрейда о том, что, чтобы узнать человека, нужно знать его сны, а не его жизнь во время бодрствования, очень ценна. Жизнь человека во время бодрствования фальшива. Его реальная жизнь заявляет себя в его

снах, потому что его сны более естественны: нет подавления, нет дисциплины, нет контроля. Поэтому психоанализ не беспокоится о бодрствующей жизни. Просто поймите смысл: ваша жизнь во время бодрствования настолько фальшива, что психоанализ вообще ей не доверяет. Она никчёмна. Психоанализ проникает в ваши сны, потому что сны гораздо правдивей, чем ваша так называемая бодрствующая жизнь.

Есть достаточная доля иронии в том, что жизнь во время бодрствования, которую мы считаем настоящей жизнью, психоаналитиками настоящей не считается, она считается более нереальной, чем ваши сны. Сны гораздо более реальны, потому что там нет вас, чтобы извращать их, вы глубоко спите, осознанный ум спит, и бессознательное свободно, чтобы говорить. А бессознательное — ваш настоящий, подлинный ум, потому что сознание только десятая часть всего вашего ума. Девять десятых бессознательного — в девять раз более могущественного, в девять раз большего, чем ваш сознательный ум.

И что вы обычно делаете, когда боретесь с вашей сексуальностью, гневом, жадностью? Вы сбрасываете их в бессознательное, в темноту подполья, думая, что не видя их, вы освобождаетесь от них. Вы не освобождаетесь. Это не случилось даже у такого человека, как Махатма Ганди... Что говорить о маленьких махатмах вроде Морарджи Десаи и т. д.?

У такого человека, как Махатма Ганди продолжались сексуальные сны. Это просто показывает, что все его усилия во время бодрствования были бессмысленны, что всё, что бы он ни старался делать во время бодрствования, не имело смысла, было бесполезно. И он понял это: в самом конце своей жизни он понял всю тщетность своей дисциплины. Вся его жизнь оказалась потерянной: он понял это. И, в конце, прямо перед своей смертью, два года он экспериментировал с познанием Тантры. Об этом не говорят, по крайней мере, не говорят гандисты — они очень боятся этих двух лет. Его последователи советовали ему: «Пожалуйста, не делайте таких экспериментов».

Вы удивитесь: даже Морарджи Десаи советовал ему: «Не делайте таких экспериментов!» Почему? Они боялись за престиж Махатмы. Они так же боялись и за себя. Но Ганди был храбрым человеком, как бы там ни было неправильно, он был искренним человеком. Он отважился принять, что его усилия дисциплины в соответствии с традиционными методами потерпели неудачу. Последние два года он спал с обнажённой женщиной, впервые не подавляя, но выражая, будучи любящим, открытым, впервые не будучи настороже.

Как я понимаю, в его жизни самыми важными были эти два года, которые замалчивают, и не просто замалчивают: последователи отрицают, скрывают эти факты. Эти два года *самые* важные в его жизни. В эти два года он впервые осознал, что сексуальную энергию не нужно подавлять: она может быть трансформирована.

Его жизнь была прервана, потому что фанатик из его же собственного города, Пуны, убил его. Иначе это была бы совершенно другая история. Если бы он прожил хотя бы ещё десять лет, тогда все эти так называемые гандисты бросили бы его. Многие уже бросили его, когда он начал эксперименти-

ровать с Тантрой. Если бы он прожил на десять лет больше, это было бы огромным благодеянием для человечества, потому что он смог бы сказать: «Всё усилие моей жизни в отношении подавления потерпело неудачу, тогда как Тантра преуспела».

Девяносто девять процентов религиозных людей продолжают подавление, вытеснение, но когда вы что-либо вытесняете, оно идёт глубже внутрь вас, оно становится ещё больше частью вашего существа. И это начинает влиять на вас таким тонким образом, что вы даже можете не осознавать это. Оно идёт такими окольными путями. Оно не может прийти напрямую, потому что, если бы оно пришло напрямую, вы бы подавили это. Тогда оно приходит такими тонкими, такими окольными, такими обманчивыми путями, с такими масками, что вы не можете даже распознать, что это сексуальность.

Она может даже скрываться под маской молитвы, любви, религиозных ритуалов. Но если вы пойдёте глубже, если вы позволяете себе открыться кому-нибудь, кто может наблюдать и кто понимает внутренний механизм вашего ума, вы удивитесь, узнав, что это та же самая энергия, движущаяся другими каналами. Она должна идти через другие каналы, так как энергию невозможно подавить.

Пусть это будет понятно раз и навсегда: энергию никогда нельзя подавить. Энергию можно трансформировать, но подавить никогда. Подлинная религия состоит из алхимии, методов трансформации, методик. Подлинная религия состоит не из подавления, а из очищения животного, возвращивания животного до божественного, использования животного, из езды верхом на животном по направлению к божественному. Оно может стать ужасно могущественным транспортным средством, потому что оно и есть сила, энергия.

Секс можно использовать, как великую энергию, — вы можете ехать на нём верхом до самых дверей Бога. Но если вы станете подавлять секс, вы будете всё больше и больше запутываться, вовлекаться в него. Это самый современный подход, но эти сутры Кабира вам скажут, что открытие Зигмунда Фрейда совсем не открытие: оно открытие только для Запада. Что касается Востока, это древняя истина. Мудрецы всегда знали об этом.

Эти сутры очень красивы, очень научны. Медитируйте над каждой этой сутрой:

*Друг, скажи мне, что мне делать с этим миром?
Я держусь за него и пытаюсь от него удержаться!*

В оригинале так:

Avadhū, māya taji na jai.

Авадху буквально означает друг, но у этого слова есть особый смысл, это не просто друг. В английском нет слова, чтобы передать истинный смысл *авадху*, но его можно объяснить. *Авадху* значит друг, компаньон, товарищ на пути к божественному — особый вид дружбы. Дружба двух идущих, дружба тех, кто в поиске неизвестного и непостижимого, дружба тех, кто готов к предельному приключению, кто готов идти в неизведанное. *Авадху* означает друзей в поиске истины. Это рискованно, для такой дружбы требуется мужество. Это не обычная, ординарная дружба — она совершенно необычна, неординарна, она не от мира сего.

Эта дружба означает *сатсанг*: когда много искателей собираются вместе вокруг человека, который познал, потому что такая дружба возможна только вокруг человека, который знает, потому что такое собрание возможно только вокруг Будды, вокруг того, кто пробуждён — так как он будет исполнять функции центра общины (*commune*). Без центра община не будет иметь никакого значения, она будет обычной толпой.

Без Христа христиане — просто толпа, обычная толпа. С Христом это общность (*communion*), это *сатсанг* — это предельная дружба. Христос может называть своих учеников *авадху*: друзья, товарищи, спутники, товарищи по духу — вот в чём именно смысл *авадху*. Это не мирская дружба, у неё нет мотивов. Эта дружба не от зависимости. У этой дружбы нет взаимоотношений, которые было бы можно объяснить какими-то мирскими категориями — лишь две души в глубоком ритме, два товарища по духу.

Трудно искать одному: путь труден, рискованный, опасный, есть все возможности сбиться с пути. Проще если люди идут с друзьями. Как рассказывал Гурджиев, когда он путешествовал по странам суфизма, суфийский мастер дал ему технику. Техника заключалась в том, что двадцать друзей Гурджиева должны пойти далеко в пустыню, но, по крайней мере, один человек должен не спать, оставаться бодрствующим. Включая Гурджиева, были двадцать один человек. Двадцать человек могли спать, но один постоянно должен был не спать, двадцать четыре часа в день. Когда он уставал, он должен был будить кого-то ещё, тогда он мог идти спать, но этот другой должен был не спать. Один *должен* был не спать!

Если вы один, вы должны будете засыпать время от времени, но если вы идёте с друзьями, то, по крайней мере, один может всегда оставаться пробуждённым. В пустыне или лесу, в джунглях нужно, чтобы, по крайней мере, один оставался бы бодрствующим.

Когда вы находитесь в путешествии, предельном, окончательном странствии к Богу, неплохо иметь нескольких друзей, потому что, по крайней мере, один может всегда бодрствовать. И тот человек, который бодрствует, станет вашей защитой, поможет вам не заблудиться, будет держать вас вместе, станет неким клеем, который объединит ваши энергии.

Но если вы сможете найти человека, который пробуждён, пробуждён двадцать четыре часа в сутки, что и значит быть Буддой, тогда, естественно, коммуна, сообщество друзей собирается вокруг него. Его свет, его понимание мало-помалу так же пропитывает и их существа.

Кабир не говорит для публики, он говорит для нескольких друзей. Поэтому он говорит:

Avadhū, dūz̄yā, māya taji na jai.

Очень трудно отбросить этот ум: очень трудно отбросить этот ум, потому что кто собирается его отбрасывать? Даже сама идея об отбрасывании ума является его частью. Очень сложно отбросить ум, потому что даже если вы отбросите его, тот, кто его отбрасывал, останется — это и станет вашим умом. Настоящий порочный круг. Как из него выйти?

Ум иллюзорен, поэтому Кабир называет его «майя» — иллюзия. Его на самом деле нет; у него нет субстанциональности, но, тем не менее, он посто-

янно присутствует — изо дня в день ваш ум продолжается. Мысли, мечты, желания, воображение, воспоминания... движение продолжается непрерывно. И всё нематериально! Если вы пробудитесь, внезапно вы обнаружите, что все мечты, все мысли, все желания исчезли. Но как отбросить этот ум? Кто собирает его отбрасывать? Если вы стараетесь отбросить его, вы и есть ум.

Вы можете уйти в пещеры Гималаев, но ум пойдёт с вами, потому что на самом деле ум отправится в гималайские пещеры, кто же ещё? Вы можете отречься от семьи, но кто будет отрекаться? Вы можете стоять на голове, но это будет тот же самый ум — вы как были дураком, так и останетесь. Это должно быть понято.

С вашей стороны ничего не нужно делать, поскольку что бы ни делалось, это всегда делается умом. Само назначение ума — действие. Так что нельзя ничего сделать с умом, чтобы его отбросить.

Avadhu, maya taji na jai.

Поэтому Кабир говорит: очень трудно, друзья, отбросить ум и его иллюзии. Во-первых, они не материальны, если бы они были материальны, это было бы проще. Вы можете оставить дом, вы можете отказаться от жены, от своих детей, вы можете уйти от мира — они весьма материальны! Но как вы можете оставить свой ум? Он останется с вами.

Когда Баязид, суфийский святой, пошёл к своему Мастеру, он отрёкся от жены и детей и отправился к Мастеру. Мастер жил в развалинах старой мечети. Когда Баязид пришёл, он сказал:

— Я пришёл, я отверг всё, пожалуйста, примите меня.

Мастер взглянул на Баязида, оглянулся вокруг и спросил:

— А зачем ты привёл с собой всю эту толпу?

Баязид был удивлён. Он посмотрел назад — там никого не было. Может, этот человек сошёл с ума? Он спросил:

— О какой толпе ты говоришь?

И Мастер ответил:

— Не смотри назад — смотри внутрь. Все те люди, которых ты оставил, здесь.

Баязид закрыл глаза... Мастер был прав, он не сумасшедший. Жена всё ещё причитала, дети просили его: «Папа, не уходи». Друзья держали его за руки до последнего момента. Когда он попрощался с ними, они все шли за ним так далеко, насколько это было возможно. Он должен был уговаривать их снова и снова: «Пожалуйста, возвращайтесь. Я решил, моё решение окончательно». И когда он закрыл свои глаза, все они были здесь.

И Мастер сказал:

— Баязид, очень просто отвергнуть мир, но как ты собираешься отвергать ум? Потому что ум и есть настоящий мир! Все они здесь. Ты сядешь медитировать и вспомнишь свою жену, хотя ты мог даже не вспоминать о ней, когда был с ней — так работает ум. То, что есть, он воспринимает как само собой разумеющееся, то, чего нет, он страстно жаждет. Теперь ты будешь больше и больше увлечён своей женой, своими детьми. Будет приходить всё больше и больше воспоминаний: «Как там мои дети? Что с моей женой? Изменила ли она мне? Ушла ли она с кем-то ещё? Может ли она это сделать?» Ревность, собственничество и все виды вещей должны будут появиться.

Есть красивая история в писаниях джайнов:

Великий король Бимбисар отправился повидаться с Махавирой, последним джайнским тиртханкарой — последним джайнским пророком. По пути он встретил своего старого друга. Они учились в одной школе, тот также был сыном короля, но отрёкся и стал джайнским монахом — он стоял обнажённый под деревом.

Бимбисара охватило огромное почтение к этому человеку, и он начал чувствовать себя немного виноватым: «Я так вовлечён в мир — деньги, власть, престиж, войны. А если посмотреть на моего друга: он тоже король, он мог тоже быть таким же королём, как и я, но он отрёкся — храбрый человек». Бимбисар поклонился своему старому другу, коснулся его ног. Затем он отправился к Махавире.

Прямо в нескольких метрах далее был Махавира, сидящий под деревом. Бимбисар спросил его:

— Мне в голову пришёл один вопрос: когда я увидел моего старого друга Прасанначандру, который стал монахом, твоим учеником, у меня в голове возник вопрос: если он умрёт прямо сейчас, где он родится?

Джайны говорят, что есть семь Адов и семь Небес.

— В каком Раю он родится?», — спросил Бимбисар. — Конечно же, нет и речи о том, что он родится в аду — он отрёкся от такого великого королевства и всего остального — на каком небе?

И Махавира сказал:

— Он бы попал в седьмой ад — если бы он умер в тот момент, когда ты касался его стоп.

Бимбисар был шокирован.

— В седьмой ад? — переспросил он. — Тогда как же насчёт меня? Ведь нет ада ниже седьмого. Мой друг отрёкся от всего и выглядит таким набожным, безмолвным, безмятежным, он будет рождён в седьмом аду?

— Не стоит беспокоиться, — сказал Махавира. — Если бы он умер прямо сейчас, он бы родился в седьмом раю.

А прошло всего несколько минут.

Бимбисар сказал:

— Ты меня очень озадачил. А сейчас ты запутал меня ещё больше. Что же произошло за эти несколько минут, что он родится в седьмом раю?

Махавира сказал:

— Ты не знаешь всю историю. Только перед тобой приходил твой премьер-министр. Он приходил в качестве твоего сопровождения, чтобы посмотреть, всё ли в порядке, всё ли в безопасности. Твой премьер-министр, твои генералы, твоя охрана, все они прошли здесь за несколько минут до того, как пришёл ты. Твой премьер-министр сказал: «Взгляните на этого дурака, это Прасанначандра! Он мог бы быть великим королём и попал под гипноз Махавиры. И сейчас стоит голый на этой жаре, тратя зря свою жизнь... Он был красивым человеком, а сейчас посмотрите на его тело. Он полнейший дурак, потому что он доверился своему премьер-министру и отдал ему всё царство до того пока его дети станут достаточно взрослыми, чтобы вступить во владение им, а премьер-министр жулик. К тому времени, когда дети вырастут, в казне ничего не останется.

Услышав это, Прасанначандра совершенно забыл, что он стал монахом, совершенно! Он так был шокирован и настолько рассердился, что сказал в своём сердце: «Я всё ещё жив». И его рука, просто по старой привычке, потянулась за мечом, которого не было. Он достал меч из ножен и сказал:

«Я пойду и убью этого человека немедленно». И в своём воображении он отсёк голову премьер-министра.

— Когда ты дотронулся его ног, — сказал Махавира, — он только что убил премьер-министра. Поэтому я сказал тебе, что если бы он умер, в тот момент он бы попал в седьмой ад — он был в состоянии убийцы. Теперь всё изменилось. Когда он вложил свой меч обратно в ножны, он осознал: «Что я делаю? Где меч и где ножны? Что я сделал? В воображении убил моего премьер-министра! Это такое же преступление, как и реальное убийство человека».

Махавира сказал:

— Думаешь ли ты об убийстве или ты убиваешь, нет никакой разницы — это то же самое, психологически это то же самое. Что я натворил? Когда я отрёкся, я отрёкся! Кто я теперь, чтобы вмешиваться? Если он мошенничает, это его дело; если он нарушает свои обязательства, он пострадает за это. Но кто я, чтобы карать его? Я покончил со всем этим. И кто мои дети, и что есть моё царство?

И к нему пришло огромное понимание. Он стал тихим, безмолвным, безмятежным, беспристрастным. Если он умрёт прямо сейчас, то в таких прекрасных сферах, что он родится в седьмом раю.

Дело не в этом мире, а в уме. Вы можете уйти в гималайские пещеры, но о чём вы будете думать? Вы будете думать о мирском, земном. Вот почему Кабир говорит:

Avadhu, maya taji na jai.

Очень трудно отбросить ум.

Друг, скажи мне, что могу я сделать с этим миром...

Мир — это ум.

...Я держусь за него и пытаюсь от него удержаться!

Я отказался шить одежды и стал носить рясу,

Но однажды я заметил, что ткань хорошего качества.

Он говорит, я отрёкся от красивых одежд и стал носить рясу, но затем однажды я увидел: «Даже эта ряса из хорошей ткани: ум сыграл со мной шутку, обманул меня. Я всё так же заинтересован своей одеждой, как и ранее. Я всё ещё хочу выглядеть красивым, я всё ещё хочу выглядеть особым, я всё ещё хочу кем-то выглядеть. Ум сыграл со мной шутку. Я тот же самый человек».

«Я отбросил эти красивые одежды и теперь ношу единственную рясу, но это не имеет значения — ум может проецироваться тем же самым образом». Экран не делает разницы: фильм продолжается тот же самый. Можно как экран использовать стену, и будет проецироваться тот же самый фильм. Не обязательно иметь наилучший экран. Фильм будет тем же самым, даже если он проецируется на стену. Стена может быть неровной, может быть стеной дома бедного человека, но это не имеет никакого значения: фильм тот же самый.

Кабир говорит: я понял это: «Ум всё ещё действует тем же самым образом. Я всё ещё хожу таким образом, чтобы люди должны были узнавать меня, что я не обычный человек. Раньше я ходил в моих красивых одеждах — зачем люди используют красивые одежды? Таким образом они выглядят особенными. Теперь я ношу рясу, но всё же в глубине души существует то же самое желание».

В оригинале так:

*Girah taj ke bastar bandha,
bastar taj ke feri.*

Я покинул дом, я переселился в пещеру только с одним маленьким мешком, но затем однажды я осознал, что пещера стала домом. И то небольшое имущество, которое я принёс с собой может прекрасно работать на моё собственничество. Моё собственничество осталось тем же самым! Теперь если кто-нибудь войдёт в пещеру, я скажу: «Убирайся! Это моя пещера».

Можете пойти посмотреть. Пойдите в Гималаи, войдите в какую-нибудь пещеру, и какой-нибудь йог, сидящий там, скажет: «Убирайтесь! Что вы тут делаете? Это моя пещера. Я прожил здесь тридцать лет. Если вы хотите жить в пещере, найдите себе свою».

Ну и какая разница — «мой дом» или «моя пещера»? Проблема в том, что «мой» и «моё». Поэтому Кабир говорит: я покинул дом с маленьким мешком, пошёл в пещеру, но я обнаружил, что это то же самое — потому что я тот же самый. Так что я покинул пещеру и бросил эти небольшие пожитки, став странником, но ничего не изменилось. Сейчас я чувствую величие от того, что я странник, что я не ординарный монах, живущий в укрытии и безопасности пещеры. Посмотрите — я живу в небезопасности! Вот как должен жить каждый. Я странник без безопасности и защиты. Теперь странствие стало опорой моего эго.

*Yirah taj ke bastar bandha,
bastar taj ke feri.*

Теперь я стал бродягой, но огромная гордость возникла во мне.

Так что я купил мешковины, но всё же я

Накинул её элегантно на моё левое плечо.

Видя, что ряса была хорошо соткана, я приобрёл парусины и сделал из неё шаль, но всё же я набросил её элегантно на моё левое плечо. Тот же самый ум.

Можно даже стоять обнажённым на солнце — не имеет значения: это будет тот же самый ум. Как отбросить ум? Он войдёт с чёрного входа, он найдёт новые пути, чтобы вернуться в вас.

Я подавил свои сексуальные страсти

И обнаружил, что я стал ужасно гневным.

Понять это чрезвычайно важно. Кабир глубоко заглянул в человеческий ум и то, как он работает, в его хитрые тонкие методы. Он в совершенстве постиг весь процесс внутренней алхимии. Если вы подавляете, всё так и происходит.

Я подавил свои сексуальные страсти

И обнаружил, что я стал ужасно гневным.

Если вы подавляете, вытесняете секс, вы будете гневными. Вся энергия, которая становилась сексом, станет гневом. Уж лучше быть сексуальным, чем гневным. В сексе, по крайней мере, есть что-то от любви, а в гнев только чистое насилие и ничего больше. Если секс подавлен, человек становится яростным, насильственным — он будет насильственным к другим или к себе. Есть две возможности: или он станет садистом и будет мучить других, или он станет мазохистом и будет мучить себя. Но он будет мучить.

Знаете ли вы, что веками солдатам не позволялось вести половую жизнь? Почему? Потому что если солдатам позволить половую жизнь, у них не накопится достаточно гнева, ярости, насилия. Их секс станет высвобождением, они станут мягкими, а мягкий человек не может сражаться. Лишите солдата половой жизни, и он станет сражаться лучше. По сути, его насилие будет заменой его сексуальности.

Зигмунд Фрейд опять прав когда он говорит, что всё наше оружие — не что иное, как фаллические символы: меч, нож, штык — все они просто-напросто фаллические символы. Солдату запретили проникать в чье-нибудь тело, в какое-нибудь женское тело. И он начинает сходить с ума насчёт проникновения в чье-то тело, теперь он может что-нибудь сделать. В его существовании возникает большое извращённое желание. Подавленный секс — солдат хочет проникать в тела при помощи штыка, при помощи меча...

Веками солдат заставляли подавлять свои сексуальные желания.

В этом веке мы видели, как произошла одна вещь. Американские солдаты самые хорошо вооруженные солдаты в мире: научно, технологически, они самые хорошо экипированные солдаты, но они оказались слабее среди всех других солдат. Во Вьетнаме, бедной стране, они пытались победить много лет и вынуждены были признать поражение. Почему? Впервые в истории американский солдат сексуально удовлетворён — вот в чём вопрос. Первые солдаты в истории, которые были сексуально удовлетворены, которые не были лишены секса. Они не могут победить. Такая бедная страна, как Вьетнам, такая маленькая страна, как Вьетнам, — это чудо; если вы не понимаете психологии — это чудо. Со всей технологией, со всей современной наукой, со всей мощью американские солдаты не смогли ничего сделать.

Но это не ново, это древняя истина. Вся история Индии доказывает это. Индия большая страна, одна из наибольших, за исключением Китая, вторая наибольшая страна в мире, и её много раз завоёвывали маленькие страны. Турки, монголы, греки — кто бы ни приходил, эта большая страна была немедленно разгромлена и завоёвана. В чём причина? Те люди, которые приходили завоёвывать, были бедными, лишёнными, изголодавшимися.

Мой собственный анализ истории Индии заключается в том, что Индия прошлого не была сексуально подавленной страной. Это были те дни, когда были построены такие храмы, как Каджурахо, Конарак, Пури — Индия не была сексуально подавленной. Вопреки нескольким так называемым матхатмам, наибольшая часть страны была сексуально удовлетворена, вокруг была нежность, качество любви и грации. Для Индии было трудно сражаться. Зачем? Просто представьте себе: если вы хотите сражаться, вы должны будете сексуально воздерживаться несколько дней. Можете спросить у Мухаммеда Али и других боксёров: за несколько дней перед боем они соблюдают половое воздержание. Это необходимость! Можете спросить участников олимпийских игр: за несколько дней до олимпийских соревнований они должны воздерживаться от секса. Это даёт боевой дух, это даёт ярость — это делает вас способными сражаться. Вы бежите быстрее, вы быстрее атакуете, потому что энергия кипит в вас. Поэтому солдат заставляли подавлять.

Просто разрешите армиям мира стать сексуально удовлетворёнными, и наступит мир. Просто позвольте людям сексуальное удовлетворение, и будет меньше индо-мусульманских мятежей, меньше христианских и мусульманских крестовых походов — вся эта бессмыслица исчезнет. Если распространяется любовь, война исчезает: и то, и другое вместе не существуют.

Кабир совершенно прав. Он говорит:

Я подавил свои сексуальные страсти

И обнаружил, что я стал ужасно гневным.

Он прекрасный наблюдатель, очень тонкий наблюдатель. Вот что такое осознанность. Он наблюдает: он подавил свои сексуальные желания и видит: «Итак, что происходит внутри?» Вскоре он обнаруживает, что стал более гневным, совсем без причины, просто гневным, раздражённым, готовым драться с каждым по любому поводу.

И помните, секс можно трансформировать, так как это естественная энергия, гнев не так естественен, на один шаг он удалён от природы. Так что изменить гнев будет трудно. Сначала гнев должен быть превращён в секс, и только потом что-то может быть сделано — что и является моей работой здесь. И именно за это меня осуждают во всём мире.

Я стараюсь превратить ваш гнев в секс — первое, что должно быть сделано. Таков путь внутреннего преобразования. В первую очередь должны исчезнуть все ваши извращения и вы должны стать естественным человеческим существом. Вы должны стать естественным животным, чтобы быть точнее. И только тогда вы сможете стать божественными. Животное может быть трансформировано в божество, но ваше животное ещё и очень извращено, ваше животное не в здравом уме, оно стало безумно. Сначала нужно трансформировать, изменить безумие. Смените гнев!

Вот почему я посылаю людей сначала в группы столкновений (ENCOUNTER GROUP), а затем в Тантру. Сначала они должны пройти то, что происходит в группах столкновений, некий процесс, где они могут выразить, смягчить, снять, успокоить свой гнев. Только тогда они могут войти в процесс Тантры, в некую внутреннюю алхимию, которая может использовать сексуальную энергию, как средство достижения.

Но гневные люди этого не понимают. Гнев не позволяет понимания. Так что если вы хотите стать политиком, вы должны подавлять свой секс, иначе вы не сможете соревноваться, вы не будете способны достичь Нью Дели — это невозможно. Это не случайно, что Морарджи Десаи попал туда: пятьдесят лет сексуального подавления обязаны были помочь ему стать премьер-министром страны. Так много ярости! Очень трудно соперничать с такими людьми, они соревнуются, как бешенные. Они не ищут окольных путей, они просто идут вперёд, не волнуясь о том, что происходит. Праведными или неправедными путями, но они должны достичь вершины.

Политики могут преуспевать, только если это сексуально подавленные люди. Адольф Гитлер был сексуально подавленным, очень подавленным. Влюбись он по-настоящему хотя бы в одну женщину, не было бы никакой второй мировой войны. Полюби он по-настоящему хотя бы одно человечес-

кое существо, вся история человечества была бы другой. Но он был очень сексуально подавленным.

Он был таким же большим махатмой, как и Морарджи Десаи, по сути, даже большим. Вы удивитесь узнав, что он был вегетарианцем. Найти вегетарианца в Германии очень сложно! Но он был вегетарианцем. Он не курил, он был против любых опьяняющих напитков. Он всё время рано ложился спать и рано вставал. Он избегал любых тёплых взаимоотношений, что уж тут говорить о любви? — у него не было даже ни одного друга. Не было ни одного человека, который мог бы назвать его другом. Он никогда не позволял такой большой близости. Он боялся, постоянно боялся своей сексуальности.

Этот человек стал причиной величайшей войны, которую когда-либо знал мир. Я чувствую, что если бы он немного курил, иногда выпивал, что если бы он влюблялся в женщин, вся история человечества была бы другой. Тогда он был бы более мягким, более человечным, более принимающим свои собственные ограничения и, следовательно, более принимающим ограничения других. Он был бы более человечным.

Кабир говорит:

*Я подавил свои сексуальные страсти
И обнаружил, что я стал ужасно гневным.
Я отказался от ярости и заметил,
Что я стал постоянно жадным.*

Итак, он подавил свой гнев — хм? — это то, что по логике вещей будет делать человек. Вы подавляете секс, наружу вылезает гнев; вы подавляете гнев. Но он пристальный наблюдатель, очень тщательный наблюдатель. Он говорит: в тот момент, когда я подавил мой гнев, я стал жадным.

Это тоже доказано: если вы посмотрите на историю человечества, вы найдёте этому тысячи доказательств. Например, в Индии Махавира учил ненасилию, и в результате все его последователи стали самыми жадными людьми в мире — они евреи Индии. Джайны — евреи Индии. Почему они стали такими жадными?

Махавира учил их быть ненасильственными. Разумеется, они начали подавлять гнев; это единственный кажущийся возможным для глупого ума путь: Подавите гнев! Не будьте насильственными. И они в самом деле упорно старались, всеми возможными путями они старались быть ненасильственными. Они даже прекратили земледелие, потому что это вид насилия: нужно выдёргивать растения и срезать урожай, это насилие, потому что растения живые. Поэтому джайны полностью прекратили земледелие.

В то же время они не могут идти в армию, они не могут быть *кшатриями* — воителями — потому-то из-за их идеологии ненасилия они не могут даже быть земледельцами и садовниками, это невозможно. Они не хотят становиться *шудрами* — неприкасаемыми — теми, кто убирает дороги, чистильщиками и сапожниками, потому что это слишком унижительно. Брамины же не позволяют исполнять обязанности браминов, они всегда были ревнивы насчёт этого. Брамины веками были у власти, и они не допустят никого: никто не может стать брамином; брамином можно только родиться. Вы можете

стать великим, учёным человеком, не имеет значения, вы не можете быть брамином. Нет способа стать брамином, вы должны им только родиться. Вам нужно быть очень аккуратным при выборе своих родителей, это единственная возможность стать брамином.

Итак, джайны не могут быть браминами, не хотят быть *шудрами* и неспособны стать воинами, тогда что им остаётся? Только бизнес: они становятся бизнесменами. И весь их подавленный гнев становится жадностью. Они сделали великими денежными маньяками. Их очень немного, в Индии их количество столь невелико, что не превышает тридцати *лакхов*. В стране, где шестьдесят *крор*, тридцать *лакхов* — это ничто. Но они владеют большими деньгами, чем все остальные. Вы нигде не найдёте нищего джайна, они все богатые люди.

Махавира хотел, чтобы они были ненасильственными, но на самом деле произошло нечто совершенно иное: они стали жадными. Подавите свой гнев, и вы станете жадными.

*Я отказался от ярости и заметил,
Что я стал постоянно жадным.
Я упорно трудился над растворением своей жадности,
И теперь я горжусь собой.*

Итак, он подавил свою жадность, а в результате: он стал большим эгоистом, он обнаружил, что он очень гордится. «Посмотрите! Я подавил свой секс, подавил гнев, подавил жадность: я сделал и то, и другое, и третье. Я сделал невозможные вещи!» Теперь возникло великое «Я», это стало сильнее.

Вот почему вы найдёте самое выкристаллизованное эго у монахов и монахинь. Нигде ещё вы не найдёте такого выкристаллизованного эго. Чем больше человек отвергает, чем больше он подавляет, тем более эгоистичным он становится. Индусы очень эгоистичны, а в чём причина? Они всегда любыми путями старались быть религиозными. И единственно возможным путём кажется вытеснение, подавление, а подавление приносит эго.

Неподавляющий человек становится неэгоистичным, он не может иметь эго. Для него нет опоры. Он становится скромным, простым, обычным, у него нет претензий: он знает, что он ничто. Кабир прекрасно описывает весь этот процесс.

Подавление — это не метод: метод — это трансформация, преобразование. Не подавляйте ничего. Если есть сексуальность, не подавляйте её, иначе вы создадите новые сложности, которые будет решить ещё труднее. И если вы подавляете гнев, потом подавить жадность будет ещё труднее, а если вы подавляете жадность, возникает эго, гордость, гордыня, от которой избавиться *наиболее* трудно.

Идите назад: от гордости к жадности, от жадности к гневу, от гнева к сексу. И если вы можете прийти к естественной, к спонтанной, самопроизвольной сексуальности, то всё становится очень просто. Всё становится настолько просто, что вы не можете вообразить. Тогда ваша энергия естественна, а естественная энергия не создаёт препятствий для трансформации. Поэтому я говорю: от секса к сверхсознанию. Не от гнева, не от жадности, не от эго, но от секса к сверхсознанию.

Трансформация может произойти, только если вы принимаете ваше природное естество. Всё, что естественно, хорошо. Да, многое возможно, но многое будет возможно, только если вы всецело, полностью принимаете свою природу, если вы приветствуете её, если у вас нет вины по поводу неё. Быть виноватым, чувствовать свою вину, — это не религиозно. В прошлом вам твердили прямо противоположное: чувствуйте вину и вы религиозны. Я говорю вам: чувствуйте вину, и вы никогда не будете религиозными. Отбросьте свою вину!

Вы являетесь тем, чем Бог сотворил вас. Вы являетесь тем, чем вас сотворило существование. Секс не ваше творение: это Божий дар. В нём кроется нечто чрезвычайно ценное — он только оболочка для самадхи. Если зерно лопнуло, оболочка лопнула, расцветёт цветок, но не через подавление. Вам нужно научиться внутреннему садоводству, вы должны стать садовником, вы должны научиться, как использовать грязные удобрения, навоз и трансформировать навоз в розы.

Религия — наиболее тонкое искусство.

Когда ум хочет разрушить свои узы с миром, — говорит Кабир, — он, тем не менее, держится за них.

Основная проблема такова: вы можете оставить какую-то вещь, но вы цепляетесь за другую. Вы оставляете одно и цепляетесь за другое. Вы всё время меняете вещи, но цепляние остаётся. Должно исчезнуть цепляние. Как цепляние может исчезнуть? Только через понимание, осознанность, медитацию, а не через делание чего-то с этим. Если вы станете делать, вы создадите новое цепляние.

Древняя история:

Человек очень боялся духов, и дело осложнялось ещё и тем, что он должен был проходить через кладбище, когда шёл на работу и когда возвращался с неё. Иногда, когда он должен был идти ночью: сверхурочная работа или что-то ещё, и он опаздывал — тогда идти через кладбище было настоящей проблемой. Это занимало только три-четыре минуты, но они были для него почти что смертельной казнью.

Он пошёл к факиру и сказал:

— Сделай что-нибудь. Я слышал, ты делаешь чудеса. А я не прошу многого, я прошу только простую вещь: дай мне какую-нибудь защиту, чтобы я мог ходить через кладбище без страха.

Тот ответил:

— Это просто, нет проблем. Возьми этот медальон и держи его всегда при себе. Он защитит тебя от духов. Ни один дух даже не побеспокоит тебя.

Человек попробовал — действительно, духи его не беспокоили. В действительности духов и не было, это был только его страх. С медальоном в руке он шёл через всё кладбище с одной стороны на другую, и обратно. Он пробовал другое время, даже в полночь — и это действовало.

И он сказал:

— Он в самом деле могущественный, этот медальон! И этот человек способен на чудеса.

Всё чудо было в том, что не было духов — никаких духов нигде не было. Но идея, что у него есть защита, помогла ему.

Но затем возникла новая проблема: он начал бояться, что кто-нибудь украдёт медальон, или однажды он может его где-нибудь забыть, или он может выложить его, принимая ванну, и духи могут прийти туда... Поэтому он должен был носить его везде — это стало наваждением. Жена говорила:

— Это выглядит странно. Люди всё время спрашивают меня: «Почему твой муж всё время носит в руке этот дурацкий медальон? Что с ним такое? Он никогда с ним не расстаётся».

Даже ночью, во время сна, он должен был держать его в руке. Раз или два за ночь он должен был просыпаться, чтобы убедиться, в руке ли у него медальон или нет, потому что он мог потерять его во сне, и духи могут прыгнуть бы ему на грудь: «Ведь они могли ждать, чтобы отомстить!»

Одна проблема решена, но возникла другая проблема — более сложная, потому что раньше духи терзали его только время от времени, когда он опаздывал или он должен был идти через кладбище. За двадцать четыре часа проблема возникла только на одну, две минуты. Теперь это была двадцатичетырёхчасовая проблема — медальон: «Вдруг он потеряется, или кто-нибудь заберёт его, или я где-нибудь его забуду...» Даже во сне было трудно спать полностью. Нужно было поддерживать какую-то бдительность. Он начал болеть из-за плохого сна и того, что он постоянно боялся.

Он пошёл к другому факиру, который сказал:

— Я дам тебе другую вещь. Возьми эту коробочку. Храни эту коробочку, медальон создаёт сложности, а эта коробочка более могущественна. Ты можешь держать её даже в шести футах от себя, и её сила будет действовать.

Человек сказал:

— Это гораздо лучше. По крайней мере, я смогу принимать ванну без неё.

Но возникла новая проблема. Медальон он всегда держал в руке, а сейчас он принимал ванну внутри, а коробка находилась снаружи... «Вдруг дети, просто играя, куда-нибудь её унесут, или что-нибудь случится?» Теперь это стало ещё более затруднительно: шесть футов дистанции.

История очень значительна: нет способа порвать с духами! Вы будете должны цепляться за то или другое! Вы не порвёте с духами; вам нужно будет открыть свои глаза, чтобы вы могли увидеть, что никаких духов нет вообще. Исчезает сама проблема. Проблема была не решена (solve), а растворилась (dissolve), рассеялась.

Когда ум хочет разрушить свои узы с миром,

Он тем не менее держится за них.

И пока вы не отбросите всё цепляние — я говорю всё цепляние — пока вы не будете готовы стать ничем, пустыми, никем, без защиты, без безопасности, без гарантий, пока вы не будете готовы быть в таком пространстве, которое вначале будет выглядеть, как смерть. А это и есть вид смерти: старое умирает, но затем возникает новое. Новое может возникнуть только тогда, когда старое ушло. Чтобы было новое, старое должно прекратиться. Только когда всё цепляние исчезает: вы больше не цепляетесь даже за имя Бога, вы не цепляетесь даже за Мастера, за писания, вы просто в состоянии не-цепляния — тогда внезапно из вашего внутреннего источника начинает исходить великий свет, великое блаженство. Вы трансформированы.

Ум не отброшен — он призрак. И если вы будете пробовать методы, чтобы отбросить его, вы станете цепляться за методы. Тогда эти

методы будут мучить вас. Вы так навсегда и останетесь в рабстве, зависимости.

Кабир говорит: *Послушай, мой друг, очень немногие нашли путь!*

Некоторые люди остаются потворствующими своим прихотям, остаются животными, некоторые люди начинают подавлять животное, стали одержимыми подавлением, извращением. Очень редко случается так, что человек не потакает и не подавляет: только когда человек не делает ни того, ни другого, он находит секретный ключ к двери божественного.

В оригинале так:

*Man bairagi maya tyagi
shabd men surat samai.*

Кабир говорит: я стал саньясином, отречённым, я бросил этот мир, но это не имеет значения. Теперь я цепляюсь за Бога, теперь Бог стал моим земным миром.

*Man bairagi maya tyagi
shabd men surat samai.*

Теперь имя Бога, *шабд*, стало моими сокровищами, теперь я цепляюсь за него. Теперь идея Бога стала сосредоточением моего цепляния.

*Kahain Kabir suno bhai sadho,
yah gam birle pai.*

Есть очень немного людей, которые нашли таинственный путь. Из сотни девяносто остаются потакающими животному, они никогда не выходят за пределы животного. Из оставшихся десяти девять становятся подавляющими и патологичными. Только один из сотни находит истинный путь. А что такое истинный путь?

Истинный путь состоит в понимание своего ума, а не в отбрасывании его. Истинный путь — это сидеть молча и наблюдать ум: все его хитрые методы, тонкие пути, всю его стратегию. Просто наблюдайте, просто будьте свидетелями своего ума. И мало-помалу, через свидетельство, вы поймёте, в какие он с вами играет игры. Вы не даёте ему войти в одну дверь, он входит в другую, вы не даёте ему войти и в эту дверь, он находит третью, и это продолжается до бесконечности, эд нозизэм, до отворачивания.

Наблюдайте... Не отвергайте этот мир и не старайтесь отбросить ум. Просто станьте более бдительны. И в этой бдительности внезапно ум исчезает, и с умом исчезает весь мир. А когда нет ума и нет мира, есть Бог.

Глава 14

Жизнь — это песнь любви

- 1. Почему так трудно почувствовать вечность и помнить о ней?*
- 2. Пожалуйста, Бхагван, я хочу прийти домой.*
- 3. Почему я всегда был в такой спешке?*
- 4. Не могли бы вы хоть однажды закончить лекцию на серьёзной ноте?*

Жизнь — это песня любви

Первый вопрос

Бхагван, я всё время думаю о моей жизни в терминах цели или предназначения, ожидая однажды пробудиться и найти себя просветлённым, и я боюсь, что другие достигнут раньше меня. Сегодня это — напряжение. Почему так трудно чувствовать вечность и помнить о ней? Вы постоянно напоминаете мне, но я постоянно забываю и теряю терпение. Почему я такой дурак? И тогда я думаю: «Ну и что?», и затем вскрикиваю: «Хватит!», но продолжаю.

Дао Судас, человек веками был обусловлен целями, предназначениями, намерениями, замыслами — это то, как человек жил до сих пор, с ориентированной на цель идеологией. Индуизм, христианство, мусульманство, коммунизм не имеют значения — все идеологии ориентированы на цель. То, что вы должны искать, всегда или завтра или в следующей жизни. Это всегда где-то ещё: цель, смысл, блаженство, рай — это никогда не сейчас, здесь.

Из-за этих идеологий вы не можете позволить себе расслабиться в данный момент. Они всё время подгоняют вас, вы должны чего-то добиваться, вы должны достигать чего-то. Вся ваша система образования — это стратегия отравления вашего сознания, система доведения вас до сумасшествия по поводу целей, система создания в вас амбиций. А амбиции — это невроз. Но это делалось так долго, что стало частью человеческого ума.

Вот почему вы всё время думаете в терминах цели или предназначения. Это не вы: это общество, которое всё время думает через вас. Это ваши родители, ваши священники, ваши политики, педагоги, которые продолжают думать через вас, и вы идентифицированы с ними. Вы не знаете, что вы отделены.

Первое, чему вы должны научиться, — это быть наблюдателем всего того, что происходит в вашем уме, потому что ум социальный феномен — он не Божий дар. Это социальная эксплуатация. Общество создаёт в вас ум и через ум контролирует вас, держит вас заключёнными, закованными в цепи, превращает вас в рабов. Вы не ум! Вы свидетель, который может очень просто видеть ум. Вы можете видеть мысли, движущиеся в вашем сознании — эти мысли содержание вашего сознания, но не само сознание.

Это всё, чем является медитация: создание дистанции между вами и вашим умом. Как только появится дистанция, вы удивитесь, что вся структура ума — это ваша тюрьма: вы свободны от неё, потому что вы от неё отделены. Как только вы вкусите свободы от ума, все цели, все намерения исчезнут.

Ум может жить только в целях, потому что ум может существовать только в будущем. Ум не может существовать здесь-и-сейчас. Будьте здесь-и-сейчас и попробуйте сохранить ум. Вы обнаружите, что это невозможно. Или сохраняется ум, тогда вы не здесь-и-сейчас, или вы здесь-и-сейчас и тогда ума больше нет. У ума вообще нет настоящего времени, он или в прошлом, или в будущем: он всегда в несуществующем. А Бог то, что существует. Бог — это не цель, нирвана — это не цель, просветление — это не цель, это не достижение — как раз наоборот. Когда вы забыли все цели, когда вы отбросили весь достигающий ум, есть просветление: просветление — это состояние без ума, не-ума.

Просветление — это не нечто особенное. Это самое заурядное, естественное явление. Оно выглядит особенным потому, что вы делаете из него цель. Будда самое простое, обычное человеческое существо — простое в том смысле, что у него нет ума, он существует чисто в настоящем. У него нет эго, как он может быть особенным? Он не может сравнивать себя с другими, он не может быть неполноценным или превосходящим.

В существующий момент его нет, но происходит совершенно другой вид присутствия, который не относится к личности, — это только присутствие, а вовсе не личность. И как он может быть особенным, если он в данный момент считает, что нет никаких целей в жизни? Все цели навязаны умом.

Деревья существуют без всякой цели, и у звёзд совсем нет никакой цели. Цель — это понятие, созданное человеком. Реки текут без всякой цели, и океаны существуют без всякой цели. За исключением человека, ничего такого, как цель, нигде больше нет. Жизнь просто есть. Существование существует всецело: оно не предназначено для достижения какой-то цели; оно цель для самого себя. Вот что я имею в виду, когда говорю, что нет целей.

Я не говорю, что оно бессмысленно, потому что использование слова «бессмысленный» вносит цель. Оно просто трансцендентно — нет ни цели, ни её отсутствия, нет ни смысла, ни бессмысленности. Оно никуда не идёт. У жизни нет цели, а если у вас есть цель, то вы идёте против жизни, и вы будете страдать, потому что вы будете стараться идти против течения. Вам нужно будет бороться, а вся борьба — это рассеивание энергии, и вся эта борьба глупа, потому что она разрушение. Она просто разрушит вас. Вы не можете победить против целого. Расслабьтесь: нет цели, которую стоило бы достигать. Цели просто нет!

Я не говорю вам: «Не старайтесь достигать целей», — я говорю вам, что стараетесь вы или нет, цели не существует. Если станете стараться, вы просто будете растрчивать своё время и энергию. Если вы не будете стараться, вы начнёте ощущать экстаз, потому что вся энергия, которая растрчивалась в борьбе, станет доступной вам. А энергия — это источник наслаждения. Просто иметь её достаточно, чтобы быть полным блаженства. Когда есть энергия, изливающаяся энергия, вы становитесь танцем, вы — празднование.

В жизни нет смысла. Жизнь абсолютно за пределами смысла. Так что не волнуйтесь по поводу смысла. Не задавайте вопрос: «Какой смысл в этой розе?» Никакого! «Какой смысл в восходе солнца?» Никакого! Краси-

во, но никакого смысла. Это безмерная красота, но смысла вообще нет никакого.

Жизнь — это не логический процесс. Она поэзия, она песнь любви — без всякого смысла, и, тем не менее, чрезвычайно прекрасная. На самом деле, когда что-то имеет смысл, оно не может быть прекрасным — оно утилитарно, прагматично. Роза красива потому, что у неё вообще отсутствует всякая практичность. Одного её существования достаточно, ей не нужно иметь никакого другого назначения. Но у сто долларовой купюры нет красоты, у неё есть полезность, у неё есть значение, смысл, у неё есть цель, она средство для достижения какой-то цели.

Живите жизнью, в которой нет понятия цели, в которой нет поиска смысла. Живите жизнью чистого восторга и экстаза — это единственный путь жить. Любой другой путь просто совершение медленного самоубийства.

Вот что происходит, когда вы слишком заинтересованы в целях: сегодня проходит непрожитым, важным остаётся завтра, а завтра никогда не приходит. Когда оно придёт, это будет сегодня. Вы научились дурной привычке терять то, что есть, и думать о том, чего нет. Так будет происходить каждый день: каждое завтра всегда будет приходиться, как сегодня, а вы не будете им интересоваться, вас будет интересовать завтра, а завтра не придёт никогда.

Так люди просто и чахнут. Их жизни могли бы стать великими оазисами, но остались пустынями. И основная причина того, что люди иссохли, целевая установка.

Вы говорите, Судас: *Я думаю о моей жизни в терминах цели и предназначения, ожидая однажды пробудиться и найти себя просветлённым...*

Почему «однажды»? Почему не сейчас? Зачем откладывать? Разве это не трюк вашего ума для того, чтобы избежать просветления? Разве, Судас, вы не хотите быть просветлённым прямо сейчас? Если вы загляните внутрь себя, если вы понаблюдаете, вы увидите суть: вы не хотите быть просветлённым прямо сейчас.

Если я скажу вам, что я могу вас сделать просветлённым прямо сейчас, вы скажете: «Только дайте мне немного времени подумать. Я приду завтра, потому что мне нужно сделать ещё много дел прежде, чем стать просветлённым. Меня ждёт моя девушка, мои дети, нужно будет утром открыть магазин... Так много того, во что я вкладываюсь, во что я вовлечён, позвольте мне сначала закончить дела! Да, я хочу быть просветлённым, но не сейчас».

На самом деле, вы не хотите стать просветлённым. Это очень дипломатичный способ уклонения, так что вы сможете продолжать обманывать себя по поводу того, что вы заинтересованы стать просветлённым, что вы хотите быть просветлённым, но не сегодня. Что это — только вопрос времени. Не то чтобы вас не интересовало просветление... Но — завтра, когда все другие дела будут закончены, завершены, когда ничего другого не останется.

Но как вы думаете, придёт ли тот день, когда все ваши вложения, все ваши тревоги, все ваши дела будут завершены? Придёт ли когда-нибудь день, ког-

да вы закончите деятельность вашей так называемой жизни, когда вы придёте и скажете: «Я готов прямо сейчас»? Он никогда не придёт, потому что жизнь такая сложная. Она никогда не начиналась и никогда не закончится. Вы всегда посередине.

Она похожа на чтение романа с середины. Начальная часть потеряна и заключительная часть тоже — вы знаете только середину. Это тайна жизни! Попробуйте как-нибудь читать роман с середины, и вы увидите, что даже самый заурядный роман становится таинственным. Вы будете заинтригованы, много раз вас будет подмывать заглянуть назад: «Что там в начале?» Но не поддавайтесь соблазну, продолжайте чтение в середине.

Так оно и есть: мы всегда посередине жизни. Жизнь была до того, как вы вошли в её поток, и жизнь будет тогда, когда вы уйдёте. Вы только узнаете несколько мимолётных проблесков посередине. Вы неожиданно приходите в кинотеатр и видите несколько сцен на экране. Фильм был до того, как вы вошли, вы уйдёте, а фильм будет продолжаться. Вы никогда не узнаете начало и никогда не узнаете конец, потому что его нет. Нет начала, и нет конца. Жизнь — это бесконечная непрерывность, вечный континуум. Поэтому вы никогда не сможете завершить свои дела, но вы хотите уклониться.

Вы боитесь просветления, Судас, точно так же, как боится каждый. Но никто не хочет признаваться, что: «Я трус». Никто не хочет признавать тот факт, что: «Я хотел бы поспать подольше, потому что мне снится красивый красочный сон». Никто не хочет признавать, что: «Я настолько дурак, что не жажду просветления». Поэтому каждый всё время говорит: «Да, я хотел бы стать просветлённым, но завтра, послезавтра, в старости».

Как отложить? Лучший способ — это стать ориентированным на цель. Это самый красивый обман, который вы себе можете предоставить. Поэтому вы говорите: «Однажды я надеюсь обнаружить себя просветлённым». Почему «однажды»? Река течёт сейчас — вы можете пить.

Вы испытываете жажду и говорите: «Однажды я напьюсь». Если вы испытываете жажду, пейте прямо сейчас. Нет ничего более важного. Потому что нет цели, все цели просто личные мечты, жизнь не поддерживает вашу установку на цель. Жизнь будет стараться всеми способами разрушить все ваши цели.

Вам нужно научиться способам расслабления в настоящем. Просветление — это не усилие чего-то достичь. Это состояние безусильности. Состояние бездействия. Это состояние огромной пассивности, восприимчивости. Вы ничего не делаете, вы ни о чём не думаете, вы ничего не планируете, вы не делаете упражнения йоги и не делаете никаких технических приёмов и методов — вы просто существуете, только существуете. И в этот самый момент внезапно осознаёте того, что всё есть так, как оно должно быть. Вот что такое просветление! Просветление — это не переживание, в котором вы увидите великий свет, кундалини поднимается, Бог предстаёт перед вами и говорит: «Загадывай любые три желания, и я исполню их». Не будьте идиотами.

Просветление — вообще не переживание. Это не то, что вы станете способны гулять по воде, воскрешать мёртвых, исцелять слепых, глухих и немых,

что вы будете способны совершать чудеса. Просветление не имеет ничего общего с такими вещами.

Просветление — это просто понимание, осознание того, что всё так, как надо. Это и есть определение просветления: всё так, как и должно быть, всё совершенно прекрасно — так, как есть. Такое ощущение, что внезапно вы дома. Ничего не упущено. Вы часть, органическая часть этого огромного прекрасного целого. Вы расслаблены в нём, сдались ему. Вы больше не существуете отдельно — все разделения исчезли.

Возникает огромная радость, потому что с исчезновением эго не остаётся никакого беспокойства, никакого мучения, с исчезновением эго больше нет возможности умереть. Это то, чем и является просветление. Понимание того, что всё хорошо, что всё прекрасно — прекрасно так, как оно есть. Все в чрезвычайной гармонии, в согласии, соответствии.

Звёзды в соответствии с листьями травы, земля в соответствии с небом, реки в соответствии с горами. Всё в таком соответствии, что существование просто оркестр. Всё в едином ритме, в сонатности. Существование — это музыка. Это переживание и есть просветление. Вы не отделены от всего, как наблюдатель, как зритель. Наблюдатель и наблюдаемое одно, видящий и видимое одно целое — вы и есть оно!

Это великое соучастие. Вы влились в целое, и целое влилось в вас. Капля упала в океан, и океан упал в каплю. Невозможно сказать что-то большее. На самом деле, ничего об этом сказать нельзя. Вы только можете испытать это на собственном опыте.

Но, пожалуйста, Судас, не откладывайте просветление, потому что оно доступно сейчас. Запомните: сейчас или никогда.

Я знаю, вас постоянно учили, это вид гипноза, в котором мы живём, вы загнипотизированы обществом, вас сделали ориентированным на цель, вас принудили стать амбициозным, научили конкурировать, поэтому вы испуганы.

Вы испуганы: *Я боюсь, что другие достигнут раньше меня.*

Вы не слишком волнуетесь о своём просветлении, вас гораздо больше волнует, что: «Никто другой не должен достигнуть раньше меня». Теперь такой соревнующийся ум просто не может войти в мир просветления, он остаётся за тысячи, тысячи миль. Просветлению нужен несоревнующийся дух. Нужно, чтобы вы отбросили все сравнения, потому что когда вы станете просветлённым, вы будете совершенно один, никого другого там не будет — даже вашей возлюбленной, даже ваших друзей. Никого там не может быть, вы будете абсолютно один.

И дело не в том, кто достигнет «раньше», потому что у просветления нет раньше и позже. Раньше или позже — это временное явление. А просветление всегда сейчас — к чему думать о раньше или позже? *Этот* самый момент... позвольте ему проникнуть, впитаться в вас. Всё, что нужно с вашей стороны, — это абсолютная восприимчивость. Распахните все двери настезь, пусть войдут солнце, ветра и дожди.

Просветление не деньги, не политическая власть. Оно не похоже ни на что из того, что вы знаете в жизни — оно абсолютно не похоже ни на что, что вы узнали или когда-либо узнаете. Оно уникально в том смысле, что ничего подобного в существовании не существует. Оно само по себе, его ни с чем не сравнить. Его можно сравнить только с ним самим.

Проблема состоит в том, как избавиться от этого гипноза? Как избавиться от этой обусловленности, от социальных рефлексов и установок? Наблюдайте за этим. Смотрите, как это мучает вас, как каждый день это делает вас всё более и более несчастными, и как оно создаёт барьеры между вами и тем, что существует. Просто всё время наблюдайте!

Никаких других активных методов не нужно — только прозрение того, что ум — это фабрика, создающая страдание, что производит страдание и ничего другого. Когда вы поймёте это до самого конца, само это понимание станет трансформацией. Вы просто изменитесь. Вы отбросите ум, или он отпадёт сам по себе, поскольку вы поняли всю его бесполезность. А когда ума нет даже один единственный момент, есть просветление.

Вначале оно приходит на мгновения, но это мгновения вечности. Затем мало-помалу будет приходить всё больше и больше таких моментов, потому что вы всё больше и больше будете становиться хозяином. И однажды гость и хозяин исчезают друг в друге — тогда это не оставит вас никогда. Снаружи вы остаётесь тем же самым человеком: делающим свою работу, рубящим дрова и носящим воду из колодца... Вы остаётесь точно тем же, и всё же больше ничего не будет тем же.

Я учу вас этому расслаблению. Я учу вас пути надеяния. Я не учу вас напряжённым усилиям, потому что все они потакание эго. Никакие усилия не могут помочь вам стать просветлёнными, все они будут отвлечением. Только пассивное безмолвие — *просто сидя, ничего не делая, приходит весна, и трава растёт сама по себе.*

Второй вопрос

Бхагван, пожалуйста, я хочу прийти домой.

Гьян Бхакти, вы уже пришли. Я — ваш дом. Да, чтобы понять это, нужно время. Иногда осознание того, что вы пришли домой, занимает годы. Во-первых, потому что вы не знаете, что есть ваш дом, поэтому как его распознать? Во-вторых, понимание этого настолько против укоренившихся привычек вашего ума, что ум хочет проигнорировать это раньше, чем он примет это во внимание. Ум хочет проигнорировать это потому, что если он примет это во внимание, то это будет причинять слишком сильное беспокойство. Это разрушит всю его систему взглядов.

Понять, что вы пришли домой означает, что теперь не нужно никаких усилий, что теперь некуда идти, что с вашим старым образом жизни и всей его деятельностью покончено! Внезапно вы ощутите пустоту. Внезапно вы ощутите своё ничтожество, несущественность — это пугает. Поэтому продолжаете повторяться: «Бхагван, я хочу прийти домой».

Вы уже пришли, Гьян Бхакти! Быть здесь со мной, значит быть дома, потому что весь мой подход состоит не в том, чтобы улучшать вас, а в том, чтобы шокировать вас, встряхнуть вас в осознанность, чтобы, в первую очередь, вы никогда не покидали дома.

Библейская история гласит, что Адам и Ева были изгнаны из Райского Сада. Я хочу сказать вам, что они никогда не изгонялись. Вы слышали неверный слух. Они только заснули — они *находятся* в Райском Саду, потому что никакого другого места быть не может. Всё существование Божье, естественно, всё существование его сад. Куда он может кого-нибудь изгнать?

Однажды я разговаривал с христианским миссионером, и я спросил его: «Куда он мог изгнать Адама и Еву?» И тот не нашёлся, что ответить, — потому что всё является царством Бога. Да, обычный король может изгнать своего сына, потому что его царство ограничено. Есть и другие царства, сына можно выгнать из королевства, из его границ.

Можно изгнать из Индии, Германии, Японии — такое возможно потому, что есть другие возможные места. Но куда вас станет изгонять Бог? Другого места нет. Эдемский Сад не ограничен: всё существование — сад Бога.

Тогда христианский миссионер спросил меня: «Что же тогда произошло? Как вы истолкуете эту историю?»

Я ответил: «Они заснули. Вкусив плод знания, они заснули, они стали умами, а когда становишься умом, засыпаешь в отношении того, что касается осознанности. Отведав плод знания, став знающими, они стали умами! История так проста и так значительна. Бог сказал им, чтобы они не ели от древа познания. Только один единственный приказ был дан Адаму и Еве: не становиться умом, оставаться невинными, не становиться знающими. Но они не смогли сопротивляться соблазну. Они стали умными, эрудированными».

«Когда вы становитесь умными, ваше сознание претерпевает сдвиг: оно перемещается из сердца в голову. Сердце засыпает, а голова просыпается. Голова не может знать таинство Бога, голова неспособна понять, что вы уже в Боге, что вы не можете быть нигде ещё».

Просто спуститесь из головы, вернитесь в сердце, и вы снова в Эдемском Саду. Отсюда моё настойчивое требование об отречении от знания. Не отрекайтесь от мира — мир прекрасен. Не отрекайтесь от жены: она — ваша жизнь. Именно в этом смысл имени «Ева».

История такова:

Адам был один и чувствовал большое одиночество, тогда Бог создал Еву — из его ребра. Это тоже красиво, что мужчина и женщина отделены только снаружи; глубоко внутри они — одно.

Тогда Бог спросил Адама:

— Как ты назовёшь эту женщину? Это новое творение?

И Адам ответил:

— Я назову её «Хаавва», «Ева», «Ив» — всё это имена на разных языках, но все они значат жизнь.

Бог спросил:

— Почему?

— Почему? Потому что она — моя жизнь. Без неё я мёртв, — ответил Адам.

Не нужно отрекаться от своей жены: она ваша жизнь. Не нужно отрекаться от мужа, не нужно отрекаться от детей. Но от одной вещи вы должны отречься — от эрудированности. От одной вещи необходимо отречься — это ваш ум. И посмотрите, как иронично: люди отрываются от мира, но они не отрываются от своих умов.

Джайны отрываются от мира, становятся голыми монахами, но всё же остаются джайнами. Я спрашивал многих джайнских монахов: «Это смехотворно! Вы отрелись от общества, но вы не отрелись от знаний, которые общество вам дало. Как вы всё ещё можете называть себя джайнами?»

Христиане-католики отрываются от мира, идут в монастырь, но, тем не менее, остаются христианами-католиками. Они несут с собой в своих умах всё общество и всё, что оно туда вложило. Что это за вид отречения?

Я говорю вам: отречитесь от бытия христианином, отречитесь от бытия индустрием, потому что это отречение от ума. И не отрекайтесь от мира — мир принадлежит Богу. Мир прекрасен, и чрезвычайно прекрасно, если вы можете его видеть без вмешательства ума.

Гьян Бхакти, вы уже пришли домой, но всё ещё не можете проснуться, вы всё ещё глубоко спите: вы всё ещё ум. Спуститесь в сердце. Вы не знаете, как вам повезло. Вы не знаете, как вы благословенны. Большая редкость найти дом, потому что большая редкость быть с живым Мастером.

Яркони и Данберг, два израильских военнослужащих, оплакивают годы лишения и боёв во время войны с Египтом.

— Что мы должны сделать, — предлагает Яркони, — так это объявить войну Соединённым Штатам. Они разобьют нас и, как они всегда делали со всеми странами, которые они разгромили, сразу за тем они дадут нам миллиарды долларов, кучу еды, дома, машины и фабрики.

— Бесполезно, — вздыхает Данберг. — На нашу удачу мы выпраем!

Вы не знаете, насколько вы удачливы. Вы уже выиграли, но нужно время, чтобы осознать этот факт, нужно время, чтобы новость дошла от сердца до головы. Дистанция огромна. Психологически она небольшая, но духовно дистанция просто громадна. Может быть, эти две точки разделяет самое большое расстояние во вселенной — голова и сердце. Духовно, не психологически. Психологически — один или два шага, но духовно расстояние почти бесконечно. Нужно время, чтобы эта новость преодолела расстояние.

Ваше сердце знает, Гьян Бхакти, что это произошло, но голова об этом ещё ничего не слышала. А вы живёте в голове. Когда я заглядываю в ваше сердце, я вижу, что сердце уже осознано.

Я ощущаю это каждый день, когда я касаюсь вас, когда вы подходите ко мне ближе, когда вы позволяете моей энергии сливаться с вашей — это моё ощущение! Я вижу, что ваше сердце поняло, но голова ещё ни о чём не подзревает. Голова ещё сопротивляется, голова ещё борется, ваша голова всё ещё упорствует в своих старых шаблонах, а сердце уже трансформировано, там уже распустились цветы.

Гьян Бхакти, начните учить язык ощущения и забудьте язык мышления. Становитесь всё более и более безмолвным, потому что болтливый ум не позволит вам узнать, что вы уже пришли домой. Внутренний монолог должен

прекратиться. В этих паузах, в этих интервалах, будет слышен тихий голос сердца.

Но, со своей стороны, я знаю, я знаю абсолютно точно: вы пришли. Знаете ли это вы или нет, не имеет значения, рано или поздно вы узнаете. Это только дело времени. Есть много людей, Гьян Бхакти, подобных вам, кто прибыл и не осознаёт этого — вы не один, и они всё ещё борются в своих головах, сражаются, стараются убежать, создают все виды барьеров между ими и мной, потому что голова будет стараться всеми возможными способами. Она очень коварна: голова *и есть* коварство. Она не может вам так легко позволить опять войти в сердце, она не может оставить своё господство над вами.

Я слышал:

Мужчина и маленький мальчик вошли в парикмахерскую. После того, как мужчину полностью обслужили: бритьё, шампунь, маникюр, стрижка и т. д. — он посадил мальчика в кресло.

— Я хочу купить зелёный галстук для парадной одежды, — сказал он. — Я вернусь через несколько минут.

Когда мальчик был подстрижен, а человек ещё не возвращался, парикмахер сказал:

— Похоже, что твой папа совсем о тебе забыл.

— Это не мой папа, — ответил мальчик. — Он просто подошёл, взял за руку и сказал: «Пойдём, сынок, подстрижёмся бесплатно!»

Вся функция ума — это коварство. Ум — это стратегия, созданная вами для соперничества с другими, обмана других, ловкачества с другими. И по мере того, как вы становитесь искуснее в обмане других, вы начинаете обманывать и себя тоже — вот чем всё время занимается ум: он обманывает других, и он обманывает вас.

Теперь, Гьян Бхакти, ваш ум создаёт эту проблему. Он говорит: «Ищи дом, найди Бога. Постарайся стать просветлённым». Теперь ум создаёт новую цель для вас. Как только цель овладела вами, вы в руках ума. Если вы сможете сказать уму: «Я достиг — убирайся! Больше не нужно никуда идти, больше некуда идти. Это и есть дом. Это просветление», — впервые ум окажется немного сконфуженным, потому что раньше вы так с ним не поступали. Он будет слегка ошарашен. Но если вы всё время будете говорить то же самое снова и снова — когда бы ум не захотел создать желание достигнуть чего-нибудь, просто скажите: «Заткнись!», — мало-помалу он поймёт, что теперь вы вне его власти. Только тогда он начнёт останавливаться. Он будет прилагать всевозможные усилия. Вы должны быть бдительны, чтобы не попасться на них.

Вот в чём назначение того, что я с вами, и назначение этого поля Буддовости: постоянно напоминать вам, что вы достигли, что Бог доступен вам прямо сейчас, изливается на вас в этот самый момент. Бог в воздухе и в солнце, в цветах и песнях птиц. Бог в этой тишине между мной и вами, в словах между мной и вами, в этой общности. Эта тишина, это присутствие, эта любовь, которая течёт между мной и вами, и есть Бог! Эта любовь и есть дом.

Но остерегайтесь ума. Действительно, во всех традициях уму даны разные имена. Одна традиция называет его «дьявол», другая «сатана», но, по сути, это не что иное, как метафоры для ума.

Иисус пошёл в горы, медитировал и встретил дьявола. Знаете ли вы, кто этот дьявол? Он не то, что вне вас, с рогами, торчащими из головы, длинным хвостом и копытами — это только сказки, сочинённые для детей, конечно, для взрослых детей, но это всё сказки. Вы должны их расшифровать.

Кто этот дьявол, искушающий Иисуса в горах? Это ум. Дьявол — это древняя метафора ума. Он всё время следит за вами, за тем, что вы делаете. Если вы всё время подкармливаете его, всё о'кей, если же вы отходите от него, он создаёт для вас проблемы. Если одна стратегия не работает, он немедленно меняет её. И он по-настоящему очень искусный.

Только недавно вы слышали сутры Кабира. Он говорит: я подавил секс, и он стал гневом; я подавил гнев, он стал жадностью; я подавил жадность, она стала гордостью. Это всё тот же самый ум! Если вы начнёте с ним бороться, он всё время меняет свою окраску, чтобы обмануть вас. Да он и обманывает.

Когда подавленный секс становится гневом, вы лишены всякого понимания, что это секс, и ничто иное, теперь притворяется гневом. Гнев и секс кажутся такими разными, на самом деле они кажутся диаметрально противоположными. Секс — это любовь, гнев — это ненависть; как они могут быть тем же самым? Чтобы спрятаться, ум принял свою диаметрально противоположность. Вам потребуется огромная разумность, чтобы разобраться, иначе он вас обманет. Тогда гнев будет мучить вас.

Если вы подавляете гнев, он становится жадностью. Ну кто может логически даже предположить, что гнев может стать жадностью? Они совсем не кажутся связанными. Пока вы не стали настоящим наблюдателем того, что происходит внутри вас, вы не сможете увидеть связь. Ум так быстро меняет лица, принимает такие новые маски! Затем вы подавляете жадность, и она становится гордостью, и так продолжается до бесконечности...

Мисс Флейшман и мисс Руткин качались на портике гостиницы «Кэтскилл Маунтейн» (Catskill Mountain Hotel).

— О, боже! — восклицает миссис Флейшман. — Взгляните на этого ребёнка. Вы видели когда-нибудь такой большой нос? Такой кривой рот? И взгляните — он ещё и косоглазый!

— Похоже, — говорит миссис Руткин, — это мой сын.

— Что ж, — сказала миссис Флейшман, — ему это даже вполне идёт!

Ум — дипломат, ум — политик, он — дьявол. Пока вы не стали действительно бдительными и наблюдательными, он может продолжать вас обманывать целыми жизнями — он обманывает вас целыми жизнями, и он может продолжать обманывать ещё многие жизни. Но немного разумности (INTELLIGENCE), просто немного разумности, небольшая свеча света внутри вас, света наблюдения, безмолвного наблюдения и понимания того, что делает ум, и мало-помалу ваша разумность будет становиться сильнее. И по мере возрастания разумности ум становится бессильным.

Разумность (INTELLIGENCE) — это не рассудок (INTELLECT), рассудок — это часть ума, разумность часть сердца. Разумность всегда часть

сердца, это не интеллектуальность, интеллигентность (INTELLECTUALITY). Под «разумностью (INTELLIGENCE)» я не имею в виду так называемую вашу интеллигентность (INTELLIGENTSIA), она не имеет ничего общего с разумностью. Ваша интеллигентность эрудированна. У них могут быть высокие учёные степени, большие знания, но они не знают ничего. Вся их эрудиция, всё их знание заимствовано, всё их знание просто попугайничанье, оно механистично. Они всё время говорят о нём, но оно не затрагивает их жизнь. У него нет взаимосвязи с их внутренним источником бытия, не бьёт ключом внутри их сердца. Когда я говорю о разумности, я всегда имею в виду сердце: нечто происходит в вас, не приходит снаружи. Если оно приходит снаружи, оно создаёт рассудок, если оно приходит изнутри, оно создаёт разумность. Помогите вырасти своей разумности.

Я создаю эту ситуацию, эту возможность, это пространство, я создаю для вас все виды вызова, постановки под вопрос. И по мере того, как община растёт, будет расти вызов. Эти вызовы предназначены для определённой цели, они преднамеренны — они предназначены вызвать вашу разумность к действию, поставить вашу разумность над рассудком. Только новая ситуация, с которой ваш рассудок не может справиться, только такое пространство, о котором ваша эрудиция и понятия не имеет, может помочь вынести вашу разумность на поверхность.

Всё, что нужно, — это разумность, понимание, осознанность, и, Гьян Бхакти, вы узнаете, что вы уже пришли домой. Огромная благодарность возникает в вашем существе, огромная признательность. Эта благодарность, эта признательность и есть молитва.

Третий вопрос

Бхагван, почему я всегда была в такой спешке? Сегодня я ясно понимаю, что это было моим способом держать божественное на расстоянии, мне невероятно грустно, и я вижу всю абсурдность такого примера.

Прем Нира, человеку твердили снова и снова, что надо спешить, потому что жизнь коротка и нужно многое сделать, нужно исполнить множество желаний, нужно получить множество удовольствий, достичь множество целей. А жизнь, разумеется, коротка, и у вас так много желаний, так много чего делать, так что, по сути, нет времени это делать.

Если вы проживёте шестьдесят лет, двадцать лет уйдут на сон, одна треть, так что остаётся сорок лет. Затем, другие двадцать лет уйдут на зарабатывание себе хлеба с маслом: средств к существованию, просто монотонное хождение в офис или на фабрику, утром вы несётесь на завод или в офис, а вечером вы несётесь назад домой — двадцать лет уйдут на это.

Остаётся только двадцать лет. Из этих двадцати почти пятнадцать будут потеряны в такой глупой деятельности, как смотрение телевизора, хождение в кино, игра в карты, силетничанье с соседями — пятнадцать лет! И так, остаётся пять лет. И в эти пять лет вы должны справиться с множеством разных болезней, сходить на свадьбы друзей и социальные мероприятия, вы дол-

жны поговорить с вашей женой и детьми, просто из чувства долга, и вы должны ругаться с женой, должны бросаться подушками — уйма всяких вещей! Вы можете продолжить список.

Те, кто составили такой список, скажут, что за все шестьдесят лет жизни вам остаётся не более нескольких месяцев — и в эти несколько месяцев нужно осуществить все миллионы желаний. Естественно, возникает огромная спешка, на Западе тем более, потому что на Востоке есть красивая концепция, что есть много жизней, так что спешить некуда. Если вы умрёте в этот раз — ничего страшного, в другой раз вы будете рождаться опять, снова и снова.

Все три религии Запады были рождены вне Индии; иудаизм, христианство, ислам — они верят в одну жизнь. Они все исходят из одного и того же корня — иудаизма. По сути, в мире есть только две религии: иудаизм и индуизм. Некоторые религии — это ответвления иудаизма, а некоторые религии — буддизм, джайнизм, сикхизм — ответвления индуизма. Индуизм верит во множество жизней. Поэтому вы найдёте индийца чрезвычайно ленивым. Его проблема — не спешка, его проблема — лень. Его проблема в том, что у него нет мотивов что-нибудь делать.

Вот почему Индия бедна — никто не готов что-либо делать, все продолжают откладывать: завтра или в следующей жизни, к чему беспокоиться? Времени достаточно, в распоряжении бесконечность. С одной стороны, эта идея о бесконечном времени помогла: она не создала западной спешки, западной скорости, она не создала западного беспокойства и напряжения, этого постоянного состояния остаточного напряжения. Эта идея создала другую проблему, прямо противоположную; проблему того, что никто не хочет ничего делать, что все ленивые, грязные и вшивые.

Причина вашей спешки, Нира, в том, что вы прибыли с Запада, из иудейско-христианской традиции: только одна жизнь и так много нужно успеть. Естественно, нужно спешить, всё время бегом. Люди не отдыхают даже во время сна, в своих снах они тоже в движении, в своих снах они тоже путешествуют, в далёкие земли. Даже в своих снах они не у себя в комнате, они не там, где они есть, они всегда где-то ещё.

Вы спрашиваете меня: *Почему я всегда была в такой спешке?*

Вы воспитаны в иудейской традиции: «Действуйте! Действие очень уважаемо. Будьте деятельны! Действуйте быстро и энергично».

Пару месяцев Дьявол отсутствовал в Аду по земным делам. Будучи в Англии, он предвкушал, как он положит ноги в огонь и хлебнёт изрядно серы после различных непристойных послеобеденных занятий.

Накопец, он дома. Можете представить его изумление, когда он, распахнув Врата Ада, столкнулся с ландшафтом, усыянным тенистыми манговыми рощами и колосающимися полями злаков.

— *Чёртовы евреи с их ирригационными планами!* — простонал он.

Куда бы евреи ни добирались, они принесут с собой свои планы. Даже в аду они не оставят Дьявола в покое. Такова иудейская традиция: жизнь одна, жизнь коротка, нужно многое успеть, нужно всё сделать.

Нира, вы должны покопчить с этой иудейской традицией, вам нужно выйти из неё. И я не говорю о том, что нужно стать индуистом, потому что это будет замена одного плохого другим. Просто выйдите из всех традиций. Индуистам я говорю выйти из индуистской традиции лени и вшивости, а иудеям, христианам и мусульманам я говорю выйти из их традиции оставаться в постоянной спешке и напряжении.

Радауйтесь жизни. Действуйте, но действуйте расслаблено. Самое большое искусство в жизни научиться действовать расслаблено. Действие необходимо: вы не можете жить без действия, но действие может быть почти бездействием. Вот что Лао-Цзы имел в виду, когда он использовал слово *у-вей* (*wu-wei*). Это самый основной принцип для Лао-Цзы и для меня тоже: я хочу, чтобы вы научились *у-вей*. *У-вей* значит действие без действия — делание дел таким образом, что вы не напрягаетесь, делая их, будто вы играете с ними, таким образом, что вы не волнуетесь о них, делаете и всё же остаётесь незатронутыми ими, остаётесь свидетелем.

Лао-Цзы кажется совершенно не похожим на евреев и индусов. Это странно, что из Лао-Цзы не возникло никакой традиции, никакой религии. Евреи создали три великие религии, индусы создали три великие религии — все шесть великих религий принадлежат двум этим народам. Лао-Цзы остался индивидуалом. Да, некоторые люди следовали за ним, веками некоторые индивидуальности входили в мир Лао-Цзы, но только индивидуальности — никакой религии из этого не возникло, потому что весь даосский подход таков, что он не может создавать фанатиков. А пока вы не можете создать фанатиков, вы не можете создать религию. Вся философия Лао-Цзы такова, что она даёт вам такую уравновешенность, такую безмятежность, такую безоблачность, что вы не можете стать фанатиком: индуистом, христианином, мусульманином. Это невозможно. Такое случается только с невротиками.

Индусы создают вид невроза, и евреи создают другой вид невроза, и те, и другие создали величайшие религии мира. Я абсолютно согласен с Зигмундом Фрейдом, что все эти так называемые религии не что иное, как коллективная одержимость, коллективная навязчивая идея. Будда, Иисус, Лао-Цзы, Заратустра совсем не религиозные люди в том смысле, какими являются христиане, мусульмане, буддисты. Они очень уравновешенны, они настолько целостны, настолько безмятежны, они не могут стать частью толпы, они не могут пасть так низко.

Люди собираются вместе в церквях просто потому, что в одиночестве они так боятся своего внутреннего невроза, они хотят собраться с такими же, как они, людьми, чтобы почувствовать облегчение, чтобы ощутить, что в затруднении не они одни. И когда есть много людей, таких же, как вы, вы забываете всё о вашем неврозе.

Человечество живёт такой невротической жизнью, что оно или впадает в одну крайность и застревает в ней, или впадает в другую крайность и там застревает.

Действительно здоровый человек не застревает нигде, он не инертный, он динамичен. Он может находиться в интенсивной деятельности, и всё же ос-

таваться неактивным: он знает метод *у-вей*, он знает путь действия через бездействие. Вы будете должны научиться этому.

Нира, спешка — это нечто очень символическое в отношении западного ума. Именно из-за спешки Запад создаёт более и более быстрые средства передвижения. Восток остался довольным воловией повозкой. Там есть хорошие учёные, но они никогда не работали. Они никогда достаточно упорно не работали для того, чтобы создать лучшие дороги, лучшие средства передвижения, лучшие самолёты, лучшие космические корабли: они не интересуются спешкой. Какой смысл? К чему куда-то нестись?

Запад постоянно создаёт всё более быстрые транспортные средства. Они преодолели звуковой барьер, теперь человек передвигается быстрее звука. И вся западная технология направлена на то, чтобы преодолеть световой барьер: человек хочет передвигаться быстрее, чем свет. И никто не спрашивает: «Куда вы направляетесь? И даже если вы попадёте туда, что вы будете там делать?» Вы можете попасть на луну, вы можете однажды достичь далёких звёзд, но что вы будете там делать? Вы будете там делать то же самое, чем вы занимаетесь в Калифорнии, потому что вы будете тем же самым человеком. Вы создадите там тот же самый вид бреда и проблем: вы загадите звёзды, уничтожите реки и океаны, вы всё везде завалите вашим хламом. Что вы будете там делать? Вы создадите те же самые идеологические войны, и холодные и горячие. Вы не сможете оставаться мирными там тоже, вы немедленно разделитесь: кто-то станет коммунистом, кто-то станет демократом, и борьба началась. Вы создадите атомные и водородные бомбы, или вы принесёте их отсюда.

Запад слишком одержим скоростью, деятельностью. А деятельность тщетна, потому что она просто занятие невротического ума. Восток вообще не интересуется деятельностью, это опять другой вид невроза, противоположный тип: люди ленивы. Они слишком много философствуют по поводу их лени. Они говорят об отречении от мира, они говорят: «Какой смысл в заработках, в работе? Однажды человек должен уйти, умереть, так к чему беспокоиться? Отдохните перед смертью, насколько возможно». Но тогда что вы будете делать, когда умрёте? Вы можете отдыхать, когда умрёте.

Человеку нужен баланс, равновесие, и этот баланс возможен только если вы узнали искусство быть активным и всё же внутри оставаться бездейственным. Это именно то, что мы стараемся здесь делать, и в большой коммуне вам будет легче быть активным и неактивным одновременно.

Люди, которые приходят в ашрам, бывают слегка озадачены. Многие пишут мне: «Каждый работает, но никто не выглядит напряжённым». Столько людей работает в офисе, на семинарах, в мастерских, в пресс-бюро работают столько людей! Около трёх сотен людей постоянно работают, и без выходных и праздников: воскресенья никогда не бывает. Но никто не в напряжении.

Работа прекрасна, если она может делаться без напряжения, играючи, если она может делаться без всякой спешки и тем не менее без впадения в лень. Это очень тонкое и деликатное искусство. Тогда вы ни западный, ни восточный человек: вот что я называю новым человеком. Он не будет ни восточ-

ным, ни западным, или будет и тем, и другим одновременно. Такого никогда не было раньше: мои саньясины должны продемонстрировать это. Лао-Цзы говорил об этом, и некоторые люди пробовали это, но я пытаюсь создать такое большое пространство, что миллионы людей смогут это попробовать. Это такое благословение — знать, как действовать без активной деятельности, что каждый должен хоть немного испытать это сам.

Когда вы работаете, помните об этом, если вы гуляете, помните это: нет нужды спешить. От прогулки нужно получать удовольствие. Идите медленно. Нет никакой цели! Радуйтесь деревьям вдоль дороги, птицам, солнцу, небу и облакам, проходящим людям и запаху земли: радуйтесь всему! Будьте бдительны, живы.

Ленивый человек теряет бдительность и живость. Быстрый человек настолько стремителен, что он не может быть внимательным к тому, что вокруг него происходит, он несётся с такой силой, что он не может видеть что-нибудь ещё: он сфокусирован, одержим только одной целью. А ленивый человек настолько ленив, настолько небдителен, настолько расфокусирован, что он не может видеть. Оба слепы.

Вы должны найти синтез. Будьте живы, как активный человек, и будьте расслабленным, как ленивый человек. И когда эти два фактора вместе, вы сбалансированы, и ваша жизнь приобретает новый аромат, новый восторг, новый экстаз, который не знает границ.

Сильверштейн, закоренелый любитель вступать в разные клубы, примчался домой, гордо держа членскую карточку его нового клуба.

— *Смотри, — говорит Сильверштейн сыну, — Я только что вступил в Клуб Проституток!*

— *Что? — спрашивает сын. — Дай-ка я посмотрю эту карточку.*

Прочитав её, он объявляет:

— *Па, да это Клуб Парашютистов!*

— *Всё, что я знаю, — говорит Сильверштейн, — они гарантировали мне триста шестьдесят пять прыжков (jumps) в год. (Jump — на сленге означает и «половой акт». Прим. пер.)*

Есть люди, которые постоянно вступают в тот или иной клуб, ту или иную организацию. Они просто боятся быть самими собой, просто боятся, что их оставят одних. Есть люди, которые постоянно куда-нибудь мчатся — не спрашивайте куда, они сами не знают. Но в этой погоне они заняты, и эта занятость не подпускает их к самим себе, держит их в отдалении от самих себя, не даёт им заглянуть в их внутреннюю пустоту.

Эта постоянная погоня не что иное, как бегство от своей внутренней сущности. И здесь есть истина огромной важности: если вы продолжаете мчаться, если вы всё время набираете обороты, если вы всё время бежите от себя самого, если вы постоянно держите себя занятыми, вы будете всё больше и больше бояться заглянуть в себя, потому что, не зная, какие красоты содержит пустота, вы будете бояться всё больше и больше. Вы не захотите встречаться со своей внутренней пустотой.

На самом деле, внутренняя пустота — это величайшее переживание в жизни, это просветление: знание того, что никого нет, что есть абсолютная ти-

шина, даже ни слова, знание того, что вообще ничего нет — ни личности, ни эго, ни идентичности, это величайшее переживание, предельное удовольствие. Но если вы не заглядываете в это переживание, значит, вы просто не доверяете пустоте внутри вас. И оставаясь недоверчивыми, вы продолжаете занимать себя. Люди весь день держат себя занятыми, затем засыпают и становятся занятыми и в своих снах — двадцать четыре часа в день постоянной занятости.

Медитация предназначена для того, чтобы дать несколько минут незанятости. Нира, начните уделять, по крайней мере, один час для незанятости. Просто сидите ничего не делая. Вначале это будет очень сложно — вначале это *самая* сложная вещь в мире, и самая лёгкая в конце. Это так легко и поэтому так трудно. Если кому-нибудь сказать просто сидеть и ничего не делать, он станет очень беспокойным, неусидчивым, он почувствует, что по его ногам ползут муравьи или что что-то происходит в его теле. Он станет таким беспокойным, потому что он всегда оставался занятым. Он как машина с включённым зажиганием: мотор гудит, хотя машина никуда не едет, но двигатель гудит и становится всё горячее и горячее. Вы забыли, как выключать зажигание. Это то, чем и является медитация: искусство выключать зажигание.

На несколько минут, на несколько часов, на столько, на сколько возможно, просто сидите молча. Вначале это сложно. Понадобится, по крайней мере, от трёх до шести месяцев, чтобы быть в состоянии молча сидеть и ничего не делать, даже не читать молитву или мантру, потому что это снова вид занятия. Люди сидят, а затем начинают читать: «Рама, Рама, Рама», — это снова вид занятости, только другой вид занятости — религиозный. Нет, не нужно даже чтения мантры, никакой мантры не нужно.

Слово «ум (mind)» и «мантра (mantra)» пришли из одного и того же корня. Они оба пришли от *man* — *man* на санскрите ум. И то, что держит ум постоянно работающим, называется «мантра». Так что чья-то мантра — это деньги: он думает о деньгах, это его мантра. Чья-то мантра политика — он думает о политике, это его мантра. А кто-то просто повторяет: «Рама, Рама, Рама», — это его мантра. Но каждая мантра питает ум, а ум и является проблемой, мы должны выйти из ума.

Нира, сидите безмолвно от трёх до шести месяцев, тогда напомните мне снова, если вы бросите к этому времени. Если вам надоест, сколько сделаете и то хорошо. Если вы действительно будете безмолвно сидеть один час в день в течение шести месяцев, вы не напомните мне, потому что вы испытаете что-то настолько огромное, настолько прекрасное: просто ваше чистое бытие, просто пульсация сердца, дыхание приходит и уходит... опяняющая музыка вашего внутреннего существования. Она переполняет. И дело не только в том, что вы будете постоянно сияющей, переполненной радостью — кто бы ни соприкоснулся с вами, тоже заразится этим, ваша радость станет заразной. И не будет спешки. Будут грация, изящество, вас будет окружать мир, спокойствие.

Когда внутри вашего сердца радость, когда внутри тишина, вас окружает мир, вас окружает грация, вас окружает Бог...

Последний вопрос

Бхагван, пожалуйста, не могли бы вы когда-нибудь в этой серии закончить лекцию на серьёзной ноте, чтобы я смогла увидеть, как вы уходите? Каждый день, когда вы заканчиваете шуткой, я смеюсь так сильно, что слёзы застилают мои глаза, и вы становитесь просто как белая капля, плывущая в море зелени.

Дева Тулика, это очень трудно для меня, потому что сегодня я выбрал на самом деле очень смачную шутку. Но я буду сопротивляться искушению...

Глава 15

Исчезая, вы ощущаете такую большую свободу

- 1. Я боюсь смерти, и всё же она меня очень влечёт...*
- 2. Я на несколько мгновений почувствовал ваше присутствие — воображение, проекция?..*
- 3. Что вы делаете ночью после даршана?*
- 4. У вас есть проблемы?*
- 5. Калифорния, имеется в виду «где»?*
- 6. Иногда случается...*
- 7. В самом деле политики настолько тупые?*
- 8. Это начало доверия?*
- 9. Почему я вас неправильно понимаю?*
- 10. Почему я всё время подавляю секс?*

Исчезая, вы ощущаете такую большую свободу

Первый вопрос

Бхагван, я боюсь смерти, и, тем не менее, она имеет для меня необычайную притягательность. Что это может значить?

Прем Шрайас, смерть величайшая тайна, мистерия жизни. В жизни много тайн, но ничто не сравнится со смертью. Смерть — это пик, высшая точка, крещендо. Человек боится её, потому что он исчезнет, растворится в ней. Человек боится её из-за эго — эго не может пережить смерть. Оно останется на этом берегу, когда вы отправитесь к другому, оно не может пойти с вами.

А эго — это всё, что вы о себе знаете, отсюда страх, огромный страх: «После смерти меня не будет». Но у смерти также и огромная притягательность. Исчезнет эго, но не ваша реальность. На самом деле, смерть покажет вам вашу истинную идентичность, смерть отберёт все ваши маски и покажет ваше подлинное, первоначальное лицо.

Смерть впервые даст вам возможность столкнуться с вашей внутренней, глубинной субъективностью, такой какая она есть, без какого бы то ни было камуфляжа, без всякого притворства, без всякой псевдо-индивидуальности.

Отсюда каждый боится смерти и каждого она привлекает. Эта притягательность была неправильно понята Зигмундом Фрейдом, который думал, что в человеке есть желание смерти — он называл это *танатос*. Он сказал: «У человека есть два основных, фундаментальных инстинкта: одно — это *эрос*, глубокое желание жить, быть живым вечно, желание бессмертия, и другое — *танатос*, желание умереть, полностью прекратиться». Он всё неправильно понял из-за того, что он не был мистиком. Он знал только одно лицо смерти, что она конец жизни, он знал только одну вещь: что смерть — это конец. Он не знал, что смерть — это так же начало. Каждый конец — это всегда и начало, потому что ничто никогда не кончается полностью, ничто никогда не может прекратиться. Всё продолжается, меняются только формы.

Ваша форма умрёт, но в вас ещё есть нечто бесформенное. Тела не будет, но в вас есть ещё нечто, внутри вашего тела, что не является его частью. Ваша земная часть уйдёт в землю, прах к праху, но в вас есть ещё нечто небесное, нечто свыше, что отправится в новое путешествие, новое странствие.

Смерть пугает вас, если вы думаете об эго, и смерть привлекает вас, если вы думаете об истинной сущности. Поэтому остаётся смутная притягательность смерти, если вы ясно это осознаёте, это может стать трансформирующим пониманием, это может стать видоизменяющей силой.

Шрайас, постарайся понять и страх и привлекательность. И не думай, что это противоположности: они не тождественны, но это и не противоположности, они не сталкиваются друг с другом. Страх направлен в одном направлении — эго, а притягательность в совершенно другом направлении — сущность без эго. И привлекательность гораздо более важна, чем страх.

Медитирующий должен превзойти страх. Медитирующий должен включиться в смерть, медитирующий должен приглашать смерть — он не должен её ждать, а должен призывать её, потому что смерть друг для медитирующего. Медитатор умирает до смерти тела. Это одно из самых красивых переживаний жизни: тело продолжает жить, снаружи всё остаётся тем же самым, как ним было раньше, но внутри эго больше нет, эго умерло.

Теперь вы одновременно живы и мертвы одновременно. Вы стали точкой встречи жизни и смерти, теперь вы вмещаете полярные противоположности и велико богатство, вмещающее диаметрально противоположности. А это наибольшие диаметрально противоположности. Если вы сможете вместить их, вы станете способны вмещать Бога, потому что Бог — и то, и другое. Одно его лицо — жизнь, другое — смерть.

Шрайас, это что-то прекрасное — не делайте из этого проблему. Медитируйте над этим, сделайте это медитацией, и вы будете вознаграждены безмерно.

Второй вопрос

Бхагван, сегодня в камере самадхи, я могу поклясться, я на несколько мгновений почувствовал ваше присутствие. Я очень испугался. Люди говорили, что чувствуют ваше присутствие даже в Англии. Что это? Это воображение, или проекция или что-нибудь ещё?

Франк, это может быть проекцией, это может быть воображением, но это может быть и чем-то ещё. Это зависит от вас. И только вы можете решить, что это. К примеру, думали ли вы обо мне до того, как это случилось? Хотели ли вы, чтобы это произошло? Действовало ли где-то внутри вас воображение? Вы фантазировали? Тогда это воображение, проекция.

Но если это взялось из ниоткуда, вы вообще не думали обо мне, для вас это было сюрпризом, вы были шокированы, вы не можете в это поверить, тогда это что-то ещё. Именно это и случилось с вами.

Вы говорите: *Я очень испугался.*

Если бы это было вашим воображением, вы бы совсем не испугались, вы бы знали, что это только ваше воображение. Если бы только это было проекцией ума, вы бы знали. Вы испугались только потому, что это вообще не имело отношения к вашему уму.

Вы говорите: *Я могу поклясться, на несколько мгновений я почувствовал ваше присутствие.*

Такое случается, и этому гораздо легче произойти в изоляции. Это происходит со многими людьми, когда они одни в горах. Это происходит со многими людьми, когда они в каком-нибудь странном месте, в котором они никогда не были раньше. Сама странность этого места заставляет их осознать некоторые вещи, в отношении которых они всегда оставались спящими.

Это случается с бегунами. Если вы бежите несколько миль, приходит момент, когда внезапно бегун исчезает, и остаётся только бег. В этот момент вы начинаете осознавать многие вещи, которых вы раньше не замечали: тонкие ароматы в воздухе — ваши чувства становятся очень чуткими, очень живыми, некое присутствие вокруг вас, это присутствие так ощутимо, что вы можете коснуться его, или оно может коснуться вас.

Это случается с людьми в разных ситуациях, но эти ситуации должны быть достаточно экстраординарными, потому что мы настолько привыкли к обычному положению дел, что вещи продолжают случаться вокруг нас, а мы даже не замечаем. Камера самадхи даёт вам очень особое пространство: темнота, изоляция, полное отсутствие звуков, и вы плаваете на воде. Вы возвращаетесь в утробу матери. Камера самадхи просто научный метод снова ощутить материнскую утробу.

В материнской утробе плод плавает в жидкости. В камере самадхи вы плаваете в жидкости подобного рода, с теми же самыми химическими элементами. Поэтому вы не можете утонуть в ней. К тому же ещё темнота материнской утробы, всё это настолько непривычно, из ряда вон выходяще: нет звуков, нет света, вы брошены в такое новое пространство, что ваша чувствительность, осознанность, интуиция, всё начинает работать. Вы становитесь настолько интуитивны, каким бывает маленький ребёнок в материнской утробе, и так же невинны, и в этой невинности может произойти нечто, что не принадлежит обычному времени и пространству.

Пространство и время могут исчезнуть. Да, вполне возможно, что вы можете чувствовать моё присутствие, на самом деле, я окружаю каждого моего саньясина. Вы можете это чувствовать, вы можете этого не чувствовать. В определённый момент сонастроенности, вы чувствуете это. Тогда без разницы в Англии вы, или в Японии — это не имеет никакого значения: пространство, расстояние, значения не имеют.

Давая вам саньясу, я даю вам право чувствовать меня везде, где бы вы ни находились. Теперь всё зависит от вас. Моё присутствие будет с вами, будет окружать вас: в жизни, в смерти, я буду рядом с вами. Но вы можете видеть это, а можете и нет. Вы можете и не осознавать.

Франк, произошло нечто прекрасное. Оставайтесь доступным для странных переживаний жизни и не старайтесь их отрицать, потому что именно так многие люди продолжают отказываться от огромных возможностей.

Например, однажды ночью вы внезапно просыпаетесь, один, в своей комнате, тихо, темно. И вы осознаёте некое присутствие... может быть, это умерший друг, или один из ваших предков, может быть, ваша умершая мать. Но вы так пугаетесь, и в этом страхе вы теряете эту восприимчивость, это ощущение. Присутствие остаётся, но вы отключаетесь. Вы зажигаете свет,

стараетесь чем-нибудь себя занять, начинаете читать книгу или включаете радио, только бы отключиться от этого странного переживания.

Не бойтесь! Это существование принадлежит вам. Оно чрезвычайно дружелюбно, и вам ещё предстоит познать и пережить безграничное множество тайн и мистерий, ожидающих вас.

Это прекрасный момент для вас. Раз это случилось, вы можете сделать, чтобы это происходило снова и снова: нет необходимости идти в камеру самадхи. Это может произойти в вашей комнате, когда вы ночью один. Это может произойти где угодно, если вы *позволяете* этому произойти.

Одно из наибольших бедствий, выпавших на долю современного человека, — это то, что он стал очень и очень приземлённым. Он воспринимает только то, что объяснимо, он принимает только то, что поддаётся объяснению, он принимает и признаёт только то, что может быть научно и объективно доказано. Но тогда вы остаётесь на низшей ступени существования, потому что, чем выше ступень, тем более сложно объяснимой она становится, более необъяснимой, всё более и более ускользающей: вы не можете схватить это, зажать в кулак, вы не можете показать это кому-то ещё. Это становится всё более интимным, и менее и менее публичным, всё более личным.

Множество людей переживали такие вещи, но они никому об этом не говорили, потому что люди думают, что они спятили. Вот моё наблюдение: множество людей рассказывали мне о своих случаях, но они говорили, что никогда никому не рассказывали об этом раньше, потому что они всегда боялись, что их сочтут сумасшедшими, подумают, что у них галлюцинации, или люди решат, что с ними не всё в порядке — слегка шарики за ролики заехали. И не только другие так подумают — они сами думают: «Со мной что-то не так, потому что с другими такого не бывает, тогда почему это случилось со мной? Со мной что-то не так — отрицай этот случай, забудь о нём!»

Если вы благожелательно, одобрительно расспросите людей, многие откроют вам свои тайны. Мистические переживания не так редки, как люди думают, и мистические переживания не имеют ничего общего с религией, как таковой. Они происходят во многих сферах, которые вообще не считаются религиозными.

Это случается с альпинистами, много раз, потому что восходя в гору, один, в опасной ситуации, внезапно альпинист начинает осознавать некое присутствие, некую духовную сущность рядом с собой, и не только это, но альпинист разговаривает, и эта духовная сила помогает, и говорит: «Я друг, не волнуйся. Я защищаю тебя. Опасности нет, продолжай восхождение».

Иногда человек потерялся в джунглях и после одного, двух или трёх дней, без пищи, кажется, что нет возможности суметь выбраться из джунглей, уставший, изнуренный, внезапно он начинает осознавать духовное присутствие, очень защищающее присутствие, которое говорит: «Не бойся! Ты на верном пути, ты выберешься — не беспокойся».

Но эти люди никогда не рассказывают это другим. В спорте много раз происходят мистические переживания. Бегуны, и джоггеры особенно, знают

множество случаев. В новой коммуне будут условия для бегунов и джоггеров. Я бы хотел, чтобы сотни саньясинов пробежали мили по утрам: просто забудь-тесь в беге.

После получаса или часа, даже если вы уставший, усталость исчезает. Это странно, очень странно, вовсе не логично. Вы хотите спать, вы устали, но вы бежите шесть миль. После второй или третьей мили внезапно вся усталость исчезла, и вы полны энергии, как никогда. Вы столь легки, воздушны. И вы начинаете чувствовать, что это не вы бежите сейчас — какая-то другая энергия возобладали над вами.

Переживание единства с существованием, и ощущение глубокой, теплой оргазмической энергии, окружающей вас... Такое случается с серфингистами, это происходит во многих видах спорта, даже в борьбе. Вот почему в Японии, в частности, многие боевые искусства были разработаны медитирующими. Это кажется странным: почему медитаторы должны разрабатывать боевые искусства: дзю-до, айкидо, карате и многие другие? Для их разработки была определённая причина.

Если вы на самом деле глубоко входите в них, это исчезает, и вы входите в новое пространство, неизвестное вам, неизведанное вами. Внезапно не вы действуете сам по себе, но как будто вами возобладали Бог.

Одно я хочу подчеркнуть: когда бы такое ни произошло, принимайте, не отрицайте этого, не называйте это воображением, проекцией, галлюцинацией, иллюзией. Это трюки ума. И я не говорю, что не бывает галлюцинаций, бывают, я не говорю, что нет людей, страдающих невротическими иллюзиями, они есть, но из-за них, просто потому, что бывают фальшивые монеты, не отрицайте настоящие монеты. В действительности, фальшивые монеты только доказывают, что существуют настоящие монеты.

Оставайтесь доступными сфере необычного, мистического, таинственного, и это вам чрезвычайно поможет. Если вы остаётесь доступными, всё больше и больше переживаний такого рода будет происходить.

Человек вошёл в бар и заказал пива. После того, как его обслужили, он полез в свой нагрудный карман и выудил оттуда безупречной формы маленькую фигурку в десять сантиметров ростом. Затем он достал напёрсток.

— Пива для моего друга Поля тоже, — заявил он. — И смотри, поменьше пены!

— Он настоящий? — спросил бармен.

— Настоящий, — ответил человек.

— А он может говорить? — не отставал бармен.

— Может, — ответил человек. — Пауль, — продолжил он, — расскажи этому парню о том, как мы пошли в эту экспедицию и о том, как ты назвал того ведьмака чёрным сукиным сыном.

Не думайте, что жизнь заканчивается на арифметике — есть ещё и магия. Под «магией» я просто подразумеваю то, что необычное тоже бывает. «Магия» сейчас осуждаемое слово, потому что все забыли магическое измерение жизни. Слово «магия» пришло от очень великого мистика, его имя Маги. До христианства религия Маги была величайшей религией, распространённой по всей Европе. Эта религия называлась «Магия». Христианство разру-

шило много ценного. И одна из самых ценных вещей, которые разрушило христианство, была традиция магов — традиция Магии.

Я бы хотел, чтобы вы стали магами вновь.

Что касается арифметики, это хорошо, но этого недостаточно. Что касается логики, это хорошо, но её недостаточно — в жизни есть гораздо большее, чем логика. Не довольствуйтесь только Аристотелем. Современный ум находится под слишком большим влиянием доводов Аристотеля, и из-за этого такая скука. Люди выглядят тупыми, скучными, потому что больше нет ощущения таинственного, мистического, которое всё время держит вас свежими, молодыми, которое всё время держит вас в изумлении.

И если человек способен удивляться, он способен познать Бога, если человек способен к благоговейному трепету, он способен познать Бога.

Третий вопрос

Бхагван, я постаралась придумать вопрос, который я бы могла задать вам, который показал бы Свами Прем Чинмаю, что я понимаю более полно ту любовь, которую он разделяет в этом ашраме.

Итак, что вы делаете сегодня вечером после даршана?

Вопрос от Би, матери Чинмая

Би, уже многие-многие годы я не делал ничего, ни до даршана, ни после. Уже много лет, как я прекратил существование, я умер. Я больше не функционирую, как личность. Разумеется, вещи происходят, но они не действия — я не действующее лицо. Поэтому я даже не забочусь о результатах — почему я должен заботиться о результатах? В первую очередь не я делатель. Я не волнуюсь о результатах. Я просто проводник, полный бамбук, отдавшийся Богу. Теперь он может петь любую песню, которую он пожелает. И я абсолютно счастлив с песней или без неё. Иногда он поёт, иногда молчит, но я не вмешиваюсь. Я просто расслабился в существовании таком, какое оно есть.

Вот этому-то я и учу здесь — этому-то я и учу вашего сына Чинмая. И я счастлив сказать вам, что он прогрессирует и прогрессирует в совершенно другой, более сложной по сравнению с другими ситуации. Но он очень вырос.

У него рак. Он знает, что смерть может прийти в любой день, но я счастлив сказать вам, что для него это уже не имеет значения. Жизнь или смерть — он останется свидетелем. Он стал настолько целостным, настолько центрированным. Вначале, когда он пришёл сюда, он очень боялся — очень боялся смерти. Естественно — каждый боялся бы. Этого можно было ожидать. Но мало-помалу, будучи здесь, со мной, с моими людьми, в поле буддистов, он научился одной вещи: тому, что мы не деятели. Иногда случается жизнь, иногда смерть, мы должны быть свидетелями обоих. И мы должны быть благодарны за то и за другое.

Так что теперь я знаю: когда бы он не вынужден был оставить жизнь, он сделает это с огромной признательностью, с молитвой на устах, с глубокой благодарностью к вам в своём сердце. И это правильный способ умирать,

и так же правильный способ жить. На самом деле он живёт именно потому, что он так глубоко принял, признал смерть, иначе он уже давно был бы мёртвым. Даже доктора слегка озадачены по поводу него: они не понимают, как и почему он всё ещё жив, очень даже жив.

У тела все симптомы того, что его просто не должно уже быть, что он уже должен быть мёртв. Но что-то глубоко внутри него настолько расслабилось, что это расслабление прошло глубже, чем само заболевание, и это держит его живым. Он может жить долго — кто знает, сколько. Случаются чудеса. Если он останется расслабленным, он может жить долго.

Доктора в любой день готовы дать ему свидетельство о смерти, если он останется расслабленным, медитативным, счастливым, удовлетворённым... И он в самом деле такой. В его ситуации сложно быть удовлетворённым, но он удовлетворён. Даже дышать ему трудно, но он принимает всё.

Би, если твой сын будет жить, он будет расти — расти к большей духовной зрелости, если он умрёт, он будет расти и в смерти тоже. Он нашёл путь, и этот путь — не действие, или действие через не-действие — *у-вей*.

Четвёртый вопрос

Бхагван, сегодня я слышал, как кто-то говорил, что у вас есть проблемы. У вас они есть?

Дева Лайо, не одна, а много: вы мои проблемы, сто тысяч проблем! И по мере того, как саньясинов будет всё больше и больше, проблемы будут возрастать. Каждый саньясин приносит много проблем. Я здесь: вы можете сдать, уступить все свои проблемы мне. Я могу взять все ваши проблемы, потому что я стал ничем. И из-за того, что я стал ничем, вы можете сбросить на меня все свои проблемы, и они исчезнут. Им не за что зацепиться. Они просто исчезнут в той бездне, которой я стал.

Пятый вопрос

Я прибыл из Калифорнии, и мне не нравится, как вы вчера употребили слово «Калифорния».

Навино, я просто сказал, что даже если вы будете на луне или на какой-нибудь звезде, вы будете делать все те же самые вещи, что и в Калифорнии. Я пользовался самыми мягкими терминами. Мокша предлагал для этого гораздо более подходящие слова. Он предложил: «Вместо того, чтобы говорить: «Вы будете делать все те же самые вещи, что и в Калифорнии», — вам нужно сказать: «Где бы вы ни были, вы всё равно будете “калифорнировать” (californicate — аллюзия к слову fornicate — предаваться блуду — от California. — Прим. пер.)» — что ещё вы будете там делать? Это правильное слово. Калифорния просто означает то место, где люди «калифорнируют».

Шестой вопрос

Бхагван, что-то происходит, что я не могу объяснить. Это даже не то, что я знаю, а только то, что я чувствую.

Йога Нирмал, это как раз то, для чего я здесь — помочь тебе осознать вещи, которые нельзя объяснить, но тем не менее ощущаются, которые нельзя выразить, но тем не менее чувствуются. Нет адекватных слов, чтобы выразить их, но их можно почувствовать.

Человек знает гораздо больше, чем он может высказать, человек чувствует гораздо больше, чем он может знать, и человек может являться гораздо большим, чем он может ощущать. Вы должны осознавать все эти уровни.

То, что можно высказать, — самое поверхностное, знать можно гораздо больше. То, что знаешь и не можешь сказать, глубже, но ещё гораздо глубже то, что можно ощутить. То, что почувствовал и не можешь познать ещё глубже, но человек может быть гораздо больше, чем он способен ощущать, — это глубочайший уровень.

Попытка заключается в том, чтобы помочь вам войти в самую внутреннюю сердцевину, чтобы гештальт менялся от знания к знающему, от видения к видящему, от объекта сознания к самому сознанию.

Человек может жить жизнью делания, имения или бытия. Делание наиболее поверхностно, именно лучше, чем делание. Бедный человек живёт в мире действия, богатый человек живёт в мире владения, обладания. Но лучший из них — это мир бытия. Бедный человек тоже может достичь мира бытия, не проходя через обладание, но это будет очень сложно — очень-очень сложно, потому что вы можете отказаться только от того, что у вас есть. Если у вас чего-то нет, очень-очень сложно отказаться от этого. Только редкие люди, такие, как Кабир, способны сделать это чудо: он может отвергнуть то, чего у него нет. Он может понять даже то, чем не владеет.

Нужна огромная разумность, чтобы перейти из мира действия в мир бытия. Если кто-то переходит из мира бедности в мир духовности, у него огромная разумность (INTELLIGENCE). И если кто-то остаётся в богатстве и не движется в сторону духовности, нужно признать, что он просто тупица, и ничего больше. Быть богатым и не осознавать духовности — просто тупость. Быть бедным и не осознавать духовности ещё простимо, но богатый человек не может быть прощён, потому что у него *есть*. Разве не может он увидеть, что у него есть всё, и в то же время нет ничего? Смерть придёт и отберёт всё, чем он владеет.

Действие — это средство обладания. Когда действие удачно, вы владеете. Но когда вы владеете, всё начинает рушиться, всё начинает выглядеть тщетным, детским. А знать, что всё в этом мире тщетно, — это начало поворота внутрь, обращения.

Йога Нирмал, что-то прекрасное очень близко.

Вы говорите: *Что-то происходит, что я не могу объяснить.*

Вам везёт. Есть бедные люди, которые могут объяснить всё, что бы с ними ни происходило, — это значит, что ничего особенного с ними не происходит. Всё, что происходит, настолько поверхностно, что языка достаточно, чтобы это выразить. Чем глубже событие, тем более вы будете себя ощущать немым.

Лао-Цзы говорит: «Люди могут высказать всё, что они хотят, все — кроме меня. По сравнению с ними, я выгляжу слегка идиотом. У людей всё ясно, лишь у меня всё туманно». У людей всё ясно потому, что у них не было переживаний непостижимого.

Лао-Цзы шутит. Лао-Цзы говорит: «Вы бедные, потому что вы можете высказать всё, что вы знаете, и ваша жизнь вам настолько ясна — как можно быть таким уверенным насчёт непостижимого и таинственного?» Таинственное остаётся туманным. Его можно чувствовать, но нельзя ухватить. Оно очень непостоянно, переменчиво. Если вы попытаетесь ухватить непостижимое, вы исказите его, оно рассыплется на части, оно исчезнет.

Нирмал, вы говорите: *Что-то происходит, что я не могу объяснить.*

Не нужно, не пытайтесь объяснить это, иначе оно перестанет происходить — потому что объяснение делается головой, а событие происходит в сердце. А голова очень искусна во вмешательстве и разрушении, не позволяйте голове вмешиваться. Примите необъяснимое, как необъяснимое, нет нужды объяснять. Живите им! Проживите необъяснимое! Вкусите его! Утоните в нём! Нет никакой необходимости его выражать.

Вы говорите: *Это даже не то, что я знаю, а только то, что я чувствую.*

Да, именно так это и происходит! Знание означает ясность, если вы знаете, вы можете объяснить. Знание подразумевает, что вы уже объяснили это для себя — если вы можете объяснить это себе, то почему не другим? Ощущение означает, что вы неспособны объяснить это даже себе, это просто чувство. И если вы пытаетесь ухватить его, оно исчезает.

К великим истинам нельзя приближаться напрямую, не нужно атаковать их в лоб, вы должны быть очень деликатны, очень ненавязчивыми.

Замечали ли вы ночью — если вы прямо смотрите на маленькие звёзды, они исчезают? Попробуйте сегодня вечером: если вы смотрите прямо, если вы фокусируетесь на маленькой звезде, она исчезает. Это недоступно для прямого взгляда. Тогда как же смотреть на маленькие звёзды? Смотрите в сторону, искоса, смотрите вокруг, а не прямо в точку. Смотрите на другие звёзды, и внезапно маленькие звёзды начнут появляться. Они доступны только для непрямого взгляда.

Та же ситуация с внутренними переживаниями: не смотрите напрямую — внутренние переживания очень пугливы. Если вы смотрите напрямую, они начинают прятаться. И знать совершенно необязательно, достаточно ощущать. Почему такая одержимость знанием? И когда вы одержимы знанием,

так же будете одержимы и объяснением. Вы никому ничего не должны объяснять.

Обычно перед Буддой, куда бы он ни шёл, шли его ученики, которые объявляли городу: «Есть одиннадцать вопросов, которые нельзя спрашивать у Будды — вы можете спрашивать всё, кроме этих одиннадцати вопросов».

Эти одиннадцать вопросов известны как *авйакххья* (*avyakhyā*) — необъяснимое. Но если вы тщательно рассмотрите эти одиннадцать вопросов, вы будете удивлены: помимо них ничего не остаётся. Всё самое главное включено в них, всё самое значительное. Почему Будда так настаивает: «Не спрашивайте»? Потому что он не может объяснить, и само ваше вопрошание направляет вас по ложному пути. Если вы можете о чём-то спросить, вы начинаете ожидать ответ. Запомните, сама постановка вопроса ещё не гарантирует, что в существовании найдётся ответ. Существование не обязано осуществлять ваши вопросы.

Можно сформулировать и абсурдные вопросы — они выглядят очень правильно, очень логично, очень грамотно. Лингвистически они совершенны, но по отношению к существованию они просто абсурдны. Например, кто-то спрашивает: «Какого цвета звук?» Как вопрос, это безупречно, никто не дерётся — лингвистически: «Какого цвета звук?» Но звук и цвет никак не соотносятся, не имеют друг к другу никакого отношения.

Кто-нибудь может спросить: «Какой вкус у зелёного цвета?» Вопрос правилен в качестве вопроса, но ответить на это невозможно. Таковы и ваши вопросы. Когда кто-то спрашивает: «Кто создал мир?» — это выглядит очень значительным, очень по-философски. Это полнейший абсурд, потому что мир никогда не создавался, так что весь вопрос — это нонсенс. Мир всегда был здесь.

Бог — не создатель: Бог — это сам мир. Он стал деревьями, горами, реками, он стал вами и мной. Нет другого Бога, кроме этого существования. Бог не отделён от него, он не как художник, рисующий на холсте, и тогда есть картина и есть художник. Бог подобен танцору, танцующему танец, танцор и танец всегда одно — их нельзя разделить. Не может быть танца отдельно от танцора, и не может быть танцора отдельно от танца, потому что когда он не танцует, он больше не танцор.

Бог — это танцор, и мир его танец, а вы часть его танцевальных па. Но вы можете задать вопрос: «Кто создал мир?» И тогда найдутся глупые люди, которые постараются вам ответить.

Вопрос абсурден с самого начала, в первую очередь, и тогда находятся глупые люди, готовые вам отвечать. Из-за того, что есть вопрос, на него нужно ответить, так что «Бог создал мир». Просто спросите их: «А кто создал Бога?», и вы впадёте в бесконечные возвраты, которым нет конца, потому что вопрос будет всегда оставаться тем же самым. А создано В, В создано С, С создано D... но вопрос остаётся тем же: «Кто создал D?» Вопрос так и будет оставаться без ответа.

Многие люди, даже великие философы задавались вопросом: «Что было вначале — яйцо или курица?» Вопрос кажется совершенно правильным —

что-то должно было быть первым! Но разве вы не можете представить, что события могут идти по кругу. Если вы представите, что люди стоят в очереди вдоль прямой, тогда кто-то будет первым и кто-то последним. Но если люди стоят кругом, кто тогда первый и кто последний?

Мистики говорят, что мир движется по кругу, и, кажется, они на самом деле намекают нам о глубокой истине. Звёзды движутся по кругу, земля движется по кругу, солнце движется по кругу, жизнь движется по кругу — всё движется по кругу. Прямая линия — выдумка человека. В действительности вся евклидова геометрия неверна!

И сейчас, в мире высшей математики, Евклид больше не котируется. Вступило в силу нечто совершенно противоположное: неевклидова геометрия. Евклид верит в прямую линию, но неевклидова геометрия говорит, что вы не можете нарисовать прямую линию: как вы сможете её нарисовать? Если вы рисуете прямую линию на полу, это не будет прямой линией, потому что земля круглая. Она только выглядит прямой, потому что она часть такого большого круга — это дуга, а не прямая линия. Если земля круглая, и вы, находясь на земле, рисуете прямую линию, продолжаете тянуть её в оба конца, однажды она станет кругом. Потому что она была частью круга.

Всё является частью круга. Что вначале — курица или яйцо? Сейчас этот вопрос настолько явно глупый, что только философы могут его задавать. И они спорят, есть люди, которые говорят, что вначале была курица.

Я знавал одного индийского философа, буддийского философа, Рахула Санкритьяяна. Он верил, что вначале было яйцо. Он написал много статей, чтобы доказать, что яйцо было прежде. Но как вначале может быть яйцо? Нужна будет какая-нибудь курица. И как вначале может быть курица? Нужно будет какое-то яйцо. Те, кто знает, говорят нечто другое. Они говорят, что курица и яйцо — это не две вещи: курица — это способ для яйца сделать больше яиц; или наоборот: яйцо — это способ для курицы сделать больше кур. Они не два, а один процесс: яйцо становится курицей — так что как может быть одно прежде другого? Курица становится яйцом...

Но эти вопросы муссировались веками, и люди думали, что они выполняют великую работу, когда они размышляли о таких идиотских вещах. Будда был прав: «Не задавайте такие вопросы. Будьте практичны».

Каждый Будда прагматик. Если вы задаёте вопрос Будде, он скажет: «Сначала ответьте на несколько вопросов: если я отвечу да или нет, это изменит вашу жизнь? Вы спрашиваете: “Кто создал мир?” Если я скажу: “Бог”, как это изменит вашу жизнь? Если я скажу: “Никто”, изменит ли тогда это вашу жизнь?»

На самом деле, если вы посмотрите на верующего и атеиста, вы не увидите в их жизни никакой разницы. Оба ходят смотреть те же кинофильмы, оба смотрят те же телевизионные программы, оба едят ту же самую еду, оба члены «Ротари Клуб»... Вы не увидите никакой разницы, атеист это или верующий. Можете ли вы сказать о ком-то, просто наблюдая его поведение, верующий он или атеист? Не видно никакой разницы. Они остаются теми же самыми людьми.

Так что Будда обычно говорил: «Если это не привнесёт никакого существенного отличия в вашу жизнь, забудьте об этом вопросе — он бессмысленный. Спросите меня что-нибудь, что поможет войти глубже в медитацию, спросите меня что-нибудь, что принесёт вам просветление — спросите меня что-нибудь, что освободит вас из всех тюрем. Спросите меня что-нибудь, что вознесёт вас за пределы страдания и смерти. Спросите меня что-нибудь, что возьмёт вас за пределы времени и пространства и сделает вас частью вечности».

Совершенно не обязательно, Нирмал, знать, что происходит, — позволяйте этому происходить, не вмешивайтесь. И совершенно не обязательно это объяснять — будьте тихи. Держите это внутри, как секрет. Помните, великим вещам нужна секретность, тайна. Так же, как зерно падает в землю и остаётся там, затем вырастает огромное дерево; так же, как ребёнок растёт в материнской утробе... Это большие тайны. Когда они начинают случаться с вами, храните их глубоко в сердце, позволяйте им расти в нём.

Да, когда однажды они станут огромным деревом, с большой кроной, цветами и плодами, люди начнут осознавать их, и многие люди получат пользу, многие люди отдохнут в вашей тени, многие люди утолят свою жажду и голод, загорятся вашими цветами, начнут двигаться к Богу — просто видя вас, просто чувствуя вас, просто находясь рядом с вами.

Но не нужно ничего говорить, не нужно ничего объяснять. Даже если вы постараетесь, это невозможно. И попытка объяснить, попытка познать может разрушить весь процесс — нечто, что может случиться, может прекратиться.

Всего мой вопрос

Бхагван, в самом деле политики такие тупые, как вы говорите?

Говинд, они ещё более тупые, чем я говорю. На самом деле, пока человек не отупел, он не может быть политиком. Не то чтобы политики отупели — на самом деле только тупого человека и привлекает политик.

Чем по сути является политика? Желание доминировать над другими — и это наибольшая глупость в жизни. Человек разума старается быть хозяином самого себя, а тупой человек хозяином других. Как можно быть хозяином других, когда не являешься хозяином самого себя?

Если не являешься хозяином самого себя, тогда старание быть хозяином других просто суррогат, чтобы одурачить самого себя, обмануть самого себя, — это то, из чего глупость и состоит.

Два политика сидят на скамейке парка в Нью-Дели.

— Я скажу тебе правду, — говорит один. — Я боюсь летать. Эти самолёты не так уж безопасны!

— Не будь ребёнком, — отвечает другой. — Разве ты не читал, что на прошлой неделе была большая железнодорожная катастрофа, и погибло более трёхсот человек?

— Триста человек погибло на поезде — как это произошло?

— На него упал самолёт!

Дикша случайно слышала в магазине:

— Я за установление на площади статуи Морарджи Десаи.

— Почему?

— Она даст нам тень летом, укрытие зимой, и птицам возможность сказать всё за нас.

Восьмой вопрос

Бхагван, несколько дней назад, на лекции, я осознала, что, когда я расслаблена, тело само по себе принимает наиболее комфортное положение. То же самое должно быть и с жизнью. Может, это начало доверия?

Да, Мукти Гандха, это начало доверия, начало благословения всего, заявление всему «да», начало великого понимания того, что всё, что должно произойти, должно произойти, что вы не делаете этого. Вы должны быть бдительны и пассивны, вы должны быть наблюдательны и восприимчивы. Это и есть весь секрет жизни.

Мелкие вещи нуждаются в действии: если вам нужно больше денег, деньги не приходят сами по себе, вы должны будете побегать за ними. Если вам нужна политическая власть, она не придёт сама по себе — вы должны будете за неё сражаться. Мелкие вещи — это те, которые *не случаются*, которые никогда не приходят от Бога. Человек должен бороться и делать их. А великие — это те вещи, которые вы упустите, если будете стараться их делать. Великие вещи происходят только когда вы в полной релаксации, полном расслаблении.

Это то, что должно быть случаем, то, что должно случаться. Здесь это происходит со многими людьми. Вы здесь не для того, чтобы просто слушать меня: вы здесь именно для того, чтобы *быть* со мной. Разговор и слушание — это только предлог, чтобы быть здесь. Вам будет трудно сидеть безмолвно, тихо полтора часа, если я не буду с вами говорить. Когда я говорю с вами, ваш ум остаётся занятым, и всё ваше существо становится расслабленным.

Это медитация! Это не лекция. Я не проповедую, я не проповедник, я не учу, я не учитель. У меня нет философии для сообщения, у меня нет знаний для передачи. Это приём, беседа с вами просто приём.

Это другой вид медитации. Я всё время говорю, ваш ум остаётся занят моими словами, и всё ваше существо расслабляется со мной — действительная вещь, это эта релаксация.

Вы говорите: Несколько дней назад на лекции, я осознала, что когда я расслаблена, тело само по себе принимает наиболее комфортное положение.

У тела большая мудрость — позвольте это. Позвольте ему всё больше и больше следовать своей собственной мудрости. И когда бы у вас не появилось время, просто расслабьтесь. Позвольте дыханию идти самостоятельно, не вмешивайтесь. Наша привычка вмешиваться настолько укоренилась, что вы даже не можете дышать не вмешиваясь в это. Если вы наблюдаете дыхание, вы немедленно увидите, что вы стали вмешиваться: начинаете глубже вдыхать,

или больше выдыхать. Нет нужды вмешиваться вообще. Просто позвольте дыханию быть таким, какое оно есть, тело прекрасно знает, что ему нужно. Если ему нужно больше кислорода, оно будет дышать больше, если ему нужно меньше кислорода, оно будет дышать меньше.

Просто предоставьте это самому телу! Станьте абсолютно невмешивающимися. И где бы вы ни почувствовали какое-то напряжение, расслабьте эту часть тела. Мало-помалу... Сначала начинайте, когда вы сидите, отдыхаете, а уже затем — когда вы что-то делаете. Вы моете пол или работаете на кухне или в офисе — сохраняйте эту расслабленность. Деятельность не должна вмешиваться в ваше расслабленное состояние. И тогда это красиво, в вашей деятельности есть большая красота. У вашей деятельности будет аромат медитации.

Да, Мукти Гандха, точно так же и с вашей жизнью — это секрет. Но люди продолжают делать бесполезные усилия. Иногда их усилия становятся препятствием, их усилия являются проблемами, которые они создают.

Было много неудобств во время большого снегопада. Мулла Насретдин подошёл помоч толстой леди в такси. После толкания, пихания и скольжения по льду, он сказал ей, что он не представляет, как он может усадить её.

— Усадить?! — воскликнула она. — Я стараюсь выйти!

Просто наблюдайте... Есть вещи, где, если вы толкаете, вы потерпите неудачу. Не толкайте реку и не старайтесь идти против течения. Река сама собой течёт к океану — просто будьте её частью, просто будьте частью её путешествия. Она принесёт вас к предельному. Идите к Богу расслабленно, танцуя, с пением.

Нет нужды делать *никаких* усилий. Почему? Потому что Бог — ваша внутренняя природа. Мы уже Боги. И если мы расслабимся, мы узнаем, если мы не расслабились, мы не узнаем этого. Расслабление становится дверью к великому знанию — просветлению.

Девятый вопрос

Почему я всё время вас неправильно понимаю?

Дхарма Дас, это естественно. Понимание было бы сюрпризом — неправильное понимание неудивительно. Вы обязаны неправильно понимать меня, потому что вы *есть*. Вы станете понимать меня только тогда, когда вас не будет. Причина неправильного понимания — это самое «я». Оно стоит между вами и мной. Оно не позволяет мне сказать то, что я говорю: оно интерпретирует, оно окрашивает, оно искажает, оно выбирает, добавляет и выбрасывает — оно делает тысячу вещей, и только тогда оно позволяет этому войти. И к тому времени, когда то, что я сказал, достигает вас, это уже совершенно что-то другое. Это не то, что вам было сказано: это что-то, что ваш ум сделал из этого.

Если вы хотите понять меня, вы должны исчезнуть. Меньшее не подойдёт.

Лоренцо расхваливал достоинства своей новой родины:

— Это великая страна, — заявил он. — Посмотрите на Пьетро: ну где ещё спагетти могут наматывать с таким большим количеством соуса?!

Каждый несёт свои идеи, свою обусловленность, своё знание, своё про-
шлое. Из этого и состоит ваше «я».

У жены фермера из Озака каждый год был ребёнок в течение двенадцати лет подряд. В конце концов, он пошёл к доктору за советом.

— *Вот прочная резина, — сказал доктор. — Только прочтите инструкцию на обёртке.*

Год спустя крестьянин приводит свою жену, опять беременную.

— *Вы следовали инструкции на коробке?*

— *Конечно, док! Разумеется, следовал! Но была одна заминка: у меня нет никакого органа, поэтому я положил их на пшанино.*

Ваше понимание будет вашим пониманием. Как оно может быть моим пониманием? Если вы исчезаете, если откладываете себя в сторону, тогда больше нет барьеров, тогда больше нет цензора между вами и мной, тогда сообщение непосредственно. Тогда даже это вопрос не слов: это вопрос энергии.

Если вы отложите ум в сторону, моя вибрация начнёт беречь ваше сердце, моё существо коснётся вашего существа, запустит что-то, что глубоко спало в вас — пробудит это.

Чем больше я увижу моих саньясинов, отбрасывающих своё эго, тем больше и больше изменится моя работа — она всё меньше и меньше будет относиться к словам и всё больше и больше будет сосредотачиваться на энергии. Именно так постепенно и происходит.

Я буду говорить с вами меньше и меньше. Если вас нет, тогда я смогу просто войти в ваше существо, смогу просто сказать вам: «Друг, проснись!»

Однажды вечером миссис Мантони взяла такси. После того, как она проехала некоторое время, она вспомнила, что забыла свою сумочку, и у неё нет денег заплатить за проезд. Счётчик уже насчитывал 7.50\$.

— *Миста водитель, — воскликнула она. — вы лучше остановите. У меня нету денег платить вам!*

— *О, ничего страшного, — сказал таксист. — Я просто сверну на тёмную улицу, сяду назад рядом с вами, сниму ваши трусики...*

— *Миста, вы обмануться, — сказала итальянская леди. — Мои трусики стоят сорок девять центов!*

Пожалуйста, Дхарма Дас, исчезните, не становитесь между мной и вами. Позвольте быть контакту непосредственным, прямым, от сердца к сердцу, а не от ума к уму. Да, вначале это хорошо, это хорошо вначале, потому что нет никакого другого способа. Я должен говорить с вашим умом, я должен соблюдать ваш ум, но, когда он ослаблен, когда вы стали саньясином, тогда следует второй шаг: отложите ум в сторону — теперь позвольте мне установить прямой контакт с вашим сердцем.

И, в конце концов, даже ваше сердце должно быть отложено в сторону. Тогда вы не найдёте никакого отличия между мной и вами, тогда моё понимание просто будет вашим пониманием, без какой-либо передачи, без какого-либо общения, потому что тогда мы встретимся в центре. А ваш центр и мой центр неразличимы. Ваше тело отличается от моего, ваш ум меньше отличается от моего ума, чем ваше и моё тело. Ваше сердце ещё меньше отличается от моего сердца. Но ваше существо, ваше бытие и моё бытие то же самое, у них нет никаких отличий.

Если ученик готов отбросить ум, сердце, всё, что бы то ни было, тогда немедленно он становится Мастером, он достиг. Тогда больше нечему учиться, нечего больше знать, больше нечего переживать. Жизнь продолжается, как и раньше, но теперь больше нет никого внутри, чтобы страдать, грезить, быть в напряжении, никого больше нет, чтобы жить или умирать. Тогда человек существует в Боге и Бог существует в человеке.

Последний вопрос

Бхагван, я знаю, что подавление секса — это коренная причина всех неврозов, но тогда почему я продолжаю подавлять его?

Нараяна, вас научили это делать с самого начала. Это стало частью вас, вашей совестью, сознанием. Слушая меня сейчас, вы поняли, что подавление секса — коренная причина всех неврозов, но это понимание очень ново. То, что «секс — грязь», «секс — это грех», очень старо — этому может быть уже пятьдесят лет. А это понимание очень ново. Груз прошлого слишком велик.

Так что вы интеллектуально понимаете, что подавление секса — коренная причина всех неврозов, но глубоко внутри, даже в вашем теле, в вашей химии, с молоком матери, отравив ваш секс, проникла идея того, что секс — это грех. Это был настолько долгий гипноз, что понадобится время, чтобы вы пробудились от него, осознали его.

Для начала хорошо, что произошло интеллектуальное понимание, но оно только интеллектуальное — оно должно стать экзистенциальным, основанным на собственном опыте.

Мать наставляет жизни Синтию за день до свадьбы.

— *Боюсь, моя дорогая, что теперь Берти захочется частенько вести себя по-скотски с тобой после вашей свадьбы, — говорит она.*

Шокированная Синтия просто не может поверить в то, что её любимый Берти будет способен на такие вещи.

— *Да, так и будет, — настаивает мать. — И я хочу, чтобы ты помнила: когда бы он ни захотел вести себя по-скотски, стисни зубы, сожми кулаки и думай об Англии!*

Такие вещи даются каждому, и каждый несёт большой груз всякого рода чепухи. Секс естественный феномен — его нужно принять, с любовью, его нужно уважать. Он источник жизни. Не уважать его значит проявлять неуважение к жизни, не уважать его означает осуждение Бога. Уважайте его, любите его, относитесь к нему благоговейно, и однажды вы превзойдёте, трансцендентизируете. Но трансценденция не против секса: она через секс. Секс должен быть использован, как ступень. И когда вы использовали его, как ступень, будьте ему благодарны.

Если вы действительно хотите понять меня или Кабира, это должно быть основным принципом: жизнь нужно любить, потому что она божественна, нужно утверждать жизнь всем вашим существом, потому что в ней скрыт Бог. Бог — это другое имя жизни, другое имя любви. Жизнь должна стать вашим Богом — тогда всё, что бы *жизнь* ни предполагала, становится божественным.

Но для этого нужно будет время. Мало-помалу куски вашей старой обусловленности, ваших социальных рефлексов и установок должны быть отброшены. Если вы, Нараяна, можете оставаться здесь несколько месяцев, чудо возможно. Оно происходит с другими. Тысячи моих саньясинов начали принимать жизнь, принимая её не от безнадёжности, но от большой радости, со счастливым сердцем.

Я целиком за радость, и я всегда против, чрезвычайно против отречения. Я всегда за трансформацию, преобразование, и абсолютно против подавления. Если вы подавляете, вспомните Кабира: подавите секс, и он станет гневом; подавите гнев, и он станет жадностью; подавите жадность, и она станет гордостью... и так далее, тому подобное. Это будет продолжаться и продолжаться. И чем дальше вы уходите от природы, тем более сложным будет путешествие, тем труднее вернуться домой.

Подойдите ближе. Оставьте вашу гордость и позвольте ей стать жадностью, оставьте вашу жадность и позвольте ей стать гневом, оставьте ваш гнев и позвольте ему стать сексом. Секс — первоначальная энергия. И из секса возможна трансформация, потому что секс даёт вам первые проблески самадхи. Секс, прожитый тотально, секс, когда вы его всецело полюбили, впервые даст вам осознать моменты высшего, кульминации.

На этих освещённых солнцем вершинах царит величайший покой и тишина, эго сброшено далеко назад в низину, время исчезло где-то на подходе. Вы больше не отделены, вы больше не личность, не человек, а только пульсация присутствия. Секс даёт вам моменты таких переживаний, когда вы просто пульсируете в ритме с целым. Эта пульсация всё, чем и является оргазм, и оргазм — это окно в самадхи.

Нараяна, тому, что сейчас происходит интеллектуально, позвольте прозойти и экзистенциально. Только тогда долгая-долгая традиция веков будет сброшена. Это напряжённое усилие, это трудно, но это стоит того.

И когда куски вашей обусловленности социальными рефлексами начнут исчезать, вы ощутите такую огромную свободу, такую душевную энергию, такую подъёмную силу, вы почувствуете себя невесомыми, вы почувствуете, что крылья растут у вас за спиной. Вы почувствуете, что можете всё, вы ощутите, что вам дано право творить чудеса.

Да, так оно и есть: человек *предназначен* для того, чтобы творить чудеса. Но вначале нужно глубоко любить всё, чем вы являетесь, глубоко принимать все, что вы есть, без отрицания, без неприятия, без подавления. Ключом должна быть трансформация.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рыба в море не чувствует жажды	5
Предисловие	6
Введение	7

Глава 1

Но человек жаждет

Но человек жаждет	10
-------------------------	----

Глава 2

Чувство любви и чувство одиночества

Чувство любви и чувство одиночества	28
Первый вопрос	28
Второй вопрос	29
Третий вопрос	31
Четвёртый вопрос	36
Пятый вопрос	42
Последний вопрос	44

Глава 3

Отпечатки вашего внутреннего существа

Отпечатки вашего внутреннего существа	46
Первый вопрос	46
Второй вопрос	50
Третий вопрос	57

Глава 4
Проснись! Проснись!

Проснись! Проснись!	63
Проснись, друг! Проснись!	63

Глава 5
Живое поле Будды

Живое поле Будды	82
Первый вопрос	82
Второй вопрос	89
Третий вопрос	92

Глава 6
Безвременная нация саньясы

Безвременная нация саньясы	99
Первый вопрос	99
Вопрос второй	101
Третий вопрос	105
Четвёртый вопрос	109
Пятый вопрос	111
Шестой вопрос	113

Глава 7
Уже утро, лебедь, проснись!

Уже утро, лебедь, проснись!	118
-----------------------------------	-----

Глава 8
Время возвращения домой

Время возвращения домой	136
Первый вопрос	136
Второй вопрос	148
Последний вопрос	151

Глава 9
В поисках чудесного

В поисках чудесного	156
Первый вопрос	156
Второй вопрос	160
Третий вопрос	164
Четвёртый вопрос	165
Пятый вопрос	168
Шестой вопрос	170
Последний вопрос	171

Глава 10
Музыка, не извлечённая пальцами

Музыка, не извлечённая пальцами	174
---------------------------------------	-----

Глава 11
Парадокс, которым является жизнь

Парадокс, которым является жизнь	192
Первый вопрос	192
Второй вопрос	196
Третий вопрос	203
Четвёртый вопрос	205
Последний вопрос	207

Глава 12
Кто я?

Кто я?	211
Первый вопрос	211
Второй вопрос	212
Третий вопрос	215
Четвёртый вопрос	217
Последний вопрос	225

Глава 13

Очень немногие находят путь

Очень немногие находят путь 229

Глава 14

Жизнь — это песнь любви

Жизнь — это песнь любви 248
Первый вопрос 248
Второй вопрос 253
Третий вопрос 258
Последний вопрос 264

Глава 15

Исчезая, вы ощущаете такую большую свободу

Исчезая, вы ощущаете такую большую свободу 266
Первый вопрос 266
Второй вопрос 267
Третий вопрос 271
Четвёртый вопрос 272
Пятый вопрос 272
Шестой вопрос 273
Седьмой вопрос 277
Восьмой вопрос 278
Девятый вопрос 279
Последний вопрос 281

По вопросам
оптовых поставок обращаться:
г. Новосибирск,
тел. (8-3832) 204-219
Александр, Елена

